К. Д.
УШИНСКИЙ
СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАУК
РСФСР

К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Печатается по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 22 августа 1945 г.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Институт теории и истории педагогики

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*

*

Москва — Ленинград
1949

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

6

Родное слово

Книга для детей

год первый и второй

Родное слово

Книга для учащих

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

РСФСР

Составил и подготовил к печати
В. Я. Струминский

ОТ РЕДАКЦИИ

Содержанием настоящего, шестого, тома собрания сочинений К. Д. Ушинского являются: а) учебная книга «Родное слово», год 1-й и 2-й, б) «Руководство к преподаванию по «Родному слову» и в) ряд дополнительных материалов, облегчающих знакомство с этим замечательным памятником прогрессивной русской педагогики средины XIX в.

«Родное слово» — общепризнанная классическая учебная книга русской дореволюционной начальной школы. Первое её издание вышло в 1864 г., и с тех пор книга, непрерывно переиздаваемая по несколько раз в год, употреблялась в русской народной школе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на настойчивые попытки Министерства просвещения изъять её из употребления и несмотря, равным образом, на десятки других опытов по созданию учебника начальной русской школы.

«Родное слово» разошлось в миллионах экземпляров по русским школам, и миллионы учившихся по нему русских детей на всю жизнь сохраняли трогательную память об этой, первой ими прочитанной книге и об её составителе. «Тот, кто учился в детстве по «Родному слову», — ещё так недавно вспоминал об этом советский поэт и детский писатель С. Я. Маршак, — навсегда связал в своей памяти народную присказку про ленивого Тита, которого зовут молотить, страшную

сказку про медведя на липовой ноге и даже стихи Аксакова «Прямая дорога, большая дорога» с привычным милым именем Ушинского, с памятным портретом серьёзного, темноглазого и темнобородого учителя на обложке книги». Едва ли в других странах были книги, столь же популярные в массах детского населения, как книга Ушинского «Родное слово» в России.

По общему признанию, именно «Родное слово» Ушинского вместе с «Руководством» к нему произвело переворот в работе начальной русской школы второй половины XIX в. Прогрессивная часть учительства приветствовала в книге новый метод работы с учениками начальной школы и новое, реальное содержание. Однакоже педагоги-реакционеры с самого начала были и смущены, и возмущены тем шагом вперёд, который делала книга Ушинского. Поэтому уже через несколько лет после её появления и распространения и книга, и автор подверглись ожесточенной травле. Ушинского обвиняли в том, что он чрезмерно упрощает и методически облегчает ученье, вульгаризирует его содержание; доказывали, что его «легкомысленная» и «пустая по содержанию» книга недостойна русской школы, что для народа русского нужно ученье серьёзное, содержательное, далёкое от обычных предметов житейского обихода. Характер весьма сильного обвинения получило всё чаще повторявшееся настойчивое указание на то, что, обильно внося в ученье реальный элемент в виде сведений и рассказов о животных, растениях, неодушевленных предметах природы, делая предметом ученья не молитвы, а произведения народной словесности, стихи и басни, книга разрушает религиозные верования детей, в то время как в старой школе дети читали молитвы на старославянском языке, богослужебные книги, религиозные поучения и таким образом внимание детей переносилось в иной мир.

Упрёк, что Ушинский в «Родном слове» игнорировал религиозный элемент, был, конечно, неправилен.

Не говоря уже о том, что сам Ушинский далеко ещё не изжил своих религиозных верований, в «Родном слове» он оставил место и для религии в виде библейских рассказов о патриархальной жизни еврейского народа, в форме лирических описаний пасхальных и рождественских праздников, так тесно связанных с религиозными верованиями и в то же время вошедших в быт народа. Но центральной частью его книги все же оставалась задача умственного и нравственного развития детей на доступном и понятном для них материале реальной жизни, жизни природы и общества. Несомненно, что именно это содержание выводило школу на новую дорогу, отвечавшую той стадии капиталистического развития, в которую вступала русская жизнь и к которой положительно относился Ушинский. Талантливая книга Ушинского была прогрессивным явлением в русской педагогике, и введение ее в школу содействовало продвижению народа на новом пути его социально-экономической жизни. Добиваясь восстановления старой религиозно-церковной школы, реакционные педагоги в первую очередь направили своё оружие против «Родного слова» как книги, которая стояла камнем преткновения на их пути.

Переиздавая книгу Ушинского, редакция устранила из неё: а) ряд религиозных иллюстраций к библейским рассказам и церковным праздникам, а также ряд религиозных статей (исключенные статьи указаны в оглавлениях звездочкой, небольшие же отрывки отмечаются в тексте знаком....), б) прибавление в конце книги в виде молитв и церковно-славянских текстов для чтения. Всё остальное содержание книги сохранено в том виде, как оно было обработано Ушинским в установившихся уже с конца 60-х годов изданиях его книги. Текст и прописи «Родного слова» в данном издании печатаются по новой орфографии.

Само собой понятно, что как бы ни была талантливой и содержательной книга, имеющая почти столетнюю давность, для нашего времени она является уже устаревшей. Это не изменяет, однакоже, того поло-

жения, что книга эта является лучшим памятником педагогической литературы средины XIX в. Как учебное руководство, в котором разработаны первые шаги элементарного обучения ребёнка в школе и дома, книга Ушинского с педагогической точки зрения на долгое время сохранит свою поучительность и значимость. Недаром ещё П. Ф. Каптерёв заметил о «Руководстве» Ушинского к «Родному слову», что оно представляет собой «краткий элементарный педагогический катехизис».

В приложениях к настоящему тому собран справочный материал, показывающий, как пользовались «Родным словом» в начальных школах, как эта книга была встречена передовой педагогикой в печати и какую травлю подняли против неё реакционные педагоги, тщетно добивавшиеся изъятия её из школы.

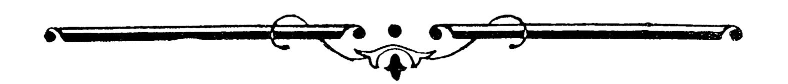

Родное слово

для
детей младшего возраста

Год 1-й

Азбука и первая после азбуки книга
для чтения

ОТЛАВЛЕНИЕ

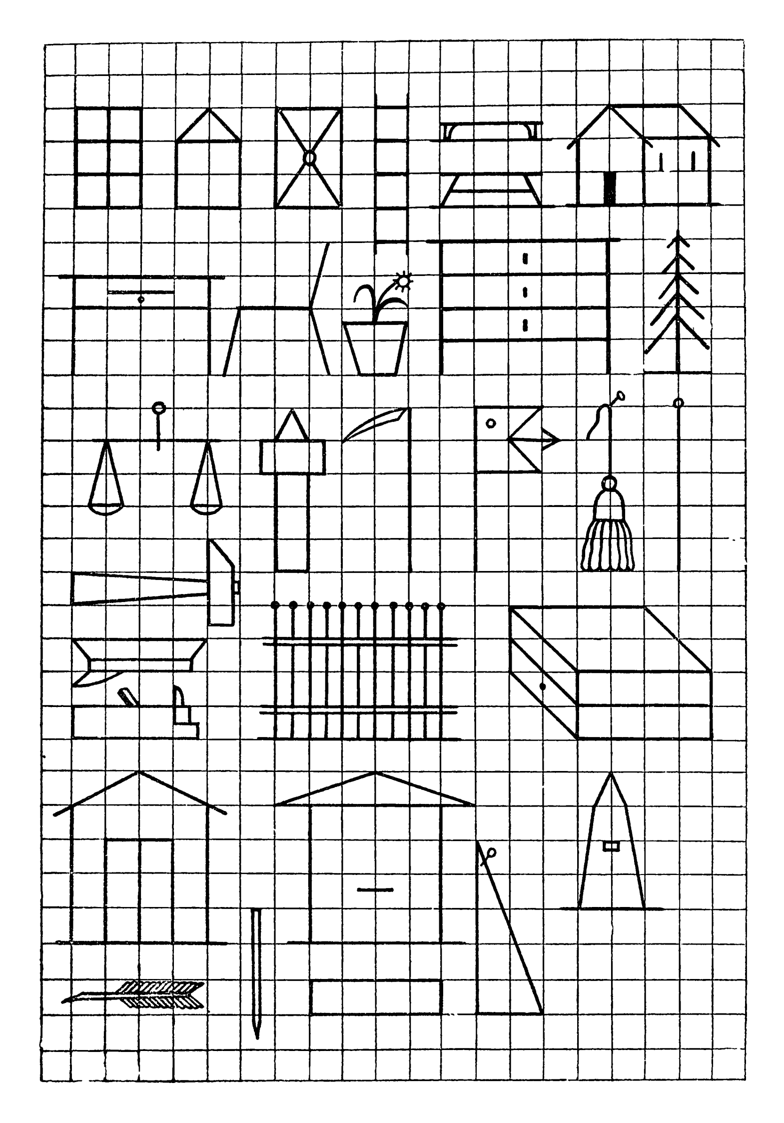
первого года

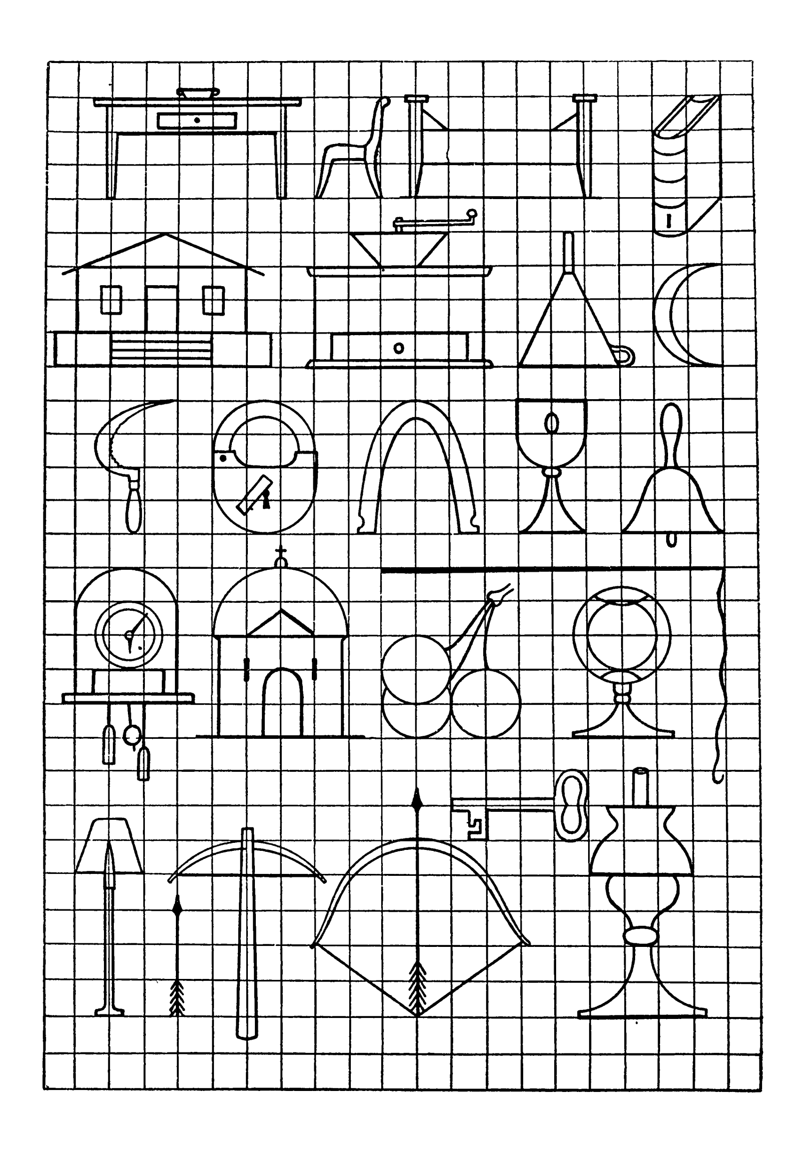
РОДНОГО СЛОВА*.

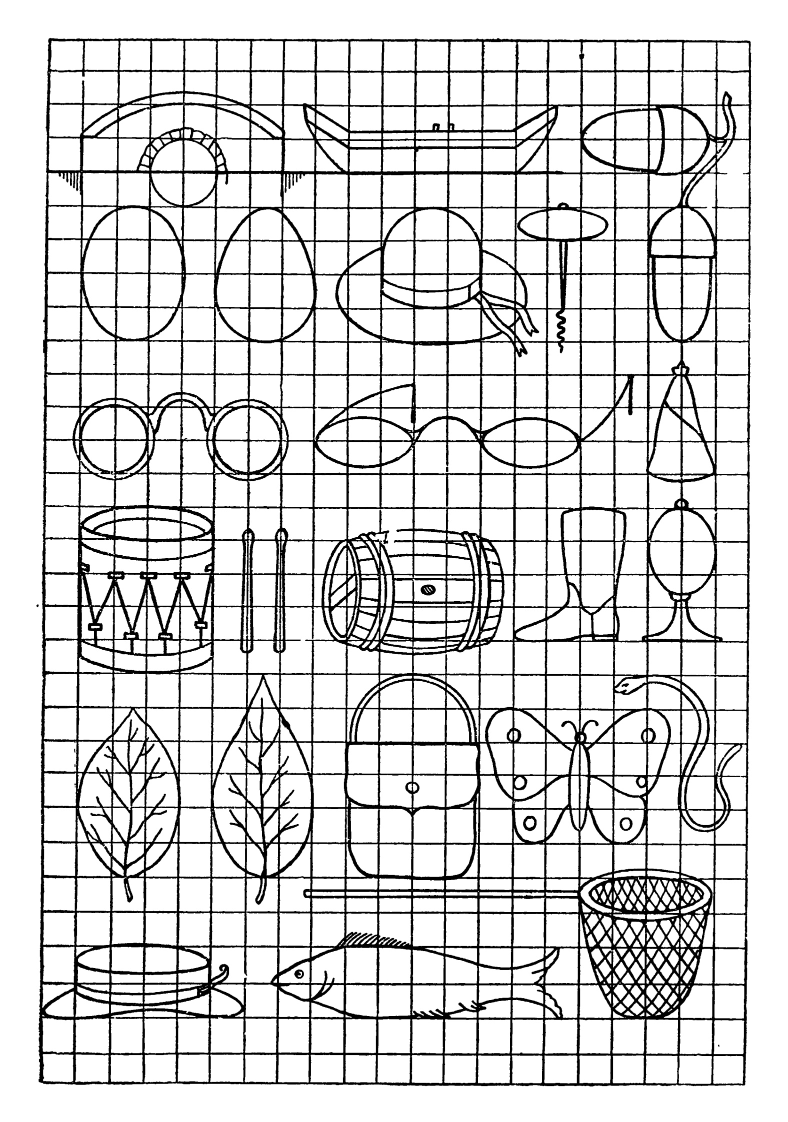

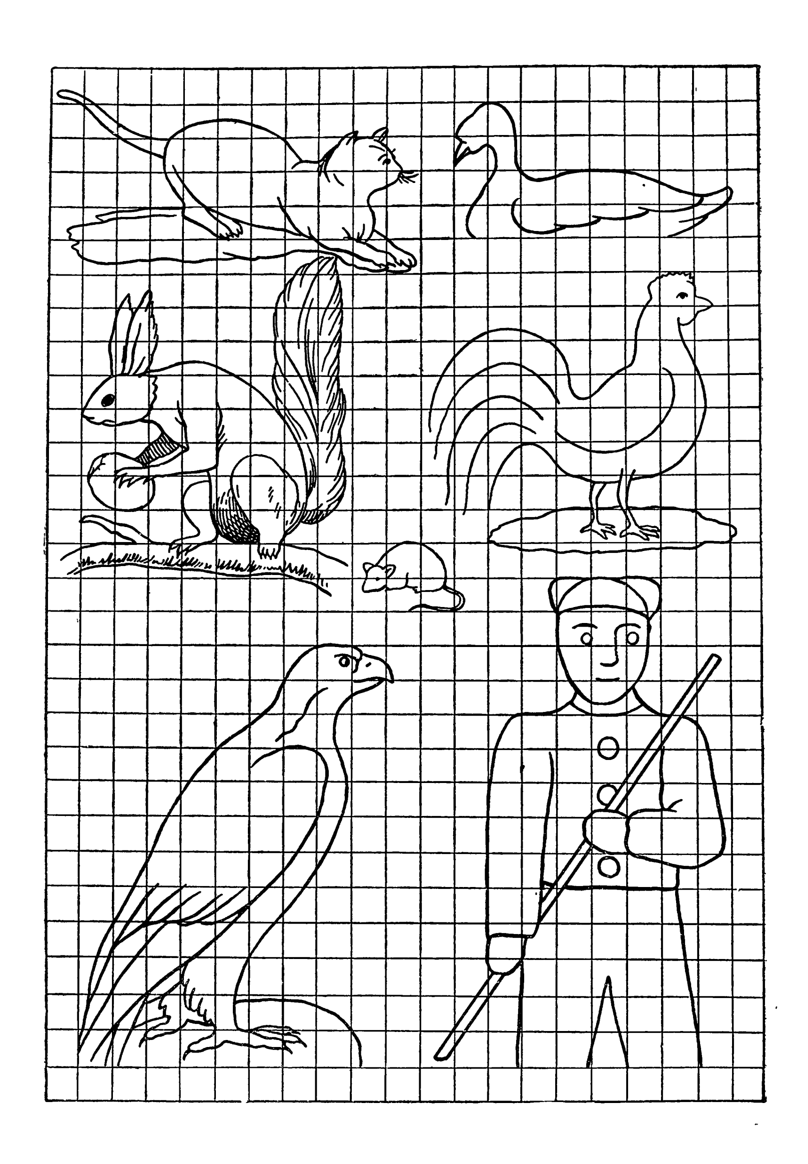
* Все неподписанные в оглавлении статейки принадлежат составителю, который покорнейше просит не перепечатывать их в издания, имеющие одно назначение с «Родным словом».

Письменная азбука

ииии шшш гггг

оооооооооо

ииии, оооо, аааа, ееее,

уууу, юююю, яяяя, ыыыы,

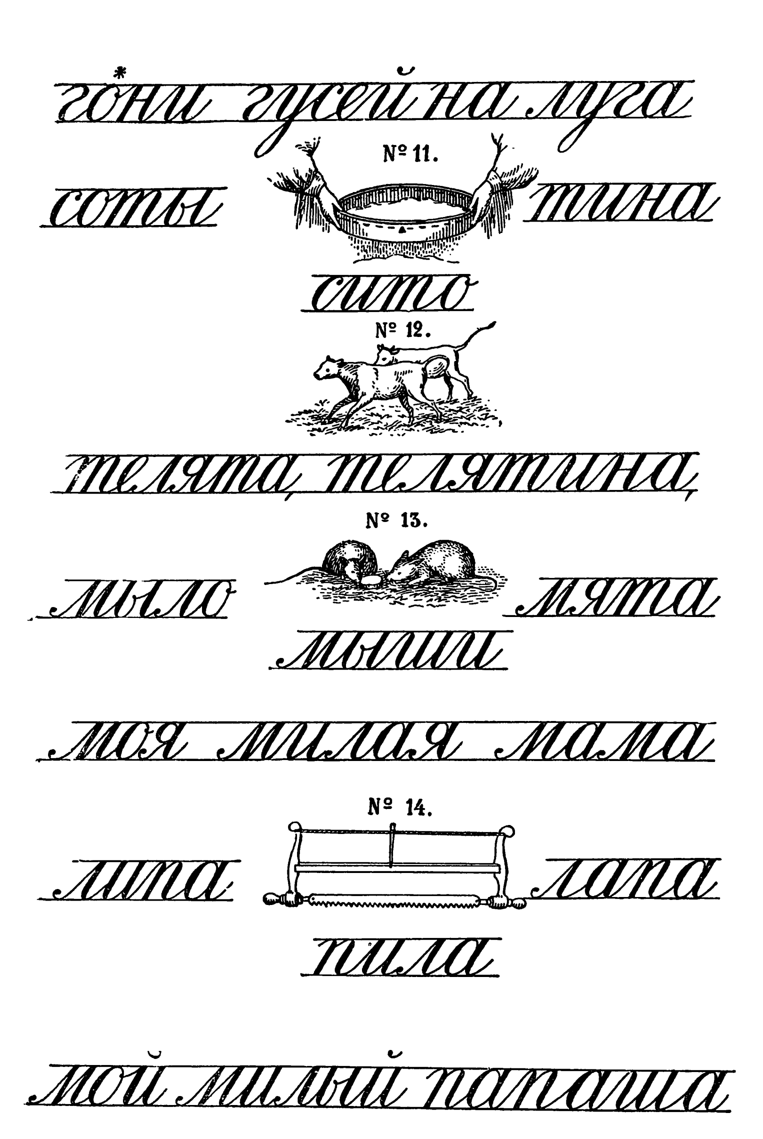
ая, ея, ыя, оя, яя, аю,

ею, ою, ыю, её, аи, ай,

ей, ой,

№ 1.
оси
усы
осы
у осы* усы
№ 2.
№ 3.
№ 4.
ели
ива
уши
лей, вой, шей,
шея,

№ 5
№ 6.
улей
№ 7.
няня
№ 8.
сани
волы
вино
село
Саша не шали
№ 9
ноги
луга
гуси
№ 10.
сиги
гаси
волы на лугу

гони гусей на луга
№ 11.
соты
тина
сито
№ 12.
телята, телятина,
№ 13.
мыло
мята
мыши
моя милая мама
№ 14.
липа
лапа
пила
мой милый папаша

пиво, полова, солома,

№ 15.

дядя дыня

дуга

Няня дай ему воды.

№ 16.

Садовая ягода.

Сено, а на сене вилы.

У моего деда седые во-
лосы. Мои милые дети.

№17. №18.

цепы и цепи

лицо яйцо

№ 19.

цеп и цепь

ель, я ел, гусь, вол.

Наши дети сели и съели ягоды. Он льёт воду, а лошадь пьёт.

№ 20.

воз

заяц

зима

Нам сани давай зимою, а летом телегу.

№ 21.

ель, мель, шмель, ел, сел,

смел, есть, сесть, съесть,

есть, лесть, плесть, сплесть,

№ 22.

река горы

роза

На горе в лесу птицы

рано сегодня запели.

№ 23.

рука река

рак

Красит рака горе!

Крот роется в земле.

№ 24.

рыть, крыть, скрыть,

вскрыть, река вскрылася,

№ 25.

хрен хвост

ухо

От радости хмелем ку-

дри вьются. Не хвастай!

№ 26.

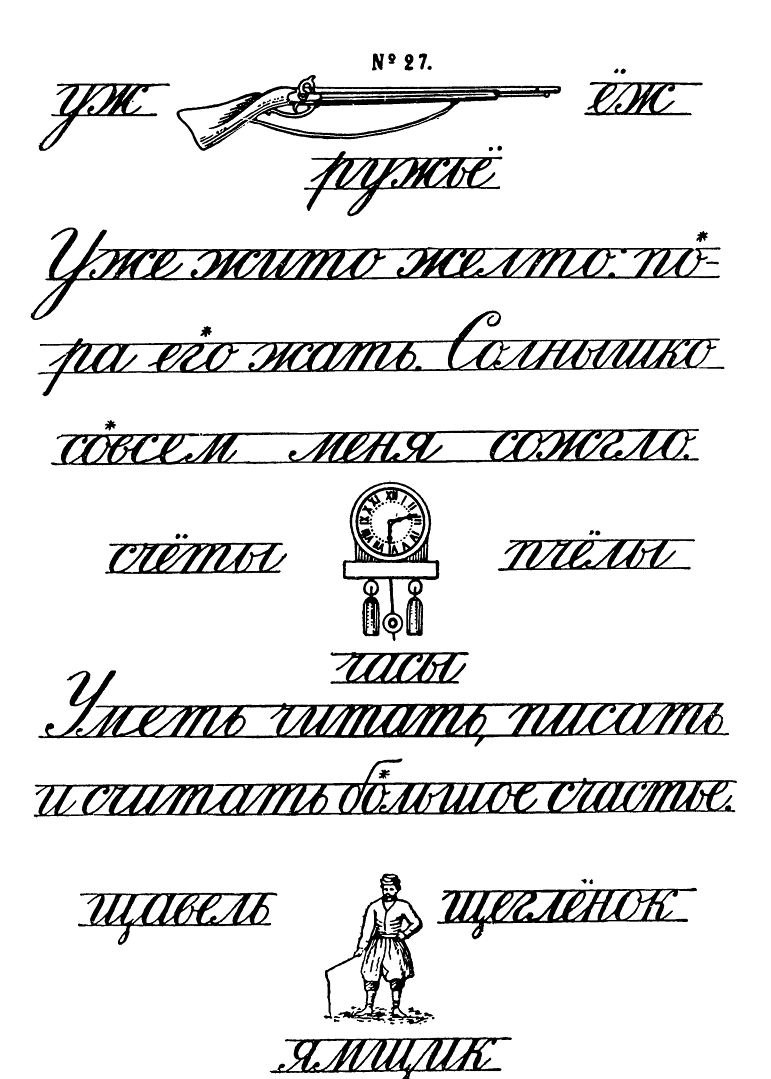
шуба зубы

На крыше труба.

Зубы береги: беззубому

брат, плохо. Не бранись!

№ 27.

уж
ёж
ружьё
Уже жито желто: пора его жать. Солнышко совсем меня сожгло.
счёты
пчёлы
часы
Уметь читать, писать и считать большое счастье.
щавель
щеглёнок
ямщик

фонарь фартук

филин

Кафтаны зелёны, а щи не солёны. Напишите эту букву. Эхо. Лилия. Линия. Люди живут в мире, да не в мире. Алмаз алмазом режется.

В России две столицы:

*Санктпетербург и Мо*с=*
*ква. Киев сто*ит при*
*Днепре, а *Одесса при*
Чёрном море. Тверь. Ту=
ла. Екатерина. Феодор.

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд,

Ее, Жж, Зз, Ии, Іі,

Кк, Лл, Мм, Нн, Оо,

Пп, Рр, Сс, Тт, Уу,

Фф, Хх, Цц, Чч, Шш,

Щщ, Ъъ, Ыы, Ьь, Ѣѣ,

Ээ, Юю, Яя, Ѳѳ.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0.

10, 17, 35, 48, 52, 69, 72, 85, 99, 100.

Аа Бб Вв Гг Дд

Ее Жж Зз Ии Іі

Кк Лл Мм Нн Оо

Пп Рр Сс Тт Уу

Фф Хх Цц Чч Шш

Щщ Ъъ Ыы Ьь Ѣѣ

Ээ Юю Яя Ѳѳ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0

10, 17, 35, 48, 52, 69, 72, 85, 99, 100

и о а е у ю я ы

и о а е у ю я ы

о а и   я а и   е у ю
ы ю я   о ю у   ы я ю
е у   ы е   о и

Отыскать известные уже буквы в следующих словах:

уж, кот, пол, конь, сон, мак, рак, сад, сиг, чиж, день, дуб, зуб, мышь, дым, луг, пыль, тын, яд, яма, шуба, огонь, люблю, пилю, сила, вилы

аи ай ею аю ея   ея оя ей ой еи
ая ыя ою ей оя   аю ею ою яя её
ыю ои яя ой ей   ои ыя аи ай ея
её   ый

осы, оси   усы, оса

у осы усы

Ели, ива, уши; лей, вой, шей, шея.

Улей, няня, сани, волы, вино, село.

Саша, не шали.

Няня, налей вина.

Саша и Сеня вывели вола на ниву.

Гуси, ноги, луга, сиги, гаси, волы на лугу.

Гони гусей на луга.

Соня гуляла на лугу.

Сито, соты, тина, телята, телятина.

Саша, не шали и не шути.

Тяните тоню и вытяните сига.

Мыши, мята, мыло, мило, милый, милая.

Моя милая мама.

У меня мало соломы.

Пила, лапа, липа, папа, папаша.
Мой милый папаша.
Пиво, голова, солома.
Налей ему супу.
Сеня, пе шали папашиною пилою.

Дуга, дядя, дыня, вода, сады, ягоды.
Няня, дай ему воды.
На лошади дуга новая.

Сено, лето, дети, дело.
Сено, а на сепе вилы.
У моего деда седые волосы.
Мои милые дети.

Цепы и цепи, лицо и яйцо, цена, целый, целая.
Мама дала Саше целое яйцо.
У Маши оса на лице.

Цеп и цепь; ель, я ел; гусь, вол, пол, соль, мышь, луг, сиг, я вёл, я сел, я лёг.

Медь, мёд. Он сел и съел мёд.

Письмо.

Наши дети сели и съели ягоды.

Он льёт воду, а лошадь пьёт.

Мой дед ведёт волов.

Я могу написать мамаше письмо.

В супе нет соли: посоли его.

Заяц, зима, воз, лоза.

Нам сани давай зимой, а летом телегу.

Я зазевался на лошадей и упал.

Ель, мель, шмель; ел, сел, смел; есть, сесть, съесть; есть, лесть, плесть, сплесть.

Роза, репы, горы, воры, море, сор, пар.

На горе в лесу птицы рано сегодня запели.

Няня вымела сор и нашла в нём три гроша.

Рак, река, рука; рот, кот, крот; рыть, крыть, скрыть, вскрыть, раскрыть, покрыть.

Красит рака горе.

Крот роется в земле.

Весною река рано вскрылася.

Рукавицы у него за поясом.

Своего гнезда кукушка не вьёт.

Ухо, хвост, хрен, хмель, уха.

От радости хмелем кудри вьются; от горя секутся.

Не хвастай силой, не хвались и умом.

Тхор-вор перевёл кур.

Шуба, зубы, дуб, брат, береги.

На крыше труба.

Зубы береги: беззубому, брат, плохо.

Добро серебро, да и золото хорошо.

Уж, ёж, ружьё, кожа, жито, железо.

Уже жито жёлто; пора его жать.

Солнце совсем меня сожгло.

Желтей жёлта золота.

Сожжённое солнцем поле.

Лампу зажги: не видно ни зги.

Часы, час, чан, чёт и нечет, счёт, счёты, пчёлы.

Уметь читать, писать и считать — большое счастье.

Денежки счёт любят.

Вода в ключе очень холодна.

Чьи это ключи? Мамашины, от кладовой.

Ямщик, щавель, щеглёнок, щи, тащи, щука, роща.

Тащи-ка на стол щи.

Щеглёнок пищит в когтях у кошки.

Филин, фонарь, фартук, фрак, кафтан.

Кафтаны зелёны, а щи не солёны.

У филина глаза зорки, когти остры и нос крючком.

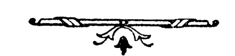
Эхо, этот, эти.

Напишите эту букву.

Эта буква то же, что ѣ и е.

Линия, лилия, пион, синий кафтан.

Люди живут в мире, да не в мире.

РОДНОЕ СЛОВО

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

АЗБУКА И ПЕРВАЯ ПОСЛѢ АЗБУКИ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

СЪ ПРОПИСЯМИ, ОБРАЗЦАМИ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РИСОВКИ И КАРТИНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

(Способъ преподаванія по «Родному Слову» объясненъ въ особой книгѣ *для учащихъ*, подъ тѣмъ же заглавіемъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РОГАЛЬСКАГО И К°

1864.

Титульный лист 1-го издания «Родного слова»

РОДНОЕ СЛОВО.

(Первая послѣ азбуки книга для чтенія).

№ 1. *Учебныя вещи и игрушки.

Учебныя вещи: книга, доска, тетрадь, перо, грифель, карандашъ, чернильница, линейка.

Игрушки: мячикъ, волчокъ, кукла, кегли.

**Мячикъ. Перо. Линейка. Кукла. Книга. Волчокъ. Доска. Кегли. Грифель. Карандашъ. Чернильница.*

*Грамотѣ учиться — впередъ пригодится.

---

* Звѣздочка показываетъ необходимость справиться въ «Книгѣ для учащихъ» о значеніи стоящаго подъ звѣздочкою упражненія; безъ чего многія упражненія не будутъ понятны.

Первая страница «Первой книги для чтения»

Родное слово

(Первая после азбуки книга для чтения).

№ 1.* Учебные вещи и игрушки.

Учебные вещи: книга, доска, тетрадь, перо, грифель, карандаш, чернильница, линейка.

Игрушки: мячик, волчок, кукла, кегли.

* *Мячик. Перо. Линейка. Кукла. Книга. Волчок. Доска. Кегли. Грифель. Карандаш. Чернильница.*

* Грамоте учиться — вперёд пригодится.

* З а г а д к а. Срежу голову, выну сердечко, дам пить — будет говорить.

Петушок.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка.
Что ты рано встаёшь,
Что ты громко поёшь,
Ване спать не даёшь?

---

* Звездочка показывает необходимость справиться в «Книге для учащих» о значении стоящего под звездочкой упражнения, без чего многие упражнения не будут понятны.

Вместе тесно, а врозь скучно.

Говорит брат сестре: «не тронь моего волчка». Отвечает сестра брату: «а ты не тронь моих кукол». Дети расселись по разным углам; но скоро им обоим стало скучно.

Отчего детям стало скучно?

№ 2. Мебель и посуда.

Мебель: стол, стул, кресло, диван, кровать, колыбель, комод, скамья.

Посуда: тарелка, чашка, стакан, блюдо, горшок, котёл, кувшин, кастрюля, самовар.

Блюдо. Кровать. Кувшин. Кастрюля. Кукла. Котёл. Стол. Книга. Горшок. Кресло. Чашка. Комод. Диван. Тарелка. Волчок. Стакан. Перо. Колыбель.

Горшок котлу не товарищ. — Кресло старому, — колыбель малому.

Золотое яичко.

Жили себе дед да баба,
И была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко:

Яичко не простое,
Золотое.
Дед бил, бил —
Не разбил;
Баба била, била —
Не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула:
Яичко упало
И разбилось.
Дед и баба плачут;
Курочка кудахчет:
« — Не плачь, дед, не плачь, баба.
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое — простое».

*З а г а д к а. В небо дыра, в землю дыра, посредине огонь да вода.

---

* О значении подобных картинок справиться в «Книге *для учащих*».

№ 3. Кушанья и напитки.

Кушанья: щи, каша, суп, уха, пирог, жаркое, кулебяка, кисель.

Напитки: вода, квас, чай, кофе, молоко, пиво, вино.

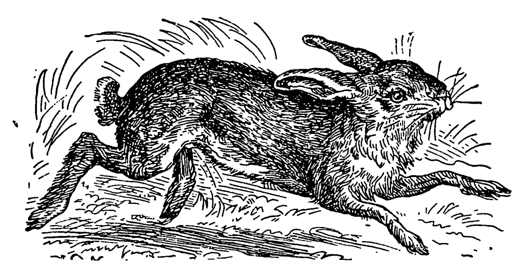
Вода. Каша. Грифель. Вино. Чай. Пирог. Молоко. Уха. Суп. Пиво. Квас. Графин. Кофе. Чашка. Жаркое. Диван. Кулебяка. Мячик. Кисель. Вино.

Тюшки-тетёшки!
Овсяные лепёшки!
Пшеничный пирожок,
На опарушке мешён,
Высокохонько взошёл.

Благодарим покорно за хлеб, за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу. — Где кисель, тут и сел; где пирог, тут и лёг. — Без блина не масленица, без пирога не именинник.

Догадливый татарин.

Видел татарин во сне кисель, да ложки не было: лёг спать с ложкой, — киселя не видал.

Зайчик.

Заинька, по сеничкам
Гуляй, таки гуляй!
Серенький по новеньким

Гуляй, погуляй!
Некуда заиньке
Выскочити!
Некуда серому
Выпрыгнути!
Заинька, поскачешь,
Выскочишь;
Серенький, попляшешь,
Выпустят!

№ 4. Платье, обувь и бельё.

Платье: шапка, кафтан, пояс, сюртук, фрак, шинель, шуба, салоп, чепчик, шляпка, сарафан.

Обувь: сапоги, башмаки, лапти, калоши, валенки.

Бельё: рубаха, простыня, наволока, полотенце, чулки, скатерть, салфетка.

Сюртук. Простыня. Башмаки. Тетрадь. Шуба. Шапка. Салоп. Лапти. Наволока. Рубаха. Пирог. Чулки. Карандаш. Горшок. Кафтан.

Без лапотника не было бы бархатника. — За сохой в сапогах, по селу в лаптях, в церковь босой.

З а г а д к а. Хожу на голове, хотя и на ногах.

Репка.

Посадил дед репку — выросла большая, пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

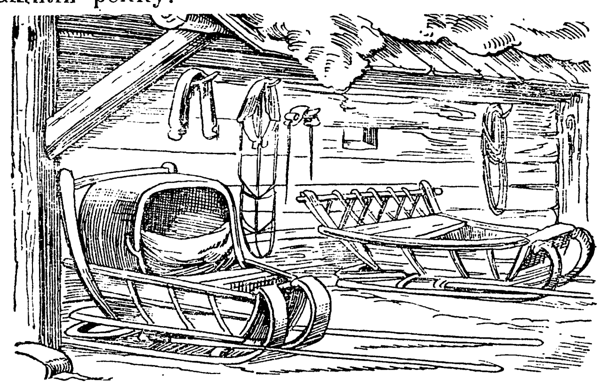
Позвал дед на помощь бабку. Бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

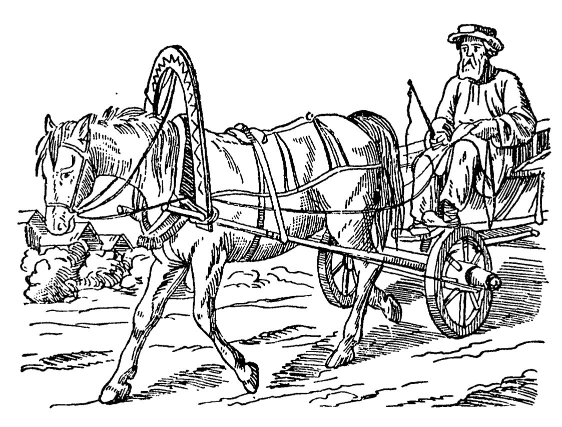
Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут — вытащили репку!

№ 5. Орудия и сбруя.

Орудия: соха, плуг, борона, коса, серп, цеп, грабли, топор, пила, долото, молоток, шило, игла, ножницы, нож.

Сбруя: узда, шлея, хомут, дуга, возжи, подпруга, чересседельник.

Шило. Нож. Грабли. Сапоги. Узда. Пила. Хомут. Вода. Дуга. Ножницы. Подпруга. Топор. Седло. Чересседельник. Молоток. Серп. Пояс. Горшок. Котёл. Цеп. Борона.

Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят. — Без топора не плотник, без иглы не портной. — На таком ноже хоть верхом, да вскачь.

Готово! Кони на кòзлах, хомуты на кучерах!

З а г а д к и. 1. Летят гуськи, дубовы носки, летят говорят: «то-то мы, то-то мы». — 2. Травы поем, зубы вытуплю; песку хвачу, опять наточу. — 3. Два кольца, два конца, а посредине гвоздик.

Лошадь и соха.

Говорит лошадь сохе: «надоело мне тебя таскать!» Отвечает соха лошади: «а мне надоело тебя кормить».

Хоровод.

Чижик-пыжик у ворот,
Воробышек маленький!
Ах, братцы, мало нас;
Голубчики, немножко!

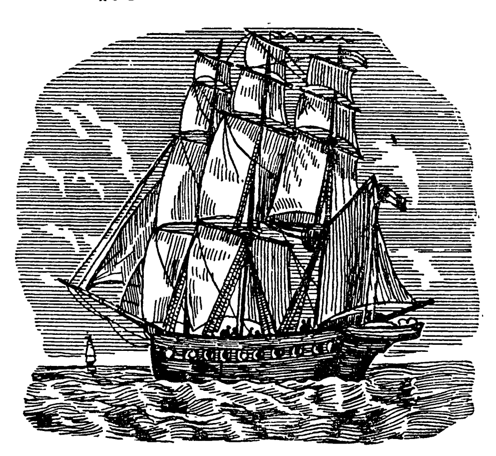
В хороводе людей мало,
Веселиться не с кем стало.
Ах, братцы, мало нас;
Голубчики, немножко!
Максим, сударь, поди к нам,
Егорович, приступись!
Ах, братцы, мало нас;
Голубчики, немножко!

№ 6. Здания, суда и экипажи.

Здания: церковь, дворец, школа, дом, изба, сарай, конюшня, амбар, гумно, мельница.

Суда: корабль, пароход, шлюпка, барка, лодка.

Экипажи: карета, коляска, дрожки, кибитка, сани, телега, вагон, фура.

Корабль. Церковь. Изба. Шило. Сани. Сарафан. Телега. Розвальни. Лодка. Дворец. Мельница. Коляска. Гумно. Скамейка. Линейка. Чулки. Барка. Вино. Школа. Мяч. Нож.

Тяп да ляп — не выйдег корабль. Без четырёх углов дом не строится.

Загадка. Два братца спереди бегут; два братца сзади догоняют.

* Сбил, сколотил — вот колесо! Сел да поехал; ах, хорошо! Оглянулся назад — одни спицы лежат.

Теремок мышки.

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норушка: «терем-теремок! кто в тебе живёт?» Никто не отзывается. Вот мышка стала жить да поживать в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка: «терем-теремок! кто в тереме живёт?» — Я, мышка-норушка; а ты кто? — «А я лягушка-квакушка». — Ступай ко мне жить.

Прыгнула лягушка в теремок, и стали с мышкою вдвоём жить.

Прибежал заяц: «терем-теремок! кто в тебе живёт?» — Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка; а ты кто? — «А я на-горе-увёртыш». — Ступай к нам.

Стали жить втроём.

Прибежала лисичка-сестричка: «терем-теремок! кто в тереме живёт?» — Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на-горе-увёртыш; а ты кто? — «А я везде-поскокиш». — Иди к нам.

Стали четверо жить.

Пришёл волк: «терем-теремок! кто в тереме живёт?» — Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на-горе-увёртыш, везде-поскокиш; а ты кто? — «А я из-за-кустов-хватыш». — Иди к нам.

Стали пятеро жить.

Вот приходит медведь: «терем-теремок! кто в тереме живёт?» — Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на-горе-увёртыш, везде-поскокиш, из-за-кустов-хватыш; а ты кто? — «А я всех-вас-давиш!»

Сел медведь на лошадиную голову и раздавил всех.

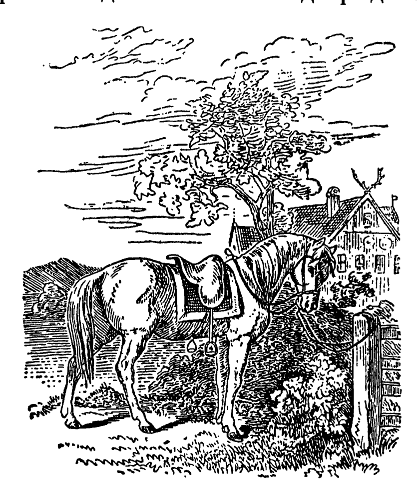
№ 7. Домашние животные и дикие звери.

Домашние животные: лошадь, корова, бык, вол, коза, козёл, овца, баран, свинья, кабан, кот, кошка, собака, верблюд.

Дикие звери: волк, медведь, лисица, тхор, белка, заяц, лев, тигр.

Волк. Вол. Вилы. Корова. Медведь. Овца. Телега. Лошадь. Узда. Кошка. Волчок. Собака. Молоко. Свинья. Жаркое. Тхор. Конюшня. Заяц.

Корова на дворе, харч на столе. — Была бы свинка, будет и щетинка. — Рогатой скотины — вилы да грабли; хорошей одёжи — мешок да рядно.

Храбрая собака.

— Собака, что лаешь? — «Волков пугаю». — Собака, что хвост поджала? — «Волков боюсь».

Бурёнушка.

Уж как я-ль мою коровушку люблю!
Уж как я-ль-то ей крапивушки нажну!
Кушай вволюшку, коровушка моя;
Ешь ты досыта, бурёнушка моя!
Уж как я-ль мою коровушку люблю!
Сытна пóйла коровушке налью;
Чтоб сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочек бурёнушка дала.

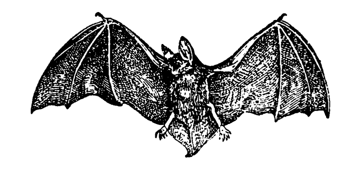
№ 8. Животные четвероногие и птицы.

Животные четвероногие: лошадь, волк, медведь, баран, свинья, крыса, белка, ёж, куница, кожан, лев.

Птицы: орёл, коршун, тетерев, сорока, кукушка, ласточка, курица, воробей, филин, кулик.

Утка. Крыса. Кресло. Белка. Волк. Медведь. Ласточка. Сова. Сани. Филин. Лев. Орёл. Соха. Тетерев. Курица. Кожан. Кулик. Крот. Кот. Чайник. Кофе.

Конь о четырёх ногах, да спотыкается. — Кулик не велик, а всё-таки птица. — Кудахчет курочка, знать, яичко снесла. * Рак не рыба, кожан не птица. — Угостили так, что только птичьего молока не было.

Других не суди, на себя погляди.

Пришла свинья к коню и говорит: «и ноги-де кривы, и шерсть не гладка».

Кулик.

— Кулик! где живёшь? — «На болоте». — Иди к нам в поле. — «Не пойду: там сухо».

Жил-был журавль да овца,
Накосили они стожок сенца;
Не сказать ли сказку с конца?

Загадка. В беленькой бочечке два розные пива.

Козлик.

Жил-был у бабушки
Серенький козлик.

Вот как! Вот как!
Серенький козлик!

Бабушка козлика
Очень любила.

Вот как! Вот как!
Очень любила!

Вздумалось козлику
В лес погуляти.

Вот как! Вот как!
В лес погуляти!

Напали на козлика
Серые волки.

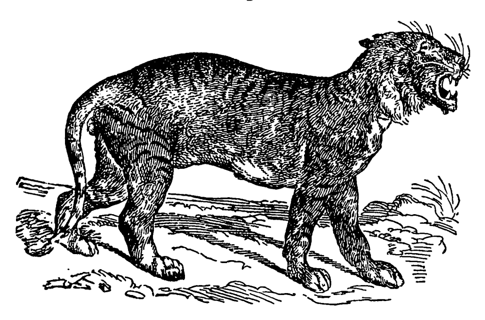
Вот как! Вот как!
Серые волки!

Оставили бабушке
Рожки да ножки.

Вот как! Вот как!
Рожки да ножки.

№ 9. Животные травоядные и плотоядные.

* **Кто ест траву?** Коровы, лошади, овцы, козы, зайцы, кролики, олени, верблюды, слоны.

Кто ест мясо? Кошки, собаки, волки, тхоры, лисицы, львы, тигры.

Волки. Лошади. Столы. Сапоги. Овцы. Тигры. Бараны. Лисицы. Ножи. Собаки. Зайцы. Книги. Барсы. Козы. Олени. Чашки. Куры. Верблюды. Рукавицы.

Сказала волку лиса: «не хочешь ли, кум, сенца?» — Тхор-вор перевёл кур. — Не торопись, коза, в лес: все волки твои будут. — У кумушки-лисы зубки востры. — Повадился козёл кору глодать: как бы ему рогов не сломать.

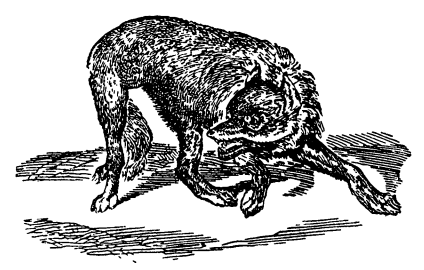
Лиса и кролик.

Сказала лиса кролику: «Зачем ты, кролик, роешь такие узкие норы?» — «Затем, чтобы ты, лисанька, не пришла ко мне в гости» — отвечал кролик.

Старик и волк.

Жил старичок со старушкою; была у них кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Проведал волк, что у старика скотинки много, прибежал и говорит: «старик, отдай мне старуху». Старику жаль отдать старушку: отдал вместо нее кошечку-судомоечку. Волк съел кошечку и на другой день опять идёт: «подавай старуху!». Жаль ста-

рику старушки: отдал он за нее собачку-пустолаечку. Съел волк собачку и опять бредёт: «подавай старуху!» Жаль старику старушки: отдал он за неё овечку,

а потом и корозушку. Перешёл старик на житьё в другую деревню, а старушки своей всё-таки не отдал, и живут-себе да поживают, да опять добра наживают.

№ 10. Птицы домашние, хищные и певчие.

Домашние птицы: куры, утки, гуси, индейки, голуби.

Певчие птицы: соловьи, канарейки, малиновки, чижики, щеглята, жаворонки, дрозды, ласточки, овсянки, кукушки.

Хищные птицы: орлы, коршуны, ястреба, кобчики, совы, филины.

Орлы. Соловьи. Индейки. Куры. Мыши. Утки. Топоры. Жаворонки. Совы. Кошки. Голуби. Башмаки. Дрозды. Овсянки. Пояса. Коршуны. Канарейки. Кролики. Щеглята.

Два ворона.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где-б нам пообедать?
Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ:
«Будет нам готов обед!
«В чистом поле, под ракитой,
«Богатырь лежит убитый».

Кобчик птичка не величка, да ноготок у ней востёр. — Ласточка день начинает, соловей кончает. — Овсянке на радость кукушка яичко снесла.

Сорока.

Сорока-белобока
На порог скакала,
Гостей поджидала,
Кашу варила,
Деток кормила.

Загадка. Шитовило-ботовило по-немецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, съисподу бело полотенце.

Два петушка.

Два молодые петушка подрались, и один победил. Побежденный забился под сарай, а победитель взле-

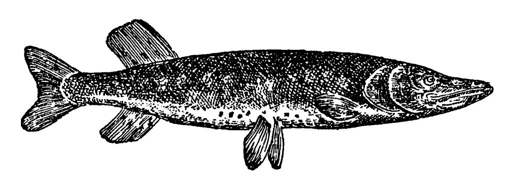
тел на крышу и заорал во всё горло: ку-ку-реку! Откуда ни возьмись ястреб: схватил крикуна и унёс к себе на ужин.

Лебедь и сокол.

Как по морю,
Как по морю, морю синему
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми,
Со малыми, со детятами.
Плывши, лебедь встрепенулася,
Под ней вода всколыхнулася.
Отколь взялся тут ясен сокол,
Ушиб-убил лебедь белую;
Он пух пустил по поднебесью,
А пёрушки по синю морю.

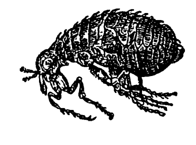
№ 11. Рыбы, гады * и насекомые.

Рыбы: окуни, караси, щуки, сельди, плотки, стерляди, сомы, белуги, осетры.

Гады: змеи, ящерицы, лягушки, жабы.

Насекомые: мухи, комары, пчёлы, осы, тараканы, муравьи, жуки, блохи, бабочки, сверчки, саранча.

Сельди. Окуни. Ерши. Змеи. Воробьи. Жуки. Жабы. Тараканы. Саранча. Караси. Комары. Шапки. Пчёлы. Ласточки. Сомы. Кроты.

Тоню тяну.

Тоню тяну,
Рыбу ловлю,
В кошель несу.
Щучки в кучки,
Плотички на полички;
Один ершок,
Да и тот в горшок.
Ухи наварю,
Детей накормлю,
Да и спать уложу.

Рыбам вода, птицам воздух, человеку вся земля. — Что ни хвать, то ёрш да ёж. — Не велика блошка, а колодой ворочает.

Загадки. 1. Летит — воет, а сядет — землю роет. — 2. Что над нами вверх ногами? — 3. Дом шумит, хозяева молчат; пришли люди, хозяев забрали, дом в окошки ушёл.

Козлятки и волк.

Жила-была коза; сделала себе коза в лесу избушку и наплодила деток. Каждый день уходила коза за кормом в бор. Сама уйдёт, а деткам велит крепко-на-крепко запереться и никому дверей не отпирать. Воротится коза домой, постучит рожками в двери и запоёт:

«Козлятушки, детятушки,
Отомкнитеся, отопритеся!
Ваша мать пришла,
Молочка принесла.
Я, коза, во бору была,
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка по копыточкам,
А с копыточек во сыру землю».

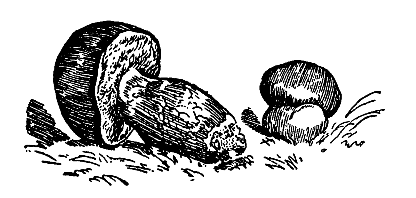
Козлятки услышат мать и отопрут ей двери. Она покормит их и опять уйдёт пастись. Подслушал козу волк и, когда она ушла, подошёл к дверям избушки и запел толстым, претолстым голосом:

«Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла,
Молока принесла...
Полны копытцы водицы!»

Козлятки выслушали и говорят: «Слышим, слышим! Не матушкиным голосом поёшь: матушка поёт тоньше и не так причитывает» — и не отворили дверей волку. Волк так и ушёл, не солоно хлебавши. Пришла мать и похвалила деток, что её послушались: «Умницы вы, деточки, что не отперли волку; а то бы он вас съел».

№ 12. Грибы, травы и цветы.

Грибы: опёнок, рыжик, сыроежка, подосиновик, белый гриб, волнушка, груздь, мухомор.

Травы: мята, лебеда, трилистник, полынь, щавель, подорожник.

Цветы садовые: роза, гвоздика, тюльпан, лилия, левкой.

Цветы полевые и лесные: василёк, незабудка, фиалка, ландыш, колокольчик.

Фиалка. Рыжик. Гвоздика. Тюльпан. Бабочка. Роза. Опёнок. Подорожник. Соха. Груздь. Василёк. Муха.

Мухомор. Молоко. Лебедь. Лебеда. Незабудка. Таракан. Щавель. Лодка.

* Плохи года, как во ржи лебеда; а нет хуже беды, как ни ржи, ни лебеды. — Не я полынь-траву садил: сама уродилась.

З а г а д к а. Маленький, удаленький, сквозь землю прошёл, — красну шапочку нашёл.

Какой цветок?

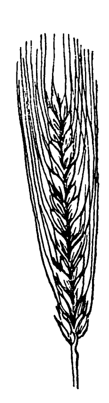
Я видывал в поле цветочек весной;
Зелёная ножка, глазок голубой.
В траве он чуть виден, не пышно растёт:
Но пахнет прекрасно, хоть скромно цветёт.

Война грибов.

Царь грибной, боровик, под берёзкой сидючи, на все грибы глядючи, вздумал на войну идти, стал приказывати: «приходите вы, белянки, ко мне на войну!» Отказалися белянки: — мы грибовые дворянки, не идём на войну. — «Приходите, рыжики, ко мне на войну!» Отказались рыжики: — мы богатые мужики, не повинны на войну идти. — «Приходите вы, волнушки, ко мне на войну!» Отказалися волнушки: — мы господские стряпушки, не идём на войну. — «Приходите вы, опёнки, ко мне на войну!» Отказалися опёнки: — у нас ноги очень тонки, не идём на войну. — «Приходите, грузди, ко мне на войну!» — Мы, грузди, ребятушки дружны, пойдём на войну!

№ 13. Растения хлебные и огородные, ягоды и плоды.

Хлебные растения: рожь, пшеница, овёс, ячмень просо, гречиха.

Растения огородные: картофель, репа, капуста, бобы, горох, морковь, свёкла, редька, лук, конопля.

Ягоды и плоды: земляника, клубника, смородина, черника, брусника, крыжовник, малина, вишни, яблоки, груши, абрикосы, персики, ананасы, орехи.

Рожь. Пшеница. Малина. Полынь. Брусника. Свёкла. Лопата. Ячмень. Бобы. Горох. Земляника. Журавль. Просо. Смородина. Овёс. Овсянка. Морковь.

Не печь кормит, а нивка. — Оржаной хлебушка — калачу дедушка. — Любишь смородину, люби и оскомину.

По клюкву-ягоду, по клюкву! Ягода клюква, ягода крупна, подснежная ягода клюква! —Яблоки, яблочки румяные, садовые, медовые, рассыпчатые.

Ячмень и пшеница.

Звал ячмень пшеницу: «Пойдём туда, где золото родится: мы там будем с тобою водиться». А пшеничка

ячменю в ответ: «У тебя, ячмень, ус долог, да ум короток: зачем нам за золотом водиться? оно к нам само привалится».

Васильки.

«Как мало в этом году во ржи васильков!» — говорили дети. «Как бы мне совсем вывести эти васильки!» — думал отец.

---

*З а г а д к и. 1. Без рук, без ног, на батог ползёт. — 2. Антипка низок, на нём сто ризок. — 3. Сидит баба на грядках, вся в заплатках; кто ни взглянет, всяк заплачет.

№ 14. *Деревья плодовые, простые и кусты.

Деревья плодовые: яблоня, груша, слива, вишня.

Деревья простые: сосна, ель, дуб, клён, липа, берёза, осина, ольха, верба.

Кусты: бузина, малина, смородина, крыжовник, орешник, тальник.

Верба. Смородина. Опёнок. Бузина. Рожь. Щавель. Дуб. Берёза. Яблоня. Ольха. Мышка. Груша. Яблоко. Клён. Ель. Сосна. Голубь. Слива.

Деревья скоро садят, да не скоро с них плод едят. — Ель да берёза, чем не дрова? хлеб да вода, чем не еда? — У него на вербе груши растут. — Где вода, — там и верба; где верба, — там и вода.

Берёзонька.

Берёза моя, берёзонька,
Берёза моя белая,
Берёза кудрявая!
Стоишь ты, берёзонька,
Посередь долинушки;
На тебе, берёзонька,
Листья зелёные;
Под тобой, берёзонька,
Травка шёлковая;
Близ тебя, берёзонька,
Красны девушки
В семик поют;
Под тобой, берёзонька,
Красны девушки
Венки плетут.

З а г а д к а. Какое-такое дерево, что зимой и летом — всё одно цветом?

Колобок.

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик: «испеки мне, старая, колобок». — Да из чего испечь-то? — муки нет. «Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби, — вот и наберётся». Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать: он и покатился с окна на завалинку, с завалинки на травку, с травки на дорожку, — и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц: «Колобок, колобок! я тебя съем». — «Нет, не ешь меня, косой; а лучше послушай, какую я тебе песенку спою». Заяц уши поднял, а колобок запел:

«Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,

На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл:
От тебя, зайца, не хитро уйти».

И покатился колобок дальше: только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу; а навстречу ему серый волк: «Колобок, колобок! я тебя съем». — «Не ешь меня, серый волк: я тебе песню спою». И колобок запел:

«Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл:
От тебя, волка, не хитро уйти».

Покатился колобок дальше: только его волк и видел.

Катится колобок по лесу; а навстречу ему медведь идёт, хворост ломает, кусты к земле гнёт: «Колобок, колобок! я тебя съем». — «Ну, где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше моей песенки». Колобок запел, а Миша и уши развесил:

«Я колобок, колобок.
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён.
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,

Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл:
От тебя, медведь, пол-горя уйти».

И покатился колобок: медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса. «Здравствуй, колобок! Какой ты пригоженький, румяненький!» Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку; а лиса слушает, да всё ближе подкрадывается:

«Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл:
От тебя, лиса, не хитро уйти».

«Славная песенка! — сказала лиса; — да то беда, голубчик, что я стара стала, — плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку, да пропой ещё разочек». Колобок обрадовался, что его песенку похвалили; прыгнул лисе на морду, да и запел: «Я колобок, колобок!..» А лиса его — гам! — и съела.

№ 15. Металлы и камни, драгоценные и простые; земли.

Металлы драгоценные: золото, серебро, платина.

Металлы простые: железо, сталь, медь, олово, свинец, ртуть.

Камни драгоценные: алмаз, *брильянт, яхонт, рубин, изумруд.

Камни простые: кремень, гранит, *плитняк, *шифер, песчаник.

Земли: глина, извёстка, чернозём, супесок, суглинок, торф, мел, гипс.

Алмаз. Шифер. Дуб. Свинец. Изумруд. Глина. Железо. Нож. Золото. Чернозём. Долото. Серебро. Торф. Песчаник. Кибитка. Платина. Плитняк. Суглинок. Сталь. Стол. Олово.

* Алмаз алмазом режется. — Ржа железо ест, а печаль сердце. — Одно золото не стареется. — Добро серебро, а золото лучше. — Железом золото добывают. — В горну и железо плавится.

Почему?

Тяжёлый млат дробит стекло, куёт булат.

Золото и булат.

«Всё моё!» — сказало злато;
«Всё моё!» — сказал булат.
«Всё куплю!» — сказало злато;
«Всё возьму!» — сказал булат.

№ 16. Люди, животные, растения и минералы.

Люди: отец, мать, брат, сестра, старик, дитя, мужчина, женщина, купец, нищий.

Животные: звери, птицы, гады, насекомые, *раки, пауки.

Растения: деревья, кусты, хлеба, травы, *цветы, грибы, мхи.

Минералы: металлы, камни, земли, соли.

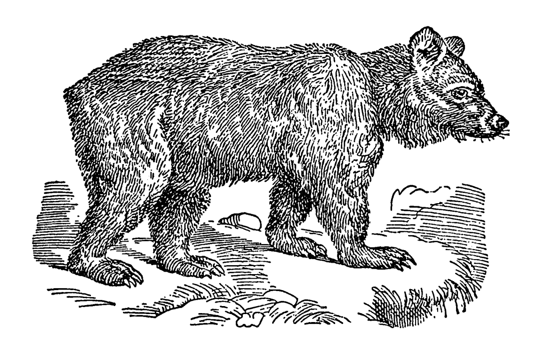
Нищий. Куст. Книга. Птица. Паук. Шило. Известь. Железо. Дитя. Брат. Дерево. Мох. Гриб. Зверь. Соль. Старик. Девочка. Трава. Цветок. Камень. Металл. Стол. Земля. Насекомое.

* Что не родится, то и не умирает. — Не мучь мухи: и ей больно. — В камень стрелять, только стрелы терять. — Сей песок по камню, авось взойдёт.

Загадка. Кто ходит утром на четырёх ногах, в полдень на двух, а вечером на трёх?

Медвежья лапа.

Сделали мужики облаву на медведя; убить медведя не убили, а только отсекли ему топором лапу. Сам же Мишка и на трёх ногах ускакал. Вот бедная старушка выпросила себе медвежью лапу, остригла с неё шерсть и содрала кожу. Мясо поставила старуха вариться,

кожу подостлала под себя и села прясть медвежью шерсть. Пряла, пряла, запряласъ до полуночи, как вдруг слышит, кто-то под окном рявкает и скрипит. Выглянула старуха в окошко и обмерла от страху: идёт медведь на деревяшке, клюкою подпирается, идёт и ревёт:

Скирлы, скирлы, скирлы!
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
И земля-то спит,
И вода-то спит;

Все по сёлам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мясо варит.

Испугалася старуха: жила она одна-одинёшенька на самом краю села. Что тут делать? Как от медведя уйти? А Мишка уж на крыльцо взбирается, в сенях деревяшкой постукивает. Отперла старуха подполье, задула огонь и залезла на печь. Нащупал медведь двери, сорвал с петель, вломился в избу, стал шарить впотьмах, да в подполье и угодил. Старуха проворно спрыгнула с печи, захлопнула подполье и побежала соседей звать. Пришли соседи и добили медведя.

№ 17. *Части суток, дни недели, времена года.

Части суток: день, ночь, утро, вечер, полдень, полночь.

Дни недели: воскресенье, понедельник, вторник, середа, четверг, пятница, суббота.

Времена года: весна, лето, осень, зима.

Ночь. Сова. Лето. Рожь. Середа. Пятница. Осень. Яблоко. Птица. Четверг Весна. Цветок. Зима. Сани. Вторник. Утро. Понедельник. Полночь. Воскресенье. Церковь. Суббота.

* День да ночь, и сутки прочь. — Долго-ль до вечера? — кричала кукушка; долго-ль до зореньки? — тосковал соловушек.

* Лето собироха, а зима подбироха. — В осень и у вороны копна. — Весна красна цветами, а осень снопами. Овсянка запела веснянку: «покинь сани, возьми воз!» — Шесть дней делай, а седьмой — господу богу твоему.

Утро.

Румяной зарёю
Покрылся восток;
В селе, за рекою
Потух огонёк;
  Росой окропились
  Цветы на полях;
  Стада пробудились
  На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам,
Гусей караваны
Несутся к лугам,
  Проснулися люди,
  Спешат на поля;
  Явилося солнце,
  Ликует земля!

Лиса и дятел.

Свил себе на дубу дятел гнёздышко, снёс три яичка и высидел трёх детёнышей. Пронюхала об этом лиса, прибежала и — стук! стук! хвостищем по сырому дубищу: «слезай, дятел, с дуба долой; мне дуб надобен клёпку делать». — Эй, лисанька! не дала ты мне и одного детёнышка вырастить. — «Брось его, дятел, ко мне: я его выучу ремеслу кузнечному». Дятел бросил; а лиса — кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

На другой день опять бежит лиса к дятлу и — стук! стук! хвостищем по сырому дубищу: «полезай, дятел, с дуба долой: мне дуб надобен клёпку делать». — Ай, лисанька, не дала ты мне и одного детёнышка вырастить. — «Брось его

ко мне, дятел: я его выучу ремеслу башмачному». Дятел бросил; а лиса — кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

На третий день опять бежит лиса и — стук! стук! хвостищем по сырому дубищу: «полезай, дятел, с дуба долой; мне дуб на клёпку надобен». — Эх, лисанька, хоть дала бы ты мне одного детёнышка вырастить. — «Брось его, дятел, ко мне: я его портяжному ремеслу выучу». Дятел бросил; а лиса — кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

№ 18. Месяцы весенние, летние, осенние и зимние.

* Октябрь. Май. Август. Январь. Ноябрь. Июнь. Декабрь. Июль. Март. Сентябрь. Февраль. Апрель.

Январь — году начало, зиме середина. — В феврале дороги широки. — В марте курица напьётся из лужицы. — В апреле земля преет. — Май не холоден, да голоден. — В июне в закромах и амбарах пусто. — Июль — макушка лета, страдник. — В августе серпы греют, вода холодит. — Холоден сентябрь, да сыт. — В октябре ни на колёсах, ни на полозьях. — * Ноябрь с гвоздём. — Декабрь год кончает, зиму начинает. — Пророк Наум (1-го декабря) наставляет на ум.

В мае.

Я пройдусь по лесам,
Много птичек есть там:
Все порхают, поют,
Гнёзда тёплые вьют.

Я пройдусь по лугам,
Мотылёчки есть там:
Как красивы они
В эти майские дни!

В октябре.

Солнце спряталось за тучи,
Ветер сильный, холодно;
Листья сыплются, и в кучи
Ветром все их намело.

Речка ходит так сердито;
Лес так жалобно шумит;
Небо тучами закрыто;
Небо дождиком грозит.

Птички все прижались в поле,
Рыбки спрятались на дно;
Всем и в поле, как в неволе, —
Холодно всем, холодно!

№19. *Деньги медные, серебряные, золотые.

Гривенник. Копейка. Грош. Четвертак. Рубль. Полуимперьял. Двугривенный. Денежка. Полтинник. Трёхрублевый. Пятак. Имперьял.

Есть на гумне, — будет и в мошне. — Копейка обоз гонит. — Денежка рубль бережёт. — Долг платежом красен. — Чужая денежка карман прожжёт. — На этот товар всегда запрос. — За морем телушка — полушка, да рубль перевозу.

*Загадка. Маленькая, кругленькая, из тюрьмы в тюрьму скачет, весь свет обскачет; ни к чему сама не годна, а всем нужна.

Умей обождать.

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленёхонькую смородину, а курочка и говорит ему: «не ешь, Петя! обожди, пока смородина поспеет». Петушок не послушался, клевал да клевал, и наклевался так, что насилу домой добрёл: «Ох, кричит петушок, беда моя! больно,

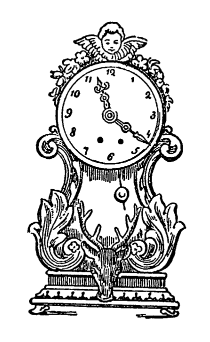
сестрица, больно!» Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник, — и прошло.

Выздоровел петушок и пошёл в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит: «не пей, Петя, обожди, пока простынешь!» Не послушался петушок, напился холодной воды, — и тут же стала бить его лихорадка: насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься; а курочка и говорит ему: «Ох, обожди, Петя! дай реке совсем замёрзнуть; теперь ещё лёд очень тонок, утонешь». Не послушался петушок сестры: покатился по льду: лёд проломился и петушок — бултых в воду! Только петушка и видели.

№ 20. Меры времени, длины и тяжести.

Час. Аршин. Секунда. Сажень. Четверть. Рубль. Год. Золотник. Фунт. Месяц. Лот. Верста. Неделя. Пуд. Минута. Век. Вершок. Сутки. Тысячелетие.

Слову вера, хлебу мера, деньгам счёт. — На завтраке не далеко уедешь. — Есть — так сегодня, а работать — так завтра. — Время денег дороже. — Вес да мера до греха не допустят. — Болезнь входит пудами, а выходит золотниками.

Ленивый и прилежный.

«Завтра поучусь, а сегодня погуляю», говорит ленивый. «Завтра погуляю, а сегодня поучусь», говорит прилежный.

Надоело трактирщику в долг давать, он и написал на дверях: «сегодня на деньги, а завтра в долг».

*Загадка. Когда в году всего два дня?

Русская зима.

Зима!... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь.
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.

№ 21.* Части дома, экипажа, колеса, растения, животного.

Крыша. Колесо. Ствол. Ступица. Ветка. Клешня. Сани. Обод. Ко́злы. Корень. Спица. Хвост. Ось. Лапа. Копыто. Листок. Крыло. Крыльцо. Стена. Грива. Стебель. Фундамент. Туловище. Сук. Погреб. Хобот. Голова. Чердак.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй. — Изба не без крыши. — Остёр топор, да и сук зубаст.

*Загадки. 1. Два братца глядятся, а век не сойдутся. — 2. Ходит без ног, держит без рук; кто идёт, тот за ворот берёт.

*Скороговорка. Выдерни лычко из-под кочедычка.

---

*Мох растение, а булыжник камень. — Сокол птица, а птица животное. — Час мера времени, а аршин мера длины. — Январь зимний месяц, а май? ... — Кот четвероногое животное, а сверчок? ... — Мята трава, а трава? ... — Колесо часть экипажа, а ступица? ... — Рот часть животного, а корень? ...

Журавль и цапля.

Летела сова — весёлая голова; вот она летала, летала и села; хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, а сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля; построили себе по краям болота избушки и живут. Показалось журавлю скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай, говорит, пойду, посватаюсь к цапле!» Пошёл — тяп, тяп! семь вёрст болото месил; приходит и говорит: «Цапля! пойди за меня замуж: станем вместе жить». — «Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя платье коротко, ноги очень длинны, сам худо летаешь, кормить меня будет нечем. Ступай прочь, долговязый!» Пошел журавль домой, несолоно хлебавши; а цапля после раздумалась: «чем жить одной, пойду лучше за журавля». Приходит цапля к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж». А журавль сердит: «Нет, цапля, не возьму тебя замуж: было идти, когда сватал, а теперь — убирайся!» Заплакала со стыда цапля и пошла домой. Журавль раздумал и сказал:

«Напрасно не взял за себя цаплю; одному скучно жить; пойду и возьму». Приходит журавль к цапле и говорит: «Цапля, я вздумал на тебе жениться, пойди за меня». А цапля сердита на журавля и говорит: «Иди прочь, долговязый! не пойду за тебя замуж». Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась: «зачем отказала? пойду лучше за журавля!» Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они до сих пор по болоту один к другому: сватаются, сватаются, да никак не женятся.

№ 22. Части человеческого тела, руки и ноги.

* Колено. Голова. Спина. Туловище. Кисть. Плечо. Локоть. Живот. Рука. Нога. Икры. Шея. Голень. Бедро. Ступня. Грудь.

Руки работают, а голова кормит. — Голова не колышек: не шапку на неё вешать. — Не затем руки даны, чтоб даром болтались.

* — Тит, поди молотить! — «Брюхо болит». — Тит, поди кисель есть! — «Где моя большая ложка?»

Смородина ягода, а рыжик? ... — Опёнок гриб, а гриб? ...— Золото драгоценный металл. а железо?...— Понедельник первый день недели, а середа? ...— Ступня часть ноги, а кисть?... — Кисть часть руки, а рука? ...— Хомут сбруя, а грива? ...— Овца домашнее животное, а лиса? ...— Тхор плотоядный зверь, а кролик? ...

Птичка.

Птичка над моим окошком
Гнёздышко для деток вьёт:
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носу несёт.
Птичка домик сделать хочет;
Солнышко взойдёт, зайдёт, —

Целый день она хлопочет,
Но и целый день поёт.
Ночь холодная настанет,
От реки туман пойдёт:
Птичка, душенька, устанет,
Спит и петь перестаёт.
Но чуть утро, птичка снова
Песню звонко заведёт:
Весела, сыта, здорова —
И поёт, себе, поёт.

№ 23. Части головы, лица, ступни и кисти.

Глаза. Затылок. Нос. Висок. Рот. Подошва. Ладонь. Пятка. Лицо. Палец. Подбородок. Щека. Темя. Лоб.

С молитвой в устах, с работой в руках — нигде не сгинешь. — На то два уха, чтоб больше слушать. — Один рот, да и тот много врёт; а как бы два было?

*Загадки. 1. У четырёх матерей по пяти сыновей, — все в одно имя: пять братьев родных, пять двоюродных, да пять внучатных. — 2. Один говорит, двое глядят, да двое слушают.

Плечо часть руки, а рука? ...— Пятка часть ступни, а ступня? ...— Крыша часть дома, а дом? ...— Купол часть церкви, а церковь? ...— Локоть часть руки, а колено? ...— Полоз часть саней, а сани?... — Волк хищный зверь, а орёл? ...— Спина часть туловища, а темя? ... — Декабрь месяц зимний, а октябрь? ...

Петух и кот.

Жили-были кст да петух, жили они дружно. Кот ходил в лес на промысел, а петуху наказывал дома сидеть, дверей не отпирать и в окошко не выглядывать:

не унесла бы воровка-лиса. Ушёл кот в лес; а лиса тут-как-тут: подбежала к окну, да и поёт:

«Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко:
Дам тебе горошку».

Захотелось петушку посмотреть, кто так сладко поёт: выглянул он в окно, а лиса его цап-царап! и потащила. Несёт лиса петуха, а петух кричит:

«Несёт меня лиса,
За тёмные леса,
За высокие горы,
В далёкие страны!
Котику-братику,
Отыми меня!»

Услыхал кот знакомый голосок, нагнал лису, отбил петушка и принёс домой. «Смотри же, Петя, говорит кот, завтра я пойду дальше, не слушай лисы, не выглядывай в окно; а не то — съест тебя лиса, косточек не оставит».

Ушёл кот, а лиса опять под окном и поёт:

«Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко:
Дам тебе горошку,
Дам и зёрнышков».

Долго крепился петушок, не выглядывал, хоть очень уж хотелось ему посмотреть, какие-там зёр-

нышки у лисы. Видит лиса, что не выглядывает петух, принялась опять петь:

«Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Вот бояре ехали,
Пшено порассыпали,
Некому подбирать».

Тут уж не вытерпел петушок, захотелось ему посмотреть, какое там бояре пшено рассыпали, — выглянул; а лиса петушка цап-царап! и потащила. Кричит опять петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За высокие горы,
В далёкие страны!
Котику-братику,
Выручи из беды!

Далеко был кот, едва услыхал знакомый голосок; однакоже побежал в погоню, догнал лису, отбил петушка и притащил домой. — Смотри же, петушок! завтра я ещё дальше уйду; не слушай лису, не выглядывай в окошко; а то и будешь кричать, да не услышу.

Ушёл кот, а лиса под окно и запела:

Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко,
Погляди немножко:
Как у Карпова двора
Поукатана гора,
Стоят сани-самокаты,
Они сами катят,
Сами ехать хотят».

Хочется петушку хоть одним глазком взглянуть на санки-самокатки, да думает себе: «Нет! не выгляну: уйдёт лиса, тогда погляжу!» Запела было опять лиса свою песню, а петушок ей и говорит: «нет, не обманешь меня больше, лиса, не выгляну!» — А мне что тебя обманывать? отвечает лиса: хочешь — гляди, хочешь — нет. Прощай! мне домой пора.

Отбежала лиса, да и спряталась за угол. Не слышит петушок лисы; захотелось ему посмотреть, в самом ли деле она ушла, — выглянул; а лиса его — цап-царап! и потащила.

Сколько ни кричал петушок, котик его не услышал: очень уж далеко был.

№ 24. Части глаза, носа и рта.

Десна. Ноздря. Бровь. Веко. Язык. Зубы. Переносье. Челюсти. Нёбо. Губы. Ресницы. Глотка. Зрачок. Белок.

Мал глаз, а весь божий мир видит. — Держи язык на верёвочке. — Губы да зубы — два запора; а языку удержу нет. — Пустая мельница мелет, а помолу нет.

— Мышка, мышка! На́ тебе зуб костяной, а ты мне дай железный!

*Загадки. 1. Деревяшка везёт, костяшка сечёт, мокрый Мартын подкладывает. — 2. На вилах грабли, на граблях шатун, на шатуне ревун, над ревуном сапун, над сапуном глядун, над глядуном роща, за рощей поле, за полем дремучий лес.

Зрачок часть глаза, а ноздря? ... — Кисть часть руки, а ступня? ... — Крыжовник ку́ст, а куст? ... — Жук насекомое, а насекомое? ... — Уж змея, а змея? ...— Гвоздика садовый цветок, а василёк? ... — Ландыш лесной цветок, а роза? ... Горшок посуда, а глина? ... — Корень часть растения, а фундамент? ...

Урок.

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
Отставной солдат.
— Я согнулся и уж слаб:
А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал!
Дружно, дети!—все зараз:
Буки-аз, буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня-ль в саду цветок,
Насадил я каждый сам...
Я из тех цветов венок
Грамотному дам.
Битый — правду говорит
Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
Грамотей — троих.
Дружно, дети, все зараз:
Буки-аз, буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

№ 25. Христианские имена.

Александр. Мария. Владимир. * Ваня. Пётр. Костя. Володя. Павлуша. Вера. Надя. Сеня. Сергей. Маша. Степан. Коля. Гриша. Егор. Катя. Соня.

— * Федул, что губы надул? — «Кафтан прожог».— Можно зашить. — «Да иглы нет». — А велика дыра? — «Один ворот остался».

«Семён, скажи моей лошади — тпру!» — А сам что ж? — «Губы замёрзли».

---

* И железо, и золото — металлы. И роза, и лилия .... И медь, и глина .... И мухомор, и рыжик .... И рыжик, и дуб .... И ладонь, и пальцы .... И весна, и осень .... И март, и апрель .... И воробей, и галка .... И алмаз, и кремень .... И изба, и дворец .... И царь, и нищий .... И лев, и червяк .... И орёл, и крот ....

На стриженую овечку бог теплом пахнул.

Овечку остригли весною; было ещё холодно, и бедняжка дрожала всем телом. Бог сжалился над овечкою и послал на землю яркий солнечный луч и тёплый ветерок. Обогрелася овечка и весело побежала в поле, а к осени у ней опять отросла шерсть.

Мальчик весело играл и прыгал целое лето. Но настала холодная зима, и мальчик не мог выходить на улицу. Печально сидел он на лавке и глядел в окно; а за окном весело падал пушистый снег. Мать надела на мальчика рубашку и чулки из овечьей шерсти, и он бойко побежал на улицу — лепить бабу из мягкого снега.

№ 26. * Родство и свойство.

Отец. Мать. Сын. Дочь. Брат родной. Родная сестра. Дед. Бабушка. Внук. Внучка. Прадед. Прабабка. Правнук. Правнучка. Дядя родной, двоюродный. Тётка родная, двоюродная. Двоюродные братья и сёстры, внучатные. Тесть. Тёща. Зять. Невестка. Деверь. Крёстные. Кум. Кума. Сирота.

«Чти отца твоего и матерь твою!» повелел господь. — При солнышке тепло, при матери добро. — Как бог до людей, так отец до детей. — Дитя хоть криво, да отцу, матери мило.

Малые сиротки — божьи детки.

Ясно солнышко
Закатилося;
Светла месяца

Не видать нигде;
Часты звездочки
В тучи спрятались,
И темным-темна
Ночь осенняя!
Трудно в свете жить
Сиротинушке,
Без родимого
Отца-батюшки,
Без родимой
Своей матушки,
Без братьёв, сестёр...
Как есть круглому!

Загадка. Две матери, две дочери, да бабушка со внучкой, а всего трое.

И дядя, и тётка .... И серебро, и медь .... И известь, и глина .... И роза, и тюльпан .... И незабудка, и ландыш .... И сосна, и мох .... И кошка, и заяц .... И пчела, и муха .... И рожь, и пшеница .... И лук, и морковь .... И вторник, и пятница .... И вершок, и верста .... И металлы, и камни ....

Мена.

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шёл мимо старик, мужичок-серячок, услыхал крик, кинулся — и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною в конскую голову.

Взял золото мужичок и идёт домой, а навстречу ему барышник — целый табун лошадей гонит: «Здравствуй, старик! откуда бог несёт?» — Из города, от богатого купца. — «Что же тебе купец дал?» — Кусок золота в конскую голову. — «Отдай мне золото, возьми лучшего коня». Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу ему пастух волов гонит: «Здравствуй, старик! откуда бог несёт?» — Из города, от купца. — «Что же тебе купец дал?» — Золота в конскую голову. — «А где же оно?» — Променял на коня. — «Променяй мне коня на любого вола». Старик выбрал вола, поблагодарил и пошёл.

Идёт старичок, а навстречу овчар — гонит овечье стадо: «Здравствуй, старичок! откуда бог несёт?» — От богатого купца, из города. — «Что же тебе купец дал?» — Золота в конскую голову. — «Где же оно?» — Променял на коня. — «А конь где?» — Променял на вола. — «Променяй мне вола на любого барана». Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу свинопас — поросят гонит: «Здравствуй, старик! где был?» — В городе, у богатого купца. — «Что же тебе купец дал?» — Кусок золота в конскую голову. — «Где же оно?» — Променял на коня. — «А конь где?» — Променял на вола. — «А вол где?» — Променял на барана. — «Давай мне барана, бери себе лучшего поросёнка». Выбрал старик поросёнка, поблагодарил пастуха и пошёл.

Идёт старик, а навстречу ему коробейник с коробком за спиной: «Здравствуй, старик! откуда идёшь?» — От купца из города. — «А что тебе купец дал?» — Золота в конскую голову. — «Где же оно?» — Променял на коня. — «А конь где?» — Променял на вола.— «А вол где?» — Променял на барана. — «А баран где?» — Променял на порося. — «Променяй мне поросёнка на любую иглу». Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошёл домой. Пришёл старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял.

Выбежала старику навстречу старушка: «Ах, голубчик мой! я без тебя здесь совсем было пропала. Ну, рассказывай, — был ты у купца?» — Был. — «Что тебе купец дал?» — Кусок золота в конскую голову. — «Где же оно?» — Променял на коня. — «А конь где?» — Променял на вола. — «А вол где?» — Променял на барана. — «А баран где?» — Променял на поросёнка. —

«А поросёнок где?» — Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести; стал через плетень перелезать и потерял. — «Ну, слава же богу, мой голубчик, что ты сам вернулся; пойдём в избу ужинать».

И теперь живёт старичок со старушкой, счастливы и без золота.

№ 27. Люди по возрастам и занятиям.

Дитя. Отрок. Юноша. Старик. Земледелец. Пастух. Купец. Ремесленник. Младенец. Воин. Художник. Священник. Чиновник. Нищий. Огородник.

Старое старится, молодое растёт. — Старость не радость, не красные дни. — Почитай старых: сам будешь стар. — Корми сына до поры: вырастет — тебя накормит. — Человек не грибок, в день не вырастет.

Скороговорки. 1. Сыворотка из-под простокваши. — 2. Полчетверти четверика гороху без червоточинки.

Летний дождь.

«Золото, золото падает с неба!»
Дети кричат и бегут за дождём...
— Полноте, дети, его мы сберём;
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба.

Что такое борона? Борона — земледельческое орудие. Что такое овца? Овца — животное домашнее, четвероногое, травоядное. Что такое орёл? ... Что такое уж?... Что такое ландыш?... Что такое золото?... Что такое зрачок? ... Что такое роза? ... Что такое сажень? ...

Гуси.

Жил старичок со старушкой; были у них дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке: «Мы пойдём, дочка, в город; прине-

сём тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи». Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь,— нет братца! Кинулась туда-сюда,— нету! Кликала девочка, кликала братца, не откликается. Выбежала в чистое поле: вдали метнулось гусиное стадо и пропало за тёмным лесом. «Верно, гуси унесли братца!» подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит — стоит печка. «Печка, печка! скажи, куда гуси полетели?» — «Съешь моего ржаного пирожка, скажу». А девочка говорит: «у моего батюшки и пшеничные не едятся!» и побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит — стоит яблоня. «Яблоня, яблоня! куда гуси полетели?» — «Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу». — «У моего батюшки и садовые не едятся!» сказала девочка и побежала дальше.

Бежит девочка и видит: льётся молочная речка — кисельные берега. «Молочная речка — кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?» — «Съешь моего простого киселика с молочком, тогда скажу». — «У моего батюшки и сливочки не едятся!» И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу ёж. Хотела девочка ежа толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает: «ёжик, ёжик, куда гуси полетели?» Ёжик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит — стоит избушка на курьих ножках, стоит поворачивается; в избушке сидит баба-яга, костяная нога, морда глиняная; сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой; а баба-яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем её нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами: «Реченька, голубушка, укрой меня!» — «Съешь моего простого киселика с молочком?» Похлебала девочка киселика с молочком; тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси её увидали и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке: «Яблонька, голубушка, спрячь меня!» — «Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу». Нечего девочке делать — съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками: гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, а гуси опять её увидали и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки: «Печечка, матушка, спрячь меня!» — «Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу». Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь: гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за нею. Вот, вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди братца из рук вырвут, да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к бабе-яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят — мальчик дома, жив и здоров: подарили девочке булочку и платочек.

№ 28. Города и реки.

Москва. Санктпетербург. Нева. Киев. Днепр. Нижний-Новгород. Волга. Ока. Архангельск. Северная Двина. Париж.

Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная. — Хорош город Питер, да бока повытер. — Зовут Нижним, а стоит на горе. — Хорош город Париж, в него въедешь — угоришь. — Волга реченька глубокая, раздольная: дороженька широкая, привольная!

*З а г а д к а. Кто мост на реке мостит без ножа, без топора, без клиньев, без подклинков?

Что такое железо и что такое золото? Железо простой металл, а золото драгоценный. Что такое рожь и что такое мята? ... Что такое тхор и что такое заяц?... Что такое Нижний-Новгород и что такое Волга? ... Что такое муравей и что такое пчела? ... Что такое камень и что такое гриб?... Что такое мох и что такое цветок?...

Четыре желания.

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу: «Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!»

«Запиши твоё желание в мою карманную книжку», сказал отец. Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит: «Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была».

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу: «Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было». И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и

говорил отцу: «Осень лучше всех времён года!» Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

№ 29. Пять чувств.

Зрение. Слух. Обоняние. Вкус. Осязание.
Глаза. Уши. Нос. Язык. Пальцы.

Губа не дура, язык не лопатка — знает, что горько, что сладко. — Глаз видит, да зуб неймёт. — У слепого глаза на пальцах. — Не видна душа, а всем телом ворочает. — Платье на год, тело на время, душа — на век.

Скороговорка. У нас на дворе-подворьи погода размокропогодилась.

---

* «Уж как сладки гусиные лапки!» — А ты едал? — «Нет, не едал; а мой дядя видал, как наш барин едал».

«Здорово, кума!» — На рынке была. — «Аль ты глуха?» — Купила петуха. — «Прощай, кума!» — Полтину дала.

Хромой и слепой.

Приходилось слепому и хромому переходить быстрый ручей. Слепой взял хромого на плечи — и оба перешли благополучно.

Не плодовое ли дерево груша? — Да, груша плодовое дерево. — Не орудие ли хомут? — Нет, хомут не орудие, а сбруя. — Не игрушка ли грифельная доска? ... Не часть ли головы темя? ... Не металл ли извёстка? ... Не хлебное ли растение клён? ... Не травоядное ли животное овца? ... Не домашнее ли животное волк? ... Не плотоядное ли животное конь? ... Не река ли Нева? ... Не город ли Волга?...

Борзый конь.

Гоп-гоп! Ну, скачи в галоп!
Ты лети, конь, скоро-скоро,
Через реки, через горы!
Всё-таки в галоп — гоп-гоп!
Трух-трух! Рысью, милый друг!
Ведь, сдержать-то станет силы.
Рысью, рысью, конь мой милый!
Трух-трух-трух! не споткнись, мой друг!

№ 30. Что хорошо и что дурно?

Трудолюбие. Гордость. Леность. Прилежание. Милосердие. Зависть. Ложь. Доброта. Злость. Кротость. Упрямство. Скупость. Щедрость. Честность. Благодарность. Скука. Радость. Горе.

Добро не умрёт, а зло пропадёт. — Доброе дело — два века живёт. — Овца руно растит, а скупой деньгу копит — не про себя. — Одного рака горе красит. — Не будет и скуки, как заняты руки.

— Ты что делаешь? — «Ничего! а ты зачем?» — Тебе помогать пришёл.

— «Лень! слезай с печи, отворяй двери: сгоришь!» — Подай кочергу!

Прилежный барин.

Раздень меня, уложи меня, закрой меня, перекрести меня, перевороти меня; а усну я сам.

Не деревья ли сосна и клевер? Нет, сосна дерево, а клевер трава. — Не земледельческие ли орудия борона и соха? Да, борона и соха земледельческие орудия. — Не домашние ли животные лошадь и волк?... — Не хлебные ли растения капуста и рожь?... — Не драгоценные ли металлы олово и кремень?... Не цветы ли

незабудка и репа?... Не добродетели ли скупость и лень?... — Не пороки ли упрямство и кротость?... — Не хищные ли птицы щеглёнок и щука?...

Страшная коза.

1.

Жили себе дед да баба, а у них была дочь. Купил себе дед козу и велел дочери пасти. Вот дочь пасла целый день, вечером напоила и гонит домой; а дед сел у ворот и спрашивает у козы: «коза, моя козочка! ела ли ты, пила ли ты?» А коза ему в ответ:

Нет, дед, не пила я и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;
А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только пила я и ела.

Рассердился дед на дочь, прогнал её из дому, а на другой день велел своей жене козу пасти. Пасла баба козу до самого вечера, а вечером напоила и гонит домой. Дед опять сидит у ворот и спрашивает: «коза, моя козочка! ела ли ты, пила ли ты?» А коза опять запела в ответ:

Нет, дед, не пила я и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;
А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только пила я и ела.

Рассердился дед на бабу, прогнал её из дому. На другой день пошёл дед уже сам козу пасти; пас целый день, вечером напоил и погнал домой; а сам забежал вперёд, сел у ворот и спрашивает у козы: «сыта ли ты, козочка? сыта ли, моя милая?» Коза сдуру и ему ту же песню запела:

Не пила я, дед, и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;
А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только всего пила я и ела.

Рассердился тут дед на козу, привязал за рога к воротам и стал козу резать. Резал, резал, — ножик иступил: побежал в кузницу точить, а коза оторвалась и убежала в лес. Бежит коза, назад не оглядывается; видит — заячья избушка стоит. Вбежала коза в избушку, а зайца-то дома нет. Забралась незваная гостья на печь, да там и засела.

2.

Прискакал зайчик домой, слышит, кто-то на печи ворочается. Вот заяц и спрашивает: «кто, кто в моей избушке?» А коза с печи:

Я коза-дереза!
Пол-бока луплена,
За три гроша куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался заяц, думает: что за зверь такой, невиданный, на печи сидит? Убежал заяц из дому, сел под берёзу и плачет. Идёт мимо волк и спрашивает: «о чём, заинька, плачешь?» — «Так и так, говорит заяц: поселился в моей избушке неслыханный зверь: негде мне, зайцу, жить теперь». Волк и говорит: «не плачь, зайка! я этого зверя тебе выгоню». Подошёл волк к избе и спрашивает: «кто, кто в зайкиной избушке?» А коза с печи:

Я коза-дереза!
Пол-бока луплена,
За три гроша куплена.

Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался волк, давай бог ноги. Вот опять сидит заяц под берёзкой и плачет. Идёт мимо медведь: «о чем ты, заинька, плачешь?» Заинька рассказал и медведю про своё горе, а медведь и говорит: «не плачь, заинька! я этого зверя тебе выгоню». Пошёл к избе и рявкнул: «кто, кто в зайкиной избушке?» А коза с печи:

Я коза-дереза!
Пол-бока луплена,
За три гроша куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался медведь (никогда о таком звере он не слыхивал) и убежал в лес. Сидит опять заяц под берёзкой и плачет. Идёт мимо петушок, масляна головка, шёлкова бородушка: «кукуреку! зайка, о чём ты горюешь?» Заяц и петушку рассказал про свою беду. «Не плачь, зайка! говорит петушок: я тебе этого зверя выгоню». — «Где тебе выгнать, петушок! Волк гнал — не выгнал; медведь гнал — не выгнал; где уж тебе, петуху, такого неслыханного зверя выгнать!» — «А вот я-то и выгоню», отвечает петух. Влетел в избу, стал на пороге, да как гаркнет во всю мочь:

Кукуреку! кукуреку!
Иду на ногах,
В красных сапогах!
Несу, несу косу,
Тебе голову снесу
По самые плечи —
Полезай-ка с печи!

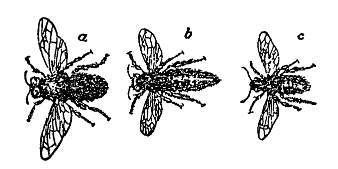
Перепугалась коза, брякнулась с печи на пол — и убилась; а зайчик с петушком поселились в избушке; стали жить да поживать, да добра наживать.

№ 31.

...Не минералы ли гранит и железо?...Не металлы ли мел и олово?... — Не садовые ли цветы резеда и василёк?... — Не части ли дерева корень и крыша?...— Не огородные ли растения бобы и горох?...—Не осенние ли месяцы август и сентябрь?... — Не части ли животного хвост и клешня?...

*Загадка.

Летит зверёк
Через божий домок;
Летит — говорит:
«Вот моя силка горит».

Пчёлки на разведках.

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие, ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко — разведать: ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло; выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

«Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчёлок? Мы целую зиму голодали!»

— Нет, говорит им яблонька; вы прилетели слишком рано: мои цветы еще спрятаны в почках. Попытайтесь у вишни.

Полетели пчёлки к вишне: «Милая вишенка! нет ли у тебя цветочка для голодных пчёлок?»

—Наведайтесь, милочки, завтра, отвечает им вишня: сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка; а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчёлки к тюльпану: заглянули в его пёструю головку; но не было в ней ни запаху, ни мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный тёмно-синий цветочек: это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой — веселёшеньки.

№ 32.

Не ягода ли клюква и малина? ...— Не сбруя ли шлея и колесо? ...— Не напитки ли вино и чай? ...— Не растения ли мох и жук? ...— Не реки ли Волга и Дунай? ...— Не драгоценные ли камни шифер и алмаз?... —Не травоядное ли животное лисица? ...—Не плотоядное ли животное кошка? ...— Не игрушки ли книга и волчок? ...

Котик.

У кота-воркота
Была мачеха лиха.
Она била его, приговаривала:
— Не ходи по чужим, по дворам,
Не качай чужих детушек.
Приди, котик-котя, ночевать,
Приди Митеньку качать!

Я тебе-то коту
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
И кусок пирога.

№ 33. Чем что делают?

Топором рубят, а пилой? ...— Что делают иглой? ... пером? ... сохой? ... бороной? ... удочкой? ... серпом? ... цепом? ... гребнем? ... граблями? ... косой? ... ножом? ... замком? ... рулём? ... ложкой? ... руками? ... ногами? ... ушами? ... глазами? ... ртом? ... языком? ...

С бороной по воду поехал, а цепом рыбу удит. — Соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне. — Иглой шьют, чашей пьют, а плетью бьют. — Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать.

Косой жнут, а серпом косят. — Топором пилят, а пилой рубят. — Ножом шьют, а иглой режут. — Веслом молотят, а цепом гребут. Так ли?

Петух да собака.

Жил старичёк со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животов у них только и было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху: «Давай, брат Петька, уйдём в лес: здесь нам житьё плохое». — «Уйдём, — говорит петух, — хуже не будет». Вот и пошли они, куда глаза глядят: пробродили целый день; стало смеркаться — пора на ночлег приставать. Сошли они с дороги в лес и выбрали большое дуплистое дерево. Петух взлетел на сук, собака залезла в дупло и — заснули.

Утром, только-что заря стала заниматься, петух и закричал: ку-ку-ре-ку! Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьим мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать: «Вот петух, так петух! Такой птицы я никогда не видывала: и пёрышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик».

«А за каким делом?» — спрашивает петух.

— Пойдём ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

«Хорошо, говорит петух, только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ».

«Вот какое счастье привалило! подумала лиса: вместо одного петуха будет два». — Где же твой товарищ? спрашивает она: я и его в гости позову.

«Там, в дупле ночует», отвечает петух.

Лиса кинулась в дупло, а собака её за морду — цап!.. Поймала и разорвала лису.

№ 34. Кто что делает.

Что делает учитель? Учитель учит.— Что делает ученик? ... священник? ... воин? ... земледелец? ... купец? ... чиновник? ... огородник? ... пастух? ... охотник? ... рыбак? ... плотник? ... каменщик? ... столяр? ... переплетчик? ... сапожник? ... кузнец? ... доктор? ... при-

лежный мальчик? ... шалун? ... ленивец? ... лошадь? ... корова? ... кошка? ... пчела? ... охотничья собака? ... борзая? ... лягавая? ... гончая? ...

Не худо ремесло, кто умеет сделать и весло.— Ремесло пить-есть не просит, а само кормит.

Гуси, где вы бывали?

Гуси вы, гуси,
Красные лапки!
Где вы бывали?
Что вы слыхали?
Где вы видали
Ванюшину мать?
А Ванюшина мать
В поле гуляет,
Цветы собирает,
Венок завивает
Ванюше своему.

Трусливый Ваня.

Замесила мать Вани тесто в квашне и поставила на печь киснуть, а сама ушла к соседке.

В сумерках пришёл Ваня домой, окликнул — никого в избе нет. Вот и хотел он огоньку вздуть, как слышит: кто-то на печи пыхтит. «Видно, домовой!» подумал Ванюша, затрясся от страху, выпустил из рук лучину — да бежать. Впотьмах наступил Ваня на кочергу, а она его по лбу! «Ай-ай, батюшки, помогите! помогите!» завопил Ваня и хотел было вон из избы. На ту беду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнул дверью оборку от лаптя: растянулся в сенях и вопит благим матом: «Ай, батюшки! ай, соседушки! помогите! отымите! держит меня домовой!»

Прибежали соседи, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а как узнали, в чём дело, то стали над ним смеяться. Долго потом всё дразнили Ванюшу и расспрашивали его: как это он испугался теста в квашне, кочерги в углу, лаптя на своей ноге?

№ 35. Что с чем делают?

Сукно меряют, а деньги считают. — Песок сыплют, а воду? ...— Сено косят, а волосы? ...— Нитки прядут, а холст? ...— Платье шьют, а чулки? ...— Вино пьют, а хлеб? ...— Рожь жнут, а бороду? ...— Жаркое жарят, а суп? ...— Стол накрывают, а постель? ...— Цветы водой поливают, а пожар? ...— Нитку в иглу вдевают, а гвоздь в стену? ...— Стул можно изломать, а стакан? ...— Вино можно разлить, а горох? ...— Хлеб режут, а сахар?...

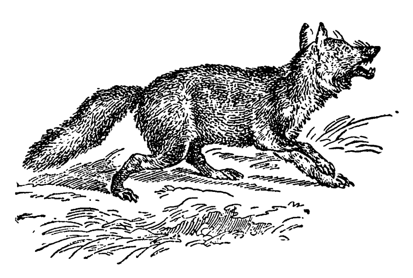
Рот есть, да нечего есть. — Метил в тетерю, а угодил в сук. — С радости кудри вьются, с печали секутся. — Сей добро, посыпай добро, жни добро, оделяй добром.

Небывальщинки.

Середи моря овин горит;
По чисту полю корабль бежит;
Мужики на улице заколы бьют,
Они заколы бьют, рыбу ловят;
По поднебесью медведь летит,
Длинным хвостиком помахивает!

Лиса и кувшин.

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса,

всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит: «Ну, кувшин, пошутил, да и будет, — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать, — поиграл да и полно!» — Не отстает кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса: «погоди же ты, проклятый, не отстаёшь честью, так я тебя утоплю». Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть-утонул, да и лису за собой потянул.

№ 36. Голоса и движения животных.

Заяц прыгает, а ласточка? ... Червяк ползает, а рыба? ... Лошадь бегает, а змея? ... Гусеница ползает, а кузнечик? ... Корова мычит, а лошадь? ... Собака лает, а кошка? ... овца? ... свинья? ... соловей? ... голубь? ... сорока? ... ворона? ... воробей? ... курица? ... кукушка? ... лягушка? ... мышь? ... муха? ... кузнечик? ...

Кудахчет курочка, — знать, яичко снесла. — Люблю серка за обычай: хоть не везёт, да ржёт. — «Ворона каркнула во все воронье горло».

Пошел козёл на базар,
Купил козёл курочку.
Курочка черна-пестра;
Уточка с носка плоска;
Тигонька* — гага-гого!
Свиночка — вики-вики!
Козынька — стуки-брыки!
Балинька** — бебе-бебе!

* Деревенская кличка гусей.
** Овечка.

Коровушка — му-му, му-му!
Рыбочка — плыви-плыви!
Воробышек — лети, лети!
Лошадушка — беги, беги!
Ванюшеньку — вези, вези!

Лиса и волк.

I.

Сильно проголодалась лиса, бежит по дороге и смотрит по сторонам: нельзя ли где чем-нибудь съестным разжиться. Видит она — везёт мужичок на санях мёрзлую рыбу. «Недурно бы рыбки отведать», подумала лиса. Забежала вперёд, легла на дорогу, хвост откинула, ноги выпрямила ... Ну, дохлая да и полно! Подъехал мужик, посмотрел на лису и говорит: «славный будет воротник жене на шубу». Взял лису за хвост и швырнул её в сани, закрыл рогожею, а сам пошёл подле лошади. Недолго пролежала лисанька: проделала в санях дыру и давай в неё рыбу выкидывать... Рыбка за рыбкой, повыкидала всю; а потом и сама из саней потихоньку вылезла. Приехал мужик домой, осмотрелся, — ни рыбы, ни воротника!

II.

Лиса перетаскала всю рыбу к себе в нору; потом села у норы и рыбку кушает. Видит она — бежит волк. От голода у него бока подвело. «Здравствуй, кума, что ты кушаешь?» — Рыбку, куманёк. — «Дай мне хоть одну». — Как же! разевай рот! видишь ты какой ловкий: я ловила, а ты будешь есть. — «Дай хоть головку, кумушка!» — Ни хвостика, куманёк! Налови сам, и кушай на здоровье. — «Да как же ты наловила? научи». — Изволь! отыщи на реке прорубь, сунь туда хвост, сиди да приговаривай: ловися, рыбка, большая и маленькая, — она и наловится.

Волк отыскал прорубь, сунул в воду хвост, сидит и бормочет: «ловися, рыбка, большая, да всё же боль-

шая». А лиса прибежала, стала бегать вокруг да приговаривать: «мёрзни, мёрзни, волчий хвост». — Что ты, кума, твердишь? спрашивает волк. — «То же, что и ты, куманёк: ловися, рыбка, большая и маленькая». Вот опять волк сидит и своё твердит, а лиса своё.

«Не пора ли тащить, кумушка?» — спрашивает волк. — Нет ещё, я скажу, когда прийдёт пора, — отвечает лиса. Вот опять волк сидит да своё приговаривает, а лиса своё. Видит лиса, что прорубь хорошо замерзла, и говорит: «Ну, теперь тащи, куманёк!» Потянул волк — не тут-то было!

«Вот видишь, какой ты жадный!» укоряет лиса волка: «всё твердил: ловися, рыба большая и ещё бо̀льшая, а теперь и не вытащишь! Погоди же, я позову к тебе на помощь». Побежала лиса в село и давай под окнами кричать: «идите на реку волка бить, ко льду примёрз». Бегут на реку мужики, кто с топором, а кто с вилами. Видит волк беду неминучую: рванулся изо всех сил, оторвал себе хвост, да без хвоста пустился удирать, куда видно; а кумушка ему вслед кричит: «Воротись, куманёк, рыбку позабыл!»

Пойманная птичка.

Дети.

А, попалась, птичка, стой!
Не уйдёшь из сети;
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!

Птичка.

Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети!

Дети.

Нет, не пустим, птичка, нет!
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями...

Птичка.

Ах, конфет я не клюю,
Не люблю я чаю:
В поле мошек я ловлю,
Зёрнышки сбираю...

Дети.

Там замёрзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке;
А у нас-то в золотой
Будешь жить ты клетке!

Птичка.

О! не бойтесь: в тёплый край
Улечу зимою.
А в неволе — светлый рай
Будет мне тюрьмою.

Дети.

Птичка, птичка! как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить:
Всё б тебя ласкали.

Птичка.

Верю, детки; но для нас
Вредны ваши ласки:

С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки.

Дети.

Правда, правда! птичка, ты
Не снесёшь неволи...
Ну, так бог с тобой, — лети
И живи на воле!

Родное слово

для

детей младшего возраста

Год 2-й

Вторая после азбуки книга
для чтения

ОГЛАВЛЕНИЕ

второго года

РОДНОГО СЛОВА*

Отдел I.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО.

* Все неподписанные в оглавлении статейки принадлежат составителю, который покорнейше просит не перепечатывать их в издания, имеющие одно назначение с «Родным словом». Народные сказки также все переделаны составителем.

Отдел II.

ВРЕМЕНА ГОДА.

Родное слово

(*Год второй*).

ОТДЕЛ I.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО.

В ШКОЛЕ И ДОМА.

В школе.

Брат пришёл домой из школы.

«Что у вас там делается?» спросила его маленькая сестра.

И брат рассказал сестре всё, что делается в школе.

Учитель сидит на стуле, за столом. Ученики сидят на скамейках. Возле учителя стоит большая классная доска. На классной доске пишут мелом. Перед учениками лежат грифельные доски. На грифельных досках пишут грифелем. Учитель учит. Ученики учатся. Учитель спрашивает: ученики отвечают. Одни ученики пишут, другие читают, третьи рисуют.

То ли делается в вашей школе? Расскажите.

За грамотного двух неграмотных дают, да и то не берут.

Всё гули да гули, — ан в лапти и обули.

Детские очки.

Говорит мальчик отцу: «купи мне, тятя, очки: я хочу по-твоему книги читать».

— Хорошо, отвечал отец: я куплю тебе очки, только детские, — и купил мальчику азбуку.

По складам, — так не грамотей.

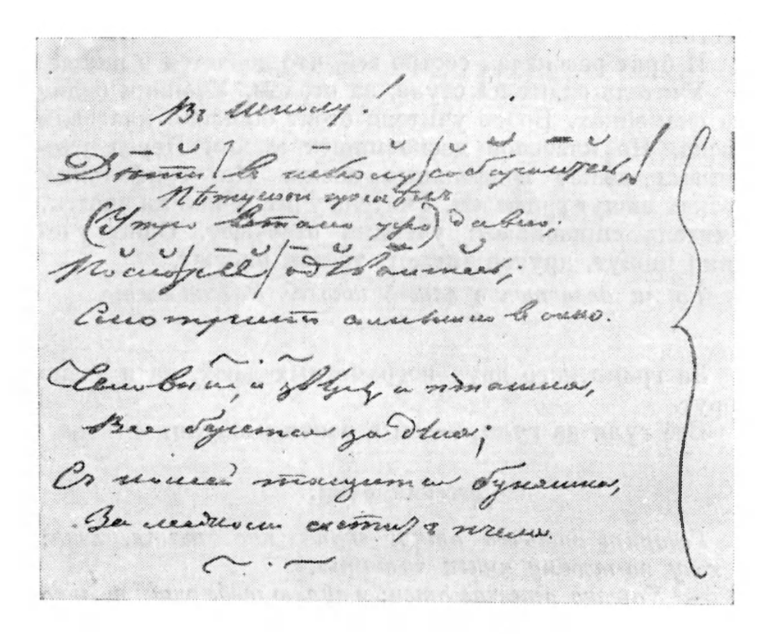
Эко диво! Поглядишь — чистёхонько, погладишь — гладёхонько, а станешь читать, везде задевается.

Петух и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая, петух нашёл жемчужное зерно и говорит: «Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят? А я бы, право, был гораздо боле рад зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно».

Приглашение в школу.

Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно. Попроворней одевайтесь! Смотрит солнышко в окно.

Въ школу.
Дѣти! въ школу собирайтесь!
Петушокъ пропѣлъ
(Утро встало уже) давно;
Поскорѣе одѣвайтесь,
Смотритъ солнышко въ окно.
Человѣкъ, и звѣрь и пташка,
Все берутся за дѣла;
Съ ношей тащится букашка,
За медомъ летитъ пчела.

Черновик стихотворения
«В школу»

Человек, и зверь, и пташка — всё берётся за дела;
с ношей тащится букашка; за медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг; лес проснулся и шумит;
дятел носом: тук, да тук! Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тащут сети; на лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети! Бог лениться не велит.

Утренние лучи.

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи — будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнездышка, поднялся высоко, высоко и запел свою серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передёрнул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: ку-ку-реку! Куры слетели с нашестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвёртый луч попал в улей. Выползла пчёлка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и — зум-зум-зум! Полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Всякой вещи своё место.

Серёжа, как проснётся, так и начнёт свои вещи разыскивать: один чулок у него на стуле, другой под столом; один сапог под кроватью, а другого и в комнате нет. Возится Серёжа всякое утро, возится... и опоздает в класс.

Классная доска.

Классная доска сделана столяром из дерева и выкрашена чёрной краской. Она имеет четырёхугольную форму, стоит на раздвижных ножках, или висит на стене. Классная доска всегда остаётся в классе. На ней пишут мелом.

Такая ли у вас классная доска? Сравните.

Грифельная доска.

Грифельная доска высечена каменщиками из шиферного камня; а столяр обделал камень в деревянную рамку. Грифельные доски лежат на скамьях, перед учениками. Ученики уносят свои доски домой. На грифельной доске пишут грифелем.

Такова ли ваша грифельная доска? Сравните грифельную доску с классной.

Худо тому, кто добра не делает никому.

«Гришенька! Одолжи мне на минутку карандаш», а Гриша в ответ:— «носи свой; мой мне самому нужен».

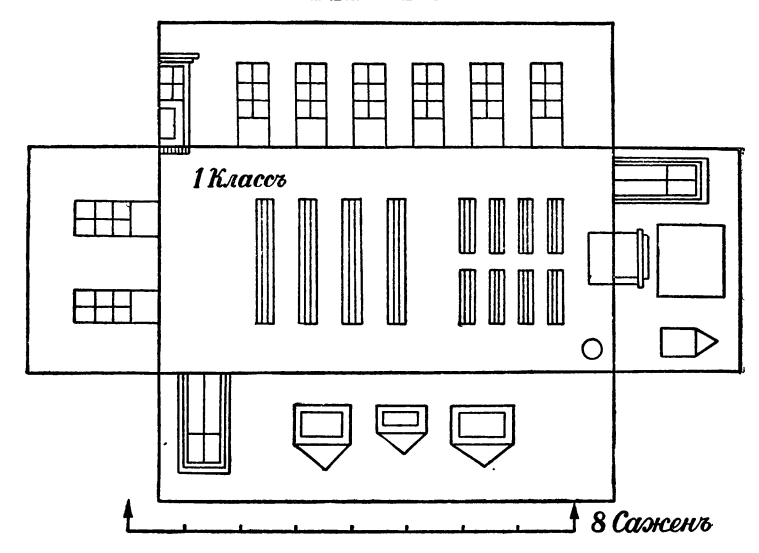
«Гриша! помоги мне уложить книги в сумку», а Гриша в ответ:— «книги твои, сам их и укладывай».

Любили ли Гришу товарищи?

Наш класс.

Наш класс помещается в большой комнате. В этой комнате есть пол, потолок и четыре стены: две покороче и две подлиннее. Потолок выштукатурен; пол выкрашен жёлтой краской; стены обиты синими обоями. В стенах проделаны двери и окна: в окна проходит свет, а в двери входят люди. В одном углу комнаты висит образ, в другом — стоит круглая печка, в третьем — шкаф для учебных вещей, а в четвёртом — классная доска. Посреди комнаты скамейки для учеников. Перед скамейками — стол и стул для учителя.

План класса.

Таков ли ваш класс? Сравните. Начертите план вашего класса.

Красна́ птица перьем, человек ученьем. — Не учась, и лаптя не сплетёшь. — Одной пчёлке бог сроду открыл науку. — Наука не пиво̀ в рот не вольёшь.

Кончил дело, гуляй смело.

За уроками давно у окна дитя сидит, и давно уже в окно солнце мальчика манит: «Не довольно ли учиться? Не пора ли порезвиться?» А мальчик-то солнцу в ответ: «Нет, ясное солнышко, нет! Теперь мне гулянье не в прок; дай прежде окончу урок».

Мальчик пишет и читает; а на ветке, за окном, птичка громко распевает и поёт всё об одном: «Не довольно ли учиться? Не пора ли порезвиться?» А мальчик-то птичке в ответ: «Нет, милая пташечка, нет! Теперь мне гулянье не в прок; дай, прежде окончу урок».

Черновик стихотворения Ушинского
«Кончил дело—гуляй смело» (начало)

Мальчик всё сидит за книгой и в окно уж не глядит; а ему давно из сада вишня красная твердит: «Не довольно ли учиться? Не пора ли порезвиться?» А мальчик-то вишне в ответ: «Нет, красная вишенка, нет! Теперь мне гулянье не в прок; дай прежде окончу урок».

Стихотворение «Кончил дело—гуляй смело»
(окончание)

Кончил мальчик! В шляпе дело! Книги в столик положил; прыгнул в сад и крикнул смело: «Ну-ка, кто меня манил?» Ему солнышко смеется, ему пташечка поёт, ему вишенка, краснея, свои ветки подаёт.

Дома.

«А где же лучше», спрашивает сестра брата: «дома или в школе?»

— Недурно и в школе, отвечает брат: а дома всё же лучше. Дома отец и мать, братья и сёстры. Отец работает, мать хозяйничает; кухарка стряпает, а дети учатся или играют. Дома мне всё знакомо: и столы, и стулья, и шкафы. Я бегаю по всем комнатам. Загляну и в кабинет к папаше, и в спальню к мамаше, и в залу, и в гостиную; и в кухню, где перед обедом так приятно пахнет, и в кладовую, где на полках много хороших вещей. Дома утром мы завтракаем, в полдень обедаем, вечером ужинаем, а ночью спим сладко в наших кроватках.

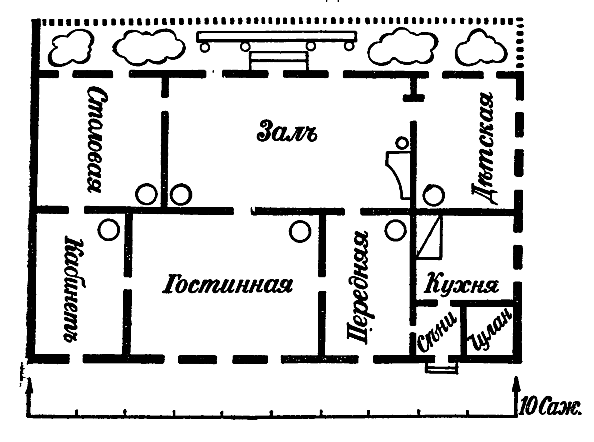
Что вы делаете дома? Расскажите и сравните.

В гостях хорошо, а дома лучше.— На свете всё сыщешь, кроме отца и матери. — Дитя хоть криво, да отцу, матери мило.

Каков наш дом.

У нас дом небольшой, деревянный, на каменном фундаменте и с железной крышей. Наш дом в один этаж, и в нём всего семь комнат: гостиная, столовая, спальня, кабинет, детская, передняя и кухня. Возле кухни маленькая кладовая. Внизу, под домом, есть у нас погреб, где сберегают зимой плоды и овощи. Наверху дома, под крышей — чердак; там я видел печные трубы. На чердаке сушат бельё.

План дома.

Таков ли ваш дом? Расскажите и сравните.

Изба.

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узоры
Мёрзлого окна.
Вечер зимний длится:
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.
Помолясь богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина бледно
Перед ней горит.

Всё в избушке бедной
Тишиной томит;
Лишь стучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Внутренность избы.

В низенькой светёлке, с створчатым окном, светится лампадка в сумраке ночном; слабый огонёчек то совсем замрёт, то дрожащим светом стены обольёт. Новая светёлка чисто прибрана; в темноте белеет занавес окна; пол отструган гладко; ровен потолок; печка развальная стала в уголок. По стенам укладки с дедовским добром; узкая скамейка, крытая ковром; крашеные пяльцы с стулом раздвижным и кровать резная с пологом цветным.

Сила не право.

Прибежал Митя в сад, выхватил у своей маленькой сестры Тани куклу и поскакал с куклой по саду, верхом на палочке. Таня стояла и плакала.

Выбежал из дому старший брат Мити, Серёжа. Серёже показалось весело возить куклу по саду, и он отнял у Мити куклу и лошадь.

Митя побежал жаловаться отцу; а отец сидел у окна и всё видел.

Что сказал Мите отец?

Как строят дома.

1.

Деревянные дома строят плотники из брёвен. Каменные дома кладут каменщики из кирпичей и из тёсанного камня. Прежде всего кладут фундамент. На фундаменте выводят стены. В стенах оставляют

Черновик статьи Ушинского
«Сила не право»

отверстия для дверей и окон. Когда стены выведены, то кладут на них балки; в балки укрепляют стропила; на стропилах стелют крышу. Крыши бывают покатые,

чтобы дождь на них не задерживался. Крыши делаются или из железа, или из тёса, или из соломы. Где вы видели соломенные крыши?

2.

Снаружи дом готов; но внутри его всё ещё работы много. Надобно настлать полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навесить двери, вставить окна. Стены обивают обоями. Когда дом готов, вносят в него иконы, мебель, посуду; зовут священника, служат молебен и тогда начинают в доме жить да поживать, да добра наживать.

Расскажите по порядку, как строят дом?

Тепло в избе, как сам бог живёт. — Своя хатка — родная матка. — Двор кольцом, три жердины конец с концом, три кола вбито, три хворостины завито, небом покрыто, светом обгорожено.

Загадки: 1) Стоит бычище, проклёваны бочища. — 2) Что ни гость, то постелька. — 3) Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит, седьмой песенки поёт. — 4) По сеням и так и сяк; а в избу никак. — 5) Зимой всё жрёт, а летом спит; тело тепло, а крови нет. — 6) Серое сукно тянется в окно. — 7) Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка.

Наша семья.

Наша семья не мала. Есть у меня отец и мать, двое братьев и две сестры: я — самый старший. Есть у нас ещё старушка-бабушка: она уж из дому выходит редко, только в церковь; очень нас любит и балует.

Отец мой много трудится: его трудами кормится и одевается вся семья. «Что бы мы без него делали?» говорит нам часто мамаша.

Мамаша хозяйничает: она заказывает обед и ужин, ходит в погреб и кладовую. Уж как я люблю с ней в кладовую ходить! Целый день мамаша о нас хлопочет. Она шьёт девочкам платьица, а мальчикам — рубашки. Она учит нас молиться и всякого-то перекрестит, когда уложит нас в постельки.

Была ещё у меня маленькая сестрица, да её снесли на кладбище, положили под зелёный холмик. Мамаша до сих пор плачет о маленькой Лизе.

Из кого состоит ваша семья? Сравните то, что сказали, с тем, что прочли.

На что и клад, когда в семье лад. — Вся семья вместе, так и душа на месте.

Мать и дети.

«Что ты, мама, беспрестанно
О сестрице всё твердишь?
В лучшем мире наша Лиза —
Ты сама нам говоришь».
— Ах, я знаю, в лучшем мире!
Но в том мире нет лугов,
Ни цветов, ни трав душистых,
Ни весёлых мотыльков.
«Мама, мама! В божьем небе
Божьи ангелы поют,
Ходят розовые зори,
Ночи звёздные плывут».
— Но у бедной нет там мамы,
Кто смотрел бы из окна,
Как с цветами, с мотыльками
В поле резвится она!

При солнышке тепло, при матери добро.

Забежал Коля к соседу и увидал, что у него в доме не хорошо: дети грязны, в изорванных рубашёнках, с нерасчёсанными головками. Меньшие валяются по

грязному полу, двое других дерутся, а старшенький лежит болен, и некому за ним присмотреть. Вспомнил тут Коля, что у соседа недавно жена умерла, вспомнил и свою мать, побежал домой и крепко обнял родимую.

Что делает мать для своих детей?

Лекарство.

Захворала мать Тани, и доктор прописал больной горького лекарства. Видит девочка, что мать пьёт с трудом, и говорит ей: «Милая мама! Дай я выпью лекарство за тебя».

Колыбельная песня.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани!
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под горой;
Ветер после трёх ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»

— «Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых,
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал».

Родимому.

Пойду-ль я, пойду-ль я
По своим, по новым сеням;
Гляну-ль я, гляну-ль я

По всем, по милым гостям;
Все-ль мои, все-ль мои
Милые гости съехались?
Нет мово, нет мово,
Мово гостя милого,
Батюшки родимого.
Или мне, или мне
Запрячь было нечего?
Или мне, или мне
Послать было некого?
Запрягу, запрягу
Своего ворона коня,
Пошлю я, пошлю я
Своего слугу верного,
Своего друга милого;
Привезу, привезу
Батюшку родимого;
Сустрену, сустрену
Посередь широка двора;
Посажу, посажу
В конец дубова стола;
Поднесу, поднесу
Чару зелена вина.

Дедушка.

Сильно одряхлел дедушка. Плохо он видел, плохо слышал; руки и ноги у него дрожали от старости: несёт ложку ко рту, — и суп расплёскивает.

Не понравилось это сыну и невестке: перестали они отца с собой за стол сажать, запрятали его за печь и стали кормить из глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежнего разозлились сын и невестка: стали они кормить отца из старой деревянной миски.

У старикова сына был свой маленький сынок. Сидит раз мальчик на полу и складывает что-то из щепочек.

«Что ты делаешь, дитятко?» спросила у него мать.

— Коробочку, отвечает дитя: вот как вы с тятенькой состаритесь, я и буду вас из деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отец с матерью и покраснели. Полно с тех пор старика за печь прятать, из деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дедушку, тебя внуки подсадят. — Уважай старика: сам будешь стар.

Пища и питьё.

Без пищи человек умер бы от голода; без питья умер бы от жажды. Человек употребляет в пищу растения, мясо животных и соль; пьёт он воду, молоко, квас, чай, кофе, вино, пиво. Самая необходимая пища — хлеб. Самое необходимое, здоровое питьё — чистая вода.

Что вы едите и что пьёте?

Ржаной хлеб всему голова. — Только ангелы с неба не просят хлеба. — Каков ни есть, а хочет есть. — Мельница сильна водой, а человек едой. — Хлеб да вода молодецкая еда.

Хлеб.

Хлеб пекут или сами хозяева, или хлебники. Пекут хлеб из теста.

Тесто месят из муки, воды и дрожжей. Муку мелет мельник на мельнице из хлебных зёрен. Хлебные зёрна созревают на полях, в колосьях хлебных растений. Поля обрабатываются крестьянами. Крестьяне пашут поле и сеют хлеб; но бог его растит. Бог посылает лето, дождь, тепло и ясное солнце.

Из чего, кем и как делается хлеб?

Хлеб наш насущный даждь нам днесь!

Дадут хлебца, дадут и дельца. — Проймёт голод, появится и голос.— Голодный француз и вороне рад.— Нива— божья ладонь: всех кормит. — Калач приестся, а хлеб никогда.— Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной.

Вода.

Без воды не может жить самое маленькое насекомое, не может расти самая маленькая травка.

В безводных местах виден только камень да песок. Такие места называются пустынями. Вода находится в колодцах, реках, озёрах и морях. В морях вода горько-солёная; в реках и озёрах — пресная. Хорошая вода прозрачна, не имеет ни запаха, ни вкуса. От жары вода кипит и превращается в пар; от холода замерзает и делается льдом.

Какую воду вы пьёте? Где ещё бывает вода?

Хлеб — батюшка, водица — матушка. — Покуда есть хлеб да вода, всё не беда.— Без хлеба и у воды худо жить.— Вода и мельницу ломает.— Жди горя с моря, беды от воды.— С огнём не шути и воде не верь.— Спи, царь-огонь!— говорит царица-водица.

Мельница.

Кипит вода, ревёт ручьём;
На мельнице и стук, и гром;
Колёса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнём летят;
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясёт,
На камни рожь дождём течёт,
Под жерновом муку родит;
Идёт мука, в глаза пылит.

Одежда.

Одежду шьют из холста, из сукна, из различных материй и из кожи.

Из холста шьют бельё. Холст ткут из ниток. Нитки прядут из пеньки или изо льна. Лён и пенька растут на полях и огородах.

Ситец ткут также из ниток. Нитки для ситца прядут из хлопчатой бумаги. Хлопчатая бумага растёт на кустах, в тёплом краю.

Сукно и шерстяные материи делают из шерстяных ниток на фабриках. Шерстяные нитки прядут из шерсти. Шерсть стригут с овец.

Шёлковые материи ткут из шёлка. Шёлк делают шелковичные червяки.

Сапоги, башмаки и калоши шьют сапожники из кожи. Сапожный товар выделывают кожевники из лошадиных, воловьих, бараньих и козловых кож.

Шубы шьют шубники из мехов; меха выделывают скорняки из шкур *пушных* зверей: медведей, лисиц, куниц. Тулупы делают из бараньих и овечьих шкур.

Во что вы одеты? Из чего и кем сделана ваша одежда?

Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в серёжках, корова в рогоже, да всего дороже.— Есть шуба и на волке, да пришита.— Шапочка в две денежки, и та набекрень.

Как рубашка в поле выросла.

I.

Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает: «Что ты, тятя, делаешь?» — «А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашке тебе и Васютке». Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зелёною шелковистою травкой, и подумала Таня: «хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сёстры

Черновик статьи Ушинского
«Как рубашка в поле выросла»

Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «славная у тебя рубашечка будет!» Прошло ещё несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки, подумала Таня; но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II.

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сестры тут ей опять сказали: «славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить сначала доской на гумне, потом *трепалом* на дворе, так что от бедного льна летела *кострика* во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» опять сказали Тане сёстры. Но Таня подумала: «где же тут рубашка?— это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III.

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки!» — думает Таня:— «а где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето,— настала осень. Отец установил в избе *кросна*, натянул на них *основу* и начал ткать. Забегал проворно *челночёк* между нитками, и тут уже Таня сама увидала, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить и к рождеству надели на Таню и Васю новые, белые, как снег, рубашечки.

Из чего и кем сделана ваша рубашка?

З а г а д к а. Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царём посадили.

Сиротка Ваня.

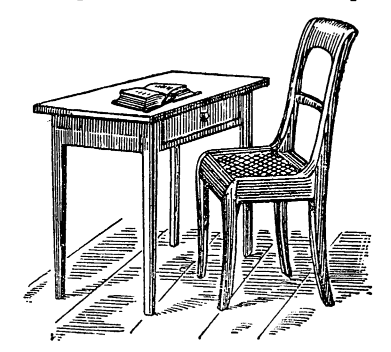
Сиротой остался Ваня, сиротой круглым. Некому сиротиночку кормить-поить; некому сиротиночку обуть-одеть. У сиротки головка нечёсаная; у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бедного, приголубит? Кто его на ночь перекрестит, в тёплую постельку уложит? Кто его, малого, от худа укроет, уму-разуму научит?

Что бы сделали для Вани его родители, если б они были живы?

Тогда сироте и праздник, когда белую рубашку дадут.— У кого есть матка, у того голова гладка.— За сиротою сам бог с калитою.— Не строй церкви — пристрой сироту!

Стол и стул.

Стол сделан столяром из дерева. У стола есть верхняя доска, ящик и ножки. Доски у столов бывают круглые и четырёхугольные.

Стулья делаются столяром из дерева. У стула есть спинка, сиденье и ножки. Сиденье бывает простое деревянное, плетёное из соломы, или мягкое, обитое какой-нибудь материей.

Сравните стол со стулом. Сравните стол и стул на картинке с теми, что стоят у вас в классе.

З а г а д к а. Под одной шляпой четыре брата стоят.

Посуда.

Посуда бывает деревянная, глиняная, стеклянная, жестяная, железная, медная.

Из дерева делают миски, ушаты, вёдра, бочки. Миски вырезывают резчики; вёдра, ушаты и бочки набивают бочары.

Из простой глины горшечники лепят горшки, кувшины, простые тарелки и миски. Из фарфоровой глины делают на фабриках чашки, чайники, блюда и хорошие тарелки.

Из стекла делают на стеклянных заводах стаканы, бутылки, графины.

Из железа, чугуна и жести делают котлы, чугуны, ковши, кофейники.

Из меди медник делает самовары и кастрюли. Медную посуду лудильщики покрывают полудой. Без полуды на медной посуде появляется ядовитая зелень.

Из чего делается посуда? Какая посуда и кем делается из дерева? Из глины? Из стекла? Из железа? Чугуна? Жести? Меди?

З а г а д к и. 1) Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый. — 2) Родился на кружале, рос — вертелся, живучи парился, живучи жарился; стар стал, пеленаться стал, помер — выкинули в поле; там меня зверь не ест и птица не клюет. — 3) Новая посудина, а вся в дырах. — 4) Что без рук, без ног на печь лазит и выше дерева растёт? — 5) У туши уши, а головы нету. — 6) Три ноги, два уха, а шестое брюхо. — 7) Два братца пошли в воду купаться. — 8) Утка в море, хвост на горе.

Горшок котлу не товарищ.

Кухарка мыла на реке глиняный горшок и чугунный котёл, вымыла да и позабыла. Котёл и горшок обрадовались случаю, сговорились путешествовать вместе и поплыли по реке. Но недолго они вместе плавали: глиняный горшок стукнулся о чугунный котёл и разбился.

Как аукнется, так и откликнется.

Подружилась лиса с журавлем и зовёт его к себе в гости: «Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж вот-как тебя угощу!»

Пришёл журавль на званый обед; а лиса наварила манной каши, размазала по тарелке и потчует журавля: «Кушай, куманёк, кушай, голубчик! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп! носом по тарелке: стучал, стучал— ничего не попадает. А лиса лижет себе да лижет кашу, — так всю сама и скушала. Съела лиса кашу и говорит: «Не обессудь, куманёк, больше потчевать нечем».

— Спасибо, кума, и на этом,— отвечает журавль: приходи завтра ко мне.

На другой день приходит лиса к журавлю, а журавль наготовил окрошки, наклал в высокий кувшин с узким горлышком, поставил на стол и потчует: «Кушай, кумушка, кушай, милая! Право, больше потчевать нечем». Вертится лиса вокруг кувшина: и так зайдёт, и этак, и лизнет-то кувшин, и понюхает — всё ничего не достанет. А журавль стоит на своих высоких ногах да длинным носом из кувшина окрошку таскает: клевал да клевал, пока всё съел: «Ну, не обессудь, кумушка, больше угощать нечем». Пошла лиса домой, не солоно хлебавши. На этом у них и дружба с журавлём кончилась.

Братец Иванушка и сестрица Алёнушка.

I.

Идут двое сирот, братец Иванушка с сестрицей Алёнушкой, в дальний путь по открытому полю; а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить. «Сестрица

Алёнушка, я пить хочу».— «Подожди, братец, до колодца дойдём». Идут —

А солнце высоко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит лошадиное копытце,
Полно водицы.

«Сестрица Алёнушка! хлебну я из копытца».— «Не пей, братец, жеребёночком станешь». Вздохнул Иванушка, — и опять пошли. Идут —

А солнце высоко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит коровье копытце,
Полно водицы.

«Сестрица Алёнушка! хлебну я из копытца». — «Не пей, братец, телёночком скинешься»,— и пошли они дальше. Идут —

А солнце высоко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит баранье копытце,
Полно водицы.

Не спросился уже у Алёнушки братец: поотстал немного, схватил копытце и выпил до дна.

II.

Оглянулась Алёнушка, зовёт братца; а вместо Иванушки бежит к ней беленький барашек. Догадалась Алёнушка, что это за белый барашек, и горько заплакала. Но делать нечего,— пошли дальше Алёнушка с барашком.

Идут они, а навстречу им едет барин: «Продай барашка, красная девица!» Алёнушка отвечает: «Нет, барин, этот барашек не продажный; это не настоящий барашек, а мой братец родимый».

Барин взял их обоих и повёз к себе; потом на Алёнушке женился, а барашка берёг и холил. Жили они очень счастливо. Добрые, на них глядя, радовались, а злые — завидовали. Больше всех завидовала соседка, старая ведьма: думала она, что барин женится на её дочери, да не по её вышло.

Вот задумала ведьма Алёнушку извести и стала её подстерегать. Пошла раз Алёнушка гулять; а ведьма схватила её, навязала ей тяжёлый камень на шею и бросила в реку. Дочку же свою обернула Алёнушкой и послала в барские хоромы. Никто её и не распознал: сам барин обманулся. Один барашек всё знал: не ест он, не пьёт, ходит по берегу да жалобно кричит.

III.

Услышала новая барыня, как кричит барашек, и говорит барину: «вели барашка зарезать». Удивился барин: «как это, жена так любила барашка, а то вдруг велит его резать!» Однако согласился, и велела ведьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагреть котлы. Проведал барашек, что ему не долго жить: лёг на бережку у реки и причитывает:

«Алёнушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные».

А Алёнушка из-под воды братцу в ответ:

«Ах, братец мой, Иванушка!
Тяжёл камень шею перетёр,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на грудь легли».

Барин был неподалёку; услыхал, как Алёнушка с братцем переговариваются, и стал своих людей звать.

«Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидайте невода шёлковые!»

Собрались люди, закинули невод и вытащили Алёнушку. Отрезали камень, окунули её в чистую воду и обтёрли полотенцем. Ожила Алёнушка и стала ещё краше прежнего. Бросилась она барашка обнимать, а барашек стал уже Иванушкой. Зажили они тогда втроём лучше прежнего; а ведьмину дочь слуги мётлами со двора прогнали.

КОМНАТНЫЕ ЖИВОТНЫЕ.

Бишка.

«А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!» Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. «Не мое», говорит, «дело книги читать; я дом стерегу, по

ночам не сплю, лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уточек ищу, поноску тащу — будет с меня и этого».

Что делает собачка? Сравните вашу собачку с той, что на картинке.

Прилежная собака.

Собака собаку в гости звала: «Некогда, недосуг».— Что так?— «Хозяин завтра за сеном едет: надо вперёд забегать да лаять».

Охота.

У моего дяди есть ружьё и охотничья сумка. У него есть и собаки: две борзые, две гончие и одна лягавая. Недавно дядя взял ружьё и сказал мне: «Не хочешь

ли идти со мной на охоту? Лиса опять утащила у нас двух курочек, и я хочу её подстрелить». Вот мы пошли и взяли с собой двух гончих и одну лягавую. Гончие скоро разыскали след зверя и скрылись в лесу. Мы слы-

шали только, как они лают, точно по команде: «гау-гау! гау-гау!»

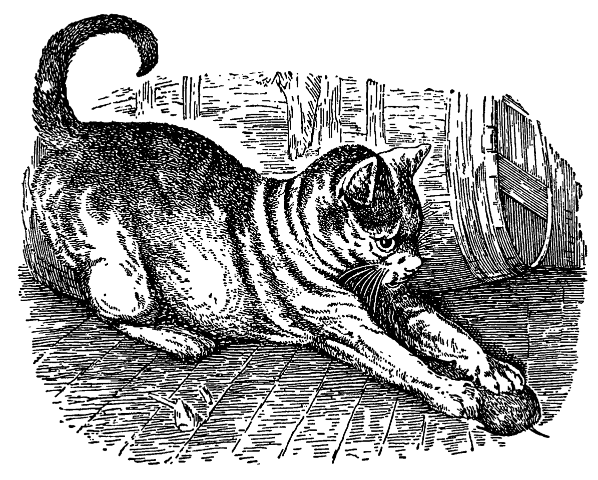
«Присядем здесь за кустом», сказал мне дядя, «мои умные гончие выгонят зверя прямо на нас».

Присели мы и ждём. Собаки лают где-то очень далеко. Я думал, что они никогда не воротятся. Но вот лай становился всё слышнее, слышнее... и вдруг! — из кустов выскочил заяц, а за ним большая рыжая лисица. Дядя выстрелил, и лисица перекувыркнулась; а заяц испугался, присел, пригнул ушки к спине — и ни с места. Мы взяли его живым и принесли домой. Я ещё и теперь кормлю его капустой.

Загадка. Рубль бежит, сто догоняет; а как пятьсот споткнётся, то неоценённый убьется.

Васька.

Котичек-коток — серенький лобок. Ласков Вася, да хитёр, лапки бархатные, ноготок остёр. У Васютки — ушки чутки, усы длинны, шубка шёлковая.

Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поёт, а попалась мышка — не прогневайся! Глазки-то большие, лапки что стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!

Сравните кошку с собакой.

Учёный кот.

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том.
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом.
Идёт направо,— песнь заводит,
Налево,— сказку говорит.

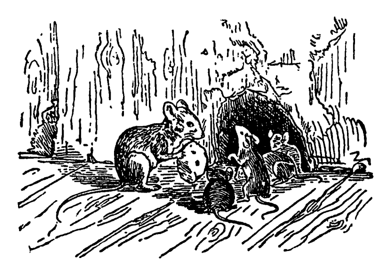
Две мышки.

Молодая мышка сказала старой: «Как зол и скуп наш хозяин! Завёл котов, наставил везде мышеловок и всячески хочет нас извести. А много ли нам нужно? Кусочек сальной свечки, корочка хлебца, два-три зёрнышка,— вот я и сыта».

— Правда твоя, ответила старая мышь: каждой из нас нужно немного, да нас-то много.

Скороговорка. Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мыши поплоше несли по два гроша.

— Мышка! мышка! нà тебе зубок; возьми себе костяной, дай мне железный.

Мышки.

Собрались мышки у своей норки, старые и малые. Глазки у них чёрненькие, лапки у них маленькие, остренькие зубки, серенькие шубки, ушки кверху торчат, хвостища по земле волочатся.

Собралися мышки, подпольные воровки, думушку думают, совет держат: «как бы нам, мышкам, сухарь в норку протащить?»

Ох, берегитесь, мышки! Ваш приятель, Вася, недалёко. Он вас очень любит, лапкой приголубит; хвостики вам помнёт, шубочки вам порвёт.

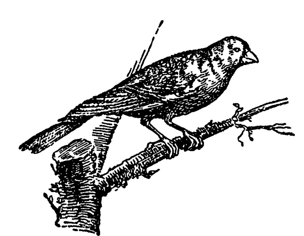
Сравните кошку с мышкой.

На мышку и кошка зверь.

«Соседка! слышала ль ты добрую молву?»— вбежавши, крысе мышь сказала:— «ведь кошка, говорят, попала в когти льву? Вот отдохнуть и нам пора настала!»— «Не радуйся, мой свет»,— ей крыса говорит в ответ,— «и не надейся попустому. Коль до когтей у них дойдёт, то верно льву не быть живому: сильнее кошки зверя нет».

Не всё то золото, что блестит.

Был дом, где под окном и чиж, и соловей висели и пели. Лишь только соловей, бывало, запоёт, сын маленький отцу проходу не даёт: всё птичку показать к нему он приступает, что этак хорошо поёт.Отец, обоих сняв, мальчишке подаёт. «Ну, говорит, узнай, мой свет, которая тебя так много забавляет?» Тотчас на чижика малютка указал: «вот, батюшка, она!» сказал.

Сравните чижика с мышкой.

Задним умом крепок.

Перепел в клетке пел только по ночам. «Отчего ты не поёшь днём?»— спросила у него летучая мышь.

— Прежде я пел по утрам, да меня поймали,— отвечал перепел.

— «Недурно, если бы ты подумал об этом прежде, чем тебя поймали», сказала летучая мышь.

Птичка.

Вчера я отворил темницу
Воздушной пленницы моей;
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

Плутишка кот.

I.

Жили-были на одном дворе кот, козёл, да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идёт раз котишко-мурлышко, серый лобишко; идёт да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козёл да баран: «Котик-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?»— Отвечает им Вася:— «Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё и удавку на меня припасала».— «А за что же на тебя такая беда пришла?» спрашивают козёл да баран.— «Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал».— «По делом вору и мука, говорит козёл: не воруй сметаны!»

Вот кот опять плачет: «Била меня баба, била; била — приговаривала: придёт ко мне зять, где сметаны будет взять? Поневоле придётся козла да барана резать». Заревели тут козёл да баран. «Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?»

Стали они судить, да рядить, как бы им беды великой избыть — и порешили тут же: всем троим бежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II.

Долго бежали кот, козёл да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была тёмная, холодная: где огня добыть? А котишка-мурлышка уж достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козёл с бараном, искры из глаз посыпались: берёсточка так и запылала.

«Ладно, молвил серый кот, теперь обогреемся!» да, не долго думавши, и зажёг целый стог сена.

Не успели они ещё порядком обогреться, как жалует к ним незваный гость — мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин. «Пустите, говорит, братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется».— «Добро пожаловать, мужичок-серячок!— говорит котик: откуда идёшь?»— «Ходил на пчельник, говорит медведь, пчёлок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась».

Вот стали они все вместе ночку коротать: козёл да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III.

Заснул медведь; козёл да баран дремлют; один мурлыка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый — и прямо к огню: «Фу-фу! Что за народ такой!» говорит белый волк козлу да барану, «давай-ка силу пробовать». Заблеяли тут со страху козёл да баран; а котишка, серый лобишка, повёл такую речь: «Ах ты, белый волк, над волками князь! не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится — никому не сдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит». Волки на том козлу

кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты,— давай бог ноги!

Козёл же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой: «Полно, говорят, без пути таскаться, ещё не такую беду наживём».

Старик и старушка были рады-радёхоньки, что козёл с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку ещё за плутни выдрали.

КОНЮШНЯ, СКОТНЫЙ ДВОР И ПТИЧНИК.

Лошадка.

Конь храпит, ушами прядёт, глазами поводит, удила грызёт, шею, словно лебедь, гнёт, копытом землю роет. Грива на шее волной, сзади хвост трубой, меж ушей —

чолка, на ногах — щётка; шерсть серебром отливает. Во рту удила, на спине седло, стремена золотые, подковки стальные.

— Садись и пошёл! За тридевять земель, в тридесятое царство!

Конь бежит, земля дрожит, изо рта пена, из ноздрей пар валит.

Скороговорка. От топота копыт пыль по полю несётся.

Конь.

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
  Ой люли, ой люли!
  Стоит озеро воды.
Молодец коня поил,
К воротечкам приводил.
  Ой люли, ой люли!
  К воротечкам приводил.
К вереюшке привязал,
Красной девке приказал.
  Ой люли, ой люли!
  Красной девке приказал.
Красна девица — душа!
Сбереги добра коня,
  Ой люли, ой люли!
  Сбереги добра коня.
Сбереги добра коня,
Коня семитысячного.
  Ой люли, ой люли!
  Коня семитысячного.
Не сорвал бы повода,
Не сломал бы удила.
  Ой люли, ой люли!
  Не сломал бы удила..

Печальный конь.

«Что ты ржёшь, мой конь ретивый?
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удил?
Али я тебя не холю?

Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы?
Не серебряны подковы,
Не злачёны стремена?»
Отвечает конь печальный:
— «Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальний,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и холе,
Светлой сбруей щеголять,—
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмёт,
И серебряны подковы
С лёгких ног моих сдерёт».

Загадка. Четыре деда назад бородами.

Коровка.

Некрасива коровка, да молочко даёт. Лоб у ней широк, уши в сторону; во рту зубов недочёт, зато рожища большие; хребёт — остриём, хвост— помелом, бока оттопырились, копыта двойные. Она травушку рвёт, жвачку жуёт, пойло пьёт, мычит и ревёт, хозяйку зовёт: «Выходи, хозяюшка; выноси подойничек, чистый утиральничек! Я деточкам молочка принесла, густых сливочек».

Сравните корову с лошадью.

Не гони коня кнутом, а гони коня овсом.— Добр конь, да копыта отряхивает.— Вол налогом берёт, конь урывом.— У коровы на языке молоко.

Спор животных.

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого из них хозяин больше любит.

— Конечно, меня, говорит лошадь: я ему соху и борону таскаю, дрова из лесу вожу; сам он на мне в город ездит: пропал бы он без меня совсем.

— Нет, хозяин любит больше меня,— говорит корова: я всю его семью молоком кормлю.

— Нет, меня, ворчит собака: я его добро стерегу.

Подслушал хозяин этот спор и говорит: «перестаньте спорить попустому: все вы мне нужны, и каждый из вас хорош на своём месте».

Какую пользу приносит людям лошадь? корова? собака? кошка?

Козёл.

Идёт козёл мохнатый, идёт бородатый, рожищами помахивает, бородищей потряхивает, копытками постукивает: идёт, блеет, коз и козляток зовёт. А козочки с козлятками в сад ушли, травку щиплют, кору гложут, молодые прищепы портят, молочко деткам копят; а козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на забор взобрались, рожками передрались.

Погодите, ужо придёт бородатый хозяин,— всем вам порядок даст!

Сравните козла с собакой и коровой.

Лиса и козёл.

Бежала лиса, на ворон зазевалась,— и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идёт козёл, умная голова; идёт, бородищей трясёт, рожищами мотает; заглянул, от нечего делать, в колодец, увидел там лису и спрашивает:

«Что ты там, лисанька, поделываешь?»

— Отдыхаю, голубчик, отвечает лиса: там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется. «Хороша ли вода-то?» спрашивает козёл.

— Отличная!— отвечает лиса: чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил, а она ему:

«Эх, бородатый дурень!— и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Овца.

Говорят, что овечка глупа, и я думаю, что это правда. На пожаре овцы сами кидаются в огонь; а завидя волка,

стоят на месте и глупо постукивают копытками. Но на что людям овечий ум! Им нужна овечья шерсть на чулки и сукно, сало на мыло и свечи, кожа на сапоги и башмаки, мясо на жаркое.

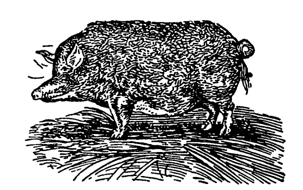
Сравните овцу с козлом.

Ягнёнок в волчьей шкуре.

Ягнёнок, сдуру надевши волчью шкуру, пошёл по стаду в ней гулять. Ягнёнок лишь хотел пощеголять. Но псы, увидевши повесу, подумали, что волк пришёл из лесу: вскочили, кинулись к нему, свалили с ног, и прежде, чем опомниться он мог, чуть по клочкам его не расхватили. По счастью, пастухи, узнав его, отбили. Но побывать у псов не шутка на зубах: бедняжка, от такой тревоги, насилу доволок в овчарню ноги.

Хавронья.

Грязна наша хавроньюшка, грязна и обжорлива: всё жрёт, всё мнёт, об углы чешется, лужу найдёт — как в перину прёт, хрюкает, нежится.

Рыло у хавроньюшки не нарядное: в землю носом упирается, рот до ушей; а уши, словно тряпки, болтаются; на каждой ноге по четыре копыта, а ходит — спотыкается. Хвост у хавроньюшки винтом, хребёт — горбом; на хребте щетина торчит. Жрёт она за троих, толстеет за пятерых; зато её хозяюшки холят, кормят, помоями поят; а вломится в огород,— поленом прогонят.

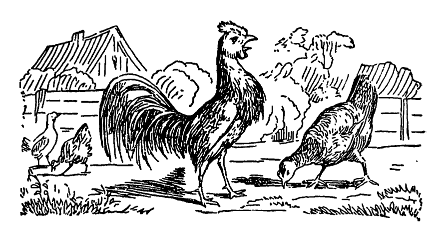
Сравните овцу с свиньёй.

Свинье только рыло просунуть, и вся пролезет.— Ничего не болит, а всё стонет.

С к о р о г о в о р к а. Рыла свинья тупорыла, белорыла, полдвора рылом изрыла.

Петушок с семьей.

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная бородка. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом; на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

«Курочки - хохлатушки! хлопотуньи-хозяюшки! Пёстренькие-рябенькие! чёрненькие-беленькие! собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зёрнышко припас!»

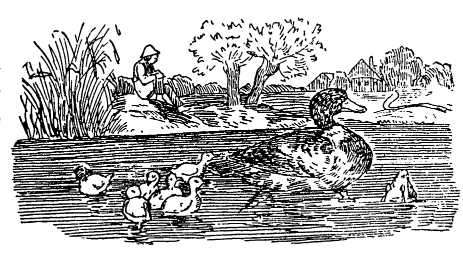
Курочки с цыплятками собирались, раскудахталися; зёрнышком не поделились, — передралися.

Петя-петушок беспорядков не любит — сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зёрнышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во всё горло заорал: ку-ку-ре-ку!

Сравните петуха с кошкой и с курицей.

Уточка.

Сидит Вася на бережку; смотрит он, как уточки в пруде кувыркаются: широкие носики в воду прячут, жёлтые лапки на солнышке сушат. Приказали Васе уточек стеречь: а они на воду ушли — и старые и малые: как их теперь домой загнать? Вот и стал Вася уточек кликать: «ути, ути-уточки! прожоры-тараторочки, носики широкие, лапочки перепончатые! Полно вам червячков таскать, травку щи-

пать, тину глотать, зобы набивать,— пора вам домой идти!»

Уточки Васю послушались, на берег вышли, домой идут, с ноги на ногу переваливаются.

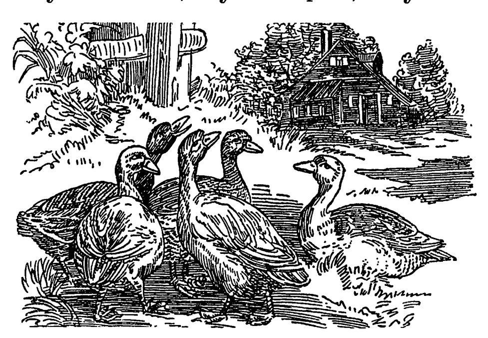
Сравните утку с курицей.

Белая лебёдушка и серые гуси.

Из-за лесу, лесу тёмного
Вылетало стадо лебединое,
А другое гусиное.
Отставала лебёдушка
Прочь от стада лебединого;
Приставала лебёдушка
Что ко стаду да серых гусей.
Не умела лебёдушка
По-гусиному кричати.
Стали её щипать и рвать,
А лебёдушка просити:
«Не щипите, гуси серые!
Не сама я залетела к вам,
Не своею я волею,
Занесло меня погодою».

Гуси.

Вышла хозяюшка и манит гусей домой: «теги-теги-теги! Гуси белые, гуси серые, ступайте домой!»

А гуси шеи длинные вытянули, лапы красные растопырили, крыльями машут, носы раскрывают: «га-га-га! Не хотим мы домой идти! Нам и здесь хорошо».

Видит хозяйка, что добром от гусей ничего не добьёшься: взяла длинную хворостину и погнала их домой.

Сравните гуся с курицей и уткой.

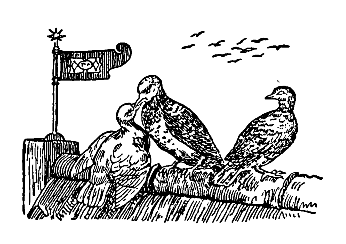
Гусь и журавль.

Плавает гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою: «Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху: нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!»

Подслушал гуся журавль и говорит ему: «Прямой ты гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем всё, да плохо».

Голуби.

Голуби-голубочки, мохноногие воркуночки, на крыше сидючи, друг на друга глядючи, целуются, милуются, друг другом любуются, носики обчищают, пёрышки выправляют. Вот по полю полетали, пшенички поклевали, зобки понабили, деткам кашу приготовили; а в гнёздышке детки, беспёрые голубятки, лежат — пищат, кушать хотят: носики раскрывают, мягкой кашки поджидают.

Сравните голубя с курицей.

Не смейся чужой беде, — своя на гряде.

Чижа захлопнула злодейка-западня: бедняжка в ней и рвался, и метался; а голубь молодой над ним же издевался. «Не стыдно ль», говорит, «средь бела дня

попался! Не провели бы так меня, за это я ручаюсь смело». Ан смотришь, тут же сам запутался в силок! И дело! Вперёд чужой беде не смейся, голубок.

Сивка-бурка.

1.

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий — Иванушка-дурачок: день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям: «Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь, поочерёдно: поймайте мне вора!»

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: «всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал».

На вторую ночь пошёл средний сын и также всю ночку проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черёд дураку идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень: сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношёрстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная; бежит — земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из очей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил, — не тут-то было! Дурак упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить: «отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу». — «Хорошо, отвечает Иванушка-дурачок: да как я тебя потом найду?» — «Выйди за околицу, говорит конь, свистни три раза и крикни: «сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой! — я тут и буду».

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы больше не есть, и не топтать.

Пришёл Иванушка домой. «Ну что, дурак, видел?» спрашивают братья.— «Поймал я, говорит Иванушка, разношёрстного коня; пообещался он больше не ходить в пшеницу — вот я его и отпустил». Посмеялись вволю братья над дураком; но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

2.

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи от царя ходить, клич кликать: «Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своём коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст».

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то, чтобы уж самим скакать, а хоть па других посмотреть. Просится и Иванушка с ними. «Куда тебе, дурак,— говорят братья:— людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи, да золу пересыпай».

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошёл грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул: «сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из очей пламя, из ноздрей дым столбом валит; прибежал — и стал перед Иванушкой, как вкопанный. «Ну,— говорит конь:— влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай». Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит, — народу видимо невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет; собой — красавица из красавиц. Никто до неё скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать. Уда-

рил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам: осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад; братья его не скоро посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул. Кричит народ: «держи! держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез, и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня; набрал лукошко мухоморов и принёс домой:

«Вот вам, хозяюшки, грибков!» говорит. Рассердились тут невестки на Ивана: «Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве тебе одному их есть!» — Усмехнулся Иван и опять залёг на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи, да посмеивается.

3.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал конь и стал перед Иванушкой, как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит, на площади народу ещё больше прежнего; все на царевну любуются, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать? Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам: осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что̀ братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник; прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул и — до-

стал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с её пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плёткой огреть. Тут уж и царь, и царевна стали кричать: «держи, держи его!» А Иванушкин и след простыл.

Пришёл Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана. «Что это у тебя такое?» спрашивают Ивана невестки.— «Да вот,— говорит,— искавши грибов, сучком накололся» — и полез Иван на печь. Пришли братья, стали рассказывать, что́ и как было; а Иванушке на печи захотелось на перстенёк посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло. «Перестань, дурак, с огнём баловать!» крикнули на него братья: «ещё избу сожжёшь; пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!»

Дня через три идёт от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться; а кто царским пиром побрезгует, — тому голову с плеч.

Нечего тут делать: пошёл на пир сам старик со своей семьёй. Пришли, за столы дубовые посадилися; пьют и едят, речи гуторят. В конце пира стала царевна мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть! «Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана?» спрашивает царевна: «развяжи-ка!» Развязал Иванушка руку; а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит: «вот, батюшка, мой суженый».

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят. Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был, мёд, вино пил; по усам текло, а в рот не попало.

ОГОРОД И САД.

Огород.

Огороды бывают возле домов и обносятся забором или плетнём. Огород обрабатывают сами хозяева или огородники; его сильно удобряют навозом. На огороде копают грядки; на грядках сеют и садят огородные овощи. Для гороха и бобов ставят тычинки и вешают пугала. Огороду вредят черви, воробьи, куры и домашний скот. В засуху грядки поливают. Огородные овощи идут в пользу людям, а остатки — домашнему скоту.

Весна говорит: гнило!
А лето: мило, лишь бы было!

Мужик и медведь.

Подружился медведь с мужиком, и вздумали они вместе репу сеять. Мужик сказал: «мне корешок; а тебе, Миша, вершок». Выросла славная репа; мужик взял себе корешки, а Мише отдал вершки. Поворчал Миша, да делать нечего.

На другой год говорит мужик медведю: «давай опять вместе сеять».— Давай! Только теперь ты себе бери вершки, а мне отдай корешки, уговаривается Миша. «Ладно!» говорит сговорчивый мужик: — пусть будет по-твоему» и посеял пшеницу. Добрая пшеница уродилась: мужик получил вершки, а Миша корешки.

С тех пор у медведя с мужиком и дружба врозь.

Что едят у репы? у моркови? у картофеля? у капусты? у мака? у ржи?

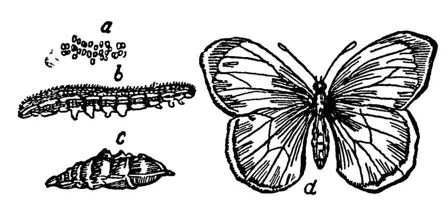
Капустная бабочка.

Мальчик поймал на огороде беленькую бабочку и принёс к отцу.

«Это превредная бабочка», сказал отец: «если их разведётся много, то пропадёт наша капуста».

— Неужели эта бабочка такая жадная?— спрашиваег мальчик.

«Не самая бабочка, а её *гусеница*, отвечал отец, бабочка эта нанесёт крохотных яичек и из яичек выползут червячки: их-то и зовут гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и делает, что ест да растёт. Когда она вырастет, то сделается *куколкой*. Куколка не ест, не пьёт, лежит без движения, а потом вылетит из неё бабочка, такая же, как вот эта. Так превращается всякая бабочка: из яичка в гусеницу, из гусеницы в куколку, из куколки в бабочку; а бабочка нанесёт яичек и замрёт где-нибудь на листе».

Рассказать по порядку превращения бабочки.

Сад.

Сады разводятся возле домов и обносятся заборами или решётками. В садах растут плодовые деревья, ягодные кусты и садовые цветы. Бывают в садах и простые красивые деревья; хороши и тенисты липовые аллеи и беседки. Дорожки в саду усыпают песком. За садом смотрит или сам хозяин, или садовник. Садам вредят птицы, гусеницы и домашний скот. Кроты взрывают дорожки и портят клумбы.

Сравните сад с огородом.

Сад.

Зеленейся, зеленейся,
Мой зелёный сад;
Расцветайте, расцветайте,
Мои алые цветочки!
Поспевайте, поспевайте,
Вкусны ягоды, скорей!

Ко мне будут, ко мне будут,
Ко мне гости дорогие.
Сударь батюшка родимый
Будет по саду ходити,
Спелы ягодки щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда сад садити,
Что горазда поливати,
От морозу укрывати.

Какие бывают растения.

Из растений мы знаем: деревья, кусты, хлебные растения, овощи, грибы и травы.

У дерева один толстый ствол, много сучьев и веток. На ветках или листья, или колючие иглы — *хвои*.

У куста не один ствол, а несколько тоненьких стволов.

У хлебных растений, вместо стебельков, пустые соломинки, наверху колоски с зёрнышками.

У травы — тоненький стебелёк. У гриба нет ни листьев, ни веток: только сверху шляпка, а снизу — корень.

У одних овощей мы едим стручья и зёрна, что в стручьях; у других — корни; у третьих — листья.

Какие вы знаете деревья? кусты? хлебные растения? травы? грибы? овощи? цветы?

Песенки цветов.

Роза.

Зовут меня люди
  Царицей цветов
За цвет и за запах
  Моих лепестков.
Хоть куст мой зелёный
  Вас ранить готов...
Но кто ж не простит мне
  Колючих шипов?

Лилия.

В моей белой чашке
Для всех ароматы,
И пыль золотая
Для пчёлки мохнатой;
И стебель мой строен,
Головка красива,
И листик мой длинен,
Но я не спесива:
И бабочке пёстрой,
Жучку, муравью
И всякой букашке
Приют я даю.

Резеда.

Мой кустик не пышен,
И цвет не богат;
Но издали слышен
Мой всем аромат.
Зато вы найдёте
Везде резеду:
И в скромном букете,
И в царском саду.

Роза.

И по красоте, и по запаху розу называют царицей цветов. Она растёт на кустах. Корни у розового куста длинные, крепкие; коричневый ствол и зелёные молодые побеги покрыты колючими шипами. Листок на розовом кусте кругловатый, с острыми зубчиками. Цветы розы бывают белые, пунцовые, розовые, жёлтые; но всегда одного цвета. У полных роз множество лепестков, сложенных, как шар.

Некрасиво, да спасибо.

Простенький, беленький цветочек земляники выглядывал скромно из травы; а пышный тюльпан гордо покачивал над ним своей пёстрой головой. Прошло дней

десять: на месте беленького цветочка заалела душистая ягода, а на месте гордого тюльпана торчал увядший стебель.

Тюльпан.

Тюльпан очень красивый садовый цветок, но без запаха. Он вырастает из луковицы. Луковица пускает в землю тонкие корешки, точно ниточки; а вверх выгоняет длинные, гладкие листья и круглый стебель. На стебле раскрывается цветок, похожий на колокольчик. Тюльпаны бывают жёлтые, красные и пёстрые.

Сравните тюльпан с земляникой и с розой.

С кем поведёшься, от того наберёшься.

Простой цветочек дикий попал в один букет с гвоздикой. И что же? От неё душистым стал и сам. Хорошее знакомство — в прибыль нам.

История одной яблоньки.

1.

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидал яблоньку и говорит: «вот хорошее деревцо; оно мне пригодится». Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенес её в сад и посадил в хорошую землю.

2.

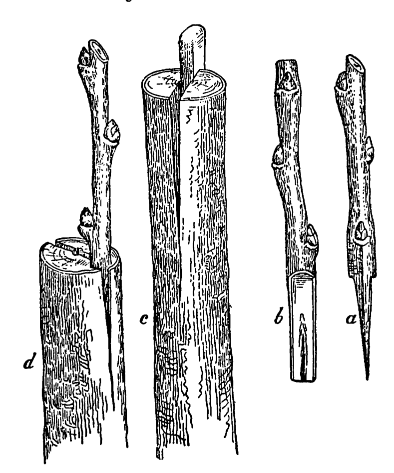
Загордилась яблонька в саду: «должно быть, я редкое дерево», думает она, «когда меня из лесу в сад перенесли», и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала *в школу*.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

3.

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком; выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо белорозовыми, душистыми цветами. Опали белорозовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые. И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

Как разводят хорошие яблони?

Божья коровка.

Мальчик.

Посмотри, папа, какого я хорошенького, кругленького жучка поймал. Головка у него чёрненькая, крылья красненькие, а на крыльях пятнышки. Да жив ли он? Что-то не шевелится.

Отец.

Жив, а только прикинулся мёртвым: сложил свои шесть ножек, спрятал усики и ждёт, чтоб ты бросил его на траву. Это — *божья коровка*, очень полезный жучок. Он, а ещё больше его гусеница истребляют множество вредных зеленоватых насекомых, что кучами живут на листьях и портят растения.

Дитя.

Посмотри, папа, жучок очнулся и взлез мне на палец. Куда-то он полезет дальше?

Отец.

А вот увидишь: посмотри, как он раздвигает свои твёрдые надкрылья и распускает из-под них настоящие крылышки — лёгкие и прозрачные.

Сын.

Вот и улетел: какой же он хитрый жучок!

Сравните божью коровку с бабочкой.

Летит жук да шумит: «убью!» Гусь спрашивает: «кого?» Телёнок говорит: «меня!», а уточка: «так-так-так!»

Мотылёк.

Мальчик.

Расскажи, мотылёк,
Чем живешь ты, дружок?
Как тебе не устать
День-деньской всё порхать?

Мотылёк.

Я живу средь лугов
В блеске летнего дня,
Ароматы цветов —
Вот вся пища моя.
Но короток мой век —
Он не долее дня;
Будь же добр, человек,
И не трогай меня!

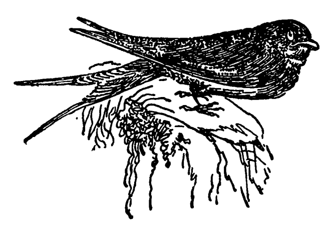
Ворон и сорока.

Пёстрая сорока прыгала по веткам дерева и без умолку болтала; а ворон сидел молча. «Что же ты молчишь, куманёк? или ты не веришь тому, что я тебе рассказываю?» спросила, наконец, сорока.

— Плохо верю, кумушка, отвечал ворон: кто так много болтает, как ты, тот наверно много врёт!

Ласточка.

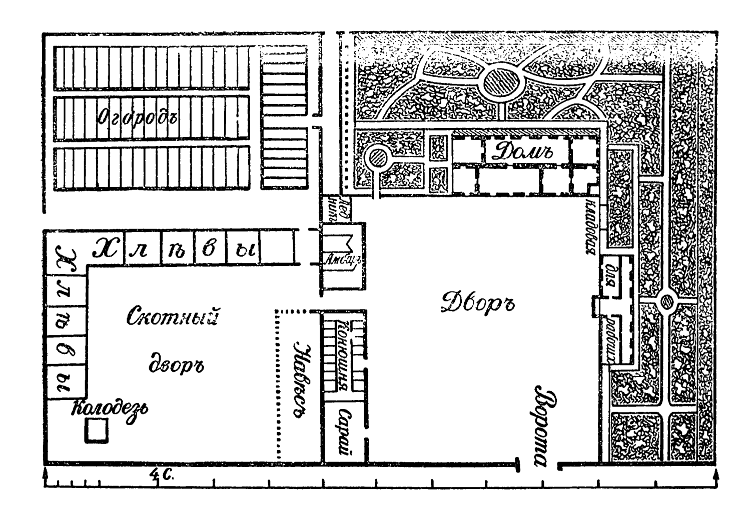
Ласточка-касаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глинкой лепила, гнёздышко вила. Свила себе гнёздышко: яички носила. Нанесла яичек: с яичек не сходит, деток поджидает. Высидела детушек: детки пищат, кушать хотят. Ласточка-каса-

точка день-деньской летает, покою не знает: ловит мошек, кормит крошек.

Придёт пора неминучая, детки оперятся, все врозь разлетятся, за синие моря, за тёмные леса, за высокие горы. Ласточка-касаточка не знает покою: день-деньской всё рыщет — милых деток ищет.

Как живёт ласточка и как курица?

Расскажите, что начерчено на этом плане.

Загадки. 1) Сидит красная девица в тёмной темнице, коса на улице. — 2) Ни окошек, ни дверей, полна горница людей. — 3) Семьдесят одёжек, а все без застёжек; ни шит, ни кроен, а весь в рубцах.

Не плюй в колодец — пригодится воды напиться.

I.

Жили себе дед да баба; у деда была дочь и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у ней такая же.

Дед был человек смирный, и дочь его Машенька — тоже девочка смирная, работящая, красавица.

Не взлюбила мачеха Машеньки и пристала к деду: «Не хочу с Машкой жить! Вези её в лес, в землянку; пусть там прядёт,— больше напрядёт».

Совсем заела мужика злая баба; нечего тому делать, запряг он телегу, посадил Машу и поехал в лес. Ехали,

ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, трут и мешочек круп и говорит: «огонёк, Маша, не переводи, кашку вари, избушку babkalmost припри, а сама сиди да пряди; завтра я приеду тебя проведать». Попрощался старик с дочерью и поехал домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только-что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит: «дай мне, красная девица, ложечку

кашки». Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила её и спряталась.

Поужинала Маша и села опять прясть. Вдруг, в самую полночь, вломился медведь в избу и говорит Маше: «А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть! Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить».

Испугалась Маша, не знает, что ей делать; а мышка вылезла из-под полу, вбежала девушке на плечо, да в ухо и шепчет: «Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама под печь, а колокольчик мне отдай». Машенька так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может; а та бегает да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил, — разозлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Пристал, наконец, медведь и говорит: «Ма́стерица ты, девушка, в жмурки играть! За это пришлю тебе утром стадо коней да воз добра», — и ушёл.

II.

Поутру баба сама посылает деда в лес: «поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка напряла».

Уехал старик; а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед и Машуткины косточки в мешке привезёт.

Сидит баба час, другой, слышит что-то по дороге из лесу тарахтит, а шавка из-под лавки: «Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везёт». Крикнула баба на собачку: «врешь ты, шавка: это в кузове Машуткины косточки гремят!» Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу — полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит: «Эка невидаль какая! Вези мою дочку в лес: моя Наташка не твоей Машке чета — два стада коней пригонит, два воза серебра привезёт».

III.

На другой день отвёз дед бабину дочь в землянку и снарядил её всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула из-под полу и просит: «красна девица, дай мне ложечку кашки». А Наташка как крикнет: «ишь ты, гадина какая, еще каши захотела!» и швырнула в мышку поленом. Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама приела и легла спать.

В самую полночь вломился медведь в избу: «А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить». Взяла Наташа колокольчик и стала бегать, да куда! — колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит; а мышка из-под полу отзывается: «злой Наташке избитой быть!»

Наутро баба посылает старика в лес: «поезжай, говорит, гони коней, вези серебро».

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот затарахтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот: «Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит; а пустой воз тарахтит». Швырнула баба в собачку поленом: «врешь ты, шавка, это серебро в сундуках звенит!»

Подъехал старик с Наташкой и насилу-то её с пустого воза сняли. Завыла тут злая мачеха, да делать нечего; а Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.

НА УЛИЦЕ И НА ДОРОГЕ.

Приглашение на улицу.

По лугам вода разливалася,
По садам пташки разлеталися;
Одна пташка там осталася,
Раскричалася.

Она по пёрушкам — перепёлушка,
А по голосу — красна девушка;

Она звала братца играть на улицу,
На широкую:
«Братец миленький! лебедь беленький!
Ты пойди со мной играть на улицу,
На широкую.
Ты, брат, с гуслями; я с ладонями,
С перебоями!»

Наша улица.

Улица, где стоит наша школа, очень длинна. Она идёт от заставы до площади, где стоит собор. В неё выходит много переулков. Дома на улице стоят по обе стороны рядами; у домов идут тротуары со столбиками, а по середине — каменная мостовая. На нашей улице много вывесок; есть вывеска булочника, портного и сапожника; есть несколько магазинов и лавок.

Такова ли ваша улица?

Две бочки.

Две бочки ехали: одна с вином, другая — пустая. Вот первая себе без шума и шажком плетётся, другая вскачь несётся. От ней по мостовой и стукотня, и гром, и пыль столбом. Прохожий к стороне скорей от страху жмётся, её заслышавши издалека. Но как та бочка ни громка, а польза в ней не так, как в первой, велика.

Худое колесо громче скрипит.

Булочник.

Люблю я ходить мимо булочной: там, за окном, лежат румяные булки, вкусные крендели и сухари. Но жарко, должно быть, булочнику возиться около огромной печи.

Я знаю, что булки пекут из пшеничной муки. Муку разводят водой, прибавляют дрожжей и ставят тесто в квашне куда-нибудь в тёплое место. Когда тесто по-

дымется, тогда начинают его месить и лепят из него булки и крендели; потом кладут их на железный лист и ставят в вытопленную печь, где нет уже ни огня, ни угольев.

Много работы булочнику, и работает он по ночам, чтобы утром были готовы к чаю свежие булки.

Расскажите по порядку, из чего и как делают булки.

Как Мите сшили сюртук.

Отец захотел сшить Мите суконный сюртучок. Пришёл портной и снял с Мити мерку. Воротясь домой, портной развернул штуку сукна и нарисовал на нём мелом части сюртука: спинку, грудь, полы, рукава, воротник, лацканы и обшлага. Потом взял он большие ножницы, выкроил все эти части и отдал в мастерскую, где на лавках сидели и шили работники. Работники стали пришивать одну часть сюртука к другой и разглаживали швы утюгом. Через неделю всё было сшито, петли обмётаны, пуговицы пришиты, подкладка подложена. Тогда работник вычистил сюртук и отнёс его

хозяину, а хозяин отнёс Мите. Сюртук был как раз в пору. Митин отец заплатил портному за материал, за приклад и за работу; а сыну сказал: «носи на здоровье, да береги! сюртук стоит не дёшево».

Назовите все части сюртука. Кто и как его сшил?

Сапожник.

Сапожник снимает мерку с ноги. По этой мерке делает он из дерева *колодку*. Острым ножом выкроит он из кожи верх сапога и голенище, размочит их в воде и прибьёт гвоздиками на колодку. Когда кожа высохнет на колодке, то примет форму сапога, и тогда сапожник снимает сапог с колодки и пришивает к нему подошву. Подошву выкраивает сапожник из толстой бычачьей кожи. Шьёт сапожник не иглой, а шилом: проколет шилом дырочку и проденет в неё *дратву*. Дратва делается из крепких ниток, просмолённых смолой. Чтобы дратву удобнее было вдевать, к ней привязывают твёрдую свиную щетинку.

Пришив подошву, сапожник приделывает каблук и вбивает в него гвоздики; потом пришивает к голенищам ушки, чернит сапоги, чистит их ваксою и несёт тому, кто заказывал.

Назовите все части сапога; расскажите, из чего и как его сшили.

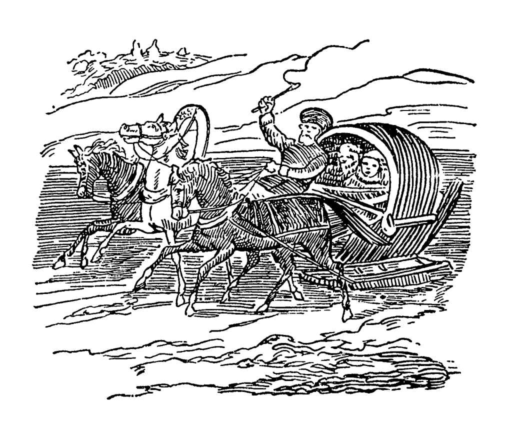
Загадка. Сквозь быка и барана свинья лён волочит.

Ремесло не коромысло, плеч не оттянет, а само прокормит. — Лапти плесть, — однова в день есть. — У портного и локоть наотлете. — Крой да песни пой; шить станешь — наплачешься. — Без клиньев кафтана не сошьёшь.

В дороге.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит;
Колокольчик однозвучный

Утомительно гремит.
Ни огня, ни чёрной хаты:
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаются одни.

Загадка. Сам не видит, не слышит, другим указывает; нем и глух, а счёт ведёт.

Тише едешь, дальше будешь.

Катит барин в своей бричке, на тройке, во всю мочь и спрашивает у встречного мужичка: «далеко ли до города?» Посмотрел мужичок на колёса и говорит: «а как тише, барин, поедешь, то к ночи доедешь». Рассердился барин на глупый ответ и велел кучеру погнать лошадей. Не проехал барин и трёх вёрст, как колесо переднее разлетелось; а железная ось сразмаху въехала в землю и лопнула пополам. К счастью, неподалёку от дороги была кузница: кое-как дотащили туда бричку и чинили её целый день. Только на другой день к ночи попал барин в город.

Куй железо, пока горячо.

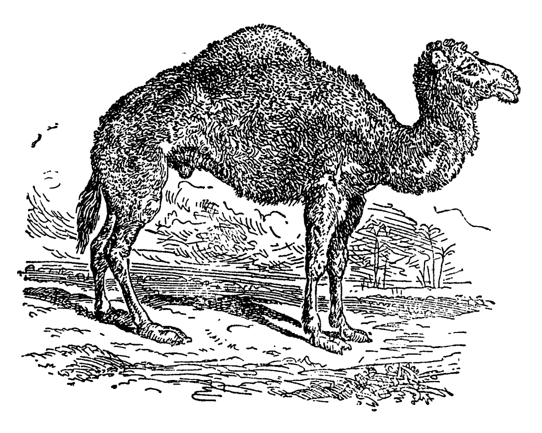
Большая печь в кузнице называется *горном.* В горне много горячих угольев, а сбоку приделан большой м е х. Помощник кузнеца раздувает мехом уголья, чтобы жарче горели.

Кузнец берёт полосу железа и кладёт её в горн. Железо раскаляется, краснеет, потом белеет и делается мягким. Кузнец берёт железо из горна большими щипцами, кладёт его на железную наковальню и начинает ковать тяжёлым молотом, что кому нужно: подкову, гвоздь, топор, железную ось... На кузнеце кожаный передник, потому что от раскалённого железа сыплются искры.

Кузницу устраивают возле города и покрывают дёрном, чтобы она не загорелась от искр.

Как куют железо и что из него делают?

Не огонь железо калит, а мех. — У кузнеца — что стук, то гривна.

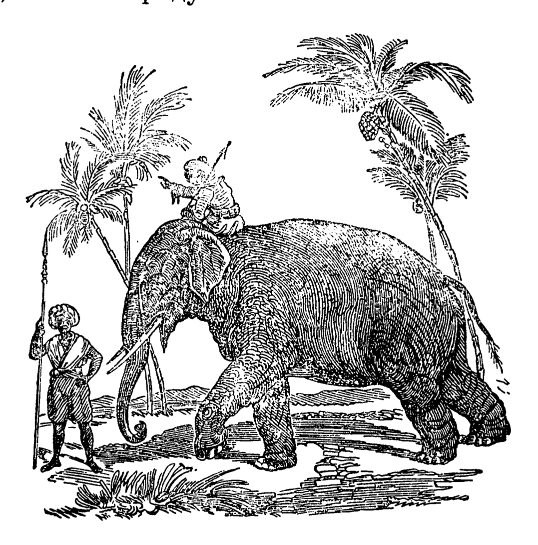
Как человек ездит по земле.

Ходит человек, хоть и не то, чтобы очень тихо, а всё же не далёко бы он ушёл на своих на двоих.

Но недаром бог дал человеку разум. Видит человек, что лошадка на своих четырёх бегает скорее его, и су-

мел взлезть к ней на спину: седло приладил, узду в рот всунул; а потом придумал телеги на колёсах и сани на

полозьях,— и вот, не уставая сам, стал уезжать в день вёрст по сто и больше; заставил лошадку и пахать, и боронить, и обозы возить.

Да и с одной ли лошадью совладал человек? Покорил он своей воле и сильного вола с могучей шеей, и длинноногого верблюда с жирными горбами, и лёгкого оленя с ветвистыми рогами. Мало этого: взлез человек на спину громадному слону и, сидя на нем, как муха, поколачивает его в голову молоточком и едет, куда угодно.

Заметил человек, что по ровной дороге колесо ровнее катится и ехать легче, и стал ровнять большие *почтовые* дороги, прокладывать *шоссе*.

Как ездят люди по земле?

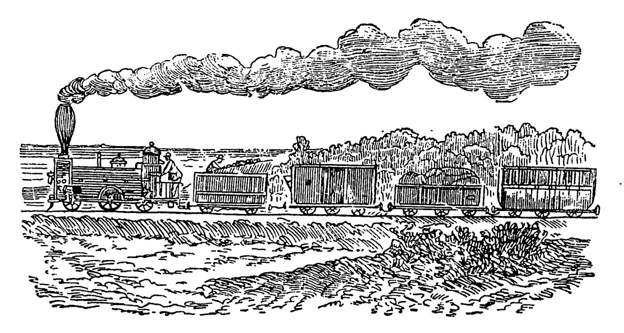
Шоссе и просёлок.

Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у бога.
Ты вдаль протянулась пряма, как стрела;
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!
В тебе, что ни шаг,—то мужик работал,
Прорезывал горы, мосты настилал.
А с каменной рядом, поодаль немножко,
Окольная вьётся живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Без званья ли ты, иль со званьем слывёшь?
Идёшь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам, по долинам, чрез речку и гору.
Тебя не ровняли топор и лопата:
Мягка ты копыту и пылью богата!

Обоз.

Шёл некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами:
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
— Да пузырями.

Язык до Киева доводит.— Дорогой пять, а прямо десять.— Под гору вскачь, а в гору хоть плачь.— Едешь на день, а хлеба бери на неделю.— Купи, денег не жалей, со мной ездить веселей.

Как ездят без лошадей.

Тихо показалось человеку ездить на долгих и на почтовых, по простой дороге и по шоссе: стал он думушку думать и выдумал *железную дорогу*. Прокопал он горы, сровнял долины, проложил мосты и сделал прямую, как стрела, дорожку, словно *полотно* разостлал. На этом полотне положил чугунные колеи — *рельсы*, а на рельсы поставил железную машину с трубою, котлом и печкою, точно самовар. В печку дрова или уголь кладёт, в котле воду кипятит, а на парах катит без лошадей, да так, что ни на какой лошади его не догонишь, вёрст по 50 в час, по 1000 в сутки. Катит железная машина по *чугунке*, пыхтит, свистит, устали не знает, только дрова и воду по станциям забирает. Тащит она целый ряд *вагонов*: в одних вагонах сотни людей сидят, в окошечки смотрят; а в других — что товару наложено — страсть!

Чугунка.

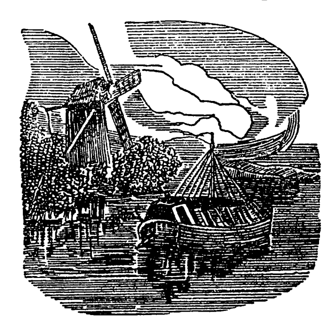
Полотно, а не дорожка;
Конь не конь, сороконожка
По дорожке той ползёт;

Весь обоз один везёт.
Мчит стрелой, не то, что тянет,
Не запнётся, не устанет,
Только с присвистом пыхтит,
В час полсотни укатит.

Как ездят по земле без лошадей?

Как человек ездит по воде.

Плавать человек не очень горазд: как ни учится, а плавает всё хуже рака, не то, что рыбы. «Это дело не ладно!» подумал человек: выдолбил из дерева лодку, вырезал весельце и поехал.

Надоело человеку веслом махать: машешь — машешь, пристанешь, — а всё не далёко уехал. Как тут быть? И подумал человек: зачем это ветер даром по свету гуляет, по дороге пыль подымает, по морю волны, по небу облака гоняет? Дай-ка я заставлю его себя возить! Взял человек полотно, напялил на мачту, сделал парус, — и потащил ветер маленькую лодку и огромный корабль.

Запряг-то человек ветра, запряг; да нету кнутика, чтоб ветер погонять; нету узды, чтоб сдержать; нет вожжей, чтоб управлять.

Корабль.

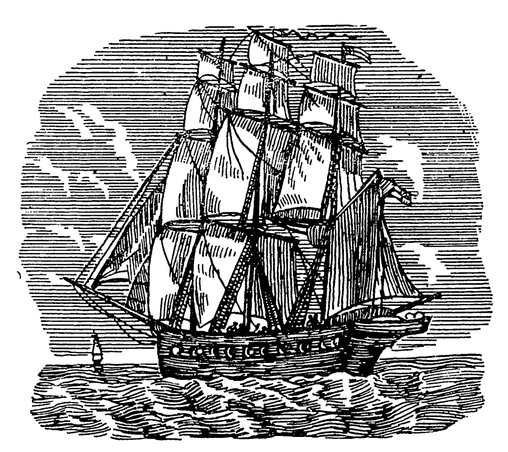
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

Как придумал человек ездить по воде?

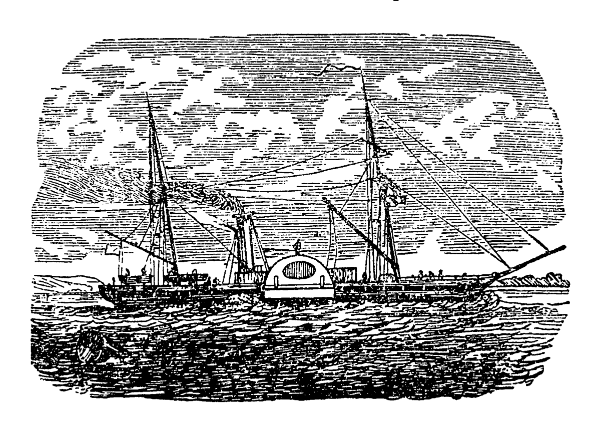
Волга — добрая лошадка: всё свезёт.— Кто на море не бывал, тот и страху не видал.

По воде на колёсах.

Хорошо было бы на парусах ездить, если бы ветер нас слушался; да в том-то и беда, что хочешь ты ехать

на юг, а он тебе дует на север; хочешь ты ехать сегодня, а он говорит тебе: «погоди до завтрева! сегодня я спать

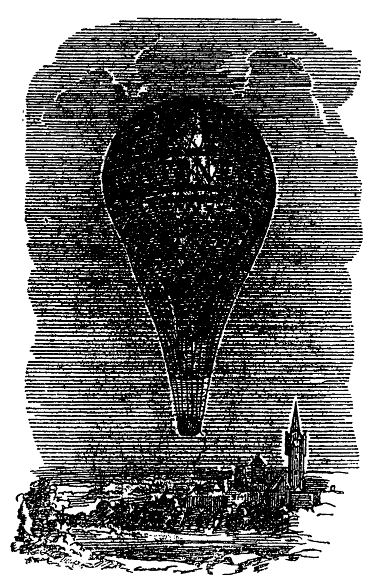
хочу»; — хочешь ехать потихоньку, а он корабль твой, как щепку, кидает, кверху дном переворачивает.

«Нет, это не ладно», сказал человек: «пар хоть тише ветра возит, зато послушнее». Приделал человек к кораблю колёса, заставил пар те колёса вертеть и поехал по морю, словно по суху,— на колёсах. Топит себе на корабле печку, воду в котле кипятит, дым в трубу выпускает, а на парах едет, и против течения, и против ветра,— куда хочет.

Какую пользу приносят пароходы?

Как летают люди по воздуху?

Стало свободно человеку и по земле, и по воде ездить; но позавидовал он птицам небесным. Крыльев бог человеку не дал— взять их негде; а недурно бы по воздуху летать: не нужно там ни шоссе делать, ни полотна настилать,— всюду дорога широкая. Стал человек учиться, да думать: выдумал *воздушный шар*, привесил к шару лодочку и полетел выше леса стоячего, выше облака ходячего, выше орла быстрокрылого. Одна беда, — неугомонный ветер обижает человека в воздухе ещё хуже, чем на море: носит его куда ему, ветру, вздумается, а не куда человеку хочется, и не может человек до сих пор на воздухе с ветром справиться.

Село и деревня.

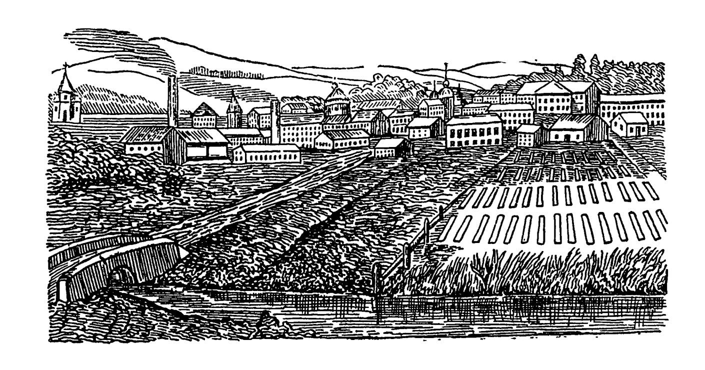
В селе и деревне много крестьянских дворов. В селе дворов больше и есть церковь; в деревне дворов меньше и церкви нет. Жители деревни ходят в церковь

в ближайшее село. Улиц в селе и деревне немного и те немощёные; избы бревенчатые, иные с тесовыми, иные с соломенными крышами. В деревне есть овины, гумна, скотные дворы, огороды и сады. Заборы попадаются редко, а чаще плетни. На улице в деревне встретишь крестьян на телегах, сохи и бороны, а зимой — дровни и розвальни. Жители деревень и сёл, по большей части, занимаются земледелием и скотоводством; но есть богатые *промышленные* сёла, где много *фабрик*.

Новосёловка и Михайловка.

Гулюшки, голубок,
Мой сизенький воркунок!
Мимо терема летал,
    Ворковал;
К окну прилетел,
    Послушал,
Что в тереме говорят,
Во высоком гуторят;
А в тереме говорят,
Новосёловку всё корят;
Новосёловка — слобода
Крапивою заросла,
Полыном она зацвела;
Там некому поиграть,
Там некому поплясать;
    Там девушки босые,
    Молодушки косые.
А в тереме говорят:
Михайловку всё хвалят:
Михайловка — слобода
    Малиною заросла,
    Калиною зацвела;
Там есть кому поиграть,
Там есть кому поплясать;
    Там девушки в башмачках,
    Молодушки в ходочках.

Сравните Новосёловку с Михайловкой.

Город.

В каждом уезде сёл и деревень много, а уездный город один. В городе деревянные или каменные дома крыты тёсом или железом: нет ни гумен, ни овинов, а магазины да лавки; между домами не плетни, а заборы или хорошие решётки. В большом городе улицы мощёны камнем, а по бокам улиц—тротуары. В городе несколько площадей, улиц и переулков. На улицах попадаются навстречу дрожки, кареты, коляски, а зимой — городские сани. Церквей в городе несколько, и одна называется соборной. Жители города занимаются ремёслами, торговлей и службой. Вокруг иных городов много фабрик, простых и паровых с высокими трубами.

Города бывают разные: *заштатные*, *уездные*, *губернские* и *столичные*.

В России две столицы: Петербург и Москва....

Сравните город с деревней. Какие бывают города?

Чудный работник.

Скрип машин неугомонный;
Веретён, колёс мильоны;
Все скрежещут и визжат,
И не люди их вертят.

Как по щучьему веленью,
Пар приводит всё в движенье,
Пар молотит, пар и ткёт,
Шерсть, бумагу, лён прядёт;
И монету выбивает;
Лес пилит, гранит хрусталь;
Масло бьёт, шлифует сталь.

Ярмарка.

Флаг поднят, ярмарка открыта. Народом площадь вся покрыта; глядят из лавок кушаки и разноцветные платки, и разноцветная серпянка; тут груды чашек и горшков, корчаг, бочёнков, кувшинов; там — лыки, вёдра и ушаты, лотки, подойники, лопаты.

Весёлый говор, крик торговли, писк дудок, песни мужиков и ранний звон колоколов — всё в гул слилось. Меж тем оглобли приподнялись поверх возов, как лес без веток и листов.

Куплей да продажей торг стоит.— Ваши деньги, наш товар.— Чего мало, то дорого: чего много, то дёшево.— На базар ехать — с собой цены не возить.— Торгуй правдою,— больше барыша будет.

Зимнее утро в столице.

Встаёт купец, идёт разносчик;
На биржу тянется извозчик;
С кувшином охтянка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный;
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым;
И хлебник — немец аккуратный —
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *вас-ис-дас.*

Змей и цыган.

I.

В старые годы повадился в одну деревнюшку змей летать, людей пожирать: всех переел, один мужик остался.

Шёл мимо этой деревни цыган и захотел на ночлег пристать. В какую избу ни заглянет — пусто! Зашёл, наконец, в последнюю избушку: сидит там да плачет остàльной мужичок. «Ты зачем сюда, цыган? — спрашивает мужичок: видно, жизнь тебе надоела?» — «А что?» — «Да ведь повадился сюда змей летать: всех поел; а завтра прилетит меня сожрёт и тебе не сдобровать: разом двух съест». — «А, может, подавится,— отвечал цыган: ляжем-ка спать: утро вечера мудренее».

Переночевали. Утром поднялся вдруг вихрь: затряслась изба и прилетает змей: «Ага,— говорит: прибыль есть! оставил одного мужика, а нашёл двух — будет чем позавтракать».— «Будто и вправду съешь?» — спрашивает цыган. «Да таки съем».— «Врёшь: подавишься!» — «Что ж, ты разве сильнее меня?» — «Ещё бы! — отвечает цыган: чай сам знаешь, что у меня силы больше твоей». — «А ну, давай, попробуем, кто кого сильнее». — «Давай».

Змей взял жёрнов и говорит: «Смотри: я этот камень одной рукой раздавлю», стиснул жёрнов в горсти так, что тот весь в песок рассыпался — только искры брызнули. «Эко диво! — говорит цыган: а ты так сожми камень, чтоб из него вода потекла». Взял с полки узелок творогу и ну давить: сыворотка и потекла. «Что, видел? У кого силы больше?» — «Правда твоя,— говорит змей: рука у тебя сильнее; а вот, попробуем, кто крепче свистнет». — «Ну, свисти!» Змей как свистнул — со всех дерев лист осыпался. «Хорошо, брат, свистишь,— говорит цыган: а всё не по-моему; завяжи-ка наперёд свои бельмы, а то я как свистну, то они у тебя изо лба повыскочат». Завязал змей платком глаза и говорит: «А ну-ка, свисти!» Цыган взял дубину, да как свистнет змея по башке, так что тот во всё горло заорал:

«Полно, полно, брат цыган! Не свисти больше, и с одного разу глаза чуть на лоб не вылезли». — «Как знаешь,— говорит цыган: а я ещё готов разок-другой свистнуть».— «Нет, не надо; не хочу больше спорить,— отвечает змей: давай лучше побратаемся» — и побратались цыган со змеем.

II.

Говорит змей цыгану: «Ступай, брат, на степь, там пасётся стадо волов: выбери самого жирного и волоки сюда на обед». Пошёл цыган на степь, нашёл гурт волов: давай их ловить, друг с дружкой за хвосты связывать. Ждал-ждал змей — не дождался; побежал сам: «Что так долго?» — «А вот погоди, навяжу штук сорок да зараз и поволоку, чтобы на целый месяц хватило».— «Экой ты какой! — говорит змей: нешто нам здесь век вековать — будет с нас и одного». Ухватил змей самого жирного вола за хвост, сдёрнул шкуру, взвалил и шкуру, и мясо на плечи и потащил домой. «Как же, брат,— говорит цыган: я столько штук навязал — неужели ж бросить?» — «Ну, брось!»

Пришли в избу, наклали два котла мяса, а воды нет. — «На тебе воловью шкуру, говорит змей: набери полную воды и принеси сюда». Потащил цыган к колодцу воловью шкуру: еле-еле порожнюю тащит; пришёл, и давай колодец кругом окапывать. Змей ждал-ждал — не дождался, побежал сам. «Что ты делаешь?» — «Да вот,— отвечает цыган: хочу колодец кругом окопать и в избу перетащить, чтобы не нужно было всякий раз по воду ходить».— «Экой ты какой! много затеваешь», сказал змей, набрал полную шкуру воды и понёс домой.

Есть и мясо, и вода, да дров нет, и говорит змей цыгану: «Сходи, брат, в лес, выбери сухой дуб и волоки сюда». Пошёл цыган в лес: начал лыки драть да верёвки вить. Ждал-ждал змей, — не дождался, опять бежит: «Что ты здесь делаешь?» — «Да вот,— отвечает цыган: хочу зараз дубов двадцать зацепить верёвкой и тащить все с кореньями, чтоб надолго дров хватило». — «Экой

ты, право! — говорит змей: всё по-своему делаешь», вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Наварил змей говядины и зовёт цыгана обедать; а цыган надулся и говорит: «не хочу». Вот змей сожрал сам целого вола и стал цыгана спрашивать: «скажи, брат, за что ты сердишься?» — «А за то,— отвечает цыган: всё, что я ни сделаю — всё не так, всё не по-твоему». — «Ну, не сердись, помиримся».— «Коли хочешь со мной мириться,— говорит цыган: поедем ко мне в гости». — «Изволь, брат, поедем!»

Змей достал повозку, запряг тройку что ни есть лучших коней и поехали вдвоём в цыганский табор. Стали подъезжать, а цыганята увидали отца, бегут к нему навстречу, голые, чёрные, да во всё горло кричат: «Батька приехал! змея привез!» Змей испугался и спрашивает у цыгана: «это кто?» — «А это мои дети,— отвечает цыган: чай голодны теперь; смотри, как за тебя примутся!» Змей с повозки да бежать и оставил цыгану и повозку, и лошадей.

ОТДЕЛ II.

ВРЕМЕНА ГОДА.

ЗИМА.

Что сделала зима?

Где сладкий шопот
    Густых лесов,
Потоков ропот,
    Цветы лугов?
Деревья голы;
    Ковёр зимы
Покрыл холмы,
    Луга и долы.
Под ледяной
    Своей корой
Ручей немеет,
    Всё цепенеет.
Лишь ветер злой,
    Бушуя, воет
И небо кроет
    Седою мглой.

З а г а д к а. Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает.

Проказы старухи зимы.

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса; одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугалися звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызёт; медведь в берлоге лапу сосёт; заинька, прыгаючи, греется; а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху; а рыба вся вглубь ушла; под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же,— думает зима: дойму я людей» — и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие, да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые, да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваливают.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают, да ещё мороз кличут: «приди-ка

подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют; а мальчик схватит снега, давай тереть,— и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

Что сделала зима с птицами? с зверями? с рыбами? с людьми?

З а г а д к и. 1) Летит—молчит, сядет—молчит, а помрёт да сгниет, так и заревёт. — 2) Старик у ворот, тепло уволок; сам не бежит, стоять не велит.

Маленький мужичок.

Однажды, в студёную зимнюю пору я из лесу вышел; был сильный мороз. Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз. И, шествуя важно, в спокойствии чинном, лошадку ведёт под уздцы мужичок в больших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах, а сам с ноготок.— «Здорово, товарищ!» — «Ступай себе мимо!» — «Уж больно ты грозен, как я погляжу! Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо! Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».

Зайка.

Заинька у ёлочки попрыгивает,
Лапочкой об лапочку поколачивает:

* * *

«Экие морозцы, прости господи, стоят!
Елочки от холоду под ним трещат.

* * *

Елочки от холода потрескивают,
Лапочки от холода совсем свело.

* * *

Вот кабы мне, зайке, мужичонком быть,
Вот кабы мне, зайке, да в лапотках ходить;

* * *

Жить бы мне да греться в избушечке
Со своею хозяюшкой серенькой.

* * *

Пироги мне есть, да всё с капусткою,
Пироги бы со сладкою морковкою.

* * *

На полатях зимушку пролёживать,
По морозцу в саночках покатывать».

Телега хлеб в дом возит, а сани на базар.— Что летом ногой, то зимою рукой.— Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь.— Береги нос в большой мороз.— Что мужику деется: бежит да греется.

Из детских воспоминаний.

23 декабря.

Завтра рождественский сочельник, и сегодня распустили нашу школу. Насилу-то мы досидели последний урок! Я так бежал домой, что потерял было книгу. До 8-го января мы свободны. Эта первая треть учебного года — самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсем развалилась; надобно бы устроить кукольный театр маленьким братьям и сестрам: я об этом позабочусь.

24 декабря.

«Кутья стоит на покути, а узвар пошёл на базар», сказала нам сегодня няня. Кутья, точно, стояла в переднем углу, под образами, на сене; да и узвар с базару воротился и оказался очень вкусным. Мамаша рассказала мне, зачем кутью ставят на сено. Вечером была страшная метель; но это не помешало мальчикам и девочкам прийти колядовать. Ох, как воет в трубе! Как жутко должно быть теперь в открытом поле!

Так ли вы провели рождественский сочельник?

Метель.

В чистом поле в полночь завывает-гудёт, завывает-несётся метелица; белым снежным столбом по дороге идёт, по следам расстилается-стелется.

«Ну, заехал в сугроб! Видно, здесь ночевать; ну, Савраско, потрогивай, маленький! Вовсе сбились с тобой; захотелося спать; понабилося снега за валенки».

«Что там? Словно-ка где колокольчик звенит; огоньки там, что ль, зажигаются? А хозяйка-то ждёт, а мальчишка-то спит. Что ему! Знай, по печи валяется».

В чистом поле в полночь завывает-гудёт, завывает-несётся метелица; белым снежным столбом по дороге идёт, по следам расстилается-стелется.

Не то снег, что метёт, а что сверху идёт.— Сипит да дует: что-то будет?

Коляда под рождество.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Накануне рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всем по дворам,
По проулочкам.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петров-то двор, железный тып.
Середи двора три терема стоят:
В первом терему — светел месяц;
В другом терему — красно солнце;
А в третьем терему — часты звезды.
Светел месяц — Петр сударь,
Свет-Иванович!
Красно солнце — Марья Павловна!
Часты звёздочки — их детушки!
Здравствуй, хозяин с хозяюшкой,
На долгие века, на многие лета!

Из детских воспоминаний.

25 декабря.

Когда мы проснулись сегодня, метель уже утихла, и солнце светило ярко. У наших кроваток лежали подарки: я получил книгу с картинками и краски; Вера и Надя — новые куклы, Костя — лошадку, а Воля — барабанщика, и барабанил Воля до тех пор, пока у барабанщика руки перестали подыматься....

Зимний вечер.

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя; то по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит.

Зимнее утро.

Вечо́р, ты помнишь, вьюга злилась; на мутном небе мгла носилась; луна, как бледное пятно, сквозь облака едва смотрела.... А нынче: посмотри в окно! Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит; прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит!

Коляда на новый год.

Ай, во боре, боре
Сосенка стояла,
Зелена, кудрява!
Ой, Овсен! ой, Овсен!

Ехали бояре,
Сосенку срубили,
Дощечки пилили,
Мосточек мостили,
Сукном устилали.
Гвоздьми убивали,
Ой, Овсен! ой, Овсен!

Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсену
Да новому году!

Из детских воспоминаний.

1-го января.

Вчера вечером у нас были гости: встречали новый год. Но я не дождался двенадцати часов и заснул, не раздевшись. Сегодня все поздравляют друг друга с новым годом и желают друг другу счастья. Мамаша надела на меня новенькую рубашку. Приходили крестьянские дети и обсыпали всех ячменем и пшеницей: желали хорошего урожая в новом году. Сегодня мы едем в гости к тётушке. Я знаю, что там будут играть в фанты, гадать и петь подблюдные песни.— «Какой начался сегодня год,— спросили меня: простой или високосный», а я и не знал.

Как вы встретили и провели первый день нового года?

Подблюдные песни.

1. Дивная щука.

Щука шла из Новагорода,
Слава!
Она хвост волокла из Белаозера,
Слава!
Как на щуке — чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченная,
Слава!
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Слава!
Как головка у щуки унизанная,
Слава!
А на место глаз — дорогой алмаз.
Слава!

Из детских воспоминаний.

6-го января.

Вчера мы обедали очень поздно, при свечах: дожидались святой воды. Ночью был страшный мороз; я сам слышал, как трещало. Говорят, что в саду нашли двух замёрзших ворон. Даже и меня не взяли сегодня на Иордань — так холодно!....

Сердце сжимается, как подумаешь, что завтра классы. Но мамаша говорит, что если бы я всё гулял, то и праздники не были бы для меня такие весёлые. Как бы рассчитать, далёко ли до масленицы?

Крещенский вечер.

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи, под окном
Слушали, кормили
Счётным курицу зерном,
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Расстилали белый плат;
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Силён мороз: брёвна рвёт, на лету птицу бьёт. — В мороз заснуть легко, проснуться трудно.— Трещи, не трещи: прошли водокрещи!

2-го февраля.

....Зима начинает надоедать. Дни заметно стали длиннее, но солнышко всё ещё плохо греет. Масленица близёхонько. В прошлом году она была ранее. Ах, если б весна приходила поскорее!

Дуй, не дуй, не к рождеству пошло, к велику дню!— Февраль три часа дня прибавит. — Февраль воду подпустит, март подберёт.— Солнце на лето — зима на мороз.

ВЕСНА.

Ожидание весны.

На зимних полях не ищите цветов: всю землю одел ещё снежный покров. Под снегом цветочкам тепло почивать; когда же малютки проснутся опять? Не всё же морозы и вьюги одни, придут к нам и тёплые, красные дни. Весна по полям всюду станет бродить: и рощу, и поле, и речки будить; она, разбивая льдяные оковы, холодные снимет с природы покровы, разбудит цветочки от долгого сна; проглянут малютки и скажут: «весна!»

Масленица — семикова племянница.— Звал, позывал честной семик широкую масленицу к себе погулять: на горах покататься, в блинах поваляться.— Не всё коту масленица; придёт и великий пост.

Из детских воспоминаний.

Чистый понедельник.

На масленице мы славно повеселились: и с гор покатались, и блинов поели. Было шумно и весело: зато сегодня — какая тишина и в доме и на улицах! Только слышен печальный и протяжный благовест. Мамаша и бабушка надели тёмные платья и собираются говеть. Приходил священник: прочёл молитву и поздравил всех с великим постом.

В воздухе уже пахнет весною. В полдень солнышко заметно пригревает; с крыш свесились брильянтовые сосульки; снег рыхлеет; в саду показываются проталинки. Как бы мне хотелось знать: будет ли пасха на снегу, или на зелёной травке? Ученья всего шесть недель; на седьмую нас распустят. Надя и Вера уже начали собирать цветные тряпочки для писанок. Раненько, мои милые!

Как вы провели масленицу? Что вы знаете о великом посте?

Заговляюсь на хрен, на редьку да на белую капусту.— Неделя средокрестная — перелом поста.— Щука хвостом лёд разбивает.

Выставляется первая рама!
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Призыв весны.

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью, радостью,
С великою милостью: со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебом обильным!

Из детских воспоминаний.

....Солнышко каждый день работает прилежно. Дороги испортились; снег проваливается; везде лужи; лёд на реке почернел; у берегов полыньи; на припёке, как будто, зеленеет травка; на деревьях почки вздулись, в водостоках шумят ручейки....

Какие успехи сделала ваша весна к этому дню?

Весенние воды.

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят;
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят;
Они гласят во все концы:
«Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд....
Весна идёт! Весна идёт!»

Из детских воспоминаний

....Снег ещё белеет кое-где в тени; но на дворе у нас совсем сухо, и весело идти по сухой земле. На реке только чернеет бывшая дорога. Вот бы теперь по ней проехаться! Переправы уже два дня нет. Милое солнышко! работай прилежнее: помни, что после завтра праздник.

Сегодня не тает, а завтра бсг знает.— Ветер снег съедает.— Весна и осень на пегой кобыле ездят.— Весенний лёд толст, да прост; осенний тонок, да цепок ....

Пчёлка.

Только что по проталинкам весенним показались ранние цветочки, как из царства воскового, из душистой келейки медовой вылетает первая пчёлка. Полетела по ранним цветочкам о красной весне разведать: скоро ли луга зазеленеют, распустятся клейкие листочки, зацветёт черёмуха душиста?

Ласточка.

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
С нею солнце краше,
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!
Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой.

Из детских воспоминаний.

(Радоница).

Бабушка и мамаша взяли меня и двух сестёр на кладбище. Там, под крестами, много спит наших родных: там и моя сестрёнка Лиза. Как обросла травою её маленькая могилка!

Повсюду проглянули жёлтые одуванчики, а длинные космы плакучих берёз будто осыпаны зелёным пухом. Пташки носятся и щебечут; та тащит соломинку, та перышко: видно, принялись они вить гнёзда. За кладбищем крестьяне уже пашут яровое поле.

Что такое радоница? Успехи вашей весны к этому дню?

Песня пахаря.

Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной. Выбелим железо о сырую землю. Красавица-зорька в небе загорелась, из большого леса солнышко выходит. Весело на пашне! Ну, тащися, сивка!... Я сам-друг с тобою, слуга и хозяин. Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зёрна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вею. Ну, тащися, сивка!... Пашенку мы рано с сивкою распашем: зёрнышку сготовим колыбель святую. Его вспоит, вскормит мать-земля сырая; выйдет в поле травка... Ну, тащися, сивка!... Выйдет в поле травка, вырастет и колос: станет спеть, рядиться в золотые ткани. Заблестит наш серп здесь, зазвенят здесь косы: сладок будет отдых на снопах тяжёлых. Ну, тащися, сивка!... Накормлю досыта, напою водою, водой ключевою. С тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мне, боже, хлеб — моё богатство!

Орёл и ворона.

Жила была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси, лебеди, нанесли яиц; а ворона стала их обижать, стала у них яички таскать.

Случилось сычу мимо лететь, и видит он, что ворона птиц обижает, полетел и сказал орлу: «Батюшка, сизый орёл! дай нам праведный суд на воровку ворону».

Сизый орёл послал за вороной лёгкого посла, воробья. Воробей полетел, захватил ворону; она было упираться, а он давай её пинками, и поволок-таки к орлу.

Вот стал орёл ворону судить: «Ах ты, воровка ворона, глупая голова! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь: у больших птиц яйца таскаешь».

— Напраслина, батюшка, сизый орёл, напраслина! Это всё слепой сыч, старый хрыч, про меня наврал.

«Про тебя сказывают,— говорит орёл: что выйдет мужик сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом — и ну разгребать».

— Напраслина, батюшка, сизый орёл, напраслина!

«Да еще сказывают: станут бабы снопы класть, а ты со всем своим содомом выскочишь — и ну снопы ворошить».

— Напраслина, батюшка, сизый орёл, напраслина!

Осудил орёл ворону в острог посадить.

Весеннее утро пахаря.

Весеннее солнце взошло над землёй; пахарь уж в поле идёт за сохой. Тихо идёт он и громко поёт: «Кто-то весною как пахарь живёт!»

Пахарь и цветок.

Цветок смиренный полевой!
В недобрый час ты встречен мной.
Как вёл я плуг, твой стебелёк
Был на пути...
Краса долины! я не мог
Тебя спасти.
Ты скромно в зелени мелькал,
Как синенький глазок; ты ждал
Привета солнышка — и вдруг
Тебя скосил мой острый плуг
И погубил.

Орёл и кошка.

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг, откуда ни возьмись, — огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва на смерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силён, а кошка уже устала; однакоже она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

Сравните орла с кошкой.

Вечерняя заря весною.

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля;
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря.
Темнеет уж в долине,
И ночи близок час;
На маковке берёзы
Последний луч угас.
Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в ближней роще звонко
Уж соловей пропел.

Слети ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря!

В поте лица твоего будешь ты есть хлеб твой.

Земля кормит человека, но кормит недаром. Много должны потрудиться люди, чтобы поле, вместо травы, годной только для скота, дало рожь для чёрного хлеба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледелец пашет поле *сохою*, если не нужно пахать глубоко, или *плугом*, если пашет *новину*, или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга, и в неё запрягают одну лошадку. Плуг гораздо тяжелее сохи, берёт глубже, и в него впрягают несколько пар лошадей или волов.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого ещё мало. Если поле новое или земля сама по себе очень жирна, то *навоза* не надобно; но если на ниве что-нибудь уже было сеяно и она истощилась, то её надобно удобрить навозом.

Навоз вывозят крестьяне на поле осенью или весною и разбрасывают кучками. Но в кучках навоз мало принесёт пользы: надобно его запахать сохою в землю.

Вот навоз перегнил; но сеять всё ещё нельзя. Земля лежит комьями, а для зёрнушка надобно мягкую постельку. Выезжают крестьяне на поле с зубчатыми боронами: боронят, пока все комья разобьются, и тогда только начинают сеять.

Сеют или весною, или осенью. Осенью сеют *озимый* хлеб: рожь и озимую пшеницу. Весною сеют яровой хлеб: ячмень, овёс, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходит ещё с осени, и когда на лугах трава уже давно пожелтела, тогда озимые поля покрываются всходами, словно зелёным бархатом. Жалко смотреть, как падает снег на такое бархатное поле. Молодые листочки озими под снегом скоро вянут; но тем лучше растут корешки, кустятся и глубже идут в землю. Всю

зиму просидит озимь под снегом, а весною, когда снег сойдёт и солнышко пригреет, пустит новые стебельки, новые листки, крепче, здоровее прежних. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чем ляжет снег; тогда, пожалуй, озимь может вымерзнуть. Вот почему крестьяне боятся морозов без снега и не жалеют, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстым снежным одеялом.

Как обрабатывают и сеют хлеб?

Поле и школа.

Люди пашут поле, зерном посыпают: дети ходят в школу слово божье слушать. Зёрнышко ложится в мягкую землицу: слово божье входит в души молодые. Дождём землю смочит, солнышком пригреет: умным словом, лаской душу согревают. Под землёй, в потёмках не улежат зёрна: не загинет в сердце доброе ученье. Выглянут посевы яриной зелёной: скажется ученье умными речами. Поле обольётся жатвой золотистой: взойдёт божье слово добрыми делами. Господи, пошли нам впору дождь и вёдро! Отче, возрасти в нас семена благие!

Сравните то, что делается на поле, с тем, что делается в школе.

Посев льна.

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Я сеяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок!
Ты удайся, мой беленький ленок!
Лён мой, лён!
Белый лён!

* * *

Я полола-полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

(Повторяется тот же припев).

* * *

Уж я дёргала-дёргала ленок,
Я дёргала, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Я сушила-сушила ленок;
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Уж я мяла-то, мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Я трепала-трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Я чесала-чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала....

* * *

Уж я пряла-то пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок!
Ты удайся, мой беленький ленок!
Лён мой, лён!
Белый лён!

Обезьяна.

Крестьянин на заре с сохой над полосой своей трудился; трудился так крестьянин мой, что градом пот с него катился: мужик работник был прямой. Зато, кто

мимо ни проходит, от всех ему: спасибо, исполать! Мартышку это в зависть вводит. Хвалы приманчивы — как их не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбан, и ну, над ним возиться! Хлопот Мартышке полон рот: чурбан она то понесёт, то так, то сяк его обхватит, то поволочит, то покатит; рекой с бедняжки льётся пот, и, наконец, она, пыхтя, насилу дышит; а всё ни от кого похвал себе не слышит.

И не диковинка, мой свет! Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

Май.

Дождались мы светлого мая;
Цветы и деревья цветут;
И по небу синему, тая,
Румяные тучки плывут.

Троицын день.

Рано мы проснулись сегодня. Мы знали, что у нас на дворе целый воз молоденьких берёзок и что надобно расставлять их и по двору, и на воротах, и на крыльце, и в комнатах по углам, и за образами, где ещё торчат высохшие вербочки. Чуть-чуть накрапывает весенний тёплый дождик, отчего липкие листочки на берёзе ещё ярче и душистей. Правду говорят, что троицын день — зелёный праздник.

Мне и двум старшим сёстрам поручили нарвать букеты в церковь: я наломал душистой сирени и нашёл одно *счастье* о девяти листочках.

В церкви на полу набросана трава, свежие ветки нависли на образа. У всех в руках цветы или хоть какая-нибудь веточка. У одной бедной девочки не было ничего. Костя отдал ей свой букет. Какой добряк, наш маленький Костя!

Завтра духов день, а сегодня гремел первый гром....

Весенняя гроза.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гро:
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые...
Вот дождик брызнул, пыль летит.
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный,—
Всё вторит весело громам...

Майское утро.

Утро свежестью пахнуло; поле зеленью одето; сквозь волнистые туманы улыбнулось уже лето.

Выхожу я в лес соседний; там, под зеленью тенистой, уж расцвёл питомец мая — ландыш белый и душистый.

И кругом ковёр зелёный, в золотистых переливах; и роса в алмазных каплях — на деревьях и на нивах.

ЛЕТО.

Летом.

Всю щедрую руку создатель открыл,
И рощи, и нивы богатством залил.
Одеты деревья, одеты кусты,
Кругом по траве запестрели цветы.

Привольно стадам на зелёных лугах;
Привольно и рыбке в прохладных струях.
В садах между листьев желтеют плоды,
И пахаря зреют на нивах труды.

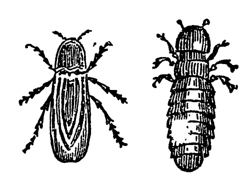
В лугу уж звенит и сверкает коса,
А в рощице птичьи твердят голоса:
«Как славно здесь, мальчик, в прохладной тени!
Иди к нам скорей, на траве отдохни;

Послушай, какую мы песню поём,
Как щедрому лету хвалу воздаём».
— «Не лето хвалите,— им мальчик сказал:
— Хвалите того вы, кто лето вам дал!»

Ивановский червячок.

Настал Иванов день, и светляк зажёг свой фонарик. Словно зелёная звездочка, блестит он в темноте и падает с травки на травку.

— Поймаем его и положим в стакан с травой. Отчего же это светляк потушил свой фонарик? Не задавили ли мы бедняка? Нет, он только испугался; а вот теперь опять засветил попрежнему. Оставим же его на ночь в покое, а завтра рассмотрим хорошенько.

— Как некрасив этот червяк днём! А ночью можно было подумать, что он брильянтовый. Его коричневое тельце сверху плоско, снизу выпукло: всё состоит из одиннадцати колец. Колечки будто вдеты одно в другое. Под верхним кольцом, как под щитком, прячется головка с чёрными усиками, с большими чёрными глазками. Да это насекомое, а не червяк: у него шесть чёрненьких ножек. Видите ли вы эти белые пятнышки на задних трёх колечках? Вот эти-то пятнышки и светят в темноте.

Крылышек нет у нашего светляка — это самочка; но у самца есть и крылышки, и тёмные, твёрдые надкрылья, как у всякого жучка. Самчик также светит; но он летает отлично, и его поймать нелегко.

Самка светляка приклеивает свои крошечные яички к травинке. Из яичек выходят *личинки*, очень похожие

на мать; а к Иванову дню жучок готов и зажигает свой фонарик.

Опишите светляка; расскажите его превращения.

Из детских воспоминаний.

29-го июня.

Сегодня у меня не один праздник, а много: я именинник, вчера в нашей школе был публичный акт, и мне подарили книгу; сегодня начались каникулы; завтра мы едем в деревню, — а в деревне-то зелень, цветы, поля, рощи, птички, ягоды! Я знаю, что как мы приедем в деревню, так и отправимся с папашей на сенокос. Вот где повеселюсь-то я вволю! Не забыть бы купить удочек....

Как вы провели ваши каникулы?

На лугу летом.

(Из детских воспоминаний).

«Сегодня, дети, мы все едем на сенокос», сказал нам недавно отец,— и мы так раскричались и разбегались, что нас насилу уняли. Я приготовил удочки для рыбы и сачки для раков, девочки — корзинки для ягод, и после обеда вся наша семья отправилась на двух телегах.

Часа через два езды по узким просёлкам, а под конец и вовсе без дороги, добрались мы до своего заливного сенокоса на берегу Десны.

Когда мы приехали, солнце уже садилось за меловые горы, но работа ещё кипела по всему лугу; а луг-то луг, — и глазом не окинешь!

Косари в белых рубахах дружно наступали на высокую траву, и за каждым быстро вытягивалась позади зелёная грядка. Подальше, крестьянки с песнями сгребали в копны сено, а у ольховой рощи уже складывался стог: два работника стояли наверху растущего стога и искусно складывали сено, а двое других подавали им его на вилах. Мальчики на лошад-

ках подтаскивали к стогу новые копны, зацепив их верёвкою; две собачёнки барахтались в сене. Весело разносились в воздухе песни, смех, говор, лай собак и звон косы под ударами точильной лопатки, набитой песком.

Но вот солнце село; стало темнеть, на западе разгорелась заря: журавли с криком пронеслись в вышине; пролетела вереница диких уток на ночлег; в ближнем озере, что осталось после разлива, хором заквакали лягушки; ночные кузнечики затрещали.

Работы прекратились. На берегу запылали костры, отражаясь в воде; чёрные котлы повисли над огнями, а вокруг их задвигались люди, точно громадные тени.

Молодые ребята отправились с огнём щупать раков; один удалец взял в руки две горящие головни и прокатился с ними огненным колесом по скошенному лугу. Палатки наши разбили, и мы, набегавшись вволю, уснули на душистом сене. Я попросил разбудить себя пораньше: утром рыба лучше клюёт.

Что вы видели на сенокосе? расскажите и сравните с тем, что прочли.

Сенокос.

Пахнет сеном над лугами;
Песней душу веселя,
Бабы с граблями, рядами,
Ходят, сено шевеля.
Там сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают....
Воз растёт, растёт, как дом.
В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит:
Уши врозь, дугою ноги,
И, как будто, стоя спит.
Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

Песня косаря.

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня;
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошёная:
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохнете.
Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.

Рыбка.

Жарко... а в речке, в прибрежной тени, резвые рыбки стадами гуляют; в свежих струях так свободно они ищут добычи, иль вольно играют. Вон посмотрите, как рыбка одна бойко резвится у самого дна.

Рыбочка, рыбочка, пожалуй, резвись, только стального крючка берегись: с удочкой мальчик под ивой сидит и за лесою прилежно следит.

Рыбке не виден коварный крючок: лакомый вьётся на нём червячок. Быстро схватила насадку она, с нею нырнула до самого дна. Мальчик проворно бедняжку подсек, дёрнул.... Ну, рыбка, твой кончился век!

Опишите удочку и рыбную ловлю.

Ивушка.

Ивушка, ивушка, зелёная моя!
Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
Или тебя, ивушку, солнышком печёт;

Солнышком печёт, частым дождичком сечёт;
Под корешок ключева вода течёт?

* * *

Ехали бояре из Новагорода:
Срубили ивушку под самый корешок;
Стали они ивушку потёсывати;
Сделали из ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сели в лодочку, поехали домой.
Взяли, подхватили меня, молодца, с собой.

Ворона и рак.

Летела ворона над озером; смотрит — рак ползёт: цап его! села на вербе и думает закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит: «ай, ворона! ворона! знал я твоего отца и мать, что за славные были птицы». — «Угу!» говорит ворона, не раскрывая рта. «И сестёр, и братьев твоих знал — отличные были птицы!» — «Угу!» опять говорит ворона. — «Да хоть хорошие были птицы, а всё же далеко до тебя». —«Ага!» каркнула ворона во весь рот и уронила рака в воду.

Лев и лягушка.

Слышит лев кваканье лягушки и думает: «большой, должно быть, зверь кричит». Выскочила лягушка из болота, и лев нечаянно раздавил её лапой.

До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо. — Снегу надует, хлеба прибудет: вода разольётся, сена наберётся.

Лягушка и вол.

Лягушка, на лугу увидевши вола, затеяла сама в дородстве с ним сравняться. Она завистлива была — и ну топорщиться, пыхтеть и надуваться. «Смотри-ка, квакушка, что буду ль я с него?» подруге говорит. —

«Нет, кумушка, далёко!» — «Гляди же, как теперь раздуюсь я широко... Ну, каково? пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». — «Ну, как теперь?» — «Все тож». Пыхтела, да пыхтела и кончила моя затейница на том, что, не сравнявшися с волом, с натуги лопнула и — околела.

Волчьи слёзы.

Проведал волк, что у пастуха пало всё стадо, пришёл к нему со слезами на глазах и говорит: «жаль мне тебя, добрый человек!» Посмотрел пастух на волчьи слёзы и молвил: «Спасибо, кум! Но кто тебя знает, отчего ты плачешь: оттого ль, что тебе жаль меня, или оттого, что тебе самому нечем теперь поживиться?»

Летнее утро.

Ночка укатила за леса, за горы; утренней прохладой в воздухе пахнуло; серые туманы поднялись в лощинах; звёздочки погасли одна за другою. Молодик рогатый побледнел и меркнет; с высоты небесной видит он, что тучки все бегут к востоку и, завидев солнце, в пурпур золотистый, в серебристы ткани спешат нарядиться.

Вот и показалось! Весело и бодро на небо всплывает солнце золотое. Яркими лучами будит оно речку, поле, луг и рощу; будит птиц на ветках, будит зверя в чаще; будит и букашку, что во мху зелёном заспалась немного. Говорит всем кротко солнце золотое: «отдохнули, полно — пора и за дело!»

За ночь всё вздохнуло от денной работы: и поля, и нивы под росой студёной полны новой силы, свежи, серебристы. Листья на деревьях, травка на покосах, колосок на поле... всё приободрилось. Пташки пробудились, стали голосистей, веселей за дело прежнее берутся. Коротка ночь летом, да богата силой!

Деточки проснулись, кинули постельки; вволю отдохнули члены молодые; ножки хотят бегать; ручки

просят дела; в головках кудрявых, словно пчёлки в ульях, мыслишки роятся. Деточки оделись, студёной водицей личики умыли; богу помолились, в школу собралися. Вот бегут, щебечут, словно птички в поле; весело берутся за свои делишки. Солнце смотрит с неба на прилежных деток, говорит им кротко: «помогай вам боже!»

Путешествие воды.

1. Кому только не нужна вода! И травке, и зверю, и птице, и человеку. Вот почему бог наполнил водою большие моря и океаны.

Но в морях вода горькая и солёная, да не все и живут у самого моря. Как же очистить воду? Как перенесть её за тысячи верст? Как поднять на высокие горы?

Работу эту задал господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами переделывает солнышко воду в лёгкие пары. Водяные пары оставляют соль в море, поднимаются кверху и кажутся нам серебряными облаками на голубом небе.

2. Подымутся пары облаками; но не стоять же им над морем! Выходит тут на работу ветер и разносит громадные облака, как лёгкие пёрышки, во все стороны света белого. В каждом таком облаке так много воды, что если бы она вся разом хлынула на землю, то затопила бы города, сёла, людей и животных. Но господь устроил дело иначе: вода из облаков сеется, как сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзает и летит пушистыми снежинками.

3. Освежит вода луга и нивы и начнёт просачиваться в землю. В земле, капля за каплей, собирается она в маленькие струйки. Струйка льнёт к струйке, и вот пробьются они из-под земли светлым, холодным ключом. Бьёт ключ и льётся по земле ручейком. Пророет себе ручеёк русло в земле и бежит, журчит по камешкам: встретится с своим братом, таким же говорливым ручейком, — сольются и побегут вместе. Бегут они вместе; а к ним по дороге пристаёт третий, четвёртый, пятый товарищ... Глядишь! уже порядочная речка течёт в зе-

лёных берегах. Поит речка людей и животных, освежает растения на лугах, вертит мельничные колёса, носит бревенчатые плоты и лёгкие лодки; а в её прохладных струях уже играют весёлые рыбки, блестя серебристой чешуёй.

4. Бежит речка, встречается с другою, — сольются и побегут вместе. К ним по дороге пристанет третья, четвёртая... И вот огромная река, со множеством притоков, пробегает из края в край большое государство или десятки малых. Плывут по реке тяжёлые барки, нагружённые доверху товаром; шумят пароходы; а на берегах стоят промышленные сёла и торговые города, один богаче другого. Несёт река большие богатства из страны в страну, в далёкое море и вносит в него своим широким устьем уже не маленькие лодки, а большие корабли, одетые парусами, словно крыльями.

Много воды вливает река в море, а солнце всё работает: опять подымает воду в облака и рассылает её по целому свету.

Льются вечно реки в моря и никак вылиться не могут: черпает вечно солнышко воду из морей и никак вычерпать не может: так премудро устроил это дело создатель!

Расскажите по порядку, как путешествует вода.

Крестьяне и река.

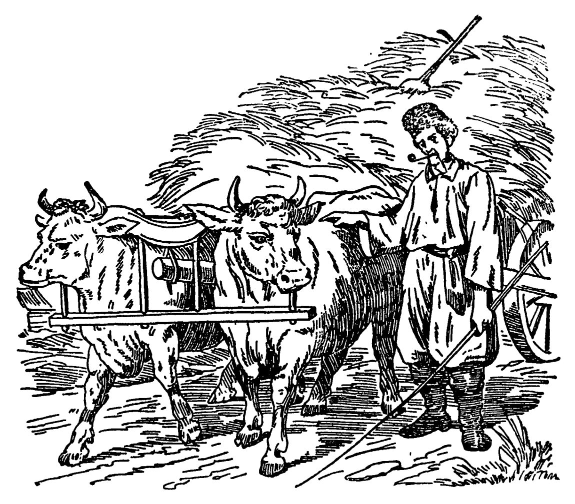
Крестьяне, вышед из терпенья от разоренья, что речки им и ручейки при водополье причиняли, пошли просить себе управы у реки, куда ручьи и речки те впадали. И было что на них донесть! Где озими разрыты, где мельницы посорваны и смыты, потоплено скота, что и не счесть! А та река течёт так смирно, хоть и пышно; на ней стоят большие города, и никогда за ней таких проказ не слышно: «так, верно, их она уймёт» между собой крестьяне рассуждали. Но что ж? Как подходить к реке поближе стали и посмотрели, так узнали, что половину их добра по ней несёт.

Гуси и журавли.

Гуси и журавли паслись вместе на лугу. Вдали показались охотники. Лёгкие журавли снялись и улетели, а тяжёлые гуси остались и были перебиты.

На поле летом.

Весело на поле, привольно на широком! До синей полосы далёкого леса точно бегут по холмам разноцветные нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхает она крепительный воздух. Синеет молодой овёс; белеет цветущая гречиха с красными стебельками, с белорозовыми,

медовыми цветочками. Подальше от дороги запрятался кудрявый горох, а за ним бледно-зелёная полоска льна с голубоватыми глазками. На другой стороне дороги чернеют поля под струящимся паром.

Жаворонок трепещется над рожью, а острокрылый орёл зорко смотрит с вышины: видит он и крикливую перепёлку в густой ржи, видит он и полевую мышку, как она спешит в свою нору с зёрнышком, упавшим из спелого колоса.

Повсюду трещат сотни невидимых кузнечиков, а по дороге на двух волах ползёт скрипучий воз с новым сеном и наполняет воздух благоуханием.

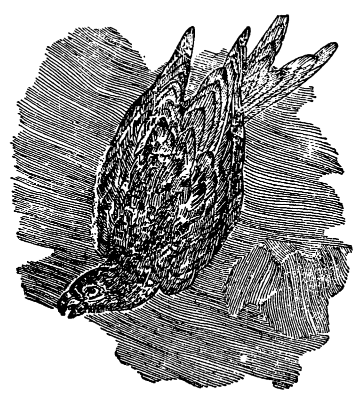
Что сами вы видели летом на поле? Сравните.

Горох завидное дело. — Государыня-гречиха стоит боярыней, а хватит морозом — веди на калечий двор. — Не верь гречихе в цвету, а верь в закрому. — Лён две недели цветёт, четыре спеет, на седьмую семя летит. — На дороге грязь, — так овёс князь.

Нива.

Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру,
Словно в синем море,
Волны так и ходят,
Ходят на просторе;
Над тобою с песней
Жаворонок вьётся,
Над тобою туча
Грозно пронесётся.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую!
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую!

Орёл.

Орёл сизокрылый всем птицам царь. Вьёт он гнёзда на скалах да на старых дубах; летает высоко, видит далёко, на солнце, не мигаючи, смотрит.

Нос у орла серпом, когти крючком; крылья длинные; грудь навыкат — молодецкая.

В облаках орёл носится: добычу сверху высматривает. Налетит он на утку шилохвостую, на гуся краснолапого, на кукушку-обманщицу, — только пёрушки посыплются.

Сравните орла с курицей.

Сокол в клетке.

Растужится, расплачется млад-ясен сокол, сидючи-то в клеточке, на серебряной нашёсточке. Жалобу-то творит млад-ясен сокол на крылышки, на правильные свои пёрушки: «Ой, вы, крылья мои, крылышки, вы правильные мои пёрышки! Уносили меня крылышки и от ветру, и от вихря, от частого дождя, от осеннего; только не унесли вы меня, крылышки от невесёлой от неволюшки — от золотой от клеточки, от серебряной от нашёсточки!

Засуха.

Было сухое лето. День за днём вставало солнце на безоблачном небе. Пыль столбом стояла по дорогам. Земля затвердела, как камень, и стала трескаться. Ручейки пересохли. Цветы печально опустили головки, трава пожелтела; молодая рожь блёкнет. С грустью смотрит земледелец на своё поле и думает: «господи!

я всё сделал, что было в моей власти: глубоко вспахал я ниву, прилежно взборонил её частой бороной, засеял полными семенами, — теперь да будет твоя святая воля!»

Что сделала засуха?

Как в мае дождь, так будет и рожь. — Посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином. — Не земля хлеб родит, а небо. — Не поле родит, а нива.

Пища растений.

Появились облачки на светлом небе, взгромоздились они в тёмные тучи; а к вечеру освежающий дождь напоил и луга, и нивы. Повеселели поблёкшие полевые растения; невидимо потянули они своими тоненькими корешками питательные соки из размякшей почвы. Трава зазеленела; цветы приподняли головки; яркие листья на деревьях жадно впивают влажный воздух. Весело заколыхались на нивах и рожь, и ячмень, и пшеница: стали быстро наливаться зёрнышки в усастых колосьях.

Чем питаются растения? почему им нужен дождь?

Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает.

Урожай.

Посмотрю-пойду,
Полюбуюся,
Что́ послал господь
За труды людям:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли;
Словно божий гость,
На все стороны
Дню весёлому

Улыбается;
Ветерок по ней
Плывёт-лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Кто дерёт нос кверху.

Спросил мальчик отца: «скажи, мне, тятя, отчего это иной колос так и гнётся к земле, а другой — торчмя торчит?»

— Который колос полон, отвечал отец, тот к земле гнётся; а который пустой, тот и торчит кверху.

Новый хлеб.

Воскресное солнышко садилось за рощей. Вышел крестьянин с детьми в поле и весело взглянул на луга и нивы. На лугах стояли уже высокие стога, а на нивах ещё колыхались густые и рослые хлеба. Перекрестился крестьянин и сказал: «божья благодать, детки! Будет сенцо у скотинки, будет и у нас хлебец». Сорвал крестьянин ржаной колосок, вытряхнул зёрна на ладонь, смотрит — зёрнышко потемнело; попробовал на зуб — хрустит. «Пора жать, детки! Мать вчера подмела последнюю мучицу в закромах».

На другой день и стар, и мал высыпали в поле. Стали быстро вставать снопы один за другим; а к вечеру уже высокие копны стояли на поле рядами.

Ещё жатва не была кончена, а цеп уже прыгал на гумне. Отец свёз мешок ржи на мельницу и привёз оттуда мягкой муки. Мать достала дрожжей, а на другой день дети уже ели душистый хлеб из новой ржи.

Как узнают, что рожь поспела, и что́ потом с нею делают?

Обработка поля.

Сын видит, как поле отец удобряет, как в рыхлую землю бросает зерно, как поле потом зеленеть начинает, как колос растёт, наливает зерно. Готовую жатву

подрежут серпами; снопы перевяжут, на ригу свезут, просушат, колотят, колотят цепами, на мельнице смелют и хлеб испекут.

Держись за сошеньку, за кривую ноженьку.— Хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять.— Навоз отвезём, так хлеб привезём.— Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.— Глубже пахать, больше хлеба жевать.— Где пахарь плачет, там жнея скачет.

В лесу летом.

Нет в лесу того раздолья, как на поле; но хорошо в нём в жаркий полдень. И чего только не насмотришься в лесу! Высокие, красноватые сосны развесили свои

иглистые вершины, а зелёные ёлочки выгибают свои колючие ветви. Красуется белая, кудреватая берёзка с душистыми листочками; дрожит серая осина; а коренастый дуб раскинул шатром свои вырезные листья. Из травы глядит беленький глазок земляники, а рядом уже краснеет душистая ягодка.

Белые серёжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Где-то рубит крепконосый дятел; кричит жалобно жёлтая иволга; отсчитывает года бездомная кукушка. Серый зайчик шмыгнул в кусты, высоко между ветвями мелькнула пушистым хвостом цепкая белка. Далеко в чаще что-то трещит и ломится: уж не гнёт ли дуг косолапый Мишка?

Какие растения, каких зверей и птиц вы сами видели в лесу?

Спор деревьев.

Заспорили деревья промежду себя: кто из них лучше? Вот дуб говорит: «Я всем деревам царь! Корень мой глубоко в землю ушёл, ствол в три обхвата, верхушка в небо смотрится; листья у меня вырезные, а сучья будто из железа вылиты. Я не кланяюсь бурям, не гнусь перед грозою».

Услышала яблоня, как дуб хвастает, и молвила: «Не хвастай много, дубище, что ты велик и толст: зато растут на тебе одни жёлуди, свиньям на потеху; а моё-то румяное яблочко и на царском столе бывает».

Слушает сосенка, иглистой верхушкой качает: «Погодите, говорит, похваляться; вот придёт зима, и будете

вы оба стоять голёшеньки, а на мне всё же останутся мои зелёные колючки; без меня в холодной стороне житья бы людям не было; я им и печки топлю, и избы строю».

Сравните дуб с яблоней, берёзу с сосной, сосну с ёлкой.

Чудная белка.

Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами.
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт,
Да орешки всё грызёт;
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд.
Слуги белку берегут,
Служат ей прислугой разной—
И приставлен дьяк приказный
Строгий счёт орехам весть;
Отдаёт ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд.
Все в том острове богаты:
Изоб нет, везде палаты.

Жалобы зайки.

Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

«Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня? Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица; кривоносый ястреб, пуче-

глазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек — сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости нехватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бежать по ровному полю или на гору, а как под гору — то и пойдёшь кувырком через голову: передние ноги не доросли.

«Всё бы еще можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, — уши подымутся, сердчишко забьётся, не взвидишь света, пырскнешь из куста, —да и угодишь прямо в тенёта или охотнику под ноги.

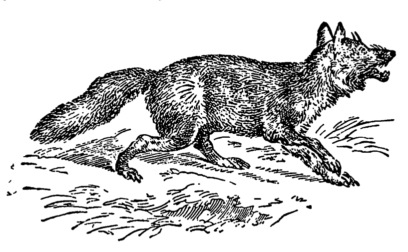
«Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по закочками слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

«Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошёл и утопился».

Сравните зайца с кошкой.

Лиса Патрикеевна.

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушке, хвостик на отлёте, шубка тёпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихохонько, к земле пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие: много входов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисанька хороша была, хозяюшка, да разбойница лиса, постница: любит курочек, любит уточек, свернёт шею гусю жирному, не помилует и кролика.

Сравните лису с зайцем.

Учёный медведь.

«Дети! дети! кричала няня: идите медведя смотреть». Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

— А, ну-ка, Миша, говорит нижегородец, дёргая медведя цепью: встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

— А, ну-ка, Мишенька! продолжает нижегородец: покажи, как малые ребятишки горох воруют: где сухо, — на брюхе; а мокренько — на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дёргает.

— А, ну-ка, Мишенька! покажи, как бабы на работу идут.

Идёт медведь, нейдёт; назад оглядывается, лапой за ухом скребёт.

Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках хозяина́ заставляли бедного зверя повиноваться. Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

— А, ну-ка, Миша! теперича с ноги на ногу перевались, честным господам поклонись, да не ленись, да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошёл медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь.

Не ладно скроен, да крепко сшит.

Беленький, гладенький зайчик сказал ежу: «какое у тебя, братец, некрасивое, колючее платье!» — «Правда, отвечал еж: но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка; служит ли тебе так же твоя хорошенькая шкурка?» Зайчик, вместо ответа, только вздохнул.

Дятел.

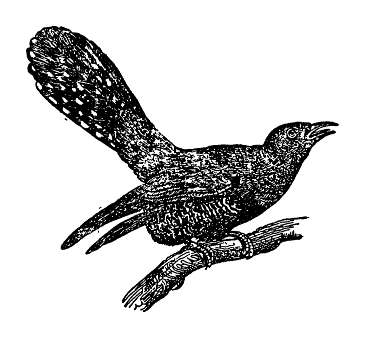
Тук-тук-тук! В глухом лесу на сосне чёрный дятел плотничает. Лапками цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает, — мурашей да козявок из-за коры выпугивает; кругом ствола обежит, никого не проглядит. Испугалися мураши: «эти-де порядки не хороши!» Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотят вон идти. Тук-тук-тук! Чёрный дятел стучит носом, кору долбит, длинный язык в дыры запускает: мурашей, словно рыбку, таскает.

Сравните дятла с орлом и курицей.

Кукушечка.

Серая кукушка — бездомная ленивица: гнезда не вьёт, в чужие гнёзда яички кладёт, своих кукушат на выкорм отдаёт, да ещё и подсмеивается, перед мужень-

ком хвалится: «хи-хи-хи! ха-ха-ха! погляди-ка, муженёк, как я овсянке на радость яичко снесла». А хвостатый муженёк, на берёзе сидючи, хвост развернул, крылья опустил, шею вытянул, из стороны в сторону покачивается, года высчитывает, глупых людей обсчитывает.

Сравните кукушку с дятлом.

Эхо.

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поют ли песню за холмом, —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Из детских воспоминаний.

6 августа.

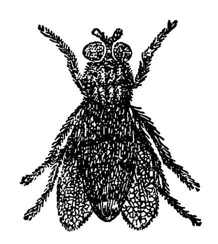
Давно я не писал ничего в своём дневнике: не до того мне было целое лето! Теперь уж мы не так много бегаем: перепадают дождики и пахнет осенью.

С торжеством понесли мы сегодня в церковь полное блюдо румяных яблок, жёлтых груш и синих слив. Мамаша и бабушка только сегодня начали есть плоды, но мы давным-давно разрешили.

На полях уже стоят ряды высоких копён; скоро к нам принесут последний сноп и поставят его под образами. Мухи начинают больно кусаться, — видно, лету конец.

Муха.

Не правда ли, как красива муха под увеличительным стеклом? Крылышки её сотканы чрезвычайно искусно и отливают радужными цветами. На голове у неё два большие глаза; но каждый глаз состоит из множества маленьких глазков. На конце мохнатых лапок клейкие подушечки, и они-то помогают мухе ползать по гладкому стеклу и по потолку.

Муха кладёт свои яички в сыром месте, в кучи сору. Уже на другой день из яичек выходят червячки (личинки); через две недели из червяка сделается куколка, а ещё через две из куколки выйдет молодая мушка. Эта мушка в то же лето может уже нанести яичек; а так как муха несёт яйца четыре раза в лето, и каждый раз по 80 и 90 штук, то подумайте, сколько было бы мух, если бы их не истребляли холода, птицы и в особенности пауки.

Опишите муху и её превращения.

Красное лето никому не надокучило. — Летний день за зимнюю неделю. — Лето — страдная пора. — Не моли лета долгого, а моли тёплого. — Хорошо бы лето, да мухи заели.

ОСЕНЬ.

Приметы осени.

Мелькает жёлтый лист на зелени дерев; работу кончил серп на нивах золотистых, и покраснел уже вдали ковёр лугов, и зрелые плоды висят в садах тенистых.

Приметы осени во всём встречает взор: там тянется, блестя на солнце, паутина; там скирд виднеется; а там, через забор, кистями красными повиснула рябина; там жнива колкая щетинится, а там уж озимь яркая

блеснула изумрудом; и курится овин; и долго по утрам, как белый холст, лежит туман над синим прудом....

И целый день скрипят воза; и далеко ток отзывается под дружными цепами; и стая журавлей несётся высоко, перекликаяся порой под небесами.

По каким приметам вы узнаёте осень?

Мизгирь. (Паук).

Было лето тёплое; народилось комаров, мух да мошек несметное число; стали они людей кусать, горячую кровь пить. Проведал об этом мизгирь — удалой воин: стал он ножками трясти, да мерёжки плести, ставить на дорожки, куда летают комары да мошки. Попала к нему муха-горюха; а мизгирь на неё наскочил, хочет её губить. Тут муха взмолилася: «батюшка мизгирь! не губи ты меня; после меня много сирот бесприютных останется». Сжалился над мухой мизгирь: отпустил её на все четыре стороны.

Полетела муха, забубнила: «Ой, вы, мухи-горюхи, комары да мошки! Проявился мизгирь, стал он ножками трясти, мерёжки плести,— всех вас передушить хочет!» Полетели комары и мошки, забились под осиновое корыто и лежат, словно мёртвые.

Ждал-ждал мизгирь,— никто к нему в гости не летит. Отыскал он тогда таракана-усача и говорит: «иди, таракан! ударь в барабан! скажи всем комарам да мошкам, что мизгиря больше в живых нет: в город, мол, его отослали и там ему голову отсекли».

Пошёл таракан, ударил в барабан, подлез под осиновое корыто и кричит: «Что вы тут запали, словно мёртвые, сидите! Ведь мизгиря давно в живых нет: его в город услали и там ему голову отсекли».

Обрадовались комары да мошки; вылезли из-под корыта да мизгирю в сети и попали. А он, разбойник, рад гостям: принялся их душить, да ещё приговаривает: «Что вы очень мелки? Почаще бы ко мне в гости бывали, моего пивца испивали». Передушил всех,— одни шкурочки остались.

Из огня да в полымя.

Крестьянин вёз на мельницу рожь. Мешок был дырявый, и несколько зёрен рассыпалось по дороге. Голуби налетели кучею, но пришёл петух и прогнал голубей. Голуби стали жаловаться коршуну. Коршун рассудил по-своему: сначала растерзал петуха, а потом передушил и голубей.

Полевая мышка.

Трусливый серенький зверёк!
Велик же твой испуг: ты ног
Не слышишь, бедный, под собой.
    Поменьше трусь!
Ведь я не зол, — я за тобой
    Не погонюсь.

* * *

Воришка ты; но как же быть?
Чем стал бы ты, бедняжка, жить?
Неужто колоса не взять
    Тебе в запас,
Когда такая благодать
    В полях у нас?

* * *

Твой бедный домик разорён:
Почти с землёй сравнялся он;
И станешь вновь искать ты мхов
    На новый дом;
А ветер, грозен и суров,
    Шумит кругом.

Из детских воспоминаний.

1 октября.

Покров — наш храмовой праздник. Сколько народу было в церкви, и как все веселы! В нынешнем году большой урожай.

У нас в саду вчера сняли последние яблоки: только на одной рябине ещё краснеют ягоды и дожидаются первого мороза.

Зелёные рощи превратились в разноцветные; осинка дрожит, вся золотая и пурпуровая; ветер обрывает последние листья; крылья мельниц не перестают вертеться; мой новый змей летает высоко; а в сенях у нас уже стоят приготовлены зимние рамы.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели.

* * *

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

* * *

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

* * *

«Скучно склоняться до самой земли,
Спелые зёрна купая в пыли.

* * *

«Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной, прожорливой птицы;

* * *

«Заяц нас топчет, и буря нас бьёт:
Где же наш пахарь — чего ещё ждёт?

* * *

Ветер несёт им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет».

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера с зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.
С вечера всё спится,
На дворе темно;
Лист сухой валится;
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Из детских воспоминаний.

В ноябре.

Проснулись мы сегодня и видим, что в комнате уж очень светло, хоть солнышка и не видно. Бросились мы к окну и вскрикнули от радости.

Блестящий пушистый снег толстым слоем покрыл и двор наш, и забор, и конуру Жучки, и крышу сарая. Дядя Кондратий проехал уже на дровнях, а Васька бежит из кухни и отряхивает лапки.

«Зима, зима!» кричали мы и хлопали в ладоши; проворно оделись, проворно позавтракали,— и скорее на двор. Костя стал ладить свои салазки, а я, не подумав хорошенько, схватил коньки — и к реке, а она, тёмная и синяя, течёт среди белых берегов.

Осенней озими в закромы не кладут. — Корми меня в весну, а в осень я сам сыт буду. — В осень и у воробья пиво. — Осень-то матка: кисель да блины; а весною-то гладко: сиди да гляди.

Волшебница зима.

Пришла вошебница зима!
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дерев;
Легла волнистыми коврами

Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекой
Сравняла пухлой пеленой;
Блеснул мороз — и рады мы
Проказам матушки-зимы.
Опрятней модного паркета,
Блистает речка, льдом одета;
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лёд;
Мелькает, вьётся первый снег,
Звездами падая на брег.

ОТДЕЛ III.

ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНИЙ.

№ 1. *Мыло серо, да моет бело. — Бела береста, да дёготь чёрен. — И красно, и пестро: да линюче.*

Цвета предметов. Что бывает белого цвета? чёрного? зелёного? жёлтого? синего? голубого? красного? серого? Какого цвета бывают глаза у людей? Какого волосы? Какого цвета бывает шерсть у лошадей? Какие цветки синие? Какие — жёлтые? розовые? белые?

№ 2. *Денежки круглы: день и ночь катятся. — Остёр топор, да и сук зубаст. — Горбатого к стене не приставишь. — Мал, да конопляник; велика, да моховина.*

Форма предметов. Что бывает кругло и что плоско? что длинно и что коротко? что толсто и что тонко? что прямо и что криво? что велико и что мало? что гладко и что шероховато? что остро и что тупо?

№ 3. *Есть — словцо, как мёд, сладко; нет — словцо, как полынь, горько. — Сладким портят, а горьким лечат. — Камзолы зелёны, а щи не солёны. — На вкус, на цвет мастера нет.*

Плотность, тяжесть, вкус. Что бывает жидко? густо? твёрдо? мягко? чёрство? хрупко? упруго? ломко? тяжело? легко? Что кисло? сладко? горько? солоно? пресно?

№ 4. Линейка пряма, а серп...? Хорошая бумага гладка, а дурная...? Воск мягок, а железо...? Свинец

тяжёл, а пух...? Щавель кисел, а полынь...? Сталь упруга, а стекло...? Трава зелёного цвета, а небо...? Золото желто, а серебро...? Молоко бело, а чернила...?

№ 5. *Яблоки бывают*: (по форме) круглые или продолговатые; (по цвету) жёлтые, зелёные, красные, розовые; (по плотности) твёрдые, мягкие, рассыпчатые; (по вкусу) кислые, сладкие, кисло-сладкие.

Какова *груша*: по форме? по цвету? по плотности?

Какова *вишня*: по форме? по цвету? по вкусу?

Какова *морковь*: по форме? по цвету? по вкусу?

Каков *серебряный* рубль: по форме? по цвету? по плотности? по тяжести?

Каков *медный пятак*: по форме? по цвету? по плотности? по тяжести?

№ 6. ***Безрукий клеть обокрал, голому за пазуху наклал, слепой подглядывал, глухой подслушивал, немой караул закричал, безногий в погонь погнал. — За правое дело стой смело! — Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы — со дна не бывали.***

Люди бывают: высокие и приземистые, худощавые и полные, стройные и горбатые, сильные и слабые, больные и здоровые, молодые и старые, зоркие и близорукие, бедные и богатые.

Люди должны быть: добры, справедливы, честны, прилежны, ласковы, учтивы, сострадательны, терпеливы, бережливы, щедры, правдивы, смелы, уступчивы, скромны.

Люди не должны быть: злыми, лживыми, гордыми, сварливыми, мстительными, жадными, скупыми, упрямыми, трусливыми.

№ 7. *Противоположные качества*: Ваня прилежен, а Митя ленив. Лиза послушна, а Соня...? Костя смел, а Петя?... Ваня и Митя добры, а Соня и Гриша...? Не должно быть скрытным, но...? Пусть богатый делится с... (с кем?)? Молодые люди должны уважать... (кого?)? Не должно быть расточительным, но...? Не должно быть скупым, но...? Не должно быть упрямым, но....? Не должно быть грубым, но....? Не должно быть трусливым, но....?

№ 8. *Толкуй про еловый, а сосновый крепче. — Не тужи, наживём ременны гужи.*

Какую посуду делают из дерева? Из дерева делают *деревянную* посуду. Какую посуду делают из меди? из чугуна? из глины? Какую монету чеканят из золота? из серебра? из меди? Какое платье шьют из сукна? Какие верёвки вьют из пеньки? Какие венки вьют из цветов? Какие в окне рамы и какие оконницы?

№ 9. *Шуба овечья, да душа человечья. — Человеческому делу не до веку стоять. — Сегодняшней работы на завтра не откладывай. — Лисий хвост, да волчий рот. — Гречневая каша сама себя хвалит.*

Гнездо птицы, или *птичье* гнездо. Хвост лошади, или лошадиный хвост. Лапа медведя, или...? Крыло вороны, или...? Хвост лисицы, или...? Книги детей, или...? Грива коня, или...? Пенье соловья, или...? Дело человека, или...? Верность собаки, или...? Мех куницы, или...? Площадь города, или...? Звон колокола, или...? Лапка лягушки, или...? Рыба из Волги, или...? Салоп из меха лисицы, или...?

№ 10. *Меньше говори, да больше слушай. — Держись сохи плотнее, будет прибыльнее. — Скупой богач беднее нищего. — Правда светлее солнца. — Худое колесо громче скрипит.*

Железо тяжело, но свинец ещё тяжелее. Лошадь высока, но верблюд ещё выше. Белка хитра, но лисица ещё...? Серебро дорого, но золото ещё....? Медь тверда, но железо...? Нитки тонки, но волос...? Верёвка толста, а канат...? Сосна крепка, а дуб...? Груша сладка, а мёд...? Муха мала, а бритва...? Месяц светит ярко, а солнце...? Сосна горит жарко, а берёза...? Молоко жидко, а вода...? Нож остёр, а мошка...? Река глубока, а море...? Церковь наша высока, а колокольня...?

№ 11. *Что делается утром?* Солнце всходит. Становится светло. Птицы просыпаются и поют, летают, ищут корма и вьют гнёзда. Крестьяне встают, одеваются, молятся богу, завтракают и идут на работу. Хозяйки топят печи и начинают стряпать обед. Дети берут свои книги и отправляются в школу.

Что делалось вчера утром? Что будет делаться завтра утром?

№ 12. *Что делалось вчера вечером?* Солнце садилось. Птички замолкали и прятались в гнёзда. Стада возвращались в село. Крестьяне переставали работать и шли домой. Дети ложились спать.

Что делается сегодня вечером? Что будет делаться завтра вечером?

№ 13. *Весна теперь.* Снег тает. Реки вскрываются. Новая трава показывается. Скот выгоняют в поле. Крестьяне прячут сани и ладят телеги.

Что делалось весной в прошедшем году? Что будет делаться в будущем году?

№ 14. *Что делалось прошедшее лето?* Дни были длинные и жаркие. На полях созревал хлеб. Крестьяне косили и жали. Дети бегали в лес за ягодами.

Что делается нынешним летом? Что будет делаться будущим летом?

№ 15. *Будущая осень.* Настанет осень. Дни будут коротки, ночи долги и темны. Пойдут дожди и начнутся заморозки. Крестьяне станут молотить хлеб, крестьянки прясть пряжу. В домах будут вставлять зимние рамы. Начнут топить печи.

Настоящая осень? Прошедшая осень?

№ 16. *Зима теперь.* Настаёт зима. Начинаются морозы. Земля покрывается снегом, а реки льдом. Люди надевают шубы и тулупы. Ложится санный путь. Обозы тянутся по дорогам. Мальчики катаются по льду.

Прошедшая зима? Будущая зима?

№ 17. К доброму мостись, а от худа пяться! — Куй железо, пока горячо! — Упал,— так целуй мать сыру землю, да становись на ноги! — Любишь кататься,— люби и саночки возить! — Ходи, — не шатайся! Ешь,— не объедайся! Стой,— не качайся!

Не ленись, а трудись! Днём работай, а ночью...? Своё береги, а чужого...? Гулять гуляйте, а дела...? Раньше вставайте, руки и лицо мойте! волосы...? платье...? уроки...?

№ 18. Девочка бегает по полю, рвёт цветы и ловит бабочек.

Я бегаю по полю...? Ты бегаешь по полю...? Он бегает по полю...? Мы с братом бегаем по полю...? Вы с сестрой бегаете по полю...? Брат и сестра бегают по полю...?

№ 19. *Ехал, да не доехал; ещё поедем, авось доедем.— Учился читать да писать, а выучился петь да плясать. — За него грош дать — недодать, а два дать — передать. — Умей шутить — умей и отшучиваться.*

Ваня шёл, да не дошёл. Птицы садились на крышу, да не сели. Воробей вил гнездо, да не...? Крестьянин рубил дерево, да не...? Я хотел крикнуть, да не...? Я подымал камень, да не...? Птица падала, да не...? Он давал мне яблоко, да не...? Я зажигал свечу, да не...?

№ 20. *Люди хвалят — не захвалят; люди хулят — не захулят; ветры веют — не развеют; солнце сушит — не засушит; дожди мочат — не размочат.— Ждали обозу, а дождались навозу. — Авоськал, авоськал — да и доавоськался.*

Я рвал верёвку, да не...? Кошка ловила мышь, да не...? Мы запирали двери, да не...? Мальчик лез на яблоню, да не...? Ваня учил урок, да не...?

№ 21. *Высокая гора.* Видна издалека высокая гора. — Камни часто валятся (с чего?)...? Мы подходим (к чему?)...? Трудно взойти (на что?)...? Опасно жить (под чем?)...? Весело стоять (на чем?)...?

У нас на Кавказе *высокие* горы. Снег часто валится (с чего?)...? Облака часто сходятся (куда? к чему?)...? Трудно переезжать (через что?)...? Глубокие долины лежат (между чем?)...? Снег и лёд лежат и зиму, и лето (на чём? где?)...?

№ 22. *Добрый человек.* Не помнит зла (кто?)...? Худо тому месту, где нет (кого)...? Поклонись в пояс (кому?)...? Поминай добром (кого?)...? Хорошо иметь дело (с кем?)...? Вспоминай чаще (о ком?)...?

Добрые люди. Везде нужны (кто?)...? На свете не (без кого?)...? Дай бог здоровья (кому?)...? Ищи со

свечой (кого?)...? Свет держится (кем?)...? Приятно говорить (о ком?)...?

№ 23. *Послушные и прилежные дети.* Родителям на утешение, и людям на пользу растут (кто?)...? Худо той школе, где мало (кого?)...? Бог даёт разум (кому?)...? Все любят (кого?)...? Приятно толковать (с кем?)...? Весело говорить (о ком?)...?

№ 24. *Свои два глаза.* Дороже алмаза (что?)...? Я не отдам ни за что (чего?)...? Трудно не верить (чему?)...? Береги пуще всего (что?)...?) Мы видим и небо, и землю (чем?)...? Кто ж не заботится (о чём?)...?

№ 25. *Пять пальцев.* На руке (что?)...? Плохо пришлось бы человеку (без чего?)...? Тепло в рукавице (чему?)...? Плотник отрубил себе (что?)...? Многое можно сделать (чем?)...? Немало искусства (в чём?)...?

№ 26. *Пахал.* (Кто?). *Крестьянин* пахал. (Что?) Крестьянин пахал *поле.* (Чем?) Крестьянин пахал поле *сохою.* (Где?) *За нашим садом* крестьянин пахал поле сохою. (Когда?) *Вчера* за нашим садом крестьянин пахал поле сохою. (Как?) Вчера за нашим садом крестьянин пахал поле сохою *очень усердно.*

Копал. Кто? что? где? когда? чем? как?

Рубил. Кто? что? когда? где? чем? как?

Писал. Кто? что? когда? чем? кому письмо?

№ 27. *Лошадь бежала.* Какая? когда? куда? где? как?

Канарейка улетела. Какая? откуда? куда? когда?

Девочка рвала цветы. Где? когда? какие? для кого?

Собирали грибы. Кто? где? когда? во что?

Жали. Кто? где? когда? чем? как?

№ 28. *Яблоко упало.* Какое? когда? где? с чего? на что?

Учитель похвалил детей. Когда? где? каких? за что?

Упал и ушибся. Кто? где? когда? с чего? обо что? как?

Ехал на лошади. Кто? где? когда? куда? откуда? на какой лошади? как?

№ 29. *Шьёт сюртук.* Кто? где? кому? из чего? чем?

Сапожник шьёт. Что? где? чем? из чего? для кого?

Каменщики строят. Что? где? из чего? как?*

№ 30. *Стол.* Что такое стол? Кто делает столы и из чего? Что внизу стола? Что вверху стола? Что кладут на столах?

№ 31. *Перочинный ножик.* Что такое перочинный ножик? Из чего делают лезвие перочинного ножика? Из чего делается черенок? Где делаются перочинные ножики? Что делают перочинными ножиками?

№ 32. *Дом.* Что такое дом? Из чего строятся дома? Кто и из чего строит деревянные дома? Кто и из чего строит каменные дома? Что у дома сверху? Что с боков? Что снизу? Что проделывают в стенах дома?

№ 33. *Хлеб.* Кто и из чего делает хлеб? Из чего делается тесто? Кто, где и из чего делает муку? Где и когда созревают хлебные зёрна? Кто, где и когда сеет хлебные зёрна? Кто и чем обрабатывает поле? Что нужно для роста хлеба?

№ 34. Напишите также о стуле; о грифельной доске; о классной доске; о том, что делается в классе; о том, что делается дома, и т. п. (Поставьте сначала вопросы, а потом напишите ответы на них.)

№ 35. Напишите также о кошке, о собаке, о лошадке, о коровке, об уточке, опишите сад, огород, ваш дом и т. п.

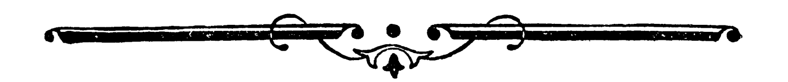
№ 36. Напишите о воробье, о канарейке. Напишите, что̀ вы делали сегодня в классе. Напишите, что̀ думаете делать завтра. Напишите, что вы делали прошлое лето. Напишите товарищу, как вы провели светлый праздник, как провели рождество. Напишите отцу, чем вы занимаетесь в классе.

---

* Все эти упражнения №№ 26, 27 28 и 29 следует переделать по различным числам и временам: из прошедшего в настоящее, из настоящего в будущее, из единственного во множественное и наоборот.

Родное слово

Книга для учащих

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГОД ПЕРВЫЙ

ГОД ВТОРОЙ.

Родное слово

(Книга для учащих).

СОВЕТЫ РОДИТЕЛЯМ И НАСТАВНИКАМ О ПРЕПОДАВАНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА ПО УЧЕБНИКУ „РОДНОЕ СЛОВО“.

ГОД ПЕРВЫЙ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Книга для первоначального обучения отечественному языку, изданная мною под заглавием «Родное слово», заключает в себе много нового как в методе, так и в приёмах ученья, а потому и не может обойтись без объяснений, которые были бы не на месте в книге для учеников. Это побудило меня издать особую книжку для тех, кто хочет учить детей по «Родному слову».

Издавая такое руководство для учащих по «Родному слову», я имел в виду не только школу, но и семью. У нас более, чем где-нибудь, распространено домашнее первоначальное обучение и дай бог, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей, я вынес из этого осмотра полное убеждение, что первоначальное воспитание и ученье детей, по крайней мере, до 8-летнего и даже до 10-летнего возраста более на месте в семье, чем в общественной школе, и что самая школа для малолетних детей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу. Я нередко любовался устройством малолетних школ границей; но всегда находил дурным, что они избавляют от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощён личным и тяжёлым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвя-

тить обученью своих малюток те немногие часы или, лучше сказать, минуты дня, какие для этого нужны. С удивлением заметил я потом, что в самой педагогической стране в мире вовсе не развиты в женщине те педагогические наклонности, которые столь свойственны женской природе. Не вдаваясь здесь в объяснение причин такого странного явления, я скажу только, что желал бы от всей души, чтобы на моей родине, рядом с устройством малолетних школ для детей, не могущих по каким-нибудь уважительным причинам пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и ученья, развивались в русской женщине наклонность и уменье—самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей. Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому без крайней необходимости. Что женщине врождено стремление учить и развивать своё дитя и вместе с тем даны и необходимые для этого способности, в этом не может быть сомнения. И если многие матери, несмотря на всё своё желание не расставаться рано с своими детьми и учить их самим, тем не менее поручают это дело школе или чужим лицам, то это объясняется практической неподготовленностью матерей к делу первоначального обучения.

Вот почему, назначая мой учебник не только для школы, но и для семьи, я счёл необходимым приложить к нему такое руководство для учащих, которое ведёт их шаг за шагом в деле первоначального обучения отечественному языку. И если кому-нибудь из лиц, знакомых с немецкой педагогикой или выработавших самостоятельной педагогической практикой рациональные приёмы первоначального обучения, покажутся многие мои советы и разъяснения излишними, то пусть они не забудут, что есть и такие лица, для которых мои слова будут новостью. Я же в этой книге имел главной целью — помочь начинающим учить и в особенности облегчить для матери и сделать для неё приятным труд первоначального обучения.

В моей педагогической практике мне приходилось экзаменовать множество детей, поступающих в младшие классы наших учебных заведений, и между ними весьма редко встречал я таких, которые были бы сколько-нибудь правильно подготовлены к серьёзному ученью. Весьма часто 10-летние дети, даже из достаточных семейств, или едва умели читать, или если читали бойко, то не могли дать никакого отчёта в прочитанном и сколько-нибудь правильно и не каракульками написать самое простое предложение без грубых ошибок. Дети, умеющие порядочно выражать изустно содержание того, что прочли, и понятно записать простую мысль, были редким исключением. А между тем, 10-летнее дитя, вступая в среднее учебное заведение, находит в первом же его классе весьма сложный курс с двумя или даже тремя иностранными языками. Ещё в то время задумал я облегчить труд первоначального приготовления для родителей и наставников; но только теперь, и то отчасти, мог выполнить своё желание.

«Родное слово» назначается исключительно для первоначального обучения отечественному языку, и я не хотел касаться в нём других предметов первоначального курса. Но так как в первоначальном обучении отечественный язык занимает, бесспорно, главное место, и наставник или наставница отечественного языка преподают или, по крайней мере, должны бы преподавать все остальные предметы и распоряжаться ходом всего обученья и развития детей, то я считаю здесь не лишним высказать предварительно несколько главнейших правил первоначального обучения вообще, прежде чем приступлю к изложению методы преподавания отечественного языка по изданному мною руководству. Конечно, эти общие правила не могут быть здесь ни слишком многочисленны, ни слишком подробны, какими они должны бы быть в особенном педагогическом курсе первоначального обучения, который, может быть, я представлю в своё время.

Предлагая здесь отрывочно главнейшие правила первоначального обучения *вообще*, я делаю это также

и для того, чтобы промахи, которые могут быть сделаны во всём первоначальном обучении, не падали потом, в частности, обвинениями на предлагаемую мной методу обучения отечественному языку. Если всё первоначальное обучение страдает каким-нибудь коренным недостатком, то никакая метода преподавания отдельного предмета не принесёт тех результатов, какие могла бы принести при другой обстановке.

Эти главные *общие* правила первоначального обучения в семье и в школе я разделяю на несколько маленьких трактатцев, никак не думая исчерпать ими даже одной методики первоначального обучения. Я говорю здесь только: 1) о времени для начала ученья вообще и о необходимости соображаться с естественным развитием дитяти, зависящим от времени, при всяком новом шаге его обучения, 2) о предметах первоначального обучения, 3) об организации семейного или школьного класса, 4) о школьной дисциплине, 5) о значении обучения русскому языку в первоначальном курсе. После этих предварительных рассуждений, начинаю уже я изложение подробной методики преподавания отечественного языка по «Родному слову».

О ВРЕМЕНИ НАЧАЛА УЧЕНЬЯ.

Приступая к ученью ребенка, надобно иметь в виду, что дитя, независимо от ученья, развивается с каждым днём, и развивается сравнительно так быстро, что месяц или два в жизни шестилетнего дитяти приносят более перемен в его душевном и телесном организме, чем потом целый год в возрасте от 10 до 15-ти лет. Угадать настоящее время для начала ученья довольно трудно и, конечно, есть дело практики; но, во всяком случае, лучше начать ученье несколько позднее, чем несколько раньше, хотя, как то, так и другое, имеют свои дурные стороны.

Если вы начинаете вообще учить ребёнка раньше, чем он созрел для ученья, или учить его какому-нибудь предмету, содержание которого приходится ему ещё

не по возрасту, то неминуемо встретитесь с такими препятствиями в его природе, которые может преодолеть только одно время. И чем настойчивее будете вы бороться с этими препятствиями возраста, тем более принесёте вреда вашему ученику. Вы требуете от него невозможного: требуете, чтобы он стал выше своего собственного развития, забывая, что всякое органическое развитие совершается в определённый период времени и что наше дело — не ускорять и не замедлять этого развития, а только давать ему здоровую душевную пищу. И зачем, спрашивается, бьётесь вы над преждевременным объяснением детям того или другого, мучите понапрасну и себя и дитя, которое не понимает вас теперь и поймёт, может быть, очень легко через полгода, даже только потому, что проживёт эти полгода?

Но хуже всего то, что, встречаясь преждевременно с чрезмерными требованиями ученья вообще и какого-нибудь отдельного предмета в особенности и нападая на непреодолимые по возрасту трудности, дитя может потерять веру в свои собственные силы, и эта неуверенность в нём так укоренится, что надолго замедлит его успехи в ученье. Не одно талантливое, нервное и впечатлительное дитя сделалось тупым и ленивым именно потому, что в нём преждевременными попытками подорвана уверенность в своих силах, столь необходимая для человека при всяком деле. Вот почему мы советуем всякому наставнику, заметившему, что какое-нибудь новое дело, несмотря на искренние усилия ребенка, ему не даётся, немедленно прекратить неудачную попытку и отложить её до времени.

Не педагогически также поступает и тот, кто, будучи не в состоянии поднять ребенка до понимания какого-нибудь предмета, старается понизить этот предмет до уровня детского понимания. Как, например, — говорит иной наставник, — не познакомить малюток с событиями отечественной истории? И вот для этой цели начинает он перекраивать исторические личности на детский лад: понаделает из Святославов и Владимиров

детских куколок и радуется, что дети знают отечественную историю. Но на что, спрашивается, ребёнку и кому бы то ни было, такая история? Неужели только для того, чтобы со временем он узнал, каким глупостям его учили в детстве? И куда торопится воспитатель? Зачем не хочет он обождать того времени, когда ребёнок созреет до понимания исторических событий? И не лучше ли бы сделал воспитатель, если бы вместо того, чтобы забегать вперёд, подготовлял дитя к пониманию истории чтением детских рассказов и изучением библейских событий, столь доступных детскому пониманию и, вместе с тем, превосходно подготовляющих дитя к дельному изучению истории?

Но, отвергая уродование науки для детей, я нисколько не отвергаю сообщения детям тех научных сведений, из какой бы науки они ни были взяты, которые не только могут быть поняты ребёнком (это ещё не причина), но оказываются необходимыми для пополнения и уяснения его детского миросозерцания или полезными для его умственных и словесных упражнений.

Я сказал выше, что лучше опоздать, чем поспешить с началом ученья; но и опаздывание имеет своё дурное влияние. Душевные силы ребенка, не направленные во-время на учебные занятия, принимают часто такое направление, с которым наставнику приходится потом бороться и не всегда удачно. Всякий опытный наставник согласится со мной, что много встречается в школах детей, которые учатся с трудом именно потому, что начали учиться поздно, и которых обгоняют их товарищи, младшие по возрасту. Но, с другой стороны, я видел также много детей, которые учатся дурно именно оттого, что их послали в школу или дома засадили за азбуку слишком рано.

В Германии дети на шестом году уже идут в народную школу, но в школах малолетних встречается много детей и на пятом году возраста. Что же делают там эти малютки? Хорошо ещё, если им дадут в руки какое-нибудь фребелевское занятие! Но очень дурно, если их засадят за азбуку или, не давая никакого дела,

принудят сидеть сложа ручонки, требующие деятельности, и привыкать к яду томительной школьной скуки. Насмотревшись вволю на эти малолетние школы, я вынес твёрдое убеждение, что если бы школа допускала детей не ранее исполнившихся 7 лет, то достигла бы не только теперешних, но гораздо лучших результатов, и что школа, допускающая детей от 5 до 7 лет, только напрасно вредит здоровью детей и их естественному развитию, подрывая, таким образом, основы своих собственных учебных успехов. Пусть школа, точно так же, как и медик, не забывает, что она не может дать человеку жизненных сил; а может только устранить препятствия для правильного развития этих сил и предложить здоровую и полезную пищу, вместо вредной.

Православная церковь, допуская детей к исповеди в 7 лет, согласно с физиологией и психологией, признаёт этот год детского возраста окончанием младенчества и началом отрочества, намекая на начало развития самосознания в детях. Начало отрочества должно быть вместе и началом правильного ученья.

Я советую, впрочем, уже на седьмом году пробовать заниматься с ребёнком и, по охоте его к рисованию, по способности его сосредоточивать внимание на одном предмете, слушать то, что ему говорят, и выражаться не отрывочными словами, а полными предложениями, заключать о возможности начать методическое обучение.

Если же внимание ребенка слабо, речь его очень отрывиста и бессвязна, выговор слов плох, то лучше, не начиная методического обучения, подготовляйте его к нему беседой о предметах, окружающих дитя или изображённых на картинках, заучиванием со слов какой-нибудь понятной для дитяти песенки; подготовляйте его руку детским рисованием, учите считать пальцы, палочки, орехи; но не начинайте методического ученья, пока оно не сделается для ребёнка возможным.

Я не говорю здесь об особенных обстоятельствах, могущих иметь влияние на разрешение вопроса о начале учения, каковы, например, физическое здоровье ребенка, особенные условия его домашней жизни и т. п. Замечу только одно, что чем легче метода ученья, представляющаяся ребёнку, тем раньше может быть начато ученье. Если вы думаете засадить ребенка за азы и буки, то и в семь лет будет ещё слишком рано.

ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО УЧЕНЬЯ.

С чего следует начинать ученье? В прежнее время на этот вопрос ответ был очень лёгок: с чего же, как не с азбуки? Но современная рациональная педагогика при решении этого вопроса обращает внимание на детскую природу и замечает, что чем моложе ребёнок, тем менее способен он к постоянству деятельности в каком-нибудь одном направлении, тем быстрее устаёт он ходить, сидеть, держать в руках самую лёгкую вещь, даже лежать, и что тот же ребенок, перемешивая всевозможные роды деятельности, и, повидимому, вовсе не отдыхая, резвится целый день и удивляет взрослого своей неутомимостью. То же самое замечается и в душевной деятельности дитяти: чем моложе дитя, тем менее способно оно к постоянству какой бы то ни было душевной деятельности в одном направлении, тогда как, разнообразя свои занятия, может работать довольно долгое время. Самая перемена занятий действует на ребёнка лучше даже полного отдыха, который, конечно, необходим в своё время. Ребёнок, видимо, устал читать, внимание его ослабело, процесс понимания остановился: заставьте дитя полчаса пописать, порисовать, посчитать, попеть и — заметите, что, воротившись потом к чтению, ребёнок снова стал и понятлив, и внимателен.

Конечно, способность к постоянству умственной деятельности в одном направлении есть одно из важнейших условий всякого ученья; но способность эта развивается мало-помалу, постепенно; а преждевре-

менными чрезмерными усилиями вы можете только подорвать это развитие и заметите, что дитя не только перестанет идти вперёд, но как бы подвинется назад, будто в душе его лопнула какая-то, слишком натянутая струна. Приучайте же ребёнка к постоянству деятельности в одном направлении, но приучайте осторожно, понемногу; а в первое время ученья, чем разнообразнее будет ваш урок и чем разнообразнее деятельности, которых вы требуете от детей, тем более вы успеете сделать. Если в полтора или в два часа занятий дети у вас и почитают, и попишут, и порисуют, и пропоют две-три песенки, и посчитают, и прослушают или расскажут какое-нибудь событие из библейской истории, то в конце месяца не только сумма приобретённого ими, но и то, что приобрели они в каждом отдельном знании и уменьи, будет больше того, чем могли бы приобресть они, занимаясь всё это время одним только этим знанием или уменьем. Так, например, при таких разнообразных занятиях во время урока, они сделают более успехов в чтении, чем сделали бы тогда, если бы каждый ваш урок вы посвятили одному чтению. Ничто не противоречит так природе ребенка, как засадить его за одну азбуку, не давая ему в это время никаких других занятий, и держать его за этой азбукой по нескольку часов, а когда он, наконец, её одолеет, перейти к такому же занятию складами и т. д.

На основании вышеизложенного физиологического и психического закона, современное первоначальное обучение открывается не одним, но несколькими предметами: наглядное обученье, письмо, рисование, детские работы, чтение, счёт, библейские рассказы, пение и гимнастика сменяют друг друга и поддерживают в ребёнке телесную и душевную бодрость и свойственную этому возрасту весёлость.

Но, заметит при этом иная мать, как же мне заниматься самой первоначальным обучением, если я должна знать столько предметов? Напрасная робость: каждая, сколько-нибудь порядочно образованная жен-

щина, при небольшом старании, может преподавать все эти предметы детям от 7 до 8 и даже до 9 лет. Предметов много, но в каждом из них ребёнок может усвоить только то немногое, что очень доступно всякой сколько-нибудь развитой женщине. Трудно ли ей, например, при малейшей способности к пению, усвоить голоса трёх, четырёх молитв и десятка песен, годных для детей, приготовить самой, руководствуясь библией, 20 и много 30 рассказов из ветхого и нового завета, выучиться руководить пятью-шестью фребелевскими работами, рисовать по квадратикам и присмотреться к десятку первоначальных гимнастических движений? А вот и всё, что могло бы затруднить мать, которая, получив порядочное образование, хочет сама приняться за первоначальное обученье своих детей.

Но чем разнообразнее предметы первоначального обучения, тем необходимее, чтобы все эти предметы, или, по крайней мере, большинство их, преподавались одним лицом. Если же вы думаете на каждый отдельный предмет взять учителя или учительницу, то лучше уменьшите число предметов до возможной степени. Полезное и даже необходимое разнообразие предметов первоначального обучения и возможно только при том условии, чтобы в нём, собственно говоря, не было никаких отдельных предметов, а все сливалось в одно разумное воздействие взрослого лица, дающего пищу деятельности детей и направляющего всю эту разнообразную деятельность к одной разумной цели — ко всестороннему развитию телесного и душевного организма дитяти и приготовлению его к тому изучению отдельных предметов, которое ожидает его впереди.

Русская пословица, что «у семи нянек дитя без глаза», ни к чему так не применима, как к первоначальному обучению. Множество наставников, ревнующих каждый о своём предмете, могут начинить дитя всякими знаниями и уменьями, но умственные глаза его останутся нераскрытыми. Итак: чем более разнообразия в учебных занятиях и чем менее разнообразия в учащих, тем лучше для первоначального обучения.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.

Под именем организации ученья разумею я здесь: распределение времени занятий; продолжительность их; распределение занятий между детьми одного класса, или одной семьи, но различных по возрасту, познаниям и развитию.

Я советую начинать ученье лучше несколько позднее и назначать для него сначала как можно меньше времени; но с первого же раза отделить его от игры и сделать серьёзной обязанностью для ребёнка. Конечно, можно выучить ребёнка читать и писать играючи, но я считаю это вредным, потому что, чем долее вы будете оберегать ребёнка от серьёзных занятий, тем труднее для него будет потом переход к ним. Сделать серьёзное занятие для ребёнка занимательным — вот задача первоначального обучения. Всякий здоровый ребёнок требует деятельности, и притом, серьёзной деятельности: с меньшим удовольствием играет он со своими сверстниками, чем помогает отцу или матери в каком-нибудь серьёзном деле, если только это дело не превышает его сил и не требует от него такого продолжительного постоянства, которое приходится ему не по возрасту. Следовательно, с первых же уроков приучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствие в их исполнении.

Для достижения этой цели я советую, приступая к ученью, тогда же назначить для него определённое время и место (этот совет относится, конечно, только к семейному обучению). Пусть книги и вещи, употребляемые при учении, лежат на месте и пусть дети не трогают их не во время уроков. Помните, что, нарушая эти простые правила, а также манкируя часто уроками или перестанавливая их с одного часа на другой, вы кладёте в душу дитяти те семена беспорядочности в делах, которые, развившись с течением времени, могут отравить всю его жизнь. Скупо отделите минуты от вашего дня для занятий с детьми; но, отделив их раз, не берите назад. Берегитесь, чтобы

дитя не привыкло к тому, что оно может отделаться от уроков: тогда урок, от которого оно не может отделаться, покажется ему тяжёлым.

Конечно, сделав занимательным свой урок, вы можете не бояться наскучить детям, но помните, что не всё может быть занимательным в ученье, а непременно есть и скучные вещи, и должны быть. Приучите же ребёнка делать не только то, что его занимает, но и то, что не занимает, — делать ради удовольствия исполнить свою обязанность. Вы приготовляете ребёнка к жизни, а в жизни не все обязанности занимательны, и если вы до 10 лет будете учить дитя играючи, то приготовите ему страшную муку, когда встретится он потом с серьёзными учебными обязанностями, иногда вовсе не занимательными.

Что касается до продолжительности урока, то на первое время довольно будет часа поутру и полчаса после обеда. На следующий год можно будет прибавить по получасу-полтора часа утром и час после обеда; далее — два часа утром и, по крайней мере, до 9 лет не идти выше трёх часов ежедневных занятий. Сначала через каждые полчаса, а потом через час, давайте полный отдых ребёнку, — пусть он немного побегает, порезвится и привыкнет принуждать себя переходить от игры к делу.

Задавать детям внеклассные уроки в этом возрасте положительно вредно; и только на десятом году, и то после хороших предварительных классных занятий в прежние годы, можно допустить небольшие уроки вне класса, имея в виду, что такие уроки ожидают детей в большинстве наших учебных заведений. Припомним только себе, сколько слез и мучений стоили каждому из нас эти заданные внеклассные уроки и какую ничтожную пользу они принесли. Нет ничего легче для учащих, как отметить ногтем или карандашом страницу в книге и задать ребенку выучить её к следующему разу. Но посмотрите, как ребёнок, предоставленный слишком рано самому себе, бьётся над этой мучительной страницей, как зубрит её бес-

толково, удесятеряя свой труд неуменьем за него взяться, как пачкает и тетрадь, и руки, и лицо чернилами, какими горькими слезами обольёт иную, неудающуюся букву, —и вы поймёте, откуда иногда берётся в детях отвращение к учению. Кроме того, помните, что вы вашим уроком не только испортили ребёнку то время, когда он сидел за ним, но испортили ему целый вечер, а может быть, и целый день и что, играя, он бледнеет и вздрагивает, вспоминая залитую чернилами страницу или невыученные строки. Мы сильно заблуждаемся, если думаем, что жизнь ребёнка в школьном возрасте вся принадлежит школе; нет, школа имеет только весьма небольшую долю в том естественном развитии дитяти, на которое гораздо больше влияния оказывают время, природа и семейная жизнь. Школа не имеет права вторгаться в чуждую ей область и мешать своими уроками влиянию других великих воспитателей человека: природы и жизни.

Итак, при первоначальном обучении дети должны исполнять все свои уроки в классе, под надзором и руководством учащих, которые сначала должны выучить ребенка учиться, а потом уже поручить это дело ему самому. Из этого ученья уроков в самом классе, при учащем, выходит много полезных последствий; *во-первых*, как я уже сказал, тогда уроки не мешают ребёнку свободно развиваться в семье под влиянием природы и окружающих его людей, не лишают его сна и аппетита, не отравляют его игры; *во-вторых*, учитель, задавший урок, видит, как этот урок исполняется ребёнком, и замечает, может быть, свои собственные ошибки в преподавании; *в-третьих*, наблюдая за ребёнком, выполняющим урок, учитель всего удобнее изучает дитя, замечает, что ему даётся легко и что трудно, и предупреждает всякое ложное понимание, часто превращающееся посредством зазубривания в умственный недостаток, который надобно потом искоренять; *в-четвёртых*, дитя выучивается учиться под руководством наставника, а это в первоначальном обучении важнее самого ученья.

Но, может быть, заметят мне иные: назначая на урок так мало времени и не задавая внеклассных уроков, нельзя успеть многого. Правда, но многого же и не требуется. Если ребёнок в продолжение трёх лет занимается, и действительно *разумно занимается*, каждый день от 2 до 3 часов, то он может быть так приготовлен к слушанию гимназического курса, как теперь не бывает подготовлен почти ни один десятилетний мальчик, являющийся к экзамену. Он будет в состоянии говорить связно и толково, читать плавно, с явным пониманием того, что читает (если, конечно, читаемое ему доступно по содержанию), считать бойко в уме и на письме в пределах четырёх первых правил арифметики; знать наизусть 20 или 30 стихотворений и уметь рассказывать столько же маленьких рассказов; записать толково, чётко и красиво небольшую мысль без важных орфографических ошибок и поставить главные знаки препинания; рассказать 20 или 30 событий из ветхого и нового завета; рисовать простые предметы, хотя по четвероугольникам; чертить карту своей комнаты, дома, улицы, города или деревни и рассказывать эту карту или *читать* её, как говорят в Германии*. Но главное — ребёнок принесёт с собой в школу уменье и охоту учиться, способность сосредоточивать своё внимание в продолжение довольно долгого времени и усваивать быстро то, что без привычки усваивается очень медленно. Это совершенно достаточно для 10-летнего дитяти.

Отчего же, скажут нам, в большей части случаев, начиная ученье ранее, чем я полагаю, употребляя на него больше времени и задавая внеклассные уроки, не успевают достигнуть и половины выставленных мною результатов? Да именно оттого, что, отнимая много времени из детской жизни, растрачивают бо̀льшую часть этого времени понапрасну, без пользы для ученья и со вредом для физического и умственного развития ребёнка; оттого, что первоначальное ученье

* Об этом занятии я скажу в примечаниях ко 2-й части.

наше устроено так, что дитя, просидев на уроках 4 часа в день и больше, хорошо ещё, если действительно займётся 15 и много 20 минут в эти 4 часа; а иной счастливец так и выйдет из класса, не занявшись ни одной минуты, если на его долю в этот раз не выпало быть спрошенным. Мы отнимаем много времени у жизни ребёнка и, к стыду нашему, растрачиваем это драгоценное для развития человека время не только понапрасну, но часто с большим вредом для детей, заставляя их страдать в классе от неподвижности и скуки. Если же мы устроим наш урок так, что все дети будут в продолжение его действительно работать постоянно, то заметим, может быть, что время, назначенное мною для уроков, не только коротко, но слишком продолжительно, хотя оно, как каждое полное содержания время, проходит для личного ощущения очень быстро. Мы заметим, что дети чувствуют усталость, но уже не от скуки и неподвижного сиденья, а от работы и что в продолжение часа мы сделали многое. Я убеждён, что усовершенствование педагогических приёмов приведёт ещё к большему уменью пользоваться временем и что даже то число часов, которое назначают теперъ в лучших школах для первоначального обучения, современем покажется слишком большим.

В наших первоначальных школах, обучающих грамоте, часто жалуются на то, что дети, поступая в школу в различное время года, делают невозможным систематическое занятие с целым классом. Конечно, если дети поступают в неопределённые сроки, — сегодня приведут одного, через неделю другого и так круглый год, — то никакое систематическое обученье невозможно. Но для облегчения родителей следует в такой школе назначить приём не иначе, как по третям года, а самый класс разделить на три группы. Такое деление класса на группы, из которых одна сильнее другой, не только не вредно, но даже полезно, если наставник умеет, занимаясь с одной группой сам, дать двум другим полезное самостоятельное упражнение. В Швейцарии я видел превосходные школы, где учитель таким обра-

зом занимается разом с шестью последовательными годовыми классами и тем множеством разнообразных предметов, какие предлагает курс шестилетней школы. Не требуя от наших наставников такой усиленной и разнообразной деятельности, для которой нужна специальная подготовка, я не вижу никаких затруднений для каждого благоразумного человека,принимающегося за первоначальное обучение, учить разом три или четыре немногочисленные отдела одного класса, занимаясь лично с одним из этих отделов и давая другим самостоятельные упражнения, особенно, если всё ученье не выходит из предела нашей элементарной школы. Одни ученики пишут, другие читают, третьи решают арифметическую задачу, четвёртые занимаются с учителем, — это самая правильная деятельность школы, и не только не хуже, но гораздо лучше той, когда сам учитель всё время занимается с целым классом.

Прежняя схоластическая школа взваливала весь труд ученья на плечи детей, давая в руки учителя только ферулу для того, чтобы подгонять ленивых. Следовавшая затем школа ударилась в другую крайность: она взваливала весь труд на учителя, заставляя его развивать детей так, чтоб для них это развитие не стоило никаких усилий. Новая школа, напротив, разделяет и организует труд учителя и учеников: она требует, чтобы дети, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал.

Вот почему сказал я, что класс, состоящий из нескольких отделов, последовательных по развитию и занятиям, даже больше представляет условий для правильного ученья, чем класс, состоящий из детей одного возраста, развития и познаний. Кроме того, если наставник привыкнет к такому совместному и одновременному обученью нескольких классов в одном классе и войдёт в свою настоящую роль—руководителя самостоятельным ученьем детей,—то он будет в состоянии учить одних и тех же детей два и три года сряду;

а это есть важное условие успеха в первоначальном учении, в котором не только разнообразие учителей, преподающих в одно время, но и ежегодный переход учеников от одного учителя к другому приносит много вреда, лишая ученье воспитательной и развивающей силы.

Эта заметка относится и к семейному обученью в том отношении, что часто родители, избегая излишних издержек, учат одному и тому же детей различного возраста. Это чрезвычайно вредно: напрягая чересчур силы одного, не упражняя, как следует, сил другого, такое ученье поселяет в то же время между детьми одной семьи весьма дурные чувства — зависть, тщеславие и часто ненависть там, где должна царствовать братская любовь. Различие в возрасте детей нисколько не мешает, а напротив, помогает одновременно заниматься с ними, если только наставник или наставница, не задавая внеклассных уроков, сумеют заниматься с одним ребёнком, а другому дать самостоятельное занятие.

При составлении моего учебника, я именно имел в виду дать учащему возможность занять одновременно нескольких детей или несколько небольших классов. С первых же уроков я представляю упражнения для самостоятельной деятельности детей.

КЛАССНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Если мы устроили наш класс по началам, высказанным выше; если мы ввели в него порядок и стройность в занятиях, не утомляем детей слишком продолжительным для их возраста занятием в одном направлении и в то же время не допускаем и классной скуки, не оставляя ни на одну минуту ни одно дитя без дела; если мы сумели сделать эти занятия занимательными для ребёнка и в то же время собственной своей ревностью и серьёзностью, никогда, впрочем, не переходящею в суровость, внушили детям уважение к исполнению своих обязанностей, если сделали эти обязанности ни слишком лёгкими, чтобы их нельзя

было заметить, ни слишком трудными, чтобы погнулась под ними слабая натура дитяти; если не требуем от ребёнка развития, которого он ещё не достиг, и даём достаточную пищу тому, которое в нём в настоящее время совершается; если, наконец, нравственная природа наша такова, что дети могут полюбить нас, — то классная дисциплина в наших руках. В старой школе дисциплина была основана на самом противоестественном начале — на страхе к учителю, раздающему награды и наказания. Этот страх принуждал детей не только к несвойственному, но и вредному для них положению: к неподвижности, классной скуке и лицемерию. Ребёнок вялый, неподвижный по натуре, легче других выносящий школьную скуку, или ребёнок, быстро выучившийся лицемерить, смотреть на учителя с величайшим вниманием и в то же время щипать товарища под скамьёй, получал награду; дети живые, подвижные, жадно требующие пищи своим развивающимся способностям, откровенные, не умеющие скрывать своих душевных движений, — подвергались наказаниям. Дорого все мы поплатились за это смирное сиденье в классе!

«Выражение — сидеть смирно (говорит Нестор швейцарских педагогов, Шерр) отлично обличает дух старой школы: она не хотела возбуждать, оживлять, давать деятельность детям; она не хотела удовлетворять законным потребностям свежей, подвижной детской природы и заставляла детей сидеть смирно, бессмысленно, ничего не делая». Грех этот, к сожалению, ещё царствует во многих наших школах, и он-то именно порождает ту кучу школьных проступков, с которыми так трудно бороться дисциплине. В школьной скуке скрывается источник множества детских проступков и даже пороков: шалостей, лени, капризов, отвращения от ученья, хитрости, лицемерия, обманов и тайных грехов. Уничтожьте школьную скуку, — и вся эта смрадная туча, приводящая в отчаянье педагога и отравляющая светлый поток детской жизни, исчезнет сама собой.

Всё школьное ученье и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумным, религиозным и нравственным элементом. В школе должна царствовать серьёзность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность. Тогда добрые чувства и стремления сами собой разовьются в детях, а начатки дурных наклонностей, приобретённые, быть может, прежде, понемногу изгладятся.

Это, так сказать, гигиеническое влияние школы действует незаметно, но чрезвычайно сильно и прочно. Оно гораздо важнее того патологического влияния, которое оказывает школа поощрениями, наказаниями и моральными наставлениями.

Поощрения и наказания уже не безвредные гигиенические средства, предупреждающие болезнь или излечивающие её правильной нормальной жизнью и деятельностью, а лекарства, которые вытесняют болезни из организма другою болезнью. Чем менее нуждается школа или семья в этих, иногда необходимых, но всегда лекарственных и потому ядовитых средствах, тем лучше; и пусть педагог не забывает, что если поощрения и наказания остаются и до сих пор необходимыми для детей, то это показывает только несовершенство искусства воспитания. Лечат только больного; но, к несчастью, в наше время болезни нравственные и физические — весьма обыкновенная вещь в детском возрасте; а наше домашнее воспитание и устройство школ, в особенности закрытых, таково, что не только не уничтожают зачатков нравственных и физических болезней, но часто развивают их с ужасающей быстротой и силой, так что для излечения их приходится прибегать к ядам, вытесняющим одну болезнь и поселяющим на её место другую. Таковы все наказания и поощрения, действующие сильно на детское самолюбие, а также основывающиеся на одном страхе, чувстве боли и т. п. Много говорили у нас о том, чтобы выгнать

все наказания из школы; но рациональнее было бы требовать такого устройства школ, при котором награды и наказания сделались бы ненужными.

Что касается до моральных сентенций, то они едва ли даже не хуже наказаний, если относятся к детям того возраста, о котором здесь говорится. Приучая детей слушать высокие *слова* нравственности, смысл которых не понят, а главное, *не прочувствован* детьми, вы приготовляете лицемеров, которым тем удобнее иметь пороки, что вы дали им ширмы для закрытия этих пороков.

Здесь, говоря только о классной дисциплине, я не имею надобности входить в подробности нравственных детских болезней и средств их излечения; но, повторяю ещё раз, что разумно устроенная классная деятельность есть одно из рациональнейших и действительнейших гигиенических средств, не только предупреждающих нравственные детские болезни, но и излечивающих их разумной деятельностью и той правильной жизнью, которой проживает ребёнок в свои два часа в классе. И новейшая медицина, и новейшая педагогика начинают смотреть с недоверием на все сильные специфические средства, восхваляемые в прежнее время, и обе прибегают охотнее к средствам гигиеническим с одной и той же целью — разумною жизнью и разумною деятельностью не только вытеснить болезнь, зародившуюся под условиями противоположными, но и изменить самую почву, на которой эта болезнь выросла. В разумно устроенной школе наказаний за леность быть не может, потому что уроки выучиваются в классе; наказаний за шалости — также, потому что дети заняты и шалить им некогда. Всё, что может быть допущено в такой школе, так это самые лёгкие взыскания за невнимательность или поощрения за внимание.

КОЕ-ЧТО О ПЕРВЫХ УРОКАХ В ШКОЛЕ.

Первые два-три урока с детьми, только что поступившими в школу, можно употребить на то, чтобы

устроить между ними некоторый порядок, ознакомиться с ними и ознакомить их с собою и школою: следовательно, это — скорее беседы, чем уроки. Тон на этих беседах должен быть как можно менее формален. Учитель должен говорить с детьми тем языком, к которому они привыкли в своих семействах; конечно, без той грубости, какую иногда употребляют родители. Если дети, посещающие школу, говорят на каком-нибудь особенном наречии, то учитель должен говорить на этом наречии, приводя детей мало-помалу к пониманию общерусского литературного языка. Какого-нибудь подражания детскому лепету вовсе не нужно; но не должно также трактовать детей как взрослых. Наши ласковые уменьшительные имена: Коля, Ваня, Маша — совершенно уместны; употребление холодно-вежливого *вы*, которое хотели было ввести у нас, скорее пугает дитя, чем ободряет.

С вопросами своими учитель обращается к целому классу и потом называет дитя, которое должно дать ответ. На первых же уроках учитель должен приучить детей к этой форме вопросов и ответов. Если вопрос нов и ответ на него сколько-нибудь затруднителен, то учитель обращается к одному из более способных, развитых и бойких детей, которые своими ответами ободряют робких. Неправильный ответ ребёнка можно поправить, но только в главном и без большой настойчивости, не забывая, что дурные привычки и недостатки выговора исправляются не разом и что очень вредно внушить ребенку убеждение в слабости его сил для выполнения того, что от него требуется.

В эти же первые уроки учитель может приучить детей к некоторым классным движениям по команде, которые полезны не только потому, что дают детям возможность подвигаться и размять свои усталые от сиденья члены, но ещё более потому, что помогают учителю возбуждать и сосредоточивать на своих словах и движениях внимание класса. Эти движения должны быть немногочисленны и просты: встаньте, сядьте, руки на стол, руки назад, поднимите правую

руку, левую, выйдите из-за скамей, перемените места, первая скамья встань, вторая — сядь и т. п. Ещё лучше, если учитель приучит детей к некоторым из этих движений по немой команде какими-нибудь условными знаками.

Прекрасное, освежающее и гармонирующее класс средство есть классное пение. Вы заметили, что класс устал, рассеян, работает вяло, начинаются зевки, маленькие шалости: заставьте пропеть какую-нибудь песенку — и всё придет опять в порядок, энергия возродится, и дети начнут работать попрежнему.

Если учитель не умеет петь, пусть приучит детей произносить целым классом какие-нибудь молитвы, стихотворения, пословицы: это может заменить отчасти пение как средство, освежающее утомлённый и расстроившийся класс.

В школе начинать ученье чтению и письму с первых же уроков я не советую, потому что масса новых впечатлений для ребёнка и так слишком велика: надобно дать ребёнку время осмотреться, попривыкнуть к своему новому положению, и тогда только можно уже рассчитывать на его внимание.

В первые уроки можно показать детям несколько картинок и тем вызвать их на беседу: показать, как складывать из палочек две-три нехитрые фигурки, нарисованные учителем на доске, научить пересчитать пальцы и т. п. Если учитель занят другим классом, то может отпустить новичков ранее, но никак не внушать им того убеждения, что в классе можно сидеть и ничего не делать.

О ЗНАЧЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ.

Дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно чрез посредство отечественного языка, и, наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нём своей духовной стороной только чрез посредство той же среды — отечественного языка.

В другом месте я уже говорил о глубоком, центральном значении отечественного языка не только в первоначальном обучении, но и в средних учебных заведениях; здесь же, имея более близкую цель, я укажу только на влияние, которое имеет хорошее или дурное приготовление в отечественном языке на всё ученье дитяти.

Изучение каждого предмета передаётся ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета. Скажу ещё яснее: наставник рассказывает детям какое-нибудь библейское происшествие, но дети не понимают настоящего значения многих слов, эпитетов, видов глагола, наречий, союзов и, следовательно, не понимают вполне настоящего смысла рассказа. Дети не привыкли вникать в связь предложений, в отношение придаточных к главному, не понимают значения вводного, не видят, где причина и где следствие, где случайное и где необходимое, не привыкли даже задать себе вопрос, о ком или о чём говорится, и т. п., вот и вся речь наставника отражается в их головах бессвязными и перепутанными фразами. Уча урок по книге, дитя встречается ещё с большими затруднениями, потому что тут нет учителя с его мимикой и интонацией, которые могли бы показать, что̀ в книге главное, что̀ второстепенное, и о чём говорится только мимоходом — и вот дитя, вместо того, чтобы прочесть раза два урок со вниманием и усвоить его совершенно своей свежей детской памятью, учит печатные строчки, помнит, в какой строчке какое слово поставлено, а урока всё-таки не знает. Далее, приходится ребёнку рассказывать свой урок, и вот опять новая борьба с непривычкой его к отечественному слову: он не может заменить ни одного слова другим, не может переставить свободно двух

слов, и язык его точно в цепях тех строчек, которые он заучил. Ему остаётся только вызубрить слово в слово, но и тут невыломанный язык его путается и ошибается при каждом трудном звуке. То же самое испытывает дитя, неприготовленное, как следует, в отечественном языке, при изучении истории, географии, естественных наук и математики, когда ему приходится объяснять теорему или выражать своими словами какую-нибудь математическую задачу. Не ясно ли теперь, что преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты, и что я имел право взглянуть на наставника отечественного языка как на руководителя всего первоначального ученья и подать ему некоторые общие педагогические советы?

Теперь я могу приступить прямо к изложению методики первоначального преподавания отечественного языка по предлагаемому мною руководству.

ПЕРВЫЕ ЗАНЯТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ.

Когда новый класс примет несколько стройный вид, привыкнет слушать учителя и исполнять его требования, тогда можно уже начать систематическое обучение отечественному языку, преподаванием которого я и займусь теперь, выразив выше полную необходимость сопровождать его и другими занятиями.

Первоначальное обучение отечественному языку разделяется на три совместно идущие занятия: 1) *наглядное обучение*, 2) *приготовительные упражнения в письме* и 3) *звуковые упражнения, приготовляющие к чтению.* Все эти три упражнения должны идти одновременно, сменяя одно другое в каждом уроке; но для ясности изложения я должен говорить о каждом отдельно.

О НАГЛЯДНОМ ОБУЧЕНИИ.

Способствовать развитию изустной речи в детях есть, без сомнения, одна из важнейших обязанностей учителя русского языка. Никто, конечно, не сомневается, что изустная речь развивается единственно от упражнений. Следовательно, наставник русского языка обязан дать упражнение изустной речи детей и руководить этими упражнениями. Это — едва ли не главная его обязанность и потому, наконец, что изустная речь служит основанием письменной. Но изустная речь основана на мышлении: следовательно, наставник русского языка обязан дать детям упражнения, возбуждающие мысль и вызывающие выражение этой мысли в слове. Но чём вы возбудите мысль ребёнка и вызовете из него самостоятельное слово, как не показав ему какой-нибудь предмет или изображение предмета? Вот почему я помещаю наглядное обучение в число обязанностей наставника русского языка и ставлю это занятие прежде двух других — обученья письму и чтению, хотя все эти три занятия, конечно, должны идти одновременно.

О наглядном обучении у нас говорили и писали много; но почти ничего не сделали, чтобы оно могло, хотя мало-помалу, входить в наши школы и в наши семейства. Даже самая идея наглядного обучения как-то плохо привилась у нас и встретила много противников. По моему мнению, это лучшее доказательство того, что мы, с охотою витая в высших сферах идей и не отказываясь свысока бросить взгляд и на воспитание, не потрудимся никогда вникнуть в самую идею первоначального обученья, считая это дело или слишком лёгким, или слишком маловажным, так что идея первоначального обучения живёт у нас в каких-то неопределённых формах, темна и не проникнута светом сознания. Иначе, в наглядном обучении мы видели бы необходимое и неизбежное дело при первых занятиях с детьми.

Что такое наглядное обучение? Да это такое ученье, которое строится не на отвлечённых представлениях

и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребёнком: будут ли эти образы восприняты при самом ученье, под руководством наставника или прежде, самостоятельным наблюдением ребенка, так что наставник находит в душе дитяти уже готовый образ и на нём строит ученье.

Этот ход ученья, от конкретного к отвлечённому, от представления к мысли, так естественен и основывается на таких ясных психических законах, что отвергать его необходимость может только тот, кто вообще отвергает необходимость сообразоваться в обучении с требованием человеческой природы вообще и детской в особенности.

Весь наш мыслительный процесс, руководимый внутренней врождённой ему силой идеи, состоит только из тех элементов, которые были восприняты нами из внешнего мира. Идея принадлежит нашему духу; но материала для работ и выражения этой идеи нет другого, кроме того, что даёт внешний, видимый, ощущаемый мир. Весь наш язык проникнут этими влияниями внешнего материального мира.

Непосредственно воспринятые нами из внешнего мира образы являются, следовательно, единственными материалами, над которыми и посредством которых работает наша мыслительная способность, хотя идея работы принадлежит нам.

Занимаясь наукой, мы привыкаем мало-помалу отвлекаться от употребляемых нами материалов, не будучи в состоянии никогда и ни в одном слове оторваться от них совершенно. Но дитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насиловал бы детскую природу, кто захотел бы заставить её мыслить иначе. Таким образом, облекая первоначальное ученье в формы, краски, звуки,— словом, делая его доступным возможно большему числу ощущений дитяти, мы делаем, вместе с тем, наше ученье доступным ребёнку, и сами входим в мир детского мышления.

Верность наших заключений и вся правильность нашего мышления зависят: во-первых, от верности данных, из которых мы делаем логический вывод, и во-вторых, от верности самого вывода. Как бы ни были логически верны наши выводы, но если данные, воспринятые нами из внешнего мира, неверны, то и выводы будут ложны. Отсюда вытекает обязанность для первоначального обученья — учить дитя наблюдать верно и обогащать его душу возможно полными, верными, яркими образами, которые потом становятся элементами его мыслительного процесса.

Всякое не мёртвое, не бесцельное ученье имеет в виду готовить дитя к жизни; а ничто не может быть важнее в жизни, как уметь видеть предмет со всех сторон и в среде тех отношений, в которые он поставлен. Если мы вникнем глубже в то, что обыкновенно зовётся в людях замечательным или даже великим умом, то увидим, что это, главным образом, есть способность видеть предметы в их действительности, всесторонне, со всеми отношениями, в которые они поставлены. Если ученье имеет претензию на развитие ума в детях, то оно должно упражнять их способность наблюдения.

Кто не замечал над собою, что в памяти нашей сохраняются с особенной прочностью те образы, которые мы восприняли сами посредством созерцания, и что к такой, врезавшейся в нас, картине мы легко и прочно привязываем даже отвлечённые идеи, которые без того изгладились бы быстро? Вот почему сам божественный учитель наш показал нам великий пример наглядного обученья: он брал полевую лилию и, указывая на неё, говорил о доверенности к провидению; он указывал на стены иерусалимские и говорил о суете всего земного, брал самые простые общеизвестные примеры из обыденной жизни и выводил из них высокое ученье о царстве божьем.

Детская природа ясно требует наглядности. Учите ребёнка каким-нибудь пяти неизвестным ему словам, и он будет долго и напрасно мучиться над ними; но

свяжите с картинками двадцать таких слов и — ребенок усвоит их налету. Вы объясняете ребёнку очень простую мысль, и он вас не понимает: вы объясняете тому же ребёнку сложную картину, и он вас понимает быстро. Попробуйте одно и то же происшествие рассказать двум детям, одинаково способным: одному — по картинкам, другому без картинок, — и вы оцените тогда всё значение картинок для ребёнка.

Показывание картинок и рассказы по ним — лучшее средство для сближения наставника с детьми. Ничем вы не можете так быстро разрушить стену, отделяющую взрослого человека от детей, и, в особенности, учителя от учеников, как показывая и объясняя детям картинки. Если вы входите в класс, от которого трудно добиться слова (а таких классов у нас не искать стать), — начните показывать картинки, и класс заговорит, а главное, заговорит свободно, непринуждённо, что, конечно, необходимо для учителя русского языка, если он не суживает своей обязанности до выучки детей чтению, письму и орфографии.

При наглядном обучении учитель, так сказать, присутствует при самом процессе формирования языка в детях и может направлять этот процесс. Причём главное дело опять делает та же картинка: она поправляет ложный эпитет, приводит в порядок нестройную фразу, указывает на пропуск какой-нибудь части; словом, выполняет на деле легко то, что учителю на словах выполнить чрезвычайно трудно.

В Германии и Швейцарии нет уже спору о наглядном обучении; но спорят ещё о том, должно ли его сделать предметом отдельного преподавания или только делать преподавание всех предметов наглядным. Практичнее всего, мне кажется, вести наглядное преподавание отдельно до тех пор, пока дети начнут читать порядочно и без большого труда, и потом слить наглядное обучение с объяснениями употребляемой в школе книги для чтения, что, конечно, возможно только тогда, если сама книга приспособлена к систематическому наглядному обучению. Я имел это в виду

при составлении «Родного слова»; но, конечно, картинки, в нём помещённые, только отчасти делают чтение наглядным.

Что же касается до отдельного наглядного обучения в первый год школы, то я могу указать только на крайнюю его потребность; но не могу ничего дать для удовлетворения этой потребности. Издание сколько-нибудь порядочных картин для наглядного обучения обходится так дорого, а самая потребность этих картин сознана нашим обществом и нашими школами так мало, что едва ли кто-нибудь решится затратить на это дело значительный капитал. Вот почему я могу только посоветовать наставнику русского языка, принимающемуся за дело первоначального обучения, достать где-нибудь десяток сносных картин, которые, по содержанию своему, могли бы вызвать детей на беседу: это могут быть ландшафты, изображения животных и растений, какие-нибудь сцены из народной жизни и т. п. Пусть учитель создаст себе план бесед по этим картинам и ведёт эти беседы не торопясь, но и не надоедая детям излишними подробностями. Картины не должны быть известны детям, не должны висеть в классе, иначе они потеряют свой интерес. Пусть учитель приносит в класс картину за картиной, меняя их тогда, когда всё содержание картины будет беседой исчерпано и когда дети приобретут навык рассказывать картину порядочно для своего возраста. Успех и от такого наглядного обучения будет значительный; но пусть наставник не думает, что это наглядное обученье таково, как оно должно быть. Правильное наглядное обучение имеет свою систему, свои правила и приёмы, о которых распространяться здесь я считаю излишним, так как у нас пока нет средств для такого обучения.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ ГРАМОТЕ ВООБЩЕ.

Новейший рациональный способ обучения детей грамоте следует, в отличие от всех прочих, назвать *историческим,* потому что он основан на способе,

которым, как можно предполагать, был изобретён письменный язык.

Величайший подвиг изобретателей письменного языка состоял в том, что они, не довольствуясь иероглифическими изображениями понятий, стали вслушиваться в слова и разделили слова на простые звуки. Сравнивая же потом звуки в различных словах, заметили, что эти звуки немногочисленны и постоянно повторяются, только в различных сложениях. Изобрести условные значки для этих звуков, а вместе и азбуку, было уже делом лёгким.

Заслуга новой звуковой методы обучения грамоте именно в том и состоит, что она оторвалась от прежней искусственной, схоластической методы и обратилась на естественный исторический путь: обратилась прямо к изучению звуков как элементов изустного слова и их начертаний.

Многие однакож, в особенности у нас, ещё не совершенно сознали преимущества *звуковой* методы; и если немного уже найдётся таких, которые стоят за прежние *азы* и *живете*, то немало ещё защитников последующих затем *бе*, *ве*, *ге*, *ем*, *ен* и бесконечных таблиц складов, говоря, что и по этой методе выучивались читать так же хорошо и скоро, как и по нынешней звуковой.

Если бы это было и так (чего я, впрочем, не признаю), то и тогда я отдал бы преимущество звуковой методе на том основании, что она способствует умственному развитию дитяти, тогда как прежняя останавливала и замедляла это развитие и, кроме того, надоедала детям. Не нужно быть большим психологом, чтобы понять, что прежняя метода бессмысленным заучиванием множества букв и потом множества ещё более бессмысленных складов, не давая никакой пищи детскому уму, не позволяла ему в то же время заняться чем-нибудь другим и, следовательно, держала его, во всё продолжение обучения грамоте, в бездейственном, оцепенелом состоянии. Если же принять в расчёт, что такое оцепенелое состояние слабого детского

ума продолжалось по нескольку часов в день, круглый год, а иногда два, то нельзя сомневаться, что такое учение не могло не отразиться весьма гибельно, не говорим уже на уме, а просто на мозге детей, который в это время чрезвычайно нежен, впечатлителен и находится в полном процессе формировки. Попробуйте ежедневно, на три или на четыре часа, в продолжение года или двух, привязывать одну руку ребенка к его туловищу — и если эта рука не усохнет, то только единственно потому, что вы не оставляли её привязанной целый день; но во всяком случае, рука, подвергавшаяся такому опыту, разовьётся гораздо слабее другой. Мозговой организм гораздо нежнее организма руки и развивается позже и дольше всех других частей организма. Судите же по этому, какой вред вы приносите ребёнку даже в физическом отношении, методически и насильственно приостанавливая деятельность мозга в продолжение долгих часов и многих месяцев. Представьте себе дитя в какой-нибудь деревенской трущобе, которое играло и резвилось целый день под влиянием всеразвивающей природы, беспрестанно двигалось, ощущало, думало по-детски, конечно, изобретало то то, то другое, плакало или смеялось, словом, жило всем своим духовным и телесным организмом. И вдруг, вы схватываете это дитя, кидаете его в душную, мрачную школу старинного закала, где оно прежде всего должно сидеть смирно, не шевеля ни одним членом, не думать, не чувствовать, не соображать, не придумывать что-нибудь, не плакать и не смеяться, даже не глядеть по сторонам; а пристально уставившись на букварь, вдалбливать букву за буквой и один бессмысленный слог за другим. Представьте себе, что это дитя чуть-свет отправляется в школу, выходит оттуда ночью и проводит так день за днём, два, три, четыре года, в период сильнейшего развития организма, не имея других ощущений, кроме страха получить побои, и получая действительно колотушки в голову, — и вы поймёте, почему наши грамотники-крестьяне, по большей части, показывают

менее природного ума и развития, чем те, которые развивались свободно, вне стен школы, под влиянием природы и жизни; поймёте, почему между нашими простонародными грамотниками и писарями так часто встречаются люди страшно тупые и в то же время безнравственные. Но одно ли это вы поймёте? Вы поймёте также, чего желают те люди, которые с высоты своего журнального величия советуют оставить наш народ учиться в таких школах, у таких учителей и по таким методам. Но возвратимся к звуковой методе, полагая, что разъяснить нашей публике значение хорошей методы преподавания грамоте значит в то же время уяснить ей истинное значение людей, вооружающихся против введения хороших метод и всяких нововведений в наши народные школы, людей, толкующих о нравственности в школах и не понимающих, как неразрывно связана нравственность школы с употребляемыми в ней методами.

Я не потому предпочитаю звуковую методу, что дети по ней выучиваются скорее читать и писать; но потому, что, достигая успешно своей специальной цели, метода эта в то же время даёт самодеятельность ребёнку, беспрестанно упражняет внимание, память и рассудок дитяти, и, когда перед ним потом раскрывается книга, оно уже значительно подготовлено к пониманию того, что читает, и, главное, в нём не подавлен, а возбуждён интерес к учению.

Обращаясь теперь к изложению самих приёмов в обучении грамоте, я считаю себя обязанным высказать, что многое мною заимствовано у немецких педагогов и в особенности у швейцарского педагога Шерра, — заимствовано как из книг, так и из личных наблюдений за ходом этого дела в заграничных школах, но изменено мною сообразно нашим русским потребностям и под влиянием моей собственной практики в обучении детей по этому способу. Метода Шерра есть превосходнейший анализ процесса обучения детей чтению и письму и отлично вводит педагога в полное

понимание этого процесса. Но на практике в этой методе многое слишком систематично, а потому растянуто, и может быть выпущено не только без вреда, но и с пользой. Самые условия нашего языка не позволяли мне слишком близко придерживаться германских метод; но не помешали воспользоваться тем, что, имея общечеловеческие основы, применимо ко всем языкам и детям всех народностей.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ПИСЬМО.

Первые упражнения в письме делаются детьми мелом на классной доске и грифелем на аспидных досках. Грифельные доски должны быть разлинеены с одной стороны на маленькие квадратики для рисования тех фигурок, какие наставник найдёт на первых четырёх страницах «Родного слова»; на другой стороне должны быть параллельные двойные линейки, несколько пошире тех, какие находятся в азбуке «Родного слова». Самих азбук не следует давать детям в руки на первых уроках.

Учитель собирает детей в кружок у классной доски и приучает их брать мел в правую руку; причём, разумеется, окажется, что не все дети знают, какая правая и какая левая рука. Чтобы познакомить с тоном первого урока, я передам его почти в той форме, какая находится у Шерра, и, конечно, не для буквального подражания.

Учитель. Посмотрите, дети, что у меня в руке? В какой руке у меня мел? Глядите, как я держу его. Алёша, возьми мел так же, как и я. Теперь ты, Вася, и т. д. Замечайте, что́ я сделаю мелом на доске. Это — *точка, точка.* Что это такое, Ваня? *Ваня.* Точка. *Учитель.* Что это такое, класс? *Весь класс.* Точка. *Учитель.* А ну, Серёжа, возьми мел и поставь такую же точку на доске. Теперь ты, Анюта, и т. д. Вот сколько мы наставили точек; однако, я все сотру. Смотрите теперь: сколько я поставил точек, Вася? *Вася.* Две точки. *Учитель.* Хорошо (обращаясь ко всем). Класс,

сколько точек?* *Все ученики.* Две точки. *Учитель.* Верно! и одна точка стоит *вверху*, а другая — *внизу*. Покажи, Ваня, которая вверху и которая внизу? А ты, а ты... Теперь я ставлю ещё точку: сколько точек? *Один из учеников.* Три точки. *Учитель.* Класс, сколько точек? *Класс.* Три точки. *Учитель.* Верно: одна, две, три. Одна стоит вверху, другая — внизу, а третья — где? *Один из учеников.* Посредине. *Учитель.* Хорошо! Подойди, Анюта, покажи палочкой точку вверху, внизу и посредине. Митя... и т. д. Вот я сотру три точки: поставь теперь ты, Ваня, две точки. Недурно, только вот нижнюю точку надо поставить как раз под верхней.

Учитель приучает детей ставить три точки, одна под другой на прямой линии и в одинаковом расстоянии. (См. азбуку «Родного слова», стр. 19.) Потом то же делают ученики на своих грифельных досках и хорошо, если ставят по команде учителя: раз, два, три!

Когда дети сносно ставят три точки на своих досках по команде учителя и без команды, тогда учитель идёт с классом далее**.

Учитель. Поднимите правую руку. Хорошо! Где правая рука, там и правая сторона. Вот я ставлю точку на правой стороне доски; от неё налево ставлю другую точку, посредине — третью. (Учитель ставит три точки в горизонтальном направлении.) Ваня, укажи точку направо, точку налево, и т. д.

Следуют опять упражнения учеников, сперва на классной, а потом на грифельных досках.

Учитель. Вот теперь я поставлю все точки, какие мы научились ставить: одну — *вверху*, другую — *внизу*, третью — *посредине*, четвёртую — *направо*, пятую — *налево*. (См. азбуку «Родного слова, стр. 19.) Покажи,

---

* Это общий приём первоначального обучения: удачный ответ одного ученика должен быть повторен целым классом.

** Прошу не забывать, что для удобства и краткости изложения я соединяю везде в один урок то, что должно быть изложено в нескольких.

Митя, точку направо, посредине, и т. д.; сосчитай, сколько поставлено точек*.

За упражнениями на классной доске следуют упражнения на грифельной. Потом наставник переходит к остальным четырём точкам (см. азбуку «Родного слова», стр. 19), которые для краткости следует называть так: направо — вверху, направо — внизу и т. д. Упражнение это повторяется прежним порядком и до тех пор, пока дети привыкнут ставить, считать и называть все девять точек, означенные в азбуке. Упражнения на грифельной доске делаются всем классом разом по отчётливой команде учителя; точку—вверху, точку — внизу! и т. д. **.

При этом первом упражнении наставник достигает различных целей:

1) Приучает детей правильно сидеть при письме, не прижиматься грудью к скамье, — что очень вредно для развивающейся детской груди, — не наклоняться слишком близко к доске, — отчего очень часто развивается у детей близорукость, класть правильно перед собой доску, держать, как следует, руки и грифель. Все эти привычки очень важны для здоровья ребенка и для хода самого ученья. Они гораздо легче усваиваются детьми теперь, при первых легчайших упражнениях, чем впоследствии, когда эти упражнения уже сами по себе станут довольно трудными и займут всё внимание ребёнка. Кроме того, впоследствии, когда ребёнок начнёт уже писать, отрывать его от дела беспрестанными поправками: сядь прямее, не так держишь грифель и т. п., сильно мешает ученью и замедляет его ход. Выучив, например, ребёнка держаться прямо, мы сохраним очень много времени

* Предполагается, что дети уже умеют считать до десяти; если же нет, то это исправляется тем, что ученье счёту идёт одновременно с элементарным письмом.

** Само собой разумеется, что при домашнем обучении приёмы должны быть несколько изменены; но порядок ученья остаётся тот же.

впоследствии, избавившись от необходимости беспрестанных замечаний.

2) На этих легчайших упражнениях дети приучаются писать в такт, по команде, что необходимо для письма по американской методе, признанной везде за лучшую. Такт для пишущей руки значит то же самое, что и для танцующей ноги. Строгий размер в движении — вот вся тайна красивого и быстрого письма. Посмотрите на руку хорошего писца, как она движется по бумаге, и вам придёт в голову искусная нога, танцующая по паркету; в обоих движениях основание одно и то же — такт. Вот почему американская метода письма в такт, угадавшая законы хорошего письма, так быстро распространилась в школах. И замечательно, что в школе, где сколько-нибудь порядочный учитель учит писать по американской методе, величайшая редкость встретить ученика, пишущего плохо.

3) Приучаясь ставить точки в различных направлениях, дети приобретают первый навык в письме, который помогает им потом проводить линии по этим направлениям*.

За упражнениями в постановке точек следуют подобные же упражнения в проведении линий по этим точкам и, следовательно, во всех направлениях. Линии должно проводить с одного почерка и так, чтобы они, по возможности, пересекались в одной точке. Это упражняет и руку и глаз ученика. Приёмы те же, как и прежде.

Когда дети выучатся *сносно* проводить линии, хорошо сидят, хорошо держат доску и грифель, слушают команду учителя, тогда уже можно приступить к письму,

* Многим могут показаться мелочными и педантическими эти первые упражнения в постановке точек. Я сам смотрел на них отчасти так же, пока мне не пришлось присутствовать на этом уроке в Бернской учительской семинарии, где преподавал лучший швейцарский дидакт, господин *Рюг*. Тут я на деле убедился, какое сильное влияние оказывают эти первые уроки на строй класса и ход всего первоначального обучения.

но ещё не самых букв, а только элементов нашей азбуки. Эти элементы азбуки выставлены у меня на 19-й странице азбуки «Родного слова».

Все эти упражнения — прямая чёрточка, чёрточка с крючком внизу, чёрточка с двумя крючками и нолик — пишутся с одного почерка, не отрывая руки от доски. При этих упражнениях не нужно слишком спешить: чем основательнее пройдёте вы их, тем вернее и быстрее пойдёте потом. Основательное, ничем не пренебрегающее первоначальное обучение постепенно ускоряет свой ход, ученье, много пропускающее в начале, теряет гораздо больше времени на пополнение этих пропусков. Пусть разочтёт каждый учитель-практик, сколько он в продолжение нескольких лет потеряет времени на постоянную поправку детей в уменье их держать себя за письмом; а поправки эти, именно потому, что они происходят мимоходом, не производят должного впечатления и должны быть повторяемы беспрестанно. Ещё замечу, что всякое новое упражнение учитель должен начинать сам с учениками на классной доске, потом упражнять их в такт на грифельных досках, и, наконец, когда дети приобретут навык, оставлять их самих упражняться. При начале этих самостоятельных упражнений, делаемых по образцу, выставленному учителем на классной доске, я советую поручать ученику старшего класса или лучшему ученику того же класса — писать на классной доске и давать такт целому классу.

После письма ноликов, связанных один с другим, можно приступить к письму гласных букв, звуки которых уже будут знакомы детям из второго упражнения, которое должно идти одновременно с приготовительными упражнениями в письме и о котором я буду говорить в следующей главе. При письме букв следует помогать детям — усвоять очертание букв, давая каждой букве особое название: так буква *и* будет две палочки с двумя крючками вниз; *о* — будет нолик, или кружочек; *а* — нолик с палочкою; *е* — полунолик и т. д.

Приучив писать восемь гласных, поставленных на 19-й странице азбуки, и, конечно, *после* их звукового изучения, о котором будет речь ниже, следует упражнять детей в письме слогов из гласных: *ая, ея* и т. д., с которыми они уже познакомились по звуку. При этом следует писать всякий слог с одного почерка, если возможно, и притом, также в такт.

Когда в изученье звуков дети перейдут к первой согласной, *с*, тогда следует приступить к письму целых слов в том порядке, в каком они находятся в письменной азбуке.

При каждой новой букве идёт сначала её звуковое изучение, потом письмо её в целом слове учителем на классной доске; далее письмо слова с новой буквой учениками на своих досках; затем письмо с прописей, находящихся в «Родном слове» и, наконец, переписка нового слова и целой фразы из печатной азбуки, начинающейся в «Родном слове» на стр. 31.

Ход этих письменных упражнений в связи с звуковыми упражнениями может быть понят по прочтении следующей за сим главы.

ЗВУКОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ, ПРИГОТОВЛЯЮЩИЕ К ЧТЕНИЮ.

Поупражнявши детей в постановке первых двух точек, в тот же урок учитель приступает к изучению звуков.

Изменяя во многом практические уроки Шерра, я тем не менее придерживаюсь и здесь принятой им драматической формы, считая её самой удобной для передачи приёмов преподавания.

Оставляя учеников на скамьях, учитель говорит: «заметьте теперь, дети, какой звук я скажу» — и произносит громко и протяжно звук *а*. «Ваня, скажи то же! Митя,...» и т. д.

Учитель требует, чтобы ученики произносили звук громко, отчётливо, не переходя ни в *о*, ни в *е*.

Учитель. Теперь я произнесу другой звук — *о*. Повтори его ты, ты и т. д. Вот мы знаем теперь два

звука: *а* и *о*. Сколько звуков мы знаем, Вася? Какой первый, какой второй? Скажите сначала первый, потом — второй, сначала — второй, а потом — первый. Говорите через человека; один — *а*,. а следующий — *о*! Третий опять *а* и т. д. Первая скамейка — второй, третья скамейка — первый звук и т. д.

Эти маленькие приёмы, о которых, избегая повторений, я не буду упоминать дальше, гораздо важнее, чем могут показаться с первого взгляда: своим разнообразием и неожиданностью перемен они превосходно поддерживают внимание целого класса, ученье идёт живо, дети не скучают, каждый ждёт, что его спросят, и принимает участие в общей деятельности.

За первыми двумя звуками, учитель знакомит тем же способом с третьим звуком — *и*. Этот звук имеет ту особенность, что во многих местностях России трудно добиться его чистого произношения.

Когда дети отвечают верно, быстро, отчётливо, тогда учитель переходит к новым упражнениям.

Учитель. Какие вы знаете звуки? Первый? второй? третий? А вот я вам скажу целое слово — вол! Какой здесь звук: *а* или *о*? Во-о-о-л!

Ученики, наиболее способные, угадают с первого раза. Если же никто не угадает, то учитель должен сказать сам. За третьим, четвёртым словом все начнут отгадывать, но сначала, конечно, не без ошибок. Для этих упражнений нужно брать односложные слова и притом такие, в которых гласные произносятся чисто. Вот несколько таких слов: *кот*, *пол*, *конь*, *кол*, *сон*, *соль*, *шаг*, *мак*, *шар*, *рак*, *сад*, *таз*, *бич*, *линь*, *мир*, *сиг*, *чиж*.

В том же порядке следует знакомить детей с остальными гласными; но уже не по три, или по две, а по одной разом. Первое знакомство должно быть с тремя буквами на том основании, чтобы дитя могло сравнивать звуки или буквы в письме; потому что только это сравнение укореняет их в памяти. Если же вы хорошо укоренили в детской памяти первые три буквы, или первые три звука, то продолжайте строить поне-

многу на этом прочном основании. Каждая новая буква и каждый новый звук, поступая в число твёрдо замеченных, быстро усвояется детьми; но дайте им опять разом три буквы или три звука, — и вы рискуете, что дети позабудут и то, что уже выучили. Это педагогическое правило, основанное на психологии, приложимо не к одному изучению азбуки, а вообще ко всякому изучению, где действует так называемая *механическая* память. При каждом новом звуке, поступающем в память детей, вы повторяете все прежние, привязывая к ним новый. (Это же самое должно делать и при изучении букв.)

За первыми тремя буквами я советую усваивать: *е*, *у*, *ы*, оставляя покуда *я*, *ю*, потому что это собственно двоегласные буквы; протянувши *я*, вы слышите на конце *а*, а протянувши *ю*, вы слышите *у*, — что сбивает детей; так что эти звуки следует изучать в двухсложных словах, где дети могут сравнить и различить близкие звуки, например, в слове *яма*.

Звук *ы* у нас часто смешивают в некоторых местностях с звуком *и*, так что учителю придётся потрудиться, чтобы усвоить детям понимание различия между этими двумя звуками. Но при этом пусть он не забывает, что язык и слух формируются постепенно и что разом тут ничего не сделаешь.

Для отыскания звуков *е*, *у*, *ы* предлагаю я следующие односложные слова: на звук *е*: *день*, *щель*, *медь*, *лещ*, *мел*, *лес*, *бег*, *лень*, *жесть*, *печь*, *цель**, на звук *у*: *дуб*, *жук*, *гуж*, *зуб*, *куль*, *луг*, *луч*, *сук*, *суп*, *шум*; на звук *ы*: *бык*, *дым*, *пыль*, *мышь*, *быль*, *сыпь*, *тын*, *сыч*. Все эти слова следует перемешивать так, чтобы детям беспрестанно приходилось угадывать разные звуки, а не один и тот же сряду.

Теперь уже можно перейти к двухсложным и многосложным словам. Приём следующий.

Учитель. Сколько же вы знаете звуков? Какие, Вася? Какой звук Вася пропустил, Митя? Пересчитайте

---

* Для звукового изученья нет разницы между *ѣ* и *е*.

теперь, все ли? Ну вот я вам скажу слово: *мама*. Какой здесь звук? Сколько раз он здесь повторяется: *мама*! А в слове: *ла-па*? А в слове: *о-ко* какой звук? Сколько раз он повторяется? А в слове: *по-то-лок*? Но вот слово: *шу-ба*. Какие в нём звуки? А в слове: *ры-ба*? А в слове: *во-ло-сы*? А в слове: *си-ни-ца*? и т. д.

Здесь ещё не место объяснять детям, что такое слог; довольно и того, если внимание детей будет обращено на склад слова и они, только подражая учителю, приобретут навык разбивать слова на слоги и отыскивать в каждом слове знакомую им гласную.

Здесь можно уже употребить и другой приём, очень занимающий детей, задавая детям самим придумывать такие слова, где был бы звук *о* или звук *а* и т. д. Сначала дело пойдёт медленно и ошибок будет много; но потом слова посыплются со всех сторон. Если ученик приводит слово, где нет требуемого звука, то, без малейшего укора и насмешки, следует разобрать сказанное учеником ошибочно слово и показать, что в слове не тот звук. Так как это упражнение очень забавляет детей, то должно учителю усилить серьёзность, чтобы в классе не начался беспорядок.

За этим следует приступить к изучению букв *я* и *ю*. В словах *ба-ня* и *я-ма* дети узнают, что, кроме *а*, есть ещё другой звук, *я*. Затем, в смеси с другими слогами, повторяющими прежние звуки, должно ставить и слова на *я*: *няня*, *тятя*, *дядя*, *дитя*, *Ваня*, *Дуня*, *Митя* и т. д. Подобным же образом изучается и звук *ю*. От звука *у* он отличается в словах: *ду-ю*, *жу-ю*, *ку-ю*, *пу-лю*, *ду-лю*, далее слова: *юла*, *блюдо*, *люди*, *люблю* и т. д.

С полугласной *й* дети познакомятся из сравнения следующих слов: *мои — мой*, *твои — твой*, *свои — свой*; *вой*, *пой*, *лей* и т. д.

Потом можно давать детям составлять слоги из гласных на *ая*, *ея*, *ыя* и т. д. В слове *её* дети должны заметить ещё один звук *ё*, хотя в русской азбуке и нет для него особой буквы. Слова на звук *ё*: *ёж*, *лён*, *ёлка*, *мёл*, *вёл*, и т. д.

Все вышесказанные звуковые упражнения нужно вести так, чтобы они шли параллельно с приготовительными упражнениями в письме; чтобы, по изучении первых трёх звуков: *а*, *и*, *о*, было уже возможно и письмо этих букв. В письме, впрочем, следует начинать с буквы *и*,— как легчайшей по начертанию. И таким образом следует идти дальше, буква за буквой, слог за слогом, предпосылая твёрдое звуковое изучение письму и подкрепляя письмом изученное на звуках.

Изучив все гласные звуки и в то время, когда дети упражняются в письме гласных и слогов из гласных, всё ещё не давая детям в руки азбуки, можно уже приступить к звуковому изучению согласных.

Уяснить детям значение согласной буквы — самое важное и самое трудное дело во всём обучении грамоте. Это — ключ к чтению: когда дети овладели им, то всё остальное пойдёт легко. Я советую употребить для этого следующие приёмы.

Учитель. Знаете ли вы, что такое *уж*? (Змея ползает, у змеи нет ног: уж — змея не ядовитая, у него есть жало; он вылезает греться на солнышке и т. д.) А знаете ли вы, что такое *ус*? (У кого есть усы? и т. д.) Какой слышите вы знакомый вам звук в слове *уж*? А в слове *ус*? Странно: в одном слове *у* и в другом слове *у́*, а одно выходит *уж*, а другое — *ус*. На что оканчивается слово *у-ж-ж*? А на что оканчивается слово *у-с-с*? Вот мы знаем теперь с вами два новых звука: *ж* и *с*. Какой первый? какой второй?* Какой первый звук в слове *ус*? Какой второй? А в слове *уж* какой первый? Какой второй? А в слове *ёж*? А в слове *ось*? (Если дети не знают, что такое ось, то следует объяснить.) Вот вы знаете теперь два новых звука: один *жж*, а другой *сс*. Какой из этих звуков в слове *нож*? А в слове *нос*? А в слове *лужа*? А в слове *коса*? А в слове *жаба*? и т. д.

---

* Конечно, дети не отвечают удовлетворительно на каждый вопрос, и, чтобы вызвать ответ, учитель должен иногда много потрудиться. Но я, для краткости, выставляю здесь одни вопросы, означая ими постепенный ход обучения.

Не подберёте ли вы сами какого-нибудь слова, где был бы звук *жж*? А звук *сс*?

Конечно, здесь изложен не один урок, а несколько. Когда же дети будут легко угадывать хотя два согласные звука в данных словах, тогда уже можно будет перейти к письму согласных и к полному соединению звукового изучения с письмом. Чтобы избежать слишком ранней встречи с безгласными ъ, ь и с такими трудными для начертания буквами, как, например, наше *ж*, необходимо начать письменно-звуковое изучение азбуки с двухсложных слов и, по возможности, коротких. Моя азбука начинается со слов в три буквы.

Для перехода от звукового изученья к письму и чтению я советую следующий приём.

Учитель. Вот теперь я вам скажу слово *у-с-ы*. Какой здесь звук первый: *ы* или *у*? *У-с-ы*? Хорошо! А последний? *у-с-ы*? А посредине что: *у-с-ы*? Сколько здесь звуков? Какой первый? Какой второй? Какой третий? А в слове: *у-ж-и*? А в слове: *е-ж-и*? А в слове: *о-с-и*? А в слове: *о-с-ы*? Какие из звуков в слове *осы* вы умеете писать? Поди, Ваня, к доске и напиши. Ну, вот есть первый звук и третий; а второго-то и нет. Какой второй? Где он должен стоять? Умеете ли вы его написать? Нет? Хорошо же, я вас выучу: *ссс* — очень не трудная буква. Вот как она пишется.

Когда дети приучатся писать букву *с*, тогда учитель продолжает:

Какая первая буква в слове *осы*? Напиши её, Ваня, на доске. Какая вторая? Напиши и её рядышком, с правой стороны. Какая третья? Напиши и её. Читай теперь букву за буквой. Хорошо: вот теперь ты написал и прочёл целое слово. Напиши теперь ты, Митя, теперь ты, Анюта, и т. д.

Когда весь класс порядочно пишет слово *осы*, тогда уже учитель без большого труда, тем же порядком, научит детей писать два другие слова: *усы* и *оси*, и тогда, как бы в награду за успех, раздаст им азбуки, где дети найдут уже много знакомого и могут уже прочесть три слова.

Теперь мне следует перейти к первоначальным упражнениям в чтении и письме по азбуке «Родного слова». Но чтобы не возвращаться более к отдельным звуковым упражнениям, я должен здесь сказать следующее:

С началом чтения и письма по азбуке не следует оставлять отдельных звуковых упражнений, можно вводить в них все согласные буквы, не стесняясь тем, что учащиеся многих ещё не умеют писать, и продолжать эти отдельные упражнения до № 20 азбуки. После 20-го номера можно уже звуковые упражнения совершенно слить с письмом и чтением.

Такие звуковые упражнения весьма полезны для развития внимания в детях и прекрасно подготовляют их к правильному письму. Они могут выражаться в следующих приёмах: а) в угадывании заданных звуков в словах; б) подбор детьми слов на заданные звуки; в) разложение слов на слоги и слогов на звуки; г) сложение слов из звуков; д) замена одних звуков другими, — причём, с переменою одного звука значение всего слова изменяется, например, *кот*, *пот*, *сот*, *рот* и т. д.; е) приставка буквы к началу слова, например, *от* — рот, крот, *рыть* — крыть, скрыть, вскрыть, *рак* — фрак и т. п. Это очень полезно для приучения детей к соединению нескольких согласных и на письме и в выговоре; причём следует стараться, чтобы каждая согласная была слышна в слове; ж) приставка на конце слова и з) перестановка одних и тех же звуков, причём меняется значение слов, например, *мука* — *кума*, *сон* — *нос*, и т. п.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ И СОВМЕСТНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПИСЬМА И ЧТЕНИЯ ПО АЗБУКЕ.

Здесь много объяснять уже нечего: сама азбука указывает ход преподавания. Для каждой новой согласной буквы есть картинка. Учитель спрашивает, что̀ изображено на картинке, и если ученик говорит не то слово, которое подписано под картинкой, то

учитель поправляет. Когда, наконец, ученики произнесли слово, подписанное под картинкой, тогда учитель спрашивает: Какие здесь знакомые звуки? Какой в начале? Какой на конце? и доводит ученика до сознания нового звука, стоящего посредине, таковы слова: *ели*, *ива*, *уши*. Здесь же дети знакомятся с буквой нового звука и приучаются писать её не отдельно, но в целом слове, по возможности, с одного почерка и в такт, заранее рассчитанный учителем так, чтобы дети сразу приучились писать целые слова, а не лепили букву к букве.

Первое четырёхбуквенное слово *улей* для детей легко, потому, что все буквы этого слова им знакомы и они уже писали слово *лей*.

В слове *няня* — новая буква, повторяющаяся два раза.

В слове *волы* над буквой *о* стоит звездочка, чтобы напоминать детям, что *о* здесь произносится как *а*. Такая же звездочка стоит над всеми буквами, не имеющими своего настоящего произношения.

Письму фраз я советую также предпосылать звуковой разбор каждого слова, составляющего фразу.

После № 10 можно уже обратиться и к печатной азбуке. Первые уроки этой азбуки, соответствующие вполне азбуке письменной, наверно, не затруднят детей, так что учитель легко догонит с ними занятия по письму. После № 20 все занятия пойдут уже рядом, поясняя и подкрепляя одно другое, так что занятия каждого урока будут следующие:

1) звуковой разбор,

2) письмо,

3) чтение написанного,

4) чтение тех же слов и фраз к печатной азбуке,

5) чтение и переписка из печатной азбуки новых слов и фраз, не бывших в письменной,

6) отыскание знакомых букв и слогов в каком-нибудь рассказе,

7) сложение слов из букв печатной азбуки, наклеенных на деревяшки или картон.

По окончании всех вышесказанных упражнений, дитя будет в состоянии верно разобрать на звуки и потом сложить каждое слово, написать его правильно, насколько эта правильность условливается звуками, и, встретив его в печатной книге, прочтёт медленно, но по большей части без ошибки и без несносных складов. Что может быть бессмысленнее такого чтенья: *еръ*, *о — ро*; *те — еръ — тъ*; *ротъ*. (Я не говорю уже о прежнем *рцы*, *он*, *твердо*, *ер*, — и выйдет *рот*, т. е. *скажи*: *он твердо ер* — и выйдет почему-то *рот*.) Здесь кстати я замечу, что люди, вооружающиеся против звуковой методы, утверждают, что она заставляет детей делать невозможное: выговаривать согласные без помощи гласных. Но, во-первых, это вовсе не невозможно и полезно даже для навыка языка; а во-вторых, разве этого не делает прежняя метода? Делает всякий раз, как только слово оканчивается на ъ и ь, чтобы сложить, например, слово *кот*, она должна же была говорить *к*, *о — ко*, *т*, *ъ — тъ*; или *в*, *о — во*, *л*,*ъ — лъ*, вол. Следовательно, даже и в этом отношении, уступая во всём прочем, старая метода не имеет преимуществ перед звуковой. В моей же азбуке и произношение согласных без помощи гласных, по возможности, устранено, так как дети каждую новую согласную узнают в целом слове.

Многие немецкие дидакты начинают обученье грамоте прямо с целых коротеньких слов, как, например, Ei или Fisch, и дело идёт недурно; но только для этого нужна большая опытность со стороны преподающего. И я во всяком случае предпочитаю наломать сначала руку дитяти в письме элементов азбуки и отдельных букв и приучить его язык к произношению отдельных звуков, тем более, что это упражнение продолжается недолго и дитя, после изучения семи гласных, переходит к письму и чтению целых слов и фраз. Кроме того, как я уже сказал выше, при этих первоначальных упражнениях, достигаются многие другие цели удобнее, чем впоследствии.

Но заметят мне, может быть, иные, прочитав всё предыдущее: к чему столько советов различных приёмов и тонкостей, чтобы сделать столь не хитрое дело — выучить дитя читать и писать? Дело это не совсем такое лёгкое, как кажется, и много детских слёз пролито за этим учением; а главное — много положено дурных начатков, с которыми потом приходилось бороться. Дело обучения грамоте разделяется между двумя деятелями — учащим и учащимся, и чем менее учащий берёт труда на себя подумать о своём деле, тем более падает труда на долю учащегося.

Существенных правил и главных приёмов предлагаемой мною методы не много. Но многое должен был я говорить только для устранения тех, истинно уже хитрых и искусственных приёмов, которые продолжают ещё у нас царствовать с полной силой. Это дело слишком испорчено, чтобы можно было несколькими словами поставить его на прямую дорогу. Вот почему должен я был приложить много объяснений, хотя метода, предлагаемая мною, в сущности, очень проста. Вот она в главных чертах:

1) приучить *глаз* и *руку* дитяти к письму элементов букв;

2) приучить слух дитяти к стысканию отдельного звука в слове;

3) приучить язык дитяти к отчётливому произношению звуков;

4) приучить внимание дитяти останавливаться на словах и звуках, их составляющих, и

5) приучить и глаз, и руку, и слух, и язык, и внимание дитяти разлагать и складывать слова, представляемые в уме, произносимые, писанные и печатные.

Всё это вместе имеет целью: упражнять все способности дитяти вместе с ученьем грамоте, — развивать, укреплять, давать полезный навык, возбуждать самодеятельность и, как бы мимоходом, достигать обученья чтению и письму.

ПЕРВАЯ КНИГА ПОСЛЕ АЗБУКИ.

На изучение азбуки в том виде, как она изложена выше, я полагаю достаточным шести месяцев. Конечно, можно выучить дитя читать и писать гораздо быстрее; но я не понимаю цели, для достижения которой должно бы торопиться с этим делом. Что из того, если мы развернём перед ребёнком книгу раньше, чем он может понимать её и находить интерес в чтении? Я предпочитаю медленно приучать дитя к механизму чтения и письма; но вместе с тем развивать в нём способность внимания, устную речь, рассудок, обогащать его память живыми образами и меткими словами для выражения этих образов и вводить его понемногу в живой народный язык.

Но вот дитя в состоянии, звук по звуку, буква по букве, разобрать, прочесть и написать каждое слово,— всё это, конечно, очень медленно и с трудом. Что же дать читать такому слабому читателю? Задача очень нелёгкая. И действительно, написать первую книгу после азбуки едва ли не самая трудная задача во всей дидактике.

Взявшись за решение этой задачи, я никак не предполагал возможности решить её вполне удовлетворительно и думаю, что ещё не скоро появится такая книга в этом роде, которую можно будет назвать совершенной. Я воспользовался всем, чем мог, из немецких учебников, прислушиваясь к преподаванию в заграничных школах и пользуясь собственной практикой, работал долго над этой маленькой книжечкой; но тем не менее сознаю её недостатки и прошу критиковать её не абсолютно, а сравнительно с другими книжками нашей педагогической литературы, назначенными для той же цели.

Наставник найдёт в 1-й части «Родного слова»: 1) названия множества предметов, расположенные по родам и видам; 2) неоконченные фразы, которые должен окончить ученик, или вопросы, на которые он должен отвечать; 3) русские пословицы, поговорки, прибаутки, скороговорки и загадки; 4) русские сказки, отчасти

переделанные для детей, отчасти придуманные по образцу народных; 5) русские песни и небольшие стихотворения и 6) картинки.

Скажу отдельно о назначении каждого из этих упражнений:

1) *Название предметов по родам и видам.* Если мы счастливо избежали бессмысленных *бра*, *вра*, *дра*, то теперь предстоит нам избежать утомительного чтения если не бессмысленных, то ещё бессмысленнее сопоставленных слов вроде: *счёты*, *хоры*, *арфа*, *фура* и т. п. Однако перейти прямо к чтению рассказов, имеющих какой-нибудь смысл, тоже трудно. Рассказ в десять строк требует столько усилий от такого маленького читателя, что ему очень трудно дойти до смысла читаемого. Кроме того, читающий, естественно, делает беспрестанные ошибки: учитель останавливает, поправляет, — и рассказ, как бы оп ни был интересен, теряет для дитяти всякую занимательность, а вместе с тем, чтение превращается в механизм. Ребёнок угадывает звуки, произносит слова и не обращает внимания на содержание, а следовательно, с первых же уроков приобретает вредную привычку читать без понимания того, что читает.

Во избежание этих крайностей, я рядом с маленькими рассказами и сказками ставлю отдельные слова, размещённые по группам. При чтении сказок должно поправлять только главные ошибки, искажающие смысл читаемого, чтобы беспрестанными мелочными поправками не прерывать чтения. Но при чтении каждой отдельной группы слов должно налегать на отчётливое произношение каждого звука, насколько это возможно по развитию детского органа речи.

Кроме того, если учитель прямо заставит читать учеников эти группы слов: учебные вещи, игрушки, мебель, посуда, кушанье, напитки и т. д., то сделает ошибку. Чтению каждой группы должна предшествовать классная беседа учителя с учениками о тех предметах, которые в группе поставлены. Так, *например*, ещё не развёртывая книги, учитель спрашивает уче-

ников, как называются все предметы, находящиеся в классе? Потом, когда дети назовут каждый предмет и назовут громко, ясно, учитель начинает говорить с ними о каждом предмете отдельно, не пускаясь в излишние подробности. Большей частью беседа эта должна отвечать на следующие простые вопросы: Для чего предмет назначен? Из какого материала он сделан? Кто его сделал? Иногда, смотря по удобству, можно спросить о цвете предмета, его форме и частях. На одном или двух предметах можно остановиться подольше, а остальные пройти покороче. Затем, когда дети перечислят все учебные предметы, находящиеся в классе, учитель спрашивает детей: Какие у кого есть игрушки? И идёт беседа об игрушках, и преимущественно о тех, названия которых помещены в книге.

После такой беседы учитель разбирает по звуковому способу труднейшие из слов, помещённых в том номере книги, который следует читать: так, например, в № 1 разбирает слово *чернильница*. Затем приступают уже к чтению. Все двенадцать слов, заключающиеся, например, в 1-м номере, должны быть прочитаны всеми учениками и прочитаны с возможной отчётливостью. После чего, некоторые из слов, особенно заключающих две согласные рядом, должны быть разобраны и сложены по звуковому способу, о котором сказано выше.

Внизу под словами двух видов, напечатанными простым крупным шрифтом, напечатаны те же слова крупным курсивом, и уже не в порядке, а перемешаны оба вида вместе; так, например, в № 1: *Мячик*, *Перо*, *Линейка*, *Кукла*, *Книга*, *Волчок*, *Доска*, *Кегли*, *Грифель*, *Карандаш*, *Чернильница*. Учитель требует, чтобы при каждом слове ученик сказал: что̀ это такое — учебная ли вещь, или игрушка? Так, например, мячик — игрушка, перо — учебная вещь и т. д. Приём этот можно разнообразить тем, что один ученик читает название предмета, а другой говорит, что̀ это такое, третий опять читает название предмета, а четвёртый говорит, что̀ это такое, и т. д. Если ученик не подумал о слове, которое прочёл, то непременно ошибётся.

После этого учитель требует, чтобы ученики читали одни названия игрушек, пропуская названия учебных вещей, и наоборот, читали названия учебных вещей, пропуская названия игрушек, что приучает детей читать молча.

Цель этих упражнений очевидна: они, кроме упражнения в правильном, ясном чтении, требующем небыстрого перехода от одного слова к другому, но повторения слов, приучают дитя к внимательности с первых же уроков чтения. Но, чтобы вполне оценить важность этих упражнений и объяснить, почему я им отвожу так много места во всех частях «Родного слова», я должен здесь сказать несколько слов о значении внимания в детях и об условиях его развития.

Внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую всё из внешнего мира, что только входит в сознание, непременно проходит; следовательно, этой двери не может миновать ни одно слово ученья, иначе оно не попадёт в душу ребёнка. Понятно, что приучить дитя держать эти двери открытыми, есть дело первой важности, на успехе которого основывается успех всего ученья.

Не входя в подробный психологический анализ внимания, я считаю нужным сказать здесь о двух его видах, или, лучше, о двух его проявлениях. Первый из этих видов я назову *пассивным*, второй — *активным*.

Пассивным вниманием я называю такое, в котором сам предмет, своей собственной занимательностью для нас, удерживает открытыми эти двери души человеческой, без участия нашей воли и даже иногда против нашего желания. Так, например, я слушаю интересный для меня рассказ, может быть, даже не хотел бы его слушать, но слушаю невольно. Я хотел бы не видеть пугающего меня предмета; но не могу оторвать от него глаз, несмотря на все усилия смотреть в другую сторону. Это — проявление пассивного внимания во всей его резкой крайности; но то же пассивное внимание, хотя не так резко проявляющееся, заставляет меня читать интересную книгу, а дитя — слушать или чи-

тать интересную для него сказку. Понятно само собой, что такое пассивное внимание развивается в ребёнке вместе с общим развитием его души, с постепенным пробуждением в ней интересов к окружающему миру.

Всякое интересное для детей ученье, чтение, рассказ, способствует развитию пассивного внимания. Но одного пассивного внимания ещё недостаточно, и даже развитое преждевременно, чрезмерно и без содействия активного внимания, о котором я скажу ниже, оно может превратиться в болезненное состояние души, которая делается какою-то бессильной, ленивой, требует беспрестанно раздражения интересными рассказами или интересным чтением, не может закрыть своих дверей, не может углубиться в себя и остаться наедине сама с собой, не может из себя ничего самостоятельно вызвать и проводит самую пассивную жизнь. Такой душевной болезнью страдают те читатели, а еще чаще читательницы, которые проводят всю жизнь в чтении романов и глотают их один за другим десятками. Пробуждая интересы к окружающему в душе ребенка, и в особенности интересы к слушанию занимательных рассказов, мы должны остерегаться, чтобы не перейти через границу благоразумия и не обессилить детской души, кормя её только интересным для неё, да интересным и не возбуждая её к самостоятельной деятельности, которая прежде всего выражается в *активном* внимании.

В *активном* внимании не предмет уже владеет человеком, а человек предметом. Мне скучно, например, перечитывать ученические тетрадки; но я знаю, что это мой долг и что от этого зависит успех ученья, за который я отвечаю: и вот я перечитываю внимательно в тридцатый раз одно и то же и замечаю каждую малейшую ошибку, не пропуская ни одной. Меня в это самое время сильно привлекает к себе начатая мною книга или интересная для меня беседа, идущая в той же комнате; но я упорно направляю своё внимание на исполнение своего долга. Чем более у меня власти над самим собою и над моим вниманием, тем успешнее я достигаю цели.

т. е. чем больше во мне силы воли, тем больше и активного внимания. Люди рассеянные — по большей части в то же время и люди слабохарактерные, с ничтожной волею. Понятно само собой, как важна для человека привычка владеть своим вниманием и направлять его свободно, смело отрывая от предметов, которые его привлекают, и направляя на предметы, вовсе не привлекательные. В жизни — это необходимое условие всякого дельного практического характера; в ученье это — необходимое условие всякого дельного ученика.

В детях и воля, а, следовательно, и активное внимание непременно слабы; тогда как пассивное иногда очень сильно. Дитя всё замечает, всё слышит, хотя никто его к этому не принуждает, и громадная масса слов, образов, впечатлений, такая масса, что взрослому человеку не усвоить её и в десять лет, ложится глубоко в свежую детскую душу, незагромождённую, как наша. Но то же самое дитя, которое, играя, выслушало краем уха весь ваш длинный разговор и заметило даже выражения, то же самое дитя, которое в какой-нибудь год, перенесённое в иностранную землю, начинает говорить на иностранном языке так, как вам, взрослому человеку, не выучиться в десять лет, то же самое дитя сидит целые часы над пятью иностранными словами или над десятью строками учебника, плачет, мучится и не может вдолбить их в голову. Вот вам резкое различие в детской природе между пассивным вниманием и активным.

Прежнее схоластическое ученье, заставлявшее ученика учиться только угрозой наказания, не заботившееся нисколько сделать ученье для дитяти интересным, делало много зла, но развивало в детях активное внимание и через него силу воли. В прежних схоластических училищах сотни людей гибли под железной ферулою; но десятки выходили, хотя с извращёнными, однако, сильными характерами.

Новая германская педагогика впала было в другую крайность и сделала было другую ошибку, от которой теперь, впрочем, освобождается, под влиянием бли-

жайшего знакомства с Англией и её воспитанием. Новая германская педагогика хотела сделать всё ученье интересным для ребёнка, учить и развивать его только посредством возбуждения в нём интереса к тому, что читается и говорится. Но такое интересующее ученье, развивая дитя, не даёт никакого упражнения его воле, а следовательно, не только не способствует, но ещё мешает развитию в нём самостоятельного характера.

Истинный путь и здесь, как и в большей части случаев, лежит посредине. Должно делать ученье занимательным для ребёнка, но в то же время должно требовать от детей точного исполнения и незанимательных для них задач, не наклоняя слишком ни в ту, ни в другую сторону, давая пищу пассивному вниманию и упражняя активное, которое хотя слабо в ребёнке, но может и должно развиваться и крепнуть от упражнения. Воля наша, как и наши мускулы, крепнет только от постепенно усиливающейся деятельности: чрезмерными требованиями можно надорвать и волю и мускулы и остановить их развитие: но, не давая им упражнения, вы непременно будете иметь и слабые мускулы и слабую волю.

Вот на каком психологическом основании, я и в первой части моего учебника, и в последующих везде привожу рядом с интересными для детей сказками неинтересные, но полезные упражнения, начиная с самых лёгких и усложняя их потом всё больше и больше. Знаю, что на меня нападут за это защитники интересного детского ученья. Но стою за правое дело, не боясь упрёков в приверженности к схоластике.

Эти же группы отдельных слов, выставленные в учебнике под номерами, могут служить для первых письменных упражнений, которыми должны всегда сопровождаться упражнения в изустном слове и чтении. По окончании чтения учитель приказывает ученикам — написать по три, по четыре названия игрушек и учебных вещей. Дети, читавшие внимательно, напишут без ошибки. Чем более они привыкают к письму, тем большее число слов должны написать.

Потом будут они так же писать маленькие, нераспространённые простые предложения, затем сложные и распространённые и т. д. Но об этом я скажу в своём месте.

Что сказал я об упражнении, стоящем в «Родном слове» под № 1, то относится и к последующим номерам до № 18. В № 18 названия месяцев уже не разделены, а нарочито смешаны для той цели, чтобы дети, после беседы с учителем, результатом которой должно быть усвоение детьми названий месяцев в порядке и по временам года, могли уже сами привесть в должный порядок слова учебника. Дети читают так: октябрь — осенний месяц; май — весенний и т. д., потом читают одни весенние, одни осенние и т. д. и, наконец, пишут все названия месяцев по порядку и временам года.

Далее за № 18 идут все подобные же статьи, где перемешаны слова одного рода, но различных видов. Без предварительной беседы с детьми, упражнения эти не имеют никакого смысла.

2) *Неоконченные фразы, которые должен окончить ученик, вопросы, на которые он должен отвечать.*

При № 21 (72—73-я стр. «Родного слова»), кроме прежних упражнений, начинается ряд новых. Эти новые упражнения состоят в том, что после нескольких образцовых маленьких предложений, заключающих в себе понятия, уже усвоенные детьми, стоят подобные же, но неоконченные предложения, которые читающий может и должен кончить. Так, например, январь — зимний месяц, а май...? Дитя оканчивает, добавляя — весенний, и т. д.

В этих упражнениях внимание дитяти уже обращается на целое маленькое предложение и, чтобы дополнить его безошибочно, дитя должно прочесть целое предложеньице внимательно. Кроме того, в этих упражнениях понятия, уже усвоенные детьми прежде, приводятся очень часто в новые комбинации. Необходимость этого нового упражнения, которое здесь только в зародыше и разовьётся полнее в следующих

частях учебника, основывается на следующем психологическом законе.

Усваиваемые нами представления ложатся в душе нашей рядами, по большей части в порядке своего усвоения, если мы только не привели их в другой порядок, на основании какого-нибудь другого, прежде усвоенного закона. У детей малоразвитых усваиваемые ими представления ложатся всего быстрее в порядке усвоения: так называемые *зубрилы* в классах отличаются именно такого рода усвоением урока. Они, например, выучивают иностранные слова в том порядке, в каком написаны в тетради, и не знают их в разбивку; заучивают священную историю так, что если вы им скажете первое слово, то они пойдут молоть; если остановились опять, то значит, что позабыли следующее слово: подскажите его, и опять мельница замолола; всякий посторонний вопрос сбивает их с толку и заставляет умолкнуть. Отчего? Оттого, что слова и понятия ложатся в них по порядку чтения, и дитя, усваивая их в этом порядке своей свежей памятью, не привыкло их комбинировать, перестанавливать, связывать с другими, прежде усвоенными понятиями; и, конечно, не оно виновато, что не имеет этой привычки. Прежнее схоластическое ученье довольствовалось таким усвоением, и отличительный признак человека, воспитанного совершенно схоластически, заключается именно в том, что все бесчисленные представления, понятия и даже идеи лежат в голове его такими мёртвыми вереницами, как лежат по преданию оцепенелые от стужи ласточки: один ряд лежит возле другого, не зная о существовании друг друга, и две идеи, самые близкие, самые родственные между собой, могут прожить в такой, поистине, *тёмной* голове десятки лет и не увидеть друг друга. Я выставляю это явление в его крайности; но не в такой крайности оно бывает почти во всех головах. Едва ли есть такая человеческая голова, в которой было бы совершенно светло так, чтобы все живущие в ней представления, понятия и идеи видели и знали друг друга. Но к воцарению возможно большего света долж-

но стремиться всякое ученье. И вот на чём основана потребность заставлять дитя приводить усвоенные им понятия в разнообразные комбинации. Читатель, может быть, усмехнётся, что для такой высокой цели я представляю такие маленькие, ничтожные средства, каковы упражнения, выставленные в моём учебнике. Но, во-первых, пусть читатель не забывает, что учебник мой имеет дело с семилетним ребёнком, у которого все высокие душевные силы только в зародыше; а во-вторых, что учебник мой никак не заключает всего первоначального обучения и назначен только для первоначального ученья родному языку; а, следовательно, и не может представлять тех комбинаций, которые могут быть в других предметах — в священной истории, арифметике, а потом в истории, географии и т. д. Наше дело небольшое, и влияние его не велико; но пусть таких влияний наберётся много в преподавании всех предметов, и результат выйдет значительный.

Сначала в учебнике идут упражнения на имена существительные, потом на глаголы: составлением простого, нераспространённого предложения из понятий, усвоенных детьми, оканчивается I часть «Родного слова», назначенная для первого года ученья.

Письменные занятия при этих упражнениях ясны сами собой. Ученик пишет и оканчивает неоконченную фразу, или отвечает письменно на выставленный в учебнике вопрос. Упражнений этих не много. Но я надеялся, что каждый хороший учитель не удовольствуется теми, которые найдёт в моей книге, а по образцу их составит и напишет на классной доске много новых, для того, чтобы ученики дополнили их сначала словесно и потом письменно.

3) *Русские пословицы, поговорки, прибаутки и загадки.*

Русские пословицы имеют значение при первоначальном ученьи отечественному языку, во-первых, по своей форме, и, во-вторых, по своему содержанию.

По *форме* — это животрепещущее проявление родного слова, вылетевшее прямо из его живого, глубо-

кого источника — вечно юной, вечно развивающейся души народа. Эти пословицы и поговорки, сами дыша жизнью, пробуждают к жизни и семена родного слова, всегда коренящиеся, хотя и бессознательно, в душе ребёнка. Немецкие педагоги также помещают в свои азбуки народные пословицы; но не слепой патриотизм заставляет меня сказать, что наши русские пословицы и разнообразнее, и глубже, и, главное, живописнее по форме и поэтичнее по духу. В немецких пословицах преобладает рассудочный, утилитарный элемент и, кроме того, их перепортили педагоги, применяя к детскому пониманию и выправляя слог по грамматике. Ещё более наши пословицы противоречат нашей грамматике, и почти каждая коренная русская пословица есть насмешка над грамматическим правилом. Но если наши пословицы не годятся для грамматического разбора, зато едва ли есть лучшее средство привести дитя к живому источнику народного языка и внушить душе ребенка бессознательно такт этого языка.

По *содержанию* наши пословицы важны для первоначального обучения тем, что в них, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями. Может быть, ничем нельзя так ввести дитя в понимание народной жизни, как объясняя ему значение народных пословиц. В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляд на природу, на людей, на значение всех явлений жизни.

Но заметят мне: не слишком ли рано знакомить дитя с народной жизнью, когда дело пока идёт о том, чтобы выучить его порядочно читать и писать? И действительно, это было бы слишком рано, если бы я говорил здесь о знакомстве критическом, но я разумею здесь знакомство непосредственное и желал только, чтобы ребёнок взглянул на предметы детски зоркими глазами народа и выразился его метким словом, верным духу народного языка, хотя разрывающим часто всякие грамматические путы. Конечно, у нас много пословиц,

превышающих детское понимание, но много и таких, которые ему совершенно доступны. Благодаря богатому собранию Даля, мне было из чего выбирать.

Если я брал иногда и такие пословицы, нравственный смысл которых слишком глубок для ребенка, то брал потому, что в этих пословицах два смысла: один — внешний, живописный, вполне доступный ребенку, другой — внутренний, недоступный, для которого внешний служит живописной одеждой. В таких пословицах дитя следует знакомить только с внешним смыслом; так, пословица: *куй железо, пока горячо* — может быть объяснена детям только со своей внешней стороны: пусть дети скажут, почему должно ковать горячее, а не простывшее железо, — с них и довольно. Или, например, в пословице: *горшок котлу не товарищ* — пусть дети объяснят, почему не товарищ. Нравственный смысл пословицы может быть оставлен без объяснения.

Пословица тем именно и хороша, что в ней почти всегда, несмотря на то, что она *короче птичьего носа*, есть нечто, что ребёнку следует понять: представляет маленькую умственную задачу, совершенно по детским силам.

Поговорки, прибаутки и скороговорки, иногда лишённые смысла, я поместил затем, чтобы выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка. Особенно я рассчитывал на детей так называемого образованного класса, того класса, который испортил свой родной язык, лишив его цвета, красок поэзии и жизни.

Загадки я помещал не с той целью, чтобы ребёнок отгадал сам загадку, хотя это может часто случиться, так как многие загадки просты; но для того, чтобы доставить уму ребёнка полезное упражнение: приладить отгадку, сказанную, может быть, учителем, к загадке и дать повод к интересной и полезной классной беседе, которая закрепится в уме ребёнка именно потому, что живописная и интересная для него загадка заляжет прочно в его памяти, увлекая с собой и все объяснения, к ней привязанные. Так, например, сколько интерес-

ных и полезных для ребёнка объяснений можно связать с следующей поэтической загадкой: *заря-заряница, красная девица, по лесу гуляла, ключи потеряла; месяц видел — не сказал, солнце увидало — подняло.* Положим, что ребёнок не отгадает, что *ключи* значит *роса*; но пусть он объяснит: почему заря называется красной девицей, почему говорится, что заря теряет росу, почему месяц не поднял росы, как солнышко подымет росу? Какая живая и полезная беседа может быть закреплена в душе дитяти подобной живописной загадкой! Словом, я смотрел на загадки как на картинное описание предмета.

4) *Русские сказки.* Многие русские сказки идут, конечно, из глубины языческой древности, когда они вовсе не были сказками, а сердечными верованиями народа. Но многие из них, повидимому, переделаны народом или вновь составлены нарочито для детей. Это — первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа. Народная сказка читается детьми легко уже именно потому, что во всех детских народных сказках беспрестанно повторяются одни и те же слова и обороты; из этих беспрестанных повторений, удовлетворяющих как нельзя более педагогическому значению рассказа, слагается нечто целое, стройное, легко обозримое, полное движения, жизни и интереса. Вот почему народная сказка не только интересует дитя, не только составляет превосходное упражнение в самом первоначальном чтении, беспрестанно повторяя слова и обороты, но чрезвычайно быстро запечатлевается в памяти дитяти со всеми своими живописными частностями и народными выражениями. Нравственный смысл сказки здесь неважен, да его часто вовсе нет. Природные русские педагоги — бабушка, мать, дед, не слезающий с печи, — понимали инстинктивно и знали по опыту, что моральные сентенции приносят детям больше вреда, чем пользы, и что мораль заключается не в словах, а в самой жизни семьи, охватываю-

щей ребёнка со всех сторон и отовсюду ежеминутно проникающей в его душу.

Я решительно ставлю народную сказку недосягаемо выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой. В этих рассказах образованный взрослый человек усиливается снизойти до детского понимания, фантазирует по-детски и не верит сам ни в одно слово, им написанное. Как бы ни был хорошо подделан такой детский рассказ, это — всё-таки подделка: детская гримаса на старческом лице. В народной сказке, великое и исполненное поэзии дитя-народ рассказывает детям свои детские грёзы и, по крайней мере, наполовину верит сам в эти грёзы.

Вот почему я помещаю много сказок в 1-й и 2-й части «Родного слова», вводя в 3-ю часть исторические легенды и думы. Если рядом с этими поэтическими рассказами я помещаю детские рассказы из образованной литературы, то только по необходимости и отчасти оттого, что должно же приучать дитя и к обыкновенному литературному языку.

Я позволил себе кое-где сокращать сказки, выбрасывая из них то, что могло бы потревожить нашу пугливую мораль, а иногда с целью еще более упростить рассказ и из двух-трёх происшествий, соединённых в сказке, сообщить детям одно. Я не всегда также придерживался редакции сборников, вынесши из моего детства знание множества сказок; да и придерживаться редакций невозможно, потому что в них по большей части внесены перемены несущественные, а иногда ошибки, зависевшие, без сомнения, от последнего рассказчика. Так, например, в сказке о *Лисе* и *волке*: мужик едет зимой на телеге, и лиса, прикинувшаяся мёртвою, свернулась калачиком и т. п. Имея педагогическую, а не литературную цель, я не боялся делать подобные перемены, но везде, где можно, держался воззрений и выражений народа.

Иные рассудочные моралисты, может быть, упрекнут меня в том, что я внёс в детскую книгу сказки с

ведьмами, и скажут, что это значит наполнять воображение дитяти вредными образами. Я не сошлюсь здесь на авторитет Гримма и немецких педагогов, вносящих в детские сказки великанов, оборотней и ведьм; но скажу, что пугающее свойство подобных сказок исчезает совершенно, когда они читаются при дневном свете, в классе, при учителе. Если дитя боится какого-нибудь тёмного угла, то не уводите его прочь, а напротив, несите в этот угол свечу, садитесь там сами,— и страх ребенка рассеется безвозвратно.

В первой части «Родного слова» я поместил повторяющиеся сказки именно потому, что они легки и полезны для самого первоначального чтения; таковы: *Репка, Колобок, Мена* и др. Дитя, повторяя одни и те же слова и выражения, прочитывает без большого труда такую сказку, хотя читает ещё плохо, и упражняется в отчётливом произношении. Стишки, которыми часто прерывается прозаическая сказка, заучиваются детьми легко и с величайшей охотой, тем более, что повторяются по нескольку раз.

Как читать эти сказки? Приёмы могут быть различны: иногда учитель может сам прочесть или рассказать сказку и потом уже заставить учеников прочитать её; иногда может заставить читать учеников с первого раза. Каждую сказку следует прочитывать несколько раз и потом, через несколько времени, снова к ней возвращаться. Дети любят повторение сказок и просят рассказать именно ту, которую уже слышали много раз. Но не должно ограничиваться только прочтением сказки, а следует позволить детям рассказывать её потом самим, — что они очень любят. Этот рассказ прочитанной сказки должно вести так, чтобы сначала рассказывал способнейший из учеников, а другие слушали его и замечали, что̀ он пропустил, что̀ сказал не так, как в книге. Целый класс непременно восстановит сказку в настоящем её виде, и такая восстановленная целым классом сказка отлично запечатлеется в памяти детей со всеми подробностями. Я особенно рекомендую это средство как лучшее для раз-

вития устной речи в детях. Так же должно вести и все прочие классные рассказы.

В заключение скажу, что если я не считаю нужным в особенности развивать воображение в детях, то, тем не менее, считаю вредным оставить эту важную способность совершенно без пищи. Педагог же не должен забывать, что дух наш питается идеями, тело — материальной пищей, а душа и все её способности — деятельностью.

Кроме сказок, я поместил ещё маленькие рассказцы в несколько строчек. Одни из них — творение народа, другие — подделка. Назначение этих последних, крошечных литературных произведений, то, чтобы дитя, прочитав такой коротенький рассказ в две-три строчки, могло сразу уловить его содержание и передать его изустно. Я, кажется, ошибся и поместил их слишком рано; может быть, они были бы более на месте в конце 1-й части, и во 2-й части. Впоследствии я советую учителю воспользоваться этими коротенькими рассказцами для приученья детей к употреблению правильного и литературного языка изустно и письменно. Здесь же следует заботиться об отделке каждого предложения, тогда как при длинных рассказах этого соблюдать невозможно, иначе опротивеешь детям беспрестанными поправками. Рассказец в три-четыре строчки, переданный изустно, совершенно верно грамматически, следует потом написать на доске с постановкой всех знаков. Таким образом, ученик приобретает механически привычку писать правильно: а эта привычка, как известно, не может быть заменена самым подробным изучением грамматики. Ученик, знающий и понимающий отлично все грамматические правила, будет непременно делать ошибки в письме, если не имеет механического навыка писать правильно.

5) *Стихи*. Детскими стихотворениями до крайности бедна наша литература. Ни один из наших замечательных поэтов не потрудился для педагогических целей; и если в их произведениях мы встречаем что-нибудь пригодное и для детской книжки, то это редкая слу-

чайность. По большей части даже и в таких стихотворениях есть два-три стиха, которые должны быть или выброшены, или переделаны. Кроме того, преобладание лирического элемента в нашей поэзии делает затруднительным даже такой выбор. Народные песни не могут также оказать той услуги, какую оказали сказки. Песня есть, по большей части, произведение возмужалого чувства, которое ещё не тронуто и преждевременно было бы трогать в ребёнке. Наши разбойничьи, разудалые песни, наши задумчивые, иногда пропитанные горечью мотивы, наши песни любви, конечно, не годятся для детей. И если можно отыскать в наших народных песнях что-нибудь педагогическое, то приходится брать только отрывок песни или выпускать, а иногда и заменять слова и стихи. Я так и сделал, оправдываясь в этих переменах педагогической целью. Между хорошими, хотя и отрывочными стихотворениями, которых, к сожалению, слишком мало, встречаются в моей книжке и положительно посредственные стихотворения, переделанные по большей части с немецкого. Знаю, что могут напасть на меня за помещение таких плохих стишков; но пусть укажут в нашей литературе, чем наполнить эти пробелы. Если в стихах не искажена мысль, есть картина или проблеск чувства, доступного детям, то я помещал эти стихи, ради каданса и рифмы, которые нравятся детям и производят на них хорошее впечатление.

Приём при изучении стихотворений может разнообразиться, смотря по их содержанию. Но, вообще, в этом возрасте я советую разучивать стихотворения не иначе, как в классе. Учитель сначала излагает детям содержание стихотворения и, если оно сколько-нибудь затруднительно, объясняет каждую мысль, каждое слово, конечно, не навязывая длинных объяснений на маленькие стихотворения. Потом учитель прочитывает стихотворение по частям, и дети, руководимые кадансом и рифмой, тут же в классе легко заучивают одну часть за другой. Несколько позднее, в начале второго года ученья, можно уже будет требовать, чтобы дети

умели писать без ошибок все маленькие заученные ими стихотворения, что очень важно для навыка в правильном письме.

6) *Картинки.* Желая сколько возможно пополнить недостаток у нас картин для наглядного обучения, я поместил в «Родном слове» несколько картинок. Знаю, что это очень плохая замена; но лучше что-нибудь, чем ничего. Почти каждая из этих картинок может вызвать маленькую беседу между учителем и учениками. Кроме картинок, относящихся к статьям, есть у меня картинки, помещённые именно с целью дать словесные и письменные упражнения детям; такова, например, картинка на стр. 43, изображающая часть внутренности избы и находящиеся в ней вещи. Пусть дитя назовёт все предметы, нарисованные на этой картинке, а потом напишет все эти названия. Впоследствии, когда дети станут уже писать маленькими предложениями, можно будет воротиться к той же картинке и потребовать, чтобы дитя о каждом предмете что-нибудь сказало и потом написало, как, например, кафтан висит на стене, лопата стоит в углу возле печки, дрова лежат под печкой и т. д. Когда дети будут в состоянии связывать несколько предложений в стройную речь, тогда можно и в третий раз возвратиться к той же картинке и потребовать, чтобы дети рассказали и описали всё, что на ней нарисовано. Такие же картинки и для той же цели помещены мной в 1-й части «Родного слова» на стр. 42, 46, 47, 48, 49, 54, 72, 76, 94...

Теперь мне остаётся изложить некоторые частные замечания на слова и выражения, отмеченные в учебнике звёздочкой и не находящие себе объяснения в общих моих заметках о каждом отделе статей, помещённых в книге, и дать отгадки загадок. Но прежде я считаю необходимым сделать общее заключение.

Многим, может быть, покажется, странным, что, составив такую маленькую книжечку для детей, какова «Родное слово», я написал к ней так много примечаний, объяснений и оправданий. Но и не может быть иначе:

чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических знаний, и это требование не возрастает, а уменьшается по мере возраста ученика. У педагогики очень широкое основание и очень узенькая верхушка: дидактика первоначального преподавания может наполнить томы; дидактика чтения лекций в университете может быть выражена в двух словах: «знай хорошо свой предмет и излагай его ясно». Вот почему по большей части профессорам, не занимавшимся специально психологией и педагогикой, всегда кажутся даже странными и лишёнными дельного содержания педагогические толки и споры. Но пусть эти люди сами устроят первоначальную школу и станут преподавать в ней; тогда они очень скоро убедятся, что есть многое в первоначальном воспитании, о чём следует подумать, что следует изучить, о чём можно поспорить. Я вижу в педагогике не науку, а искусство; но убеждён, что в теории этого искусства есть очень много такого, что совершенно необходимо узнать людям, берущимся за практику воспитания и ученья.

Отдельные замечания на звёздочки и отгадки загадок *.

«Родное слово», ч. 1-я,	стр.	41,	отгадка:	Перо.
»	»	43	»	Самовар.
»	»	45	»	Сапожный гвоздь.
»	»	47	»	1) Цепы. 2) Коса и точильная лопатка, набитая песком, и 3) Ножницы.
»	»	49	»	Четыре колеса в телеге.

* Если в учебнике стоит звёздочка, а страницы, на которой она помещена, нет в этом перечне, то следует справиться в той статье «Книги для учащих», к которой относится по содержанию статейка учебника, помещённая под звёздочкой: так, если это сказка, то в статье о сказках, и т. п.

Стр. 51. Рак не рыба, кожан не птица. *Кожан* — простонародное название летучей мыши.

«Родное слово», ч. 1-я, стр. 52, отгадка: Яйцо, а в нём — белок и желток.

» » 55 » Ласточка.

» » 57 » 1) Жук. 2) Таракан или муха. 3) Дом — река; хозяева — рыба; окошки — петли сети.

«Родное слово», ч. 1-я, стр. 59, отгадка: Гриб подосиновик, иначе — красноголовец.

На этой же странице есть пословица: плохи года, как во ржи лебеда, и т. д., которая объясняется тем, что в голодные годы народ наш употребляет лебеду в пищу.

Стр. 61. Отгадки: 1) Горох. 2) Капуста. 3) Лук.

Стр. 61 (№ 14). Деревья плодовые, простые и кусты. Конечно, это деление не научное. Всякое дерево приносит плод, но плодовыми деревьями называются только те деревья, плоды которых можно есть. У куста несколько стволов выходят из земли, а не один, как у дерева.

Стр. 62. Отгадка: Хвойные деревья вообще: сосна, ель и другие.

Стр. 64, 65. *Брильянт* тот же алмаз, только гранён другим образом. С *гранитом* легко познакомить детей наглядно во многих местностях. Из *плиты* делают тротуары и строят дома. *Шифер* видят дети на своих аспидных досках. *Алмаз* так твёрд, что его можно гранить только алмазным же порошком.

Стр. 66. Отгадка: человек ползает в детстве на четвереньках, ходит потом на двух ногах, а в старости опирается на палку.

Стр. 69. *Ноябрь с гвоздём*, т. е в ноябре мороз сковывает реку льдом и строит на ней мост. *Пророк Наум наставляет на ум*. По русскому обычаю, в этот день

(1-го декабря) начинают учить детей, отслужив прежде молебен.

Стр. 70. Отгадка: Круглая монета переходит из кошелька в кошелёк.

Стр. 72. Отгадка: В году всего два дня бывает второго января.

Стр. 72, № 21. Части дома, экипажа, колеса, растения, животного. Этот параграф необходимо предполагает, что учитель в предварительной беседе познакомил детей с частями всех этих предметов по одиночке.

Стр. 73. Отгадки: 1) Пол и потолок в комнате. 2) Дверь.

Стр. 74, № 22. Части человеческого тела, руки и ноги. Этому номеру предшествует беседа, из которой дети знакомятся с частями тела в порядке. Задача состоит в том, чтобы привести в порядок перемешанные названия частей тела. То же относится к № 23 и 24.

Стр. 75. Отгадки: 1) Две руки и две ноги, каждая с пятью пальцами. 2) Рот, глаза и уши.

Стр. 78. Отгадки: 1) Ложка, зубы и язык. 2) Ноги, руки, голова, рот, нос, глаза, брови, лоб и волосы.

Стр. 79. Христианские имена. При этом упражнении следует приучить детей правильно говорить и писать каждого своё имя и переделывать его из уменьшительного в настоящее, а также приучать писать и фамилии.

Стр. 80. С различными степенями родства и свойства следует познакомить детей табличкою.

Стр. 81. Отгадка: Идут трое — бабушка, дочь и внучка.

Стр. 86. Отгадка: Зима.

Стр. 92. Отгадка: Пчела и восковая свеча в церкви.

ГОД ВТОРОЙ.

РЕЗУЛЬТАТ ПЕРВОГО ГОДА.

Если первая часть «Родного слова» была пройдена в классе как следует, не торопясь, без пропуска выставленных в ней упражнений, то дитя, без сомнения, читает не очень быстро, не очень бойко, но с полным сознанием читаемого. Быстрота чтения должна развиваться сообразно с быстротой понимания. Если же дитя читает быстрее, чем может понимать, то значит, оно читает бессознательно. Так читали ученики старинных школ, иногда с быстротой трещотки, которой пугают воробьёв, чем доставляли большее удовольствие своим родителям и наставникам; но такое чтение не было целью при составлении моей книги. Быстрота чтения придёт сама собой, вместе с развитием понимания; а в начале преподавания она не только ни к чему не пригодна, но даже вредна.

В упражнениях первого года «Родного слова» можно было приобресть уменье писать без ошибок множество существительных и несколько глаголов, а вместе с тем навык правильно соединять глагол с существительными и, следовательно, составлять небольшие, простые нераспространённые предложения.

Изустная речь детей также должна была значительно развиться, если наставник вёл с ними как следует все те беседы, предметы которых были даны в первой части «Родного слова». Если все сказочки были детьми рас-

сказаны, некоторые стихотворения заучены, загадки и пословицы объяснены и многие из них усвоены, то язык детей должен был обогатиться множеством слов и чисто русских народных выражений.

Но главное, если упражнения детского внимания и рассудка были выполнены с точностью, то эти важные способности должны были значительно окрепнуть и дети приобрели возможность довольно настойчиво удерживать своё внимание на одном предмете или наблюдать разом несколько предметов и деятельностью рассудка сводить их представление в одно верное понятие.

Принимая в расчёт *такое* развитие детей, я во второй части «Родного слова» уже изменяю несколько методу.

ОБЩИЙ ПЛАН ВТОРОЙ ЧАСТИ «РОДНОГО СЛОВА».

Вторая часть «Родного слова» разделяется на *три отдела*. В *первых двух* отделах заключается собственно книга для чтения, в *третьем* изложены в систематическом порядке образцы словесных и письменных упражнений.

В каждом из двух первых отделов я руководствовался при размещении статей двумя различными основаниями.

В первом отделе, который назван мною «*Вокруг да около*», основанием порядка статей служило *место*; во втором отделе, под заглавием «*Времена года*», основанием было *время*. Я уже в первой части примечаний для учащих высказал причину, почему необходимо менять систему изучаемых детьми предметов. Во второй части «Родного слова» как эта цель, так и средства её достижения выражаются яснее.

Все три отдела второго года должны быть проходимы *одновременно*. Главным основанием должен служить первый отдел, где предметы расположены по месту их нахождения, всё более и более расширяющимися кругами, центром которых является ученик и его класс,

а последним кругом — черта города или села, где живёт дитя. Чтение второго отдела, как я скажу подробнее ниже, должно совпадать с теми временами года и теми праздниками, которые в них описаны. Занятие третьим отделом, т. е. словесными и письменными упражнениями, должно идти с начала до конца года, сопровождая чтение и изустные беседы, чтением вызываемые.

Скажу теперь о каждом отделе в особенности.

Содержание первого отдела: «Вокруг да около».

В этом отделе, кроме сказок, стихотворений, песен, пословиц и загадок, значение и употребление которых разъяснено уже мною в первой части (см. стр. 297—305), входят ещё статьи нового рода, которые я назову, может быть, не совсем удачно, статьями деловыми, логическими. И вот значение и употребление этих-то новых статей следует здесь уяснить.

Деловые статейки: их значение.

Я знаю, что многие приверженцы *интересного* для детей чтения вооружатся против таких сухих статей, каковы, например: «В школе», «Наш класс», «Одежда», «Посуда» и другие подобного же рода; но я высказал уже прежде, что если непосредственный интерес чтения должен оживлять преподавание, то никогда не должен достигать той степени, чтобы уничтожить труд учения, потому что именно труд, и труд не всегда интересный, но всегда осмысленный и полезный, есть величайший двигатель умственного и нравственного развития человека и человечества*.

Кроме значения осмысленного и полезного труда, эти статейки имеют ещё другое — столь же важное. Они приучают детей к простому и ясному выражению тех простых впечатлений, которые даются им правиль-

---

* Психологическое значение труда я старался выяснить подробно в статье «Труд и его психологическое значение», помещённой в ЖМНП за 1860 г., в июльской книжке. (См. том 2-й Собр. соч., стр. 333—361. — *Редакция*).

ным наблюдением окружающей их действительности: именно этими статейками делается возможной та *наглядность* обучения, о необходимости которой я сказал уже выше. В этих статейках говорится о таких предметах, которые дитя или видит или недавно видело, так что легко может вспомнить во всей подробности. Описание подобного предмета, помещённое в книжке, конечно, не вполне сходно с предметом, находящимся в памяти, или перед глазами дитяти, но из этого различия вытекает только возможность самых живых и точных сравнений; а сравнение, как известно, есть лучшее упражнение, развивающее и укрепляющее рассудок, который и сам есть не что иное, как способность сравнивающая.

Защитники исключительно интересных детям рассказов сами убедятся в пользе этих сухих статеек, если попытаются вывести рядом умственные и письменные упражнения из какого-нибудь детского интересного рассказца и из такой *деловой* статейки. Они увидят тогда сами, насколько последняя удобнее первой для умственных и письменных упражнений, для выводов, сравнений и умозаключений, и убедятся, что статейка, вовсе не интересная для дитяти по содержанию, делается для него интересной по той работе, которую она даёт, по тем упражнениям, для которых она собственно и написана.

Все эти логические статейки находятся между собой в связи, которая, конечно, невозможна при побасенках; а эта связь очень важна для педагога: он может подвигаться вперёд, шаг за шагом, без перерывов и скачков, не позабывая старого, беспрестанно расширяя кругозор ребенка и органически укрепляя его умственные силы постепенно возрастающей трудностью задач умственных, изустных и письменных.

В употребительнейших германских и швейцарских книгах для первоначального чтения * такие деловые статьи занимают почётное место, а иногда почти и

* Чуди, Шмидта, Шерра и др.

вся книга состоит только из них, с присоединением библейских рассказов и немногих детских стихотворений. Но это уже другая крайность, при которой только налегают на детский рассудок, забывая, что у дитяти есть, кроме того, и воображение и чувство. Я старался избежать обеих крайностей и обильно перемешивал логические статьи сказками, стихами, рассказцами и песнями* .

Иные, не вооружаясь прямо против статей дельного содержания, требуют, чтобы они изложены были в живописной форме: но при этом забывают, что живописная форма не только растягивает описание, но затрудняет дитя, если даже и нравится ему. Из такого живописного описания гораздо труднее для дитяти извлечь содержание, чем из простого логического, лишённого всяких украшений. Чем дальше идёт развитие ребёнка, тем сложнее и живописнее могут быть рассказы и тем более может быть скрыто их содержание; чем моложе дитя, чем труднее для него процесс чтения и понимания, тем короче, проще, ближе к делу должны быть статейки. Этого не хотели понять критики «Детского мира», обвинявшие меня в том, что я поместил занимательные рассказы в конце книги, а простые и довольно сухие — в начале. Но не должно судить детскую книгу по занимательности её для взрослых, и естественно, что чем старше возраст, для которого назначается книга, тем более может иметь она общей занимательности по содержанию.

Употребление деловых статеек.

Прежде всего следует заметить, что каждая такая статейка назначается не только для чтения, но составляет предмет для беседы наставника с учениками и что изустная беседа здесь так же важна, как и чтение.

---

* Замечу, между прочим, что если, например, во второй или третьей книге Любена и Нааке преобладают рассказы, то это потому, что составители могли рассчитывать на подготовленность преподавателей к правильному наглядному обучению,

Беседа должна разъяснить читаемое; чтение должно закреплять усвоенное в беседе. Одно без другого не достигает цели преподавания.

Но что должно предшествовать — беседа или чтение?

Вначале, когда ученик не привык ещё справляться с содержанием читаемого, беседа непременно должна предшествовать чтению; впоследствии чтение может предшествовать беседе.

После беседы и чтения должно точными, определёнными вопросами вызвать в ответах учеников всё содержание прочитанного, пополнив его тем, что может быть извлечено из беседы, и, в заключение, сделать из этих вопросов и ответов письменные упражнения.

Вопросы, исчерпывающие содержание прочитанного, не так легко делать, как может показаться с первого раза. Наставнику следует предварительно самому вполне усвоить содержание статьи и подготовить в уме вопросы на неё. Вначале же лучше предварительно даже записывать эти вопросы.

Вопросы должны вполне относиться к содержанию статьи, исчерпывать его, не превышать сил дитяти и соответствовать степени его развития. Так, вначале вопросы должны быть таковы, чтобы дитя могло отвечать на них, только обративши вопрос в ответную форму и прибавив одно, много два или три слова. Чем далее идёт ученье, тем вопросы могут быть короче, а ответы длиннее и сложнее. Уменье давать вопросы и постепенно усиливать сложность и трудность ответов есть одна из главнейших и необходимейших педагогических привычек. Усвоить эту привычку из книги, конечно, невозможно, тем более, что всякий преподаватель может выработать свои собственные приёмы, которые уже потому хороши, что самостоятельны. А потому, не вдаваясь в подробное изложение приёмов

на что у нас рассчитывать нельзя. Да и вообще я более держусь мнения, что наглядное обучение должно быть соединено с чтением.

чтения, я изложу здесь порядок одного урока, нисколько не настаивая на его непреложности. Возьмём для образца чтение первой статейки во второй части, под заглавием: «*В школе*».

Наставник начинает свой урок беседой, выспрашивая у целого класса, что̀ дети делали на прошедшем уроке, и ведёт всю беседу к тому, чтобы в ответах детей вышла почти та статейка, которую им предстоит читать. Затем следует чтение, непрерываемое объяснениями, потому что все необходимое уже объяснено в предварительной беседе. Чтение идёт так: сначала читает один ученик несколько предложений (вся статья состоит из коротеньких предложений), потом второй продолжает там, где остановится первый, и т. д., затем ещё два или три ученика прочитывают всю статейку вполне. За чтением, при котором наставник добивается возможной ясности произношения, следуют вопросы такого рода: *Кто бывает в классе? Где сидит учитель? Где сидят ученики? Что стоит возле учителя? Чем пишут на классной доске? Какие доски лежат перед учениками?* и т. д. Когда на предлагаемые вопросы все ученики класса отвечают правильно, громко и быстро, тогда наставник может комбинировать свои вопросы так: *Где сидит учитель и где ученики? Что стоит возле учителя и что лежит перед учениками на скамьях? Чем пишут на классной доске и чем на грифельной?* и т. д.

После этого ученики могут уже без вопросов повторить всю прочитанную статью.

Затем, следуют сравнения того, что делается в *описанной* книжной школе, с тем, что делается в школе *действительной*, где находится ученик. Из этого сравнения в голове дитяти возникает ясное представление как действительности, его окружающей, так и прочитанной статьи.

Письменные упражнения состоят в том, что учитель пишет на доске несколько вопросов, уже разрешённых детьми изустно; а ученики пишут ответы на эти вопросы и почти без ошибок, потому что не только статья, но

и самое начертание слов ещё свежо в их памяти и укоренилось в ней повторением* .

То же самое относится и к следующим статьям: *Классная доска*, *Грифельная доска*, *Наш класс*, *Дома*, *Каков наш дом? Как строят дома? Наша семья*, *Пища и питьё*, *Хлеб* и т. д.

Вот, например, вопросы на статейку «*Стол и стул*» (стр. 131). *Кто делает столы? Из чего их делают? Какие части стола? Какие доски бывают у столов? Кто и из чего делает стулья? Части стула? Какие бывают сидения у стульев? Чем стул отличается от табурета, от скамьи, от кресла? Что есть у стула, чего нет у стола? Что есть у стола, чего нет у стула? Для чего употребляется стол и для чего стул?* Затем следуют вопросы о различии и сходстве между *книжными* столом и стулом и *действительными*, находящимися в классе, с наглядного изучения которых начался урок. Наконец, идут письменные упражнения, извлечённые из урока.

Обращу внимание наставников на статейки о животных, каковы: *Бишка*, *Васька*, *Мышка*, *Лошадка*, *Коровка*, *Козёл* и другие. Если кому-нибудь такие описания животных покажутся слишком поверхностными, то пусть он вспомнит, что книга эта написана для восьмилетних детей. Довольно, если ребёнок в этом возрасте может усвоить два, три, много, четыре признака, наиболее кидающиеся в глаза. За полнотой и оконченностью здесь гнаться нечего: они придут со временем.

При каждом удобном случае следует вспомнить прочитанное; так, например, при статейке «*Дома*» следует вспомнить статейку «*В школе*»; прочтя статью «*Васька*», следует сравнить, насколько это возможно, кошку с собакой, потом корову с лошадью и т. д.

---

* Вообще, письменные задачи должны быть таковы, чтобы при выполнении их ученик мог вовсе не ошибаться или весьма мало. Исправление многочисленных ошибок берёт много времени и приносит мало пользы, часто только раздражает наставника и учеников. Должно вести дело так, чтоб ошибки, по возможности, предупреждались, а не исправлялись.

Почти возле каждой деловой статейки есть стихотворение или рассказ, а иногда два и три, толкующие о том же предмете. Это, *во-первых*, для того, что сознательно прочитанная деловая статейка избавляет наставника от необходимости толковать о предмете рассказа или стихотворения; а, *во-вторых*, для того, чтобы дать наставнику время и возможность обозреть один и тот же предмет с разных сторон. Для удобства размещения картинок в книге, часто рассказ или стихи предшествуют *деловой* статейке, к которой они относятся: но при практических занятиях следует всегда начинать с этой последней.

Сказки помещены в конце отделов; но, конечно, чтением и рассказом их должно перемешивать и разнообразить другие занятия.

КАРТИНЫ ДЛЯ ИЗУСТНОГО РАССКАЗА.

....Я уже в первой части сказал, как должно вести такие рассказы.

ИЗУЧЕНИЕ ОКРЕСТНОСТИ.

В первом же отделе наставник найдёт несколько планов, каковы: план класса (стр. 115), план дома (стр. 119) и, наконец, план двора с садом и огородом (стр. 134). Планы не помещались обыкновенно до сих пор в наших книгах для чтения, а потому я должен по поводу их войти в некоторые подробности.

В швейцарских школах более, чем где-нибудь, вошло в употребление изучение окрестностей, постепенно расширяющимися кругами* . Я внимательно

---

* Я подробно изложил ход этого преподавания у г. Фрелиха в Берне в моих статьях: «Педагогическая поездка по Швейцарии», помещённых в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1862 и 1863 гг. (См. том 3-й Собр. соч., стр. 87—252. — *Редакция*).

следил за этим новым для нас делом и убедился в его пригодности и полезности для всех возможных школ и даже для домашнего обучения*.

Сначала дети подробно изучают класс, в котором сидят, и приучаются *читать* план класса, как там говорится. Каждый класс имеет свой план, прежде уже начерченный учителем и наклеенный на папку. Дети *читают* этот план, т. е. рассказывают в нём значение каждой черты и каждого знака, или, другими словами, подробно описывают класс по плану. Потом чертят сами с помощью учителя такой же план на классной доске. В других школах готового классного плана нет, а ученики с помощью учителя измеряют класс, приводят измеренные линии в принятый масштаб и мало-помалу восстанáвливают план класса. Этот последний приём, мне кажется, полезнее первого, потому что даёт больше самодеятельности детям, и это всё не так трудно, как может показаться с первого раза. Дети так заинтересованы этой работой, что скоро приучаются измерять и приводить измеренные линии в принятый масштаб, так что учителю остаётся только объяснять дело и руководить слабыми силами детей. Сначала пусть дети вымеряют длину классной комнаты и начертят на классной доске прямую линию; но так как прямая линия во всю длину класса не может поместиться на доске, то дети скоро поймут значение масштаба. Затем пусть дети также вымеряют ширину и, по принятому масштабу, начертят, с помощью учителя, четвероугольник, потом расставят в этот четвероугольник мебель, означат место печи и т. п. Далее, дети могут нарисовать развёрнутые стены [как это показано мною на приложенном плане (стр. 115)] и на них означить место дверей, окон, географических карт, если они есть, и т. д.

---

* Трудно придумать русское название для этих занятий да и немецкое Heimatskunde не вполне выражает дело, которое я назвал бы скорее окрестнографией, если бы это слово не звучало так дико; но не в названии дело.

При чтении плана следует с точностью обозначить длину и ширину предметов цифрами, выражать словами относительное их положение, рассказывать: из чего предмет сделан? кем? какое его употребление? а также описывать форму, цвет, стар он или нов, не имеет ли какой-нибудь особенности? и т. п., словом, всё, что может обозначать предмет с точностью.

Упражнение это чрезвычайно полезно уже в том отношении, что приучает дитя к самой зоркой наблюдательности, к строгому порядку в мыслях и строгой точности в выражениях, а всё это такие драгоценные качества, которые, конечно, должно стараться укоренить и развить в ребёнке.

Второй план — план дома; но, конечно, его можно, смотря по удобству, заменить планом школы, особенно если школа занимает целый этаж, или, лучше, отдельный домик. Третий план — план того же дома с двором, садом и огородом, т. е. со всеми теми принадлежностями, о которых дети читают в книге. На втором году ученья можно ограничиться этими тремя планами. К третьему году ученья я отнёс план *улицы*, на которой стоит дом или школа, план *села* или *города*, в котором школа находится, план *окрестности* и, наконец, план *реки*, которая своим течением должна уже вывести дитя из ближайшей окрестности в обширное отечество. После такого подготовления, на четвёртый год ученья, удобно уже будет начать изучение географии отечества, и можно надеяться, что это ученье пойдёт живее и лучше, чем идёт теперь, когда начинают учить дитя географии с предметов, недоступных ему по громадности, и не развив в нём предварительного географического инстинкта — Ortssinn, как это называют немцы.

Этот инстинкт местности бывает иногда сильною, врождённою способностью, но чаще его следует укреплять и развивать и во всяком случае направлять как способность чрезвычайно полезную и в ученье и в практической жизни.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ОТДЕЛА: «ВРЕМЕНА ГОДА».

Всё, что совершается в видимом мире, совершается не иначе, как в известном месте и в известный период времени. Если ученье не хочет быть сухим, отвлечённым и односторонним, а стремится к тому, чтобы развивать дитя во всей его живой, гармонической природной целости, то не должно никогда терять из вида места и времени. Всякое событие, представленное ученику в известном ему месте и с оттенками, которые придают событию то или другое время года, глубоко и плодовито укореняется в душе дитяти. Вот почему весьма полезно при изучении истории живо представлять детям ту местность, где событие совершается, природу этой местности и, если возможно, то время года, в котором это событие происходило. Но к такому изучению следует подготовлять дитя заранее, и я не нахожу для этого лучшего средства, как взять предметом для чтений и изустных бесед, насколько это, конечно, возможно, ту местность, которая окружает дитя, и то время, когда учение происходит, чтобы впечатления, о которых читается в книге или говорится в школе, были в ребёнке живы и могли быть проверены его собственным детским опытом и чувством. В таком случае ребёнок будет говорить о том, что видит и чувствует, его слова будут полны действительности: *истинность слова* и есть именно то драгоценное его качество, которое надобно развивать всё больше.

Вот вторая причина, которая побудила меня, кроме изложения статей по *местностям* в первом отделе, изложить их *по времени* во втором отделе. Для этой цели я в коротеньких рассказцах, перемешанных со стихами и описаниями, изложил в порядке, по воспоминаниям, целый *детский* год, в котором праздники занимают, конечно, самое видное место. Пусть каждый припомнит своё детство, и он увидит, что праздник для ребёнка совсем не то, что для нас, что это действительное событие в годовой детской жизни и что ребёнок считает свои дни от праздника до праздника, как мы считаем свои годы от одного важного

события нашей жизни до другого. Церковь со своими торжественными обрядами, природа со своими годовыми переменами и семья со своими праздничными обычаями, весёлостями и хлопотами — вот три элемента, озаряющие в моей памяти каждый праздник моего детства. И как тускло и серо было бы это детство, если бы из него выбросить праздники! Я полагаю, что и теперь дети, — по крайней мере, в тех семействах, которые не очистили своего быта до совершенной бесцветности изгнанием из него всех добрых обычаев и всей поэзии старины, — живут так же, как жили когда-то и мы, и что крашенки, берёзки, сирень, вербочки так же наполняют и будут ещё долго наполнять жизнь русского ребёнка.

Меня, может быть, упрекнут в том, что я внёс в русскую книгу для чтения несколько малороссийских праздничных обычаев и даже выражений: но это, *во-первых*, потому, что я считаю малороссиян наравне и столько же русскими, сколько и москвичей, и не вижу, почему бы праздничные обычаи Перми или Вятки (а мне надобно же было выбрать какие-нибудь) были более русские, чем обычаи малороссиян; а, *во-вторых*, потому, что, по сознанию самих великоруссов, в наших малороссийских праздничных обычаях сохранилось более жизни и детской поэзии, как и у всех чисто земледельческих народностей, несглаженных влиянием промышленности. Два, три малороссийские слова, конечно, не испортят дела; дитя же другой местности, прочтя статейку, может сравнить то, что знает о своём празднике, с тем, что прочло в книге.

Имея в виду педагогическую цель, я позволил себе разрывать стихотворения и соединять из разных стихотворений одного и того же поэта стихи, обрисовывающие один какой-нибудь оттенок периодической жизни природы, которая прежде всего пробуждает поэтическое чувство в душе человека. Для ребёнка светлый праздник и весна, рождество и зима, спас и спелые плоды, троица и зелёные березки сливаются в одно могучее впечатление, свежее и полное жизни.

Я присоединил картинки тех евангельских событий, которые вспоминаются в тот или другой праздник, назначая эти картинки для продолжения изустных рассказов, начатых ещё при чтении первой части. Первое знакомство с евангельскими событиями всего удобнее совместить с объяснением предстоящих праздников: здесь и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребёнка — всё соединяется, чтобы оживить то или другое событие.

Чтение этого второго отдела, как я уже сказал выше, должно сопровождать чтение первого и должно быть приноровлено ко временам года и к праздникам и, конечно, сопровождаться беседами наставника с детьми о том, как они сами провели или как думают встретить праздник, из чего впоследствии легко сделать и полезные письменные упражнения.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНИЙ.

В этом отделе идут далее те же изустные и письменные упражнения в языке, которые были начаты в первой части, где говорилось об их значении и употреблении. Естественно, что форма упражнений уже сложнее; а особенная цель их в этом отделе есть постепенная постройка простого распространённого предложения.

Бо̀льшая часть упражнений начинается пословицами, в которых употреблена форма языка, вызываемая сама из детской памяти. Многие из этих пословиц имеют, кроме достоинства формы, педагогическое достоинство по содержанию, которым наставник может воспользоваться. Объяснить пословицу, по большей части, значит разъяснить детям что-нибудь полезное и занимательное, и это разъяснение закрепится в уме ребенка энергическим народным выражением. Я говорил уже в 1-й части, как следует разъяснять пословицы; но здесь считаю нелишним прибавить, что не все пословицы разъясняются легко и, чтобы дать удачное разъяснение иной пословицы, учитель должен приготовиться.

В книге выставлены только *образцы* упражнений, и хотя этих образцов много, но всё же их далеко не достаточно для приучения ребенка к правильному употреблению той или другой формы языка. Зато нет ничего легче, как по этим образцам составить много упражнений, написать их на доске и заставить учеников прочесть вопросы и дать на них ответы, сначала изустные, а потом и письменные.

Польза и цель этих упражнений во 2-й части раскрывается яснее. Они вопросами вызывают из детской души уже лежащие в ней формы народного языка и дают ребенку навык легко и свободно вызывать эти формы и правильно пользоваться ими. Так, конечно, можно учить только родному языку; но родному языку и не следует учить, как иностранному. Хотя, однако, родной язык усваивается душой ребенка непосредственно, без помощи школы, но школа должна приучить пользоваться быстро и кстати этими даровыми богатствами. Можно носить в душе много форм народного языка и не иметь привычки употреблять их быстро и кстати, что развивается только упражнениями.

Кроме того, упражнения эти, очевидно, подготовляют к последующему изучению грамматики. Дитя полусознательно, одним частым употреблением и постепенной постройкой предложений, приучается уже само собой к оценке значения частей речи и частей предложения. Слова уже начинают сами собою, от употребления, разделяться в его уме на грамматические порядки, так что впоследствии грамматике остаётся почти только приклеить ярлычки к различным отделам слов и форм, которые уже сами собой, одним практическим упражнением, разделились на группы.

Упражнения доходят мало-помалу до восстановления по вопросам, по известным loca topika, полного распространённого предложения, образец которого дан в № 26. Эти loca topika, как я уже сказал в другом месте, не имеющие смысла в риторике, очень полезны здесь, при первоначальном изучении родного языка, приучая ребенка расчленять всякое предложение на

его составные элементы. Должно приучать детей не только отвечать на такие вопросы, но и самому ставить их в данном учителем предложении, и по вопросам не только слагать, но и разлагать предложения, и все это, покуда, без всяких терминов и определений.

Все упражнения оканчиваются небольшими самостоятельными описаниями таких предметов, о которых в книге ничего не говорится (№ 36). Само собой разумеется, что всякому такому упражнению необходимо должна предшествовать изустная беседа и наглядное изучение предмета, если это возможно. Темы для первых сочинений ребёнка непременно должны быть избираемы или из числа окружающих дитя предметов, или из опытов ощущений его собственной жизни. Пусть дитя напишет, что̀ оно делало в классе, как провело праздник и т. п.

Считаю ещё необходимым напомнить, что многие из упражнений, как, например, упражнения на времена (№ № 11—16), на лица и числа (№ 18), могут с большей пользой быть применены к самому чтению тех или других статеек книги. Так, например, по прочтении какой-нибудь статейки в настоящем времени, можно потребовать, чтобы дитя переделало глаголы в прошедшее время, или рассказ, написанный в 3-м лице, переделало в рассказ от своего собственного лица. В одной из лучших швейцарских книг для чтения подобные задачи подписаны под каждою статейкою; но я считаю лучше предоставить учителю свободу самому выбрать и время и статью для того или другого упражнения, образец которого уже дан в 3-м отделе.

Для двух первых лет обучения совершенно достаточно, если дитя будет в состоянии сказать и написать правильно простое распространённое предложение. К третьему году я отношу периодическую речь и словопроизводство, которому в последнее время придали такое важное педагогическое значение шотландские педагоги-практики.

Отгадки загадок.

Стр. 122. 1) Дом, 2) при постройке дома каждое новое бревно — кладут на мох, 3) дверь и все её части: косяк, притолока и порог, полотно, ручка, пята, 4) наружная дверь, 5) печь, 6) дым, выходящий в волоковое окно, 7) стоит дом, в доме печь, в печи зола, в золе уголь.

Стр. 131. Лён.

» 132. Стол.

» 132. 1) Бочка, обручи, гвоздь или затычка, 2) горшок и вся его история, 3) корзина, 4) тесто в квашне, которое в тепле вылезает из квашни; 5) ушат, 6) лохань, 7) два ведра на коромысле, 8) корец, висящий на ведре.

» 145. Лошадиное копыто со щётками.

» 164. 1) Морковь, 2) огурец, 3) кочан капусты.

» 170. Сквозь бычачью и баранью кожу волокут дратву, к концу которой приделана свиная щетина.

» 171. Верстовой столб.

» 185. Снег.

» 187. 1) Снег, 2) мороз.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Просмотрев ещё раз мою книжку, я нашёл, что изложил в ней довольно подробно главнейшие дидактические правила первых лет ученья и что мне осталось сказать немногое, чтобы вышла не дидактика элементарного преподавания, но маленький сборник необходимейших советов по этому делу, который, покуда у нас нет ещё ни одного полного курса дидактики, может иметь своё значение и принесёт относительную пользу. Вот что побудило меня сделать в конце моей книжки небольшое приложение, в котором я говорю: 1) о классных рассказах вообще и библейских в особенности, 2) о первоначальном обучении счёту и 3) о первоначальном рисовании.

1. О классных рассказах вообще и библейских в особенности.

Изустный рассказ учителя, выслушиваемый и потом передаваемый учащимися, есть необходимое дополнение первоначального обучения. Дети более любят слушать, нежели читать, уже и потому, что в первые два-три года самый процесс чтения ещё утомляет их. Кроме того, необходимо приучить детей не только читать, но и слушать внимательно, а потом усваивать и передавать слышанное.

Искусство классного рассказа встречается в преподавателях не часто, — не потому, чтобы это был редкий дар природы, а потому что и даровитому человеку надо много потрудиться, чтобы выработать в себе способность вполне педагогического рассказа.

Педагогический рассказ не только должен отличаться занимательностью, как и всякий другой, но заключать в себе ещё чисто педагогические качества: он должен быть таков, чтобы мог легко запечатлеться в голове детей; чтобы, дослушав рассказ до конца, дитя помнило его середину и начало, чтобы подробности не затемняли главного и чтобы главное, будучи лишено подробностей, не оказалось сухим.

Предметом рассказов может быть всё, доступное пониманию детей, и если учащий сам не обладает запасом детских рассказов, то может извлечь их из детских книг и хрестоматий. Но такой заимствованный рассказ должен быть не только усвоен предварительно учащим, но переработан им совершенно так, чтобы в рассказе не слышно было чужой фразы.

Я уже выше сказал о том, как восстановляются целым классом прочитанные в книге рассказы и сказки; то же самое относится и к рассказам изустным. Целый класс должен сначала восстановить рассказ учителя, и потом уже каждый ученик будет повторять этот рассказ. Самый способ ведения рассказа мне удобнее высказать, говоря о рассказах библейских, так как они только по содержанию своему и отчасти по тону отличаются от прочих рассказов.

Тон библейских рассказов должен быть не педантический и не книжный, но вполне серьёзный и отличаться особенной задушевностью; шуточки и прибауточки, которые очень кстати при всяких других рассказах, вовсе не кстати при рассказах библейских. Но серьёзность рассказа не должна делать его скучным и вялым.

Хорошие рассказчики событий библейской истории, которых мне удалось слышать и заграницей и у нас, передают эти события не как нечто давно прошедшее,

но как будто происшествие, только вчера ими виденное или слышанное. Интерес, который они сами принимали в рассказываемом событии, возбуждал к нему интерес в детях, и вера, выражавшаяся в словах наставника, пробуждала веру и в детском сердце.

Первые рассказы из библии никак не должны иметь претензии на передачу детям всего хода событий священной истории. Дети от 7 до 10 лет, даже позже, вовсе не способны к обзору такого обширного поля. Они едва в состоянии обозреть какое-нибудь одно не очень сложное и не очень длинное событие и свести его начало с концом. Вот почему в первых библейских рассказах должны быть сообщаемы отдельные события из ветхого и нового завета. В лучших заграничных школах, в первый год ученья (детям от 6 до 8 лет) сообщается не более *десятка* рассказов; во второй год все эти рассказы вновь повторяются с новыми добавлениями и объяснениями, и к ним прибавляется ещё от 10 до 15 рассказов. В третий год ученья снова повторяются рассказы как первого, так и второго года с новыми подробностями и объяснениями и т. д. Только тогда, когда в памяти детей напечатлеется, совершенно конкретным образом, столько отдельных библейских рассказов, что их возможно уже связать одной общей нитью, начинают излагать священную историю в порядке.

Эта метода преподавания, которая распространяется впоследствии и на всеобщую историю, имеет верное психологическое основание.

Душа дитяти, незагромождённая множеством впечатлений, чрезвычайно способна к усвоению всякого рода конкретных образов, и в то же время неспособна ни к отвлечённостям, ни к той последовательности, которая требуется для изучения истории. Эти конкретные образы, воспринятые детьми, только впоследствии могут служить материалом для постройки обширного исторического здания. Но кто захотел бы начать эту постройку раньше времени, тот потребовал бы от детской души того, чего она дать не может.

Итак, рассказывая детям отдельные события библейской истории, наставник должен только иметь в виду — дать прочный материал для будущей постройки. Чем этот материал ляжет прочнее в душу дитяти, чем свободнее овладеет им ребёнок, чем ярче, определённее будут эти образы, — тем легче, удобнее и скорее пойдёт современем самая постройка, и тем прочнее она будет. Вот почему библейские рассказы, переданные раз, должны потом беспрестанно повторяться; не для того, чтобы возобновить забытое (это уже плохо, если что-нибудь позабыто), но для того, чтобы предупредить возможность забвения.

Повторение с целью припомнить забытое показывает уже недостаток ученья и вообще плохое преподавание в школе. Плохая школа, как и плохое здание, беспрестанно чинится, поправляется и никогда не бывает в исправности, хорошая же школа, беспрестанно повторяя пройденное, никогда не нуждается в починках. Сами дети очень не любят повторения того, что ими было выучено и позабыто, и очень любят рассказывать и пересказывать то, что помнят. Воспользуйтесь же этим указанием детской природы и ведите беспрестанно повторение, предупреждающее забвение, чтобы не иметь никогда нужды повторять забытое. Забвение есть отчасти тоже дурная привычка; и дети, которых учили многому, но бестолково, которые беспрестанно забывали то, что выучивали, отличаются впоследствии дурной памятью.

Наши школы особенно страдают забывчивостью; они много сыплют в детей и редко справляются, осталось ли что-нибудь из насыпанного. Хорошо ещё, если ученик меньше забывает, чем учит; но если приход с расходом равен, то остаётся в голове ноль и ещё хуже, чем ноль, — привычка ничего не усваивать прочно и забывать быстро.

Что касается до передачи каждого отдельного рассказа, то методы при этом могут быть различные; но во всяком случае, учитель должен непременно заранее обдумать свой рассказ и даже написать его,

если ещё не имеет привычки рассказывать. Возьмите какой-нибудь библейский рассказ, лучше всего по библейскому же тексту, прочтите его сами со вниманием, сообразите, что придётся объяснить детям, и потом отделите то, что вы можете рассказать и объяснить в первый раз, от того, что можете добавить при втором и третьем рассказе одного и того же события.

Рассказывая какое-нибудь событие в первый раз, вы должны передать только главные его черты, две, три интересные живописные подробности. Если вы в первый же раз привяжете к событию слишком много объяснений и подробностей, то весь рассказ рухнет в детской голове. Утвердите в ней сначала немного, но прочно и потом уже, мало-помалу, стройте на этом укоренившемся прочном основании.

Рассказав детям событие, причём вы должны делать сильное ударение на факты, собственные имена или выражения, составляющие сущность рассказа, вы можете потом обратиться к детям с вопросами, и сначала с такими вопросами, в ответ на которые дети передали бы вам главные черты события. Затем, следует другой ряд вопросов, исчерпывающих подробности.

Когда таким образом весь ваш рассказ будет передан детьми в ответах на ваши вопросы, тогда только можете вы потребовать от способнейших учеников, чтобы они рассказали всё, что слышали, в связи, последовательно. Старайтесь при этом поправлять рассказчика только в крайней необходимости, если видите, что он сбивается с главного пути, и позволяйте ему пропускать несущественные подробности. Когда ученик кончил рассказ, тогда другие пополняют его пропуски, и дело идёт, как я уже сказал выше, до полного и верного восстановления целым классом всего рассказа.

Усвоенный детьми рассказ должен быть повторяем, по возможности, чаще, и при каждом повторении наставник может что-нибудь вновь объяснить и дополнить.

Очень полезно также, если наставник, через несколько времени, на другой год, например, рассказывает сам тот же рассказ, уже усвоенный детьми, с новыми подробностями или эпизодами, которых дети ещё не знают. Ученики должны (и сделают это легко) заметить, что̀ прибавлено новое в рассказе учителя, и эта прибавка прочно ляжет в их памяти.

2. О первоначальном обучении счёту.

При первоначальном обучении счету (пугающее имя арифметики следует оставить для высших классов) также не должно спешить и идти дальше не иначе, как вполне овладев прежним; а овладев чем-нибудь, никогда не оставлять его без постоянного приложения к делу.

Прежде всего следует выучить детей считать до 10 на наглядных предметах: на пальцах, орехах, особенных палочках, которые не жаль было бы и разломить, если придётся показать наглядно половину, треть и т. д. Считать следует учить *назад* и *вперёд*, так чтобы дети с одинаковой лёгкостью считали от единицы до 10 и от 10 до единицы. Потом следует приучить их считать *парами*: два, четыре, восемь, десять, и наоборот: десять, восемь и т. д.; *тройками*: три, шесть, девять и одна лишняя; далее *четвёрками*: четыре, восемь и два, и, наконец, *пятками*: так чтобы дети тут же поняли, что половина 10 = 5, что половина 8 = 4, что два раза 4 будет 8, два раза 5 будет 10, и т. д. Словом, не следует здесь стесняться громкими названиями: сложение, вычитание, умножение, дробные и целые числа и т. д., а просто приучить дитя распоряжаться с десятком совершенно свободно — и делить, и умножать, и дробить.

Когда дети совершенно овладеют десятком, тогда следует перейти с ними прямо к сотне и перейти наглядным образом, а именно: связать десять пучков, из которых в каждом было бы ровно по 10 палочек, так чтобы дети с первого же раза совершенно ясно

усвоили, что сотня есть только 10 десятков и что над 10 десятками или 10 пучками они могут делать то же самое, что делали над 10 единицами или 10 отдельными палочками, т. е. и прибавлять, и убавлять, и дробить и т. д.

Только после приобретения детьми совершенно ясного понятия о составе десятка и сотни, следует перейти с ними к числам, состоящим из десятков и единиц, а потом — из сотен, десятков и единиц.

Весьма полезно упражнение не только в счислении, но вообще и во внимании: это счёт вперёд и назад, прибавляя или убавляя по 2, по 3, по 4 и т. д. В таком счёте весь класс может принимать участие; так, один ученик говорит: *три*, следующий должен сказать: *шесть*, третий — *девять*, и т. д. или, наоборот: первый ученик говорит: *сто*, второй — *девяносто семь* и т. д.

Как только окажется возможным, следует дать детям аршин и складную (на ленте или верёвочке) сажень, весы и горсть мелкой монеты. Пусть дети меряют, весят, считают. Это очень оживляет преподавание, нравится детям и укрепляет их в счислении.

Если вы успели добиться того, что в голове дитяти прочно и ясно отразили состав сотни из десятков и десятков из единиц и приучили дитя распоряжаться этими представлениями совершенно свободно: считать и вперёд, и назад, делить, умножать и дробить, то можете приступить уже к письменному счету.

Приучив дитя писать первые десять цифр, следует объяснить ему, что для десятка нет особой цифры, что он означается местом, на которое его ставят, и что для показания незанятого места существуют нули.

Вы показываете сначала детям, что двадцать пишется 2 и ноль, а двести 2 и два ноля. Потом приучайте сводить и единицы, и десятки, и сотни в один ряд, заменяя цифрами нолики, так, чтобы дитя приучилось к следующему составу цифр:

$$\begin{array}{r} 200 \\ +\ \ 30 \\ 5 \\ \hline 235 \end{array}$$

Всё это делается для того, чтобы дети усвоили ясно десятичную систему и её выражение в цифрах, что и составляет главное основание уменья считать, а потому и арифметики.

К решению письменных задач (до сих пор я говорил только о наглядном и умственном счислении) следует приводить детей понемногу. Пусть сначала дети приучатся уже решённую умственно задачу написать на доске, сначала словами, и, наконец, цифрами и арифметическими знаками; так, напр.:

пять да три будет восемь

5 да 3 будет 8

$5+3=8$

Это упражнение продолжается до тех пор, пока дети привыкнут проворно и без ошибки писать на доске цифрами и арифметическими знаками всякую задачу, предварительно решённую ими умственно. Затем следует приучать детей читать на доске задачу, решённую учителем, т. е. быстро передавать и цифры и арифметические знаки словами.

Эти упражнения имеют целью приучить детей к арифметическому языку: к арифметическому письму и чтению.

У многих детей кажущаяся непонятливость в арифметике зависит от непривычки к арифметическому языку. Наставник же, задающий детям письменную задачу и в то же время приучающий их к новому для них языку, делает важную педагогическую ошибку: он требует от детей одновременно двух дел и потому слишком затрудняет детей, и они не могут выполнить ни одного как следует. Вот почему я советую предварительно приучить детей писать и читать задачи, уже решённые, а потом перейти к решению письменных задач.

Само собой разумеется, что дети не должны выучивать никаких арифметических правил, а сами открывать их. Так, например, не следует говорить детям, что, если нельзя вычесть единиц из единиц, то следует занять единицу из десятков и т. п.; но должно дать

ученику два десятичных пучка палочек и, кроме того, несколько палочек отдельно, положим, *три*: скажите потом ребёнку, чтобы он дал вам четыре палочки, и дитя само увидит необходимость развязать один десятичный пучок и, когда сочтёт потом, что у него осталось, то легко поймёт, как занимать из десятков, сотен и т. д. Когда же все дети поймут какой-нибудь простой арифметический закон и привыкнут его выполнять и умственно, и словесно, и письменно, тогда вы можете формулировать этот закон в арифметическое правило, собственно для приучения детей к точности выражений. Содержание для задач должно брать, сколько возможно, из мира, окружающего детей: пусть они вымеряют весь свой класс, все скамьи, двери и окна, пусть пересчитают страницы всех своих книг и тетрадей; пусть сочтут свои годы, сочтут недели, дни и часы до праздников и т. п.

Задачи, конечно, должны усложняться постепенно, но никогда не должны терять своего практического, наглядного характера. Впоследствии эти задачи могут быть первыми уроками в домашнем хозяйстве и политической экономии. Так, например, пусть дитя разочтёт верно, что стоит его курточка: причём цена сукна, плата за работу и т. д. не должны быть даваемы наобум, но, по возможности, ближе к настоящим ценам.

В швейцарских школах мне удалось видеть пример, как наставник может воспользоваться арифметическими задачами, чтобы ввести детей в понимание экономической деятельности. Я слышал, например, как один швейцарский наставник рассчитывал с классом, что̀ стоит хлебец, который дети съели за завтраком, и отчего он столько стоит. Это был самый занимательный урок и притом самый полезный: дети познакомились не только с ценами, входящими в состав цены хлеба, но даже с отношениями всех лиц, принимающих участие в производстве хлеба и в установлении его цены; они узнали, сколько берёт мельник и почему он берёт столько; какое вознаграждение досталось булочнику и почему и т. д.

3. О первоначальном рисовании.

Все дети почти без исключения — страстные рисовальщики, и школа обязана удовлетворить этой законной и полезной страсти. Кроме того, рисование есть для ребёнка самый приятный отдых после умственного труда и даёт, следовательно, наставнику возможность разнообразить классные занятия, не оставляя никого без дела.

Для первоначального рисования всего удобнее рисование *по сетке*. Для этой цели одна сторона большой классной доски, или, что ещё удобнее, особенная небольшая чёрная доска, висящая на стене, разделяется тоненькими красными линейками на небольшие квадратики; так же разделяются и грифельные доски учеников, если не красными линейками — для чего нужно доски заказывать, — то просто линейками, проведёнными острым гвоздём. Квадратики ученических досок могут быть вчетверо меньше квадратиков классной доски. Всякий наставник и всякая наставница, умеющие провести довольно верно прямую линию, могут, после небольшой подготовки, сносно начертить по квадратам классной доски какую-нибудь нехитрую фигуру, вроде тех, образчики которых я представляю на первых страницах «Родного слова». Дети, конечно, могут перерисовать и прямо с азбуки и будут делать это очень охотно; но гораздо лучше, если они увидят, как рисует учитель и как мало-помалу образуется фигурка; потому что, не зная, с чего и как начать, дети сами себя затрудняют: так, например, ведут линейку снизу вверх, начинают с какой-нибудь частности и т. п.

Главное преимущество рисовки по квадратикам состоит в том, что она очень занимает дитя: руководимые квадратиками, дети, только что начинающие, без большого труда могут уже нарисовать фигурку, очень напоминающую домик, столик, лестницу и т. п., тогда как без квадратиков это было бы для них невозможно. Такой неожиданный успех радует и поощряет ребёнка:

он рисует охотно, а между тем глаз и рука его приобретают полезный навык, и кроме того, отдыхая за этим занятием, дети не мешают учителю заниматься с другим отделом класса.

Начинать следует, конечно, с фигур прямолинейных и потом уже переходить к простым фигурам, очерченным кривыми линиями; но только необходимо, чтобы все эти фигурки представляли ребенку какой-нибудь знакомый предмет: сапог, рукавицу, часы и т. п. Ребёнок с большим удовольствием десять раз рисует часы; но заставьте его рисовать простой круг, и это ему скоро надоест.

Продолжая рисовать криволинейные фигуры по сетке, можно пробовать рисовать простейшие прямолинейные фигуры уже без сетки, и сначала грифелем на доске, а потом карандашом на бумаге.

Таким образом, интерес рисования не ослабевает, а вместе с тем возрастает верность руки и глаза, да и наглядность обучения получает сильного помощника в рисовании, если только наставник сумеет им воспользоваться.

Приложения

ПЛАН КНИГИ, ДОЛЖЕНСТВУЮЩЕЙ ИМЕТЬ 25 ИЗДАНИЙ *.

Первая книга. Наставление для учителя, в которое должны войти: советы вообще, как заниматься с детьми, и краткий психологический очерк детского понимания, уроки счёта, уроки письма, объяснение звуковой методы и подробное наставление по номерам, как употреблять следующие за сим книги.

Предполагается, что дитя ещё без помощи азбуки будет доведено: 1) до возможности писать все буквы — малые и прописные; 2) до возможности легко отыскивать их в книге; 3) будет уже в состоянии написать несколько двухсложных слов с прямыми слогами: *дитя*, *няня* и т. п.

Вторая книга. Она должна начинаться с двухсложных слов, которые ребёнок уже умеет, хотя с трудом, писать. Книга эта разделяется на три части; каждая часть на отделы, а каждый отдел на номера.

Часть первая.

Первый ряд уроков чтения и письма. Слова в 1, 2, 3, 4 слога. В начале азбуки должно поместить односложные слова с гласной на конце, а именно: *я*, *ты*, *мы*, *вы*, *то*, *та*, *те*, *и*, *ты и я*, *вы и мы*, потом — *эта*, *это*, *яма*, *яму*.

---

* Под таким заголовком в Архиве Института литературы Академии Наук СССР (ф. 316, № 61) хранится пожертвованная Пушкинскому дому вместе с другими материалами семейного архива К. Д. Ушинского рукопись, переписанная набело рукой неизвестного, но принадлежащая, как это видно из содержания, Ушинскому и представляющая собой первый очерк книги для начального обучения родному языку, набросанный Ушинским, как нужно думать, ещё в Гатчинском институте. *(Ред.)*

№ 1. Слова в два слога: *няня, мама* и т. д.

Порядок изложения следующий: сначала помещаются пять картинок: «роза», «няня», «дитя», «коза», «рыба» и т. п. Под ними подписи с разделением на слоги. Это — № 1. За ним идёт

№ 2. Ряд двухсложных слов — сначала с разделением на слоги, потом повторяются те же слова без разделения на слоги. За этим следует

№ 3. Ландшафт, где помещено несколько предметов, имеющих двухсложное наименование. Учитель вопросами заставляет дитя назвать правильно все предметы, изображённые на картине, и потом заставляет написать эти названия. За сим следует

№ 4. Двухсловные фразы из двухсложных слов. Учитель заставляет читать эти фразы для приучения к более беглому чтению: но тут же задаёт детям вопросы такого рода: уди рыбу — что уди? — рыбу. Бери перо — что бери? — перо. Бери розу — что бери? — розу. Фразы должны быть так подобраны, чтобы учителю легко было объяснить, что в фразе два слова. Потом он снова объясняет, что в слове два слога, а в слоге две буквы, и диктует ученикам те фразы, которые в книге, и несколько новых, которые в книге учителя.

№ 5. Следуют фразы из 3 и 4 двухсложных слов: их должно быть довольно много, из них некоторые учитель также диктует.

№ 6. Слова в три слога из двух букв, согласная напереди, гласная на конце. Порядок тот же самый, что и при двухсложных словах: сначала идут 3—4 картинки с надписями: потом десятка два трёхсложных слов, причём так же, как и в первых номерах, должны быть помещаемы и такие слова, где слог составляет одна буква. За этим следуют те же слова без разделения на слоги, но между ними должно быть перемешано несколько двухсложных слов с тем, чтобы приучить дитя отличать двухсложные от трёхсложных и упражнять его внимание.

За этим следуют двухсловные и трёхсловные фразы из слов односложных, двухсложных и трёхсложных. Фраз побольше. Письмо некоторых фраз. Затем слова четырёхсложные и пятисложные; картинки, ландшафты и т. д.

За этим следуют слова односложные и двухсложные, в которых в первом слоге гласная напереди: *изба, окно,* тут же и такие слова, в которых во втором слоге гласная напереди: . . . . .—. . .; картинки, слова, ландшафты, фразы.

Далее идут односложные слова с *ъ* на конце. Сначала следует взять предлоги — *к, с, в* и, пропустив их в фразе, задать написать ученику. Потом опять картины и ряд слов односложных с *ъ* на конце, двухсложных, трёхсложных и т. д.

За этим ряд слов, оканчивающихся на *ь*, далее слова с *ь* в середине, с *ъ* (весь этот абзац в рукописи зачёркнут. — *Ред.*).

За этим следуют слова, оканчивающиеся на *й*. За этим слова с *ъ, ь* и *й* в середине, причём должно сопоставлять слова неправильные, например, ма*л*чик — ма*ль*чик, ко*ль*пак — ко*л*пак, ходи*ть* — ходи*т* и т. д.

Далее следуют слова в две согласные, причём можно заимствовать их из «Ёлки», стр. 65, как-то: *руд*, *труд; вор*, *двор; вас*, *квас; вон*, *звон*; *рак*, *фрак; ром*, *хром*; *ром*, *гром; кус*, *вкус; кот*, *скот*.

Далее следуют слова с слогами в 3 согласных. Далее слова в 4 согласных. За этим слова с удвоенными согласными и гласными.

За этим слова на *i* и *и*. За этим слова на *е*, *ѣ* и *э*.

За этим упражнения на большие буквы и на перенос слогов.

Часть вторая.

Упражнения в мышлении, чтении и письме.

Отдел 1.

№ 1. Картинки, где бы были в связи — растения, люди и другие животные.

№ 2. Фразы из картинок.

№. 3. Те же фразы с вопросительными знаками. Ребёнок должен отвечать на них словесно, письменно по вопросам, написанным учителем, сначала прибавляя одно слово к вопросу.

№ 4. Смешанные фразы для упражнения внимания.

Отдел 2.

№ 1. Картинки: люди, другие животные, растения и вещи.

№ 2. Вопросы с теми же ответами учеников.

№ 3. Фразы, объясняющие различие растений, животных, человека и вещей.

№ 4. Смешанные фразы для упражнения внимания и испытания, поняли ли ученики различие животных от растений и пр.

Отдел 3.

№ 1. Картинки, на которых различные классы животных; в том же, как и прежде, порядке следует разделение животных на млекопитающих, птиц, рыб, земноводных, гадов, насекомых.

При этом следует соблюдать такой порядок: сначала приучить ребенка отличать птиц от зверей, причём беспрестанно испытывать, помнит ли он старое. Так, например, *волк и гусь суть* —; *волк и корова суть* — ; *яблоня и птица суть* — ; *почему птица не дерево?* и т. п. Засим уже можно ввести в вопросы рыб, потом насекомых и т. д.

Отдел 4.

Разделение растений на деревья, кусты, цветы, хлебные растения и травы. Порядок соблюдается тот же. В вопросах беспрестанно вспоминаются и животные.

Вопросы делаются всё затруднительнее, так чтобы ребёнку для ответа приходилось самому припомнить 2—3 слова. Возможны уже вопросы: почему, для чего.

Как при этом номере, так и при прежних беспрестанно чертятся таблички.

Дети беспрестанно пишут имена животных, растений и т. д.

Отдел 5.

Вещи классные, комнатные, городские, сельские, принадлежности земледельческие, какого-нибудь ремесла и т. п., причём не мешали бы картинки.

Отдел 6.

Люди по сословиям, по занятиям, по полам, возрастам.

Отдел 7.

Части целого. Части тела, лица, руки, ноги; члены семейства; части вещей: книги, стола, доски и пр.

Отдел 8.

Упражнения на прилагательные.

№ 1. Цвета.

№ 2. Формы и т. д.

В конце упражнения на существительные, произведённые от прилагательных: *добрый — доброта, красный — краснота* и пр.

Новый номер — упражнения на степени сравнения и на прилагательные полные и усечённые, а также на роды прилагательных.

Отдел 9.

Упражнения на местоимения. Ученик должен, вместо имени, поставить местоимение.

Отдел 10.

Упражнения на глаголы: времена, лица, числа, наклонения, залоги и виды.

Причастия, деепричастия и отглагольные существительные.

Задачи для этого отдела, как и для прежних, приложены в немецком сборнике задач.

Отдел 11.

Упражнения на наречия, производство их.

Отдел 12.

Союзы.

Отдел 13.

Междометия.

Отдел 14.

Знаки препинания. Впрочем, знаки препинания должно начинать объяснять после первых же уроков, как-то: знак вопросительный, точку, двоеточие, а потом уже запятую и точку с запятой.

Отдел 15.

Упражнения на простые предложения.

Отдел 16.

Упражнения на предложения сложные.

Отдел 17.

Упражнения на предложения придаточные.

Отдел 18.

Небольшие описания известных предметов по Шеру.

Все эти упражнения должны быть перемешаны маленькими баснями, рассказами и стихотворениями, которые могут начаться с того времени, как дитя будет в состоянии их читать.

Часть третья.

Нравственные рассказы и рассказы из жизни Спасителя.

ОБ УЧАСТИИ Л. Н. МОДЗАЛЕВСКОГО В СОСТАВЛЕНИИ «РОДНОГО СЛОВА».

Неоднократно высказываясь о тех условиях, в которых ему приходилось составлять учебники для начальной школы, Ушинский постоянно отмечал бедность специально созданной для детей художественной литературы. «Кроме народных сказок и немногих народных песен, созданных воспитательным гением народа, мы найдём в нашей литературе очень немного пригодного для детского возраста». Это обстоятельство заставляло Ушинского самостоятельно составлять рассказы и стихи для своих книг и прибегать к помощи других педагогов.

При обработке «Родного слова» он воспользовался, между прочим, услугами своего молодого друга, Л. Н. Модзалевского, составившего для подготовляемой Ушинским детской книги целый ряд стихотворений. Среди рукописей Ушинского сохранилось две тетрадки стихов, специально подобранных им для «Родного слова». Наряду со стихотворениями русских поэтов, народными песнями, здесь записано значительное количество стихов, принадлежащих лично Ушинскому, а также Модзалевскому, иногда обработанных совместно обоими авторами. В первом случае стихи подписаны инициалами — К. У., во втором— Л. М., в третьем — К. У. и Л. М. Разумеется, далеко не все из этих стихотворений вошли в «Родное слово».

Стихи, принадлежащие Л. Н. Модзалевскому, перечислены самим автором в списке составленных им работ (см. «Русская школа», 1897 г., № 3—4, а также Л. Н. Модзалевский «Очерк истории воспитания и обучения», СПб., 1899 г., ч.II, стр. 602). Из одиннадцати его стихотворений, вошедших в «Родное слово», четыре помещены в первом году и семь во втором году.

Первый год:

1. В мае — «Я пройдусь по лесам».
2. В октябре — «Солнце спряталось за тучи».
3. Борзый конь — «Гоп-гоп! Ну, скачи в галоп!»
4. Пойманная птичка — «А, попалась, птичка, стой!»

Второй год:

5. Кончил дело — гуляй смело — «За уроками давно».
6. Мотылёк — «Расскажи, мотылёк».
7. Вечерняя заря весной — «Слети к нам, тихий вечер».
8. Рыбка — «Жарко, а в речке, в прибрежной тени».
9. Приглашение в школу — «Дети, в школу собирайтесь!»
10. Ожидание весны — «На зимних полях не ищите цветов».
11. Летом — «Весёлое лето, всем дорого ты».

ИЗДАНИЯ «РОДНОГО СЛОВА» *.

1. **«Родное слово»** для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения, с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте. Составил К. Ушинский. (Способ преподавания по «Родному слову» объяснён в особой книге *для учащих*, под тем же заглавием). Санктпетербург, в типографии Рогальского и К°, 1864. Дозволено цензурою. С.-Петербург, 28 сентября 1864 г., стр. 30 (прописи и азбука) + 73 + II (оглавление).

Издание второе (исправленное и дополненное). СПб., 1865. Допущено к употреблению в училищах, подведомственных Министерству народного просвещения, стр. II (оглавление) + 24 + 106. Цена 35 коп.

Издание третье. СПб., 1866 г.

Издание четвёртое. СПб., 1867, стр. IV (оглавление) + 107.

Издание пятое. СПб., 1868. Допущена к употреблению в училищах, подведомственных Министерству народного просвещения и в военно-учебных заведениях.

Издание шестое. СПб., 1868.

Издание седьмое. СПб., 1869.

Издание восьмое. СПб., 1870.

Издание девятое. СПб., 1870. Дозволено цензурою 14-го августа 1870 г.

---

* Данные об изданиях «Родного слова», г. 1-й. и 2-й, по 1870-й год включительно, взяты из составленного В. И. Чернышевым «Хронологического списка книг, статей и переводов К. Д. Ушинского» (см. Собрание педагогических сочинений К. Д. Ушинского, т. 2-й (дополнительный), изд. 2-е, ред. В. Чернышева, СПб., 1913 г., стр. 331—333) и дополнены сведениями о количестве изданий, вышедших к моменту революции 1917 г.

Издание десятое. СПб., 1870. Дозволено цензурою 7 октября 1870 г. (на первой странице по ошибке напечатано: девятое издание).

(*Издание одиннадцатое* вышло после смерти Ушинского; цензурное дозволение 10 февраля 1871 г. К концу 1908 г. в обращении было *137-е издание* (СПб., 1908), в 1914 г. — *146-е издание.*

2. **«Родное слово»** для детей младшего возраста. Год второй. Вторая после азбуки книга для чтения, с картинками в тексте. Составил К. Ушинский, Санктпетербург, 1864. Дозволено цензурою. С.-Петербург, 5 ноября 1864 г. Типография Главного артиллерийского управления, стр. 156 + IV (оглавление).

Издание второе (исправленное и дополненное). СПб., 1865. Допущено к употреблению в училищах, подведомственных Министерству народного просвещения, стр. IV (оглавление) + 168. Цена 35 коп.

Издание третье. СПб., 1866.

Издание четвёртое. СПб., 1867.

Издание пятое. СПб., 1868.

Издание шестое. СПб., 1869.

Издание седьмое. СПб., 1869.

Издание восьмое. СПб., 1870.

Издание девятое. СПб., 1870.

(*Издание десятое.* СПб., 1871 г. вышло после смерти Ушинского. К концу 1908 г. в обращении было *121-е издание* (СПб., 1908), в 1916 г.—*130-е издание.*

3. **«Родное слово»** (Книга для учащих). Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово», год 1-й и 2-й. (Первое издание.) СПб., 1864, 8°, 91 стр., 50 коп. Ко 2-му году 10 к.

2-е издание, исправленное и дополненное. СПб., 1865, 8°, 98 + 1 (ненумеров.), 40 коп.

3-е издание. СПб., 1865, 8°, II + 111 стр., 40 коп.

4-е издание. СПб., 1867.

5-е издание. СПб., 1868, 8° + 111 стр., 40 коп.

6-е издание. СПб., 186?.

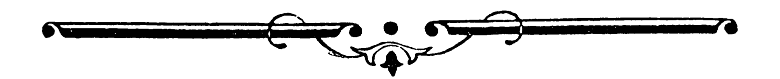
7-е издание. СПб., 186?.

8-е издание. СПб., 1870. Ценз. одобр. 3 марта 1870 г.

9-е издание. СПб., 1870. Ценз. одобр. 11 октября 1870 г.

Издание 10-е (СПб., 1871) вышло после смерти Ушинского. К концу 1908 г. в обращении было *23-е издание* (СПб., 1906).

УПОТРЕБЛЕНИЕ «РОДНОГО СЛОВА» В НАЧАЛЬНЫХ РУССКИХ ШКОЛАХ 60-х ГОДОВ*.

Новой постановкой начального обучения, внесением в школу элемента сознательности и разумности «Родное слово» открыло широкий простор для творчества учителя и несказанно облегчило работу учителя с детьми. Понятно, что передовые учителя весьма сочувственно откликнулись на выход в свет «Родного слова», и везде находились пламенные сторонники работы по этой книге. В первом же году по выходе «Родного слова» группа учителей бесплатной школы в Петербурге взяла на себя обязательство вести работу в школе по «Родному слову». Семь учителей, работников этой школы, свой коллективный фотоснимок вклеили в книжку «Родного слова» и преподнесли её Ушинскому со следующей надписью на роскошном переплете книги: «Ежедневная бесплатная школа. 30 окт. 1864 г. Автору» (см. фото на стр. 347). Возможно, что именно по непосредственным указаниям Ушинского эти учителя и начали свою работу в школе и, окрылённые первыми успехами своей работы, поднесли автору свой подарок.

Свою работу над «Родным словом» как учебной книгой начальной школы Ушинский ни в коей степени не мог считать законченной и полагал, что эта работа должна быть дополнена опытом прямых работников школы. «Хороший учебник, писал он, есть по преимуществу дело опыта». Искренно желая воспользоваться указаниями этого опыта, он внимательно прислушивался к высказываниям учителей об опыте их работы, поощрял их собственное творчество и вовсе не считал «Родное слово» книгой, которая раз и навсегда разрешила проблему начального обучения. В этом отношении особенно замечательны беседы

---

* Материал извлечён из отчётов Н. А. Корфа, впервые обратившего внимание на высокую ценность «Родного слова» в начальных школах и введшего эту книгу в массовое употребление в школах Александровского уездного училищного совета.

Группа учителей бесплатной школы в Петербурге, работавших по «Родному слову» Ушинского в 1864 г.

Ушинского с крымскими учителями на съезде их, происходившем летом 1870 г. в г. Симферополе. Содержание этих бесед передано уже в 90-х годах в воспоминаниях близко знавшего Ушинского бывшего учителя начальной школы в Симферополе И. П. Деркачёва. Воспоминания эти не могут быть рассматриваемы как совершенно точное воспроизведение бесед Ушинского: в них есть и известная доля собственных тенденций автора воспоминаний. Но в основном они передают правильно мысли Ушинского.

«Нужно, говорил Ушинский, желать, чтобы как можно больше лиц приложили свои силы к составлению книг для классного чтения в народных школах. В настоящее время моё «Родное слово» принято в начальных училищах потому, что выбирать ещё не из чего: но когда расширится школьное дело, когда учительские семинарии станут выпускать вполне подготовленных педагогов, тогда вырастут и новые требования. Должна будет явиться новая книга. Моё же «Родное слово» займёт место в семье, для которой, собственно, и составлялись эти книги. Я жил в Швейцарии и составлял эти книги, прежде всего, для моих детей. От души желаю, чтобы на смену «Родного слова» пришла не одна какая-либо хорошая книга, а много дельных книг, чтобы возможен был выбор. Одна книга для всех школ — это монополия. А вред от всякого рода монополий вам известен. Я могу вам указать на монополию одной немецкой книги, выходящей уже чуть ли не сотенным изданием. Эта книга обязательно принята во многих германских школах. В учительских семинариях она изучается до мельчайших подробностей. Учителя в школах дают, так сказать, заученные уроки превосходно. Там вы не можете придраться к промаху учителя — он знает своё дело по своей книге в совершенстве, считает себя совершенством и не идёт вперёд. В двадцатый год своей службы он будет давать уроки точь в точь, как давал их при начале педагогического поприща. Если бы вы могли одновременно присутствовать, положим, в десять часов утра, в сотне германских школ, то услышали бы один и тот же урок и одни и те же объяснения. Если бы вы могли заглянуть в те же школы в те же числа месяца и тоже в десять часов утра, но уже через двадцать лет, то услышали бы тот же урок и с теми же толкованиями, хотя бы во всех школах были новые учителя. Такой удивительно однообразный приём преподавания сглаживает личность преподавателя и в значительной степени притупляет учащихся. Желателен ли такой формализм в наших школах?.. Но, чтобы наши школы могли получить для себя много разнообразных книг, удовлетворяющих той или другой местности, необходима трудная работа многих лиц. И в этом случае съезды учителей могут принести громадную пользу. Вот, вы теперь,—говорил далее Ушинский,— обсуждая разные буквари, находите их мало пригодными для крымских школ, посещаемых детьми татар... Пользуясь съездом, сложитесь вашими умственно-нравственными силами и составьте свою азбуку по звуковому способу, а земство, вероятно, не

откажется издать её на свой счёт. Это будет и выгоднее для самого земства, чем выписывать книги из столиц через книгопродавцев. Земство, надеюсь, не отказалось бы от издания и первой после азбуки книги для чтения, если бы наши съезды усердно занялись этим делом». Автор воспоминаний прибавляет к этому, что «Азбука», выработанная на съезде, была издана в 1870 г. за счёт губернского земства в количестве 10 тыс. экземпляров в Симферополе*.

Совершенно очевидно таким образом, что Ушинский прежде всего требовал от учителей, работавших по «Родному слову», чтобы они проявляли личное творчество.

Вот почему он был очень удовлетворен, когда узнал, что на далёком юге России, в Александровском уезде Екатеринославской губернии, член земства Н. А. Корф организовал собственными силами до 40 школ, ввёл в этих школах «Родное слово» как основную книгу для преподавания в первых двух классах, а в третьем для преподавания мироведения и истории использовал соответствующие статьи «Детского мира» и, что самое главное, организовал творческую работу учителей в духе тех указаний, которые даны в «Руководстве» Ушинского. Ушинский внимательно прочитывал знаменитые «Отчёты», ежегодно издававшиеся Корфом, и всё более заинтересовывался ими как живым свидетельством той творческой работы, которая ведётся в школах на местах.

Н. А. Корфа увлекало в «Родном слове» Ушинского прежде всего то, что основной установкой книги является развитие умственных сил ребенка, пробуждение его сознательности. В школах, которые застал Н. А. Корф при начале своей работы, он всегда, как правило, встречал сонных, вялых, большей частью запуганных детей. С болью вспоминал он, как однажды, желая ободрить затруднявшегося в ответе ученика, он протянул руку, чтобы погладить его по голове, и как ребенок с ужасом отшатнулся от него, словно бы к нему протянули не руку, а кусок раскалённого железа. Но уже через два года по введении новой системы обучения картина резко изменилась: «я уже видел выздоравливавших учеников: весело, ясно, бойко смотрели на меня и на всех посторонних посетителей, которых было много, детские глазки. Содержание прочитанного передают бойко, весело, непринуждённо, связно, толково, избегая выражений, прочитанных в книге» (Отчёт 1869—1870 гг., стр. 26—27). И ещё в 1868 г. Корф писал, что он «имел наслаждение слышать, бывая в школе, что ученики

* Воспоминания Деркачёва И. П. были напечатаны в одной из газет по случаю 25-летия со дня смерти К. Д. Ушинского, т. е. примерно в 1895—1896 году. Вырезка из этой газеты без указания её названия, года и номера сохранилась в альбоме, составлявшемся в семье Ушинского в эти же годы и в настоящее время хранящемся в Институте литературы Акад. Наук СССР (Пушкинский дом) — Архив, ф. 583, № 46, л. 144—147.

останавливались при чтении на словах, им непонятных, и просили объяснений у учителя. До тех пор, пока учитель этого не достиг, он не может быть уверен в том, работает ли мысль ученика во время чтения или нет» (стр. 136). Но исключительное наслаждение и удовлетворение испытал Корф, когда однажды, будучи вынужден заночевать в школе, он велел внести в здание свою складную кровать, о чём сейчас же узнали ученики, и, как только Корф вошёл в класс, они обратились к нему с вопросом: «как ваша кровать складывается? покажите нам вашу кровать!» Так уже на первых шагах можно было констатировать благодетельное действие нового метода работы и новой постановки обучения.

Работа эта начиналась однакоже при упорном сопротивлении со стороны консервативной части родителей. Главный упрёк последних сводился к тому, что «ученик читает постоянно не молитвы и псалтырь, как было в старой школе, а какие-то сказки». «Сын мой, говорил Корфу один старик, в старой школе уже священную историю читал, а теперь читает про какую-то козу да лису». На это присутствовавший при разговоре сельский староста возразил: «правда, что сын твой прежде священную историю читал, да понимал ли он что-нибудь? мог ли рассказать? А теперь хоть про козу, да про лису расскажет». В немецких колониях неоднократно заявляли Корфу: «мы не желаем этой книги («Родное слово»), потому что пастор говорил нам, чтобы мы не изменяли древнему христианскому учению» (Отч. 1868 г., стр. 120—123, 145).

Одним из наиболее распространённых возражений против «Родного слова» было указание на то, что оно наполнено лёгкими сказочками, унижающими достоинство школы. В практике школ Корфа создавалось иное впечатление. В отчёте за 1868 г. Корф рассказывает: «прочитана сказка «Колобок», затем учитель спрашивает: кому хочется говорить, будто бы он «дед», кому хочется быть «бабой» и пр. Сказка превращается в комедию с следующими действующими лицами: колобок, дед, баба, зайчик, волк, медведь, лиса. Раздаются роли, и начинается драматическое представление к всеобщему восторгу детей. На другой день дети обмениваются ролями. Такие упражнения настолько увлекают детей, что они посвящают им по собственной охоте большую часть рекреационного времени. Поселяне приглашают юную толпу из дома в дом, тешатся игрой детей и поощряют их пряниками и орехами» (стр. 32—33). Корф вспоминал, как он ещё в 1867 г., прибыв во Времьевскую школу и «желая потешить учеников, предложил им прочесть хорошенькую сказочку из «Родного слова», которое ими тогда только что было взято в руки. Дети отвечали: «Уж не про козлика ли?» — А разве вы знаете? — Оказывается, что многие в те обеденные часы, на которые прекращается ученье, отыскали сказку про козлика и не только читали её, но уже знали наизусть. Мирошниченко умеет петь эту сказку, и он пропел её при всех». Оказалось таким образом, что доступная для детей книга

развязывает их способности и силы, привязывает их к школе. И в то время как в немецких школах (Екатеринославского уезда) «дети лет 14 не только не смеют рта открыть, когда их о чём-нибудь спрашивают, но, вместо ответа, плачут» и рады бежать из школы, в русских школах, в которых начали обучать по «Родному слову», детей нельзя оторвать от школы: «По грязи и в метель дети бредут $1^1/_2$ версты в школу. Что же манит их? Только то, что в школе весело, что там их ласкают, что там есть товарищи, которые вместе с учителями образуют одну дружную семью. А крестьяне недоуменно спрашивают: — «скажите, что поделали вы с нашими хлопцами? Бывало, и не загонишь их в школу, а теперь и из школы не выгонишь!»

Как конкретно организованы были Корфом занятия по «Родному слову» в школах Екатеринославского уезда? Корф считал, что необходимо разнообразить занятия, разбивая курс школы, данный в «Родном слове», на ряд специальных упражнений, которые затем и планируются в особом расписании как особые «предметы». В числе школьных предметов в расписании Корфа значились — звуковые упражнения, игра в буквы, сочинение слов, диктовка, русское чтение, скоропись, чистописание, логические упражнения, наглядное обучение, мироведение, арифметика и т. п. Каждое упражнение практиковалось, пока оно не давало требуемого результата. Исключительно большое значение для развития детей имели наглядное обучение и логические упражнения. Значение это естественно вытекало из необыкновенно тесного кругозора детей, поступавших в школу, и из их неподготовленности к школьному и систематическому обучению. «Мне случилось, рассказывает Корф, в Времьевской школе из 34 учеников, большинство которых старше 10 лет, спросить, что больше — сажень или аршин? И только два ученика могли мне ответить на это и то не сказали, сколько аршин в сажени. В Майорской школе спросил я ученика лет 13, ещё не проходившего упражнений «Родного слова»: «откуда берётся железо?» Он отвечал мне на это, что оно с неба падает. Во всех учебных заведениях — мужских и женских — г. Мариуполя ни один ученик и ни одна ученица не знали, что такое *репа*. В среднем отделении Мариупольского приходского училища никому из русских учеников не было известно слово «пóчка» (древесная). Поступая в школу, ученик слышит от отца, что в школе «учат», т. е. зубрят, и отец толкует ему, чтобы он лучше учил, т. е. зубрил,— тогда будет умный. Поступая с таким понятием о занятиях в школу, ученик на первое время решительно отказывается думать и силится лишь работать памятью» (Отчёт, 1868 г., стр. 85—86).

Занятия логическими упражнениями тесно связывались с наглядным обучением: одно без другого немыслимо, и выполнение именно этих занятий, по замыслу Ушинского, должно было вести к развитию умственных сил ребёнка. Получая в книге

«Родное слово», а также на наглядных уроках ряд конкретных представлений, он приучался в процессе беседы анализировать и обобщать их, вводя таким образом полученный материал в обиход своего мышления. Посещая школы, Корф всегда следил за тем, как ведутся упражнения по «Родному слову» и какие результаты они дают. Вот несколько выдержек из его отчётов. В 1868 г. «в средине октября из 31 ученика 28 были совершенно неграмотны, а 9 февраля все без изъятия читали без складов и писали под диктовку. Из упражнений «Родного слова» Ушинского были пройдены всем классом 15 уроков, и дети, совершенно усвоив себе дело, безошибочно распределяли по разрядам предметы, которые им называли. Я видел перед собой детей весёлых, которые рвались не из школы, как бывало, а в школу» (стр. 13). Александровская школа Гнедина: «старшим отделением пройдены упражнения всей 1-й части «Родного слова» Ушинского, и ответы всех 12 учеников по этому предмету были так хороши, что трудно было отличить лучших от хороших. Упражнения «Родного слова» не заучены в Александровке, но настолько усвоены детьми, что польза от них останется им на всю жизнь» (стр. 2). Мангушская греческая школа: «Учитель о. Ананий. За зиму прочитаны учениками обе части «Родного слова» Ушинского, но как прочитаны? Каждый из учеников мог объяснить мне любое слово, встречающееся в обеих частях. При чтении «Истории одной яблоньки» я спросил ученика, что такое почка? видел ли он где-нибудь почку? Ученик указал мне на почку, нарисованную в его книге. Затем, когда он читал о том, что яблоньку посадили в «школу», я спросил другого ученика: «О какой школе тут идёт речь?» Ученик отвечал, что школой называется такая часть сада, в которой сажают молодые деревья, и на вопрос мой, чем она похожа на Мангушскую школу, сказал весьма ломаной речью, что там и здесь воспитываются молодые существа» (стр. 31).

Совершенно понятно, что развивающие упражнения «Родного слова» могли заучиваться и механически. Эту опасность предвидел Корф и вместе с своими сотрудниками придумывал задачи, которые бы наталкивали учащихся на более или менее напряжённую работу мысли и предотвращали возможность механического заучивания. Так, прежде всего рекомендовалось при прохождении «Родного слова» употреблять наглядные атласы и таблицы. В особенности рекомендовал Корф атлас Шрейбера «Картины для наглядного обучения». В этом атласе сгруппированы по заказу те именно предметы, которые изучаются в «Родном слове». При производстве экзаменов и испытаний в школах Корф требовал — «не забывать никогда удостовериться в том, известны ли детям все предметы и животные, изображённые в книгах с картинками. При таком прекрасном атласе 1-я часть «Родного слова» составит полную детскую энциклопедию, собрание таких сведений и приёмов, которые разовьют дитя» (стр. 163). Если почему-либо нельзя было пользо-

ваться атласом, Корф рекомендовал пользоваться рисунками: «в греческой школе замечательный её учитель, о. Ананий, рисовал мелом на доске почти все предметы, которые встречаются в упражнениях «Родного слова» и в нём самом не изображены; несомненно, что от такого наглядного обучения возможно ожидать лишь самых лучших результатов, что и доказала Мангушская школа при испытании учеников её» (стр. 162).

Для избежания механических извращений при работе по «Родному слову», которые не всегда могли быть предотвращены наглядным обучением, Корф придумал ряд специальных дополнительных упражнений, которые могли держать мысль ребенка в постоянном напряжении и устраняли бы возможность механизации. Сам Корф так писал об этом: «если бы задумали заучивать предметы, перечисленные на уроках «Родного слова», то вместо пользы вышел бы только вред: такое заучиванье старался я предупредить по мере сил. Прямой зубристики упражнений не встретил я нигде, кроме испытаний... Не следует двигаться слишком быстро. Собственный опыт говорит мне, что нужно постоянно повторять с учениками *всё, пройденное* из упражнений «Родного слова», но вопрос в том, *как* повторять. Если довольствоваться только тем, чтобы ученик умел распределить по разрядам именно только те предметы, которые названы в его книге, а не *всевозможные* предметы, однородные с этим, то цель упражнений вовсе не будет достигнута. Уроки Ушинского должны *развивать*; следовательно, все усилия учителя должны быть устремлены на то, чтобы возбудить мысль дитяти; таким образом, следовало бы учителям предлагать и вопросы при повторении. Ровно ни к чему не повело бы, если, бы, например, учитель, повторяя упражнения «Родного слова», сказал ученику: «назови мне посуду, назови мне животных плотоядных, назови драгоценные металлы». Ограничиваться подобными вопросами значит упражнять только память, а учитель должен действовать на мышление... Желая облегчить труд учителей, предлагаю при сем составленные мною образцы вопросов для повторения пройденных уроков «Родного слова». Эти вопросы разделяются на две категории: а) аналитически называют предмет и предоставляют дитяти определить признаки его и б) синтетически перечисляют признаки, не называя предмета, и предоставляют мышлению дитяти воссоздать предмет по его признакам: последняя категория вопросов необыкновенно тешила детей, когда я предлагал их, предваряя о том, что задам загадку. Судя по тому приёму, который сделан детьми вопросам обеих моих категорий, позволяю себе надеяться на то, что в руках учителя они были бы у места».

Как видно из переписки, Ушинский с огромным вниманием относился к этим попыткам творческой работы над «Родным словом» и его упражнениями, делал свои замечания и готовился к тому, чтобы поделиться в печати своими впечатлениями от работы школ Корфа. Впечатления эти он так и не успел обработать вследствие своей всё прогрессировавшей болезни.

Ниже прилагаются две упомянутые выше таблицы вопросов, разработанные Корфом; они характерны как приём борьбы с механизацией учебных занятий, так легко свивающей себе место в любой школе, раз только борьба с этой тенденцией не интересует учителя.

Образцы вопросов для повторения упражнений 1-й части «Родного слова» Ушинского, после того как пройдена вся 1-я часть или только несколько уроков её.

(Для двух *младших* классов).

Примечание. Нижеследующая беседа ведена с учениками степной местности. Учитель непременно должен приноровлять подобные беседы к быту своих учеников, явлениям, господствующим в данной местности, для того, чтобы эти беседы получали преимущественно *местный* характер, так как начальное обучение должно начинать с ближайшего. Отнюдь не излишне, но совершенно необходимо беседовать с учениками о таких предметах, которые они *ежедневно* имеют перед глазами. Крайне ошибочно было бы думать, что ребенок *всматривается* в то, что его окружает. Назначение школы вообще и наглядного обучения в особенности в том и состоит, чтобы приучить ученика *останавливать своё внимание* на тех предметах, по которым взор его до тех пор скользил без всякой мысли.

№ 1.

Для нижеследующей беседы преподавателя с учениками предполагается, что пройдены упражнения всей 1-й части «Родного слова». Если пройдено только несколько уроков, то вопросы, подобные нижеследующим, касаются только тех предметов, с которыми ознакомились ученики из пройденных уроков или однородных с ними.

В. Что на тебе надето? *О.* Кожух. *В.* Что такое кожух? *О.* Платье. *В.* Из чего он сделан? *О.* Из овечьей шкуры. *В.* Что такое овечья шкура? *О.* Часть овцы. *В.* Что такое овца? *О.* Животное домашнее, четвероногое, травоядное. *В.* Почему ты называешь её животным домашним? *О.* Потому, что она живет дома. *В.* Овца живёт не дома, а в степи почти целый год; почему же её называют животным *домашним*? *О.* Овца зимою дома, овца — ручная, овцу человек воспитывает, потому что она ему пользу приносит. *В.* Почему называешь ты овцу животным четвероногим? *О.* Потому, что у неё четыре ноги. *В.* Если бы овца сломала себе одну ногу, или ей бы одну ногу отрубили, то сколько бы у неё было ног? *О.* Три. *В.* Как бы ты в таком случае назвал овцу по числу ног? *О.* Животным четвероногим. *В.* У овцы ведь было бы только три ноги, а не четыре? *О.* Она рождается с четырьмя ногами и потому

называется животным четвероногим. *В.* Почему называешь ты овцу животным травоядным? *О.* Потому что она ест траву. *В.* Разве она не ест цветов, не ест соломы, не ест зерна? *О.* Овцу мы называем травоядною потому, что она питается различными растениями, а всего больше травой. *В.* Вернёмся к твоему кожуху, с которого мы начали: скажи мне, что нужно человеку для того, чтобы он снял с овцы шкуру и сшил себе кожух? *О.* Ему нужны нож и иголка. *В.* Что такое нож и игла? *О.* Это орудия. *В.* Назови мне какие-нибудь орудия? *О.* Борона, плуг, молоток, шило, рубанок, ножницы и проч. *В.* Какие предметы ты называешь орудиями? *О.* Те, которыми человек что-нибудь работает. *В.* Из чего делаются те орудия, которые нужны, как ты говоришь, для того, чтобы был у тебя кожух? *О.* Из железа и стали. *В.* Что такое сталь и железо? *О.* Простые металлы. *В.* Не знаешь ли ты, какая разница между ними? *О.* Железо гнётся и ломается, а сталь, если гнуть, то она выпрямится, а сильно погнуть, так сломается. *В.* Не знаешь ли ты какого-нибудь орудия, сделанного из одного дерева? *О.* Грабли. *В.* А нужны грабли тому, у кого есть овца? *О.* Да, для того, чтобы грести сено, которым овцу кормят. *В.* Сено же что такое? *О.* Засушенная трава. *В.* Разве из одной травы состоит сено? *О.* Нет, там есть и цветы. *В.* Какие? *О.* Полевые и лесные, а не садовые. *В.* Ты говорил о траве: что такое трава? *О.* Растение. *В.* Когда овца питается травою, а когда сеном? *О.* Летом овца питается на траве, а зимою ей дают сено. *В.* Что такое лето и зима? *О.* Это части года — времена года. *В.* Когда начинается зима, и когда лето? *О.* Зима начинается месяцем декабрём, а лето—июнем. *В.* Что такое декабрь и июнь? *О.* Части времен года. *В.* Какого корму дашь ты овце зимою, если у тебя нет сена, или если его мало? *О.* Я дам соломы. *В.* Что такое солома? *О.* Часть хлебного растения. *В.* Не назовёшь ли ты мне других частей того растения, одна часть которого может называться соломой? *О.* Корень, стебель— если его засушить, то будет солома,— и колос с зерном. *В.* Где ты держишь овцу зимою? *О.* В хлеве.*В.* Что такое хлев? *О.* Здание. *В.* Назови мне части его? *О.* Крыша, стены, фундамент. *В.* Из чего сделан хлев? *О.* Из дерева. *В.* Не знаешь ли таких предметов, которые гораздо больше хлева, а так же, как и хлев, сделаны их дерева, но зданиями не называются? *О.* Знаю: это — суда, корабли, барки. *В.* Из какого дерева строят здания? *О.* Из сосны, ели, березы. *В.* Что такое сосна, ель, берёза? *О.* Это— простое дерево, не плодовое. *В.* Теперь я знаю, где бывает твоя овца зимою; ты мне скажи, где находится твой кожух, с которого мы и речь завели, летом? *О.* Он лежит в сундуке. *В.* Что такое сундук? *О.* Мебель.*В.* Из чего делаются корыта, чтобы поить овец? *О.* Из камня, а чаще из дерева. *В.*Что такое корыто? *О.* Посуда. *В.*Когда обыкновенно поят овцу? *О.* Вечером. *В.* Что такое вечер? *О.* Часть суток. *В.* Опять вернёмся к кожуху, с которого мы начали; тебе нужна кожа с шерстью для того, чтобы сделать кожух; а что ты мог бы сделать из одной кожи, если бы

ты остриг с неё шерсть? *О*. Я бы сделал из неё сапоги. *В*. Положим, хоть сапоги и были бы не прочные; а что такое сапоги? *О*. Обувь. *В*. Не назовёшь ли ты ещё такой вещи, для производства которой бывает нужна овечья кожа? *О*. На переплёте книги есть овечья кожа. *В*. Хорошо. Что сделано из одной овечьей шерсти? Не из шерсти ли твоя рубаха? *О*. Нет, она — из холста, а холст — из ниток, а нитки — изо льна. Из одной шерсти люди делают сукно, а из сукна свиты. *В*. Что такое рубаха и что такое свитка? *О*. Рубаха — бельё, а свитка — платье. *В*. Какая шерсть крепче: с палой овцы или с живой? *О*. Последняя лучше. *В*. Если овца пропадёт, то может ли человек иметь от неё хоть какую-нибудь пользу? *О*. Он шкуру снимает, а мясом овцы накормит собак. *В*. Что такое собака? *О*. Животное домашнее, четвероногое, плотоядное. *В*. Почему называешь ты собаку плотоядным животным? *О*. Потому, что она ест мясо. *В*. Собака — животное плотоядное, но домашнее; не знаешь ли ты такого дикого животного, которое можно назвать плотоядным? *О*. Хорь. *В*. Кого же он ест? *О*. Куриц. *В*. Что такое курица? *О*. Домашняя птица. *В*. Если мясо палой овцы не отдавать собакам, а забросить в степь, так, чтобы его собаки не нашли, то что с ним будет? *О*. Оно будет гнить, и его будут есть орлы, кобчики. *В*. Какие это птицы — орлы, кобчики? *О*. Их называют хищными: это дикие птицы. *В*. Соловей ведь также дикая птица: значит, соловей такая же птица, как и орёл и кобчик? *О*. Нет, соловей птица — дикая, певчая, но не хищная, потому что он не ест других птиц. *В*. Не знаешь ли ты животных, которые несравненно меньше птиц и также будут собираться над мясом палой овцы? *О*. По палой овце летом будут лазить мухи. *В*. Что такое муха? *О*. Это —насекомое. *В*. Если же овца не пропадёт, а её зарежут, что от неё употребляется в пищу человеком? *О*. Туловище и часть ног. *В*. Назови части туловища. *О*. Спина, грудь, живот. *В*. Что же ты приготовишь из мяса овцы? *О*. Жаркое и борщ. *В*. Что такое жаркое и борщ? *О*. Кушанья. *В*. Что тебе нужно на борщ? *О*. Бураков и квасу. *В*. Что такое бураки? *О*. Огородное растение. *В*. А квас, что это такое? *О*. Напиток. *В*. Ты говоришь, что из частей овцы ты можешь сделать кожух и свиту: не знаешь ли ты, что стоит то и другое? *О*. Кожухи и свитки есть рублей на 8. *В*. Что такое рубль? *О*. Серебряная монета. *В*. Дай мне рубль медной монетой! *О*. Надобно взять много пятаков. *В*. Какие есть ещё монеты? *О*. Золотые и платиновые. *В*. Что такое серебро, золото и платина? *О*. Это — драгоценные металлы. *В*. Почему же ты называешь их *драгоценными*? *О*. Потому что их дорого ценят за то, что они красивы, за то, что их мало и что они не ржавеют от сырости. *В*. Чем отличается медь от золота? *О*. Медь другого цвета, чем золото. *В*. Чем же ты узнаешь цвет? *О*. Зрением. *В*. Что такое зрение? *О*. Одно из пяти чувств человека. *В*. Если бы связал много кожухов в узел и имел бы их в хате для того, чтобы на них сидеть, то в таком случае чем были бы кожухи? *О*. Это было бы платье, которое служило мебелью. *В*. Если бы ты рогом овцы

вертел дыру, чем был бы рог? *О.* В этом случае часть животного — рог — служила бы орудием. *В.* Если бы ты в овечьей шкуре сохранял воду и пил из неё, чем бы была тогда овечья шкура? *О.* Она была бы в этом случае посудой. *В.* Если бы ты овцу бросил в степи, там, где зимой и летом тепло и где волки её не съели бы, что из неё вышло бы? *О.* Она сделалась бы диким животным, отвыкла бы от человека, боялась бы его. *В.* Если бы ты поймал в степи дикого верблюда и приручил его, каким животным считал бы ты тогда верблюда? *О.* В таком случае верблюд из дикого животного сделался бы домашним, и проч., и проч.

Лица, знакомые с книгой *Ушинского*, заметят, что в вышеприложенном упражнении мною избраны преимущественно такие предметы, которые в этой книге *не названы*. Такую систему вопросов я считаю весьма полезною, так как ученики для того, чтобы отвечать на вышеуказанные вопросы, или подобные им, должны *по соображению* относить предметы к тому или другому разряду. Только в том случае, если ученики могут отвечать на вышесказанные вопросы, а не ограничиваются распределением по разрядам тех именно предметов, которые *перечислены* в книге, можно сказать, что учениками поняты упражнения «Родного слова». Само собой разумеется, что нет надобности в том, чтобы держаться приведённого нами образца буквально: подобные вопросы и беседы можно разнообразить до бесконечности. Понятно, при этом, что такое *разнообразие* вопросов и такое перескакивание от одного предмета к другому полезно только *при повторении* вполне усвоенного отдела «упражнений, а не при выяснении детям ещё не пройденных ими упражнений «Родного слова».

№ 2.

До сих пор при вопросах учителя, подобных вышеприведённым, мыслительная работа ученика состояла исключительно в приискании признаков и характеристических особенностей тех предметов, *которые ему называли*. В нижеследующих вопросах совершается работа, прямо противоположная первой: *предмета не называют*, указывают только признаки его и по ним сам ученик называет тот предмет, которому могут принадлежать признаки, перечисляемые учителем. После каждого вопроса мы приводим и ответ, который должен последовать от ученика, если только он *понял* пройденные им упражнения «Родного слова». Само собою разумеется, что мы приводим 50 вопросов только в виде примеров; таких вопросов можно и должно придумывать сотни, если не тысячи. Ученики называют подобные вопросы «загадками» и с особенным наслаждением занимаются такими упражнениями.

1. Что ты мне подашь, если я попрошу у тебя учебную вещь из стекла или глины, которая могла бы служить посудой? — *Чернильницу.*

2. Как ты назовёшь вещь, сделанную из простого дерева и железа, или стали, без которой не может обойтись огородник, чтобы приготовлять землю под посев? — *Орудие: заступ.*

3. Как ты назовёшь вещь, сделанную из дерева и кожи, без которой нельзя запрячь лошадь в оглобли или дышло? — *Сбруя: хомут.*

4. Дай мне чугунную вещь, в которую я мог бы налить квасу.— *Посуда: котёл.*

5. Из части овцы ножом и иглою сделай мне такую вещь, которая предохраняла бы меня от холода. — *Платье: кожух.*

6. Из части четвероногого, травоядного животного приготовь мне такую вещь, чтобы я мог стоять в ней в воде и не промочить ног? — *Обувь: сапоги.*

7. Из части растения сделай мне такое платье, в котором крестьянин ходит летом. *Бельё: рубаха.*

8. Дай мне такого напитка, который ты получишь готовым от животного четвероногого, травоядного, домашнего? —*Молоко.*

9. Возьми огородное растение, напиток и часть животного, без которого не было бы свитки, свари всё это: что выйдет? — *Кушанье: борщ из бураков, с мясом овцы — бараниной.*

10. Что ты сделаешь полезного для человека из кирпича, извести, глины, дерева и соломы? — *Здание.*

11. Что ты выстроишь из дерева без кирпича, глины и извести? — *Судно.*

12. Я видел в воздухе животное, которое во рту держало ягнёнка: кого я видел? — *Хищную птицу — орла.*

13. Я встретил птицу, у которой взял учебную вещь. — *Домашняя птица — гусь, учебная вещь — перо.*

14. Какая птица прилетает весною, на зиму улетает и питается преимущественно гусеницами? — *Певчая птица — скворец.*

15. В погребе живёт домашнее животное, четвероногое, плотоядное. О ком я говорю? — *Кошка.*

16. В погребе и амбаре живёт дикое четвероногое, всеядное животное. О ком я говорю? — *Мышь.*

17. В лесах живёт четвероногое, плотоядное, дикое животное, которого боятся не только животные, но и люди: назови его.— *Волк.*

18. Назови то четвероногое, плотоядное, дикое животное, которое живёт в норах и у нас водится.— *Лисица, хорь.*

19. Назови то четвероногое, травоядное, дикое животное, которое живёт в норах и у нас водится.— *Овражек* (суслик).

20. Повару нужно четвероногое, травоядное, дикое животное, которое не бегает, а скачет.— *Заяц.*

21. Запряги четвероногое, травоядное, домашнее животное в дышло, но без хомута: что это за животное? — *Вол.*

22. Не знаешь ли, как назвать четвероногое, травоядное, домашнее животное с бородой? — *Козёл.*

23. Видел ли ты животное, которое бывает домашним и диким? Оно четвероногое, травоядное; у него горб на спине.— *Верблюд.*

24. Назови мне животное четвероногое, плотоядное, дикое, которое очень любит мёд.— *Медведь.*

25. Не помнишь ли ты, как зовут то четвероногое, плотоядное, дикое животное с гривой, которое ты видел только на картине, а у нас жить ему холодно?— *Лев.*

26. Ко мне в комнату забралось животное четвероногое, которое ходить не может, а только прыгает: оно охотнее живёт в воде и громко кричит.— *Гад: лягушка.*

27. Летит по воздуху животное без перьев, но с крыльями: о ком я говорю? — Насекомые: *муха, комар, пчела* и проч.

28. При начале весны и осени обе части суток равны: о чём я говорю? — *День и ночь — части суток.*

29. Знаешь ли ты животное без ног, которое, однако, быстро передвигается с места на место? — *Гады: змеи.*

30. Когда был снег, я ездил на санях; настало разлитие — я поехал на лодке; настала пыль — я запряг лошадей; стали опадать листья, настала грязь — я поехал на волах.— *Времена года.*

31. Я взял орудие, стал им рубить растения, растения я высушил и, не молотивши и не разделяя их на части, дал есть волу. — *Косой скошена трава и сено дано волу.*

32. У меня есть вещь жёлтая, блестящая: она тяжёлая, хотя и небольшая, и в воде не испортится, — даже не поржавеет: из чего она сделана? — *Драгоценный металл — золото.*

33. Мне нужен кусок такого металла, чтобы гнулся под тяжестью и выпрямлялся, если тяжесть с него снять; какого мне взять металла? — *Простой металл — сталь.*

34. Из одного и того же корня растут несколько стволов, которые не годятся ни в корм, ни на постройку, а пользу приносят: о чём я говорю? — *Кусты.*

35. Какая часть хлебного растения тебе нужна для того, чтобы испечь пасху? — *Зерно пшеницы.*

36. Без части каких растений нельзя обойтись, чтобы сварить что-нибудь для постного обеда? — *Зёрна льна, сурепы, конопли, подсолнечника,* из которых приготовляется масло.

37. Какие плодовые деревья, тебе известные, называются тем же именем, как и плоды их? — *Груша, слива, вишня.*

38. Какая часть твоей головы служит орудием для обоняния? — *Нос.*

39. Кусок белого металла, который я могу променять во всякой лавке на какую-нибудь вещь: что это такое? — *Серебряная монета.*

40. Вот уже третий весенний месяц, а мы только что начали сеять; о какой части года идёт речь? — *Май.*

41. Я продаю муку на мешки, и за мешок, какой бы он ни был величины, мне дают всегда одну и ту же цену. Вы-

годно ли так продавать муку и как продавать её иначе? — *Меры тяжести.*

42. Как мне узнать, что больше: наша школа или наша волость? — *Меры длины.*

43. Как мне узнать, когда мы дольше учились: вчера или сегодня — и на сколько? — *Меры времени.*

44. Какою частью тела везут тяжести лошадь и вол? — *Грудь и холка.*

45. Какого из известных тебе металлов можешь ты налить в бутылку, не расплавляя его? — *Ртуть.*

46. Какими чувствами узнаёшь ты, что медный гвоздь жёлтый, что если его уронить, то он звенит, что он имеет запах и что он острый на конце? — *Зрение, слух, обоняние, осязание.*

47. Дай мне земли, которая могла бы мне пригодиться в школе.— *Мел.*

48. Назови мне те растения, которых корень употребляется в пищу человеком, а стебель выбрасывается. Назови те растения, которых корень в пищу не идёт, а только стебель. Назови растения, только семена которых может есть человек. (Не следует требовать указания многочисленных примеров.) — *Картофель, морковь, капуста, лук, бурак, горох, бобы.*

49. Назови тех животных, мясо которых идёт в пищу человеку, а шкура — на платье или обувь. Назови животных, мясо которых ест человек, а из шкуры которых он не делает ни платья, ни обуви. Назови животных, мясо которых человек не ест, а шкуру употребляет на одежду.— *Заяц, вол, овца, свинья, волк, лисица.*

50. Назови мне несколько таких животных, которых мы едим с кожей, и таких, которых мы едим без кожи.— *Птица, вол, овца, заяц.* Назови мне животное четвероногое, которое человек ест с кожей.— *Поросёнок.*

РЕЦЕНЗИИ И ДРУГИЕ ОТЗЫВЫ НА «РОДНОЕ СЛОВО» К. Д. УШИНСКОГО.

Появление книги Ушинского «Родное слово» вызвало многочисленные рецензии и другие отзывы печати, свидетельствовавшие о быстро формировавшемся общественном педагогическом мнении вокруг этой книги, составившей эпоху в русской педагогической литературе и безраздельно царившей в ней больше полустолетия, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Однакоже книга Ушинского, означавшая большой шаг вперёд, проделанный русской педагогикой на пути от феодальной, церковной школы к школе светской, буржуазной, вызвала и ожесточенное сопротивление со стороны реакционных педагогов, которое по условиям времени смогло оформиться и вылиться в определённый протест против книги Ушинского только постепенно. Соответственно этому в характере рецензий и отзывов о книге Ушинского можно отметить ряд периодов или этапов, означавших более или менее резкое изменение отношения к «Родному слову»:

в *первый* период (с 1864 по 1885 г.), обнимающий первые 20 лет после выхода книги в свет, преобладали положительные отзывы о книге, исподволь чередующиеся с отрицательными, которые, постепенно нарастая, выросли к началу 80-х годов в определённую кампанию против «Родного слова»;

во *второй* период (с 1885 по 1900 г.), обнимающий следующие 15 лет, оформившееся в реакционных кругах отрицательное отношение к книге Ушинского выразилось в запрещении употребления 1-й части этой книги в начальных школах, причём внутри Министерства просвещения всё это время шла негласная борьба между противниками и защитниками книги Ушинского, закончившаяся отменой первоначального запрещения;

третий период (с 1900 по 1917 г.), когда книга вновь допущена официально к употреблению в школах, но количество рецензий и отзывов о ней резко сокращается, так как книга

является общепризнанной и в новых рекомендациях не нуждающейся;

четвёртый период (с 1917 г.), с начала Великой Октябрьской социалистической революции: книга Ушинского как произведение отжившей эпохи не могла быть принята в непосредственное употребление в школах, однакоже по мере того, как с ростом и укреплением советской школы учительство СССР начало изучать опыт передовых педагогов прошлого, внимание к «Родному слову» как учебной книге большого методического значения стало вновь возрастать.

Наиболее богатыми и поучительными по своему содержанию, как само собою понятно, являются первые два периода, на протяжении которых книга Ушинского была исчерпывающе проанализирована с точки зрения боровшихся вокруг неё направлений — прогрессивного и реакционного.

I.

1. *Н. Х. Вессель*, и. о. члена Учёного комитета Министерства народного просвещения. «Мнение о составленном г. Ушинским руководстве под заглавием «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих». Мнение Весселя, известного педагога 60—70-х годов, является первым официальным отзывом о книге Ушинского, принятым Учёным комитетом. Установив, что «до сих пор в нашей педагогической литературе не было руководства, в котором бы просто и ясно было изложено, в чём состоит первоначальное обучение и с чего и как должно начинать учить ребенка, и которое, вместе с тем, представляло бы последовательный учебник первоначального обучения»,— Вессель затем подробно охарактеризовал содержание «Родного слова» и в заключение сделал следующий вывод, принятый Учёным комитетом: «Родное слово» Ушинского, представляя труд вполне самостоятельный, может служить хорошим дидактическим руководством для наших народных учителей. Первоначальное обучение подвинулось бы у нас значительно вперёд, если бы молодые люди, готовящиеся в народные учителя в существующих у нас педагогических курсах, ознакомились с этим руководством в такой степени, что могли бы потом преподавать в училищах по учебнику «Родное слово», которого вышло ещё только две книжки, доставляющие материал для обучения родному языку в продолжение первых двух лет». Учёный комитет постановил: «вполне согласиться с заключением г. Весселя и представить оное на благоусмотрение г. министра народного просвещения» (Центральный Гос. Историч. Архив в Ленинграде, фонд № 734, Учёный комитет МНП, опись 1, дело № 1, журналы заседаний 1863—1864 г., стр. 1126—1132).

2. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих (Русский инвалид, 1864 г., № 276). Рецензия анонимная. «Мы скажем мало в пользу этой прекрасной азбуки, писал автор,

если сравним её с существующими у нас топорными изделиями подобного рода, прикрытыми красивыми переплётами и роскошными картинками. У кого есть дети, тот смело может не адресоваться ни к одной другой азбуке. Это именно *родное* слово: с первых же страниц ребёнок начинает знакомиться и по тексту и по очень миленьким картинкам со всем, что близко ему, что дорого ему, а стало быть с тем, что интересует его. Не приторные сентенции, не изречения мудрецов встретит ребёнок на страницах первой книжки, которую дают ему в руки, а всё то, что с колыбели интересовало его, что говорили ему перед сном добрая няня и мать, чем она убаюкивала его, чем развлекала и утешала. Чем больше страниц ребенок перевернёт, тем больше он узнает и опять-таки — всего ему близкого. Постепенность соблюдена везде с замечательным тактом. К этим двум книжечкам Ушинский написал наставление, как учить детей по его азбуке. Нам, впрочем, кажется, что и без наставления азбука говорит сама за себя».

3. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих» (Голос, 1864 г., № 312). Анонимная рецензия занимает в газете большой подвал. Она принадлежит Л. Н. Модзалевскому, поместившему её в список принадлежащих ему произведений (см. «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен», ч. 2, СПб., 1899 г., стр. 599). Изложив в подробностях содержание обеих книг Ушинского и отметив некоторые технические недочёты в печатании книги, автор даёт положительную оценку труду в целом. «За большой выбор загадок, пословиц, песен и сказок нельзя не поблагодарить автора, и мы из опыта знаем, как приятно и полезно для русских детей знакомство с произведениями народного творчества». Как на существенный промах книги автор рецензии указывает на то, что составитель «забыл о вырезных подвижных буквах» и что «некоторые рисунки вначале сделаны чересчур мелкими». Вообще же, заключает рецензент, «труд Ушинского есть наиболее удачный и наиболее самостоятельный из всех бывших до сих пор в нашей литературе азбук. Замечательно, что в первой книжке для самых маленьких детей автор сумел избежать придаточных предложений, причастий, деепричастий, непонимаемых и неупотребляемых детьми. Мы ждём появления остальных двух выпусков «Родного слова», обещанных г. Ушинским».

4. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово». Книга для учащих (Книжный вестник, 1865 г., № 1). Публикация об азбуке и книгах «Родного слова», г. 1-й и 2-й, была сделана в журнале за 1864 г. № 1421, 1422 и 1546. Характеризуя содержание «Родного слова» для детей, анонимный автор рецензии отмечал, что в этой книге «есть всё, что нужно для детей 7—8-летнего возраста, и притом всё это изложено в строго педагогической системе. Автор обнаруживает основательное знакомство с современной педагогикой и с западными школами. Воспользовавшись всем, что было пригодно для него из детской литературы на Западе, автор в то же время сумел остаться оригинальным, так что его

книжка вводит детей как в общечеловеческую, так и в народную русскую жизнь... Автор не гнёт особенно ни на какую исключительную педагогическую систему, не увлекается никакой крайней доктриной, а старается только развить в будущем человеке всё человеческое, выражающееся, кроме того, в формах народности и индивидуальности. Задача учебника — не азбука, не чтение, не письмо, а всестороннее развитие духа, упражнение всех способностей дитяти, возбуждение в нём самодеятельности. Особенно мастерски сумел воспользоваться автор произведениями нашей народной словесности. Язык книжек прост, жив и ясен, не пахнет книжкой; причастий и деепричастий, непонятных детям, даже вовсе нет. «Родное слово» Ушинского, бесспорно, принадлежит к крупным явлениям в нашей литературе и его можно смело рекомендовать вниманию всех, занимающихся воспитанием». Что касается книги для учащих, то рецензент считает её крайне необходимой, как ввиду новизны и оригинальности учебника, так, равным образом, и малоопытности русских учителей и учительниц в деле первоначального преподавания, а в особенности матерей. «Учебник, снабжённый такой полной методикой, не собьёт с толку учащих, как это часто у нас бывает, но поведёт их прямо на верную дорогу».

5. *Е. Э-н*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих (Библиотека для чтения, 1865 г., № 2, янв., кн. 2-я). Рецензия исключительно обширна (11 стр. убористого мелкого шрифта) и в значительной своей части посвящена изложению педагогических идей автора книги. Оценивая труд автора, рецензент пишет, что изданные Ушинским две книжки «Родного слово», равно как и ранее изданные им книги «Детский мир», «выходят решительно из ряда вон в нашей литературе. Это уже не жалкая книгопродавческая спекуляция, рассчитывающая на нашу крайнюю нужду в детских книгах и потому поневоле делающая родителей совсем неразборчивыми в их выборе; это не жалкие также переделки или подделки под иностранные нравоучительные книжки, иногда даже более развращающие, нежели воспитывающие детей. Наконец, это не пошлая рутина, искони по одному образцу составляющая свои азбуки с бессмысленными и уродливыми виньетками под каждой буквой и кое-какими прибавлениями «от божественного и нравоучительного». Г. Ушинский, уже хорошо известный своими практическими занятиями по педагогике, очевидно, обладает, кроме того, обширным литературным образованием по своему предмету и прямым знакомством со всеми новыми приёмами европейской педагогики. С такими богатыми данными почтенный автор решил принять на себя скромную роль составителя книжек для первоначального обучения, роль, которую до сих пор литература наша предоставляла тёмным, безызвестным личностям»... Книга Ушинского — это «первая у нас попытка создать на основании выработанных уже и оказавшихся полезными на практике различных педагогических методов руководство к систематическому рациональному первона-

чальному обучению русских детей... Мы не берёмся, пишет рецензент, решить, в какой степени изданные ныне Ушинским книжки пригодны для первоначального обучения в школах вообще и в особенности в школах народных, но мы смело рекомендуем их тем матерям семейств, которые сами посвящают себя первоначальному обучению своих детей. Таким матерям книга для учащих послужит прямым и дельным ответом на многие вопросы по делу воспитания, а две книжки для детей младшего возраста дадут обильный материал для употребления при их уроках с детьми». Изложив затем основы начального обучения по книжке Ушинского, автор заканчивает: «общие теоретические основания метода Ушинского мы считаем безукоризненными вполне... Труд Ушинского есть во всяком случае труд дельный и почтенный, труд, резко выдающийся из всей нашей литературы для детей».

6. *О. Миллер*, «Народное направление в преподавании и изучении отечественного языка», «Родное слово» К. Ушинского (День, 1865 г., № 25). В своей обширной рецензии автор хочет отметить «то совершенно новое и самостоятельно проведённое начало, которое заметно в книге Ушинского. Начало это высказывается в употреблении с воспитательной целью таких материалов, как народные пословицы, поговорки, сказки, загадки». Автор подробно выписывает из «Книги для учащих» ту характеристику педагогического значения русского фольклора, какую дал Ушинский, и затем даёт с своей точки зрения оценку употреблению произведений народной словесности в качестве материала для детского чтения. «Посредством раннего знакомства с народным словом ребёнок, усвоив его себе и слюбившись с ним, вступает в нравственное общение с народом... С детства введённый в нравственный мир народа, он не станет смотреть на народ как на tabula rasa или мягкий воск, ему будет дорога народная личность, его идеалом будет развитие в смысле самобытного роста». Приписывая Ушинскому собственные славянофильские воззрения, рецензент пишет: «широкая педагогическая задача, занимающая Ушинского, разумеется, ещё далеко не исчерпана в изданных до сих пор двух первых годах. Он имеет в виду вести своё дело далее в той же постепенности, при помощи того же народного материала. Наконец, мне известно, что, вторично отправляясь прошлой осенью заграницу, он запасся целым списком сборников по народной поэзии всех славянских племён. Из них намеревается он составить как бы общеславянскую хрестоматию (разумеется, с русским переводом), предназначенную уже, конечно, для детей старшего возраста... Он будет вводить юношу в круг общеславянских народных воззрений, он будет прививать его впечатлительному уму те единые для всего славянства идеи, которые сохраняются поэзией народа... Введённый в великий их круг, он будет самостоятельно поверять ими наши скудные, лишённые дыхания жизни исторические учебники. Он получит не школьный, а свой, из собственного знакомства с вековой народной

мыслью вынесенный взгляд на историю как своего народа, так и народов западных». Несомненно, что О. Миллер в значительной степени навязывает Ушинскому свои собственные славянофильские симпатии и мечты, далеко не совпадавшие с теми педагогическими задачами, которые ставил Ушинский, вводя в школьное употребление произведения народной словесности. Но правильно то, что Ушинский в начале 60-х годов действительно вынашивал мысль о литературной хрестоматии для средней школы, и в его рукописях сохранилось много планов такой хрестоматии, не получивших, однакоже, реализации.

7. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих (Журнал для родителей и наставников, 1865 г., № 4). Анонимный автор рецензии, не входя в разбор книги, пишет: «прекрасные труды г. Ушинского знакомы нашим педагогам. И этот новый труд его мы можем рекомендовать тем, для кого он назначен».

8. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и книга для учащих (Учитель, 1865 г., № 18). Анонимный автор даёт обстоятельную рецензию, положительно оценивающую «Родное слово» как учебную книгу для начальной школы. Он пишет, что «эту книгу смело можно назвать одной из лучших в нашей педагогической литературе», что «теперь, когда у нас есть «Родное слово», грамота для детей уже не будет казаться пугалом». Касаясь содержания книги, рецензент отмечает разнообразие, оживлённость и интерес его: «Ушинский не набивал своей книги тем старым хламом, который, бог знает, с каких пор, переходит из одной детской хрестоматии в другую; напротив, он выказал в этом значительную самостоятельность. Очень нетрудно написать книгу для детей, если дело в том, чтобы наполнить её чем бы то ни было; для этого нужно только уметь переписывать... Не так понимал своё дело Ушинский... Рекомендуем «Родное слово» каждому родителю и воспитателю как в высокой степени полезную книгу».

Начиная с 1867 г., проскальзывают в печать выражения недовольства содержанием учебных книг Ушинского и подозрительного отношения к ним, к их светскому характеру, к преобладанию в них лёгких произведений народной словесности. Разумеется, это недовольство имело место и раньше, но в печать не проникало. Педагоги-реакционеры подозрительно относились к выпяченному на первый план светскому содержанию книг Ушинского, так как, таким образом, в учебной книге для народа уже не превалировал религиозный элемент; они боялись в книгах для народа произведений народной словесности, так как в связи с этим обучение оказывалось лёгким и теряло тот характер бессмысленной зубрёжки, какой оно имело раньше; наконец, и новые методы обучения, преследовавшие задачу развития умственных и нравственных сил ребенка, вовсе не гармонировали

с теми целями, какие ставились школе господствующими классами того времени.

9. *Н. П. Завьялов*, О значении и необходимости элементарной хрестоматии (Журнал министерства народного просвещения, 1867 г., № 6). Рассуждая о принципах построения хрестоматии для школ, автор имел всё время в виду приёмы составления учебных книг Ушинского и в конце статьи с раздражением отметил, что «злоупотребление простотой ведёт к тому, что в хрестоматии для детей появляются рассказы до такой степени наивные и невинные (например, «Два козлика», «Брат и сестра» в хрестоматии Ушинского), что даже детям этих детей показались бы они скучными и незанимательными». Вопреки мнению масс родителей и даже детей, автор совершенно очевидно преувеличил серьёзность запросов раннего детского возраста к содержанию книг для чтения.

10. *А. Филонов*, Плоды педагогического озлобления, СПб., 1867 г. Брошюра направлена против учебных книг Ушинского вообще. Основной аргумент автора тот, что книга Ушинского переполнена реальным материалом, религиозному же материалу отведено совершенно незаметное второстепенное место. С этой целью автор и проанализировал «Родное слово», чтобы демонстрировать перед читателями его атеистический характер. «От 1-й до 5-й страницы напечатаны картинки для рисовки по квадратикам. Тут находим — окно, лестницу, дом, весы, верстовой столб, фуражку, стул, серп, дугу и пр., а потом уже чашу и часовню. Церковь нарисована подле часов. Пока дойдёшь до церкви и чаши, надо посмотреть 40, если не более, знаков. А кажется, изобразить крест весьма легко даже для 5-летнего дитяти. Следующая письменная азбука от 5 до 17-й стр. Первый рисунок изображает ос, 2-й — ели, 3-й — иву, 4-й — уши, 5-й — улей, 6-й — няню, 7-й — сани, 8-й — село. При 8-м рисунке стоит подпись «село» и представлена церковь с 4-мя домиками. Слово «церковь» не написано, 9-й рисунок—гуси, 10-й — волы, 11-й—сито, 12-й—телята, 13-й — мыши, 14-й— пила, 15-й — дуга, 16-й — сено, 17-й — цепы, 18-й — цеп, 19-й — цепь, 20-й — зайцы, 22-й — роза, 23-й—рак, 25-й — ухо, 26-й — крыша с трубой, 27-й — ружье, потом — часы, далее — ямщик с кнутом, затем — филин и, наконец, Спаситель. И выходит, что детям, для которых Ушинский назначает «Родное слово», Спаситель должен быть известен после предметов обыденной жизни. И какое изумительное сопоставление рисунков! Стр. 14-я изображает один только рисунок филина, 15 стр. также один только рисунок благославляющего Христа... Читать церковные песни 12-летнему дитяти значит, по-вашему, обращается автор к Ушинскому, профанировать страницы глубокого вдохновения, а что же значит нарисовать ос, улей, сани прежде креста? Что, спрашиваю вас, значит отнести Спасителя на последнюю страницу письменной азбуки?.. Народ, родители вопиют против вашей книги» (стр. 23—24).

11. *П. С. Уварова* (Песковский М. Л., Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц, СПб., 1895 г.) 7 января 1868 г. писала Н. А. Корфу: «Вы превозносите «Родное слово» Ушинского. Позвольте мне не согласиться с вами в этом отношении. Книга эта, весьма наглядно изложенная, не развивает народ в том направлении, которое, мне кажется, желательно ему дать. Доброе сердце, честность и добронамеренность нашего крестьянина скрываются обыкновенно под такой грубой оболочкой, что нужно много мягкости, ясного таланта, чтобы её пробить, а этого-то семени и нет у Ушинского. Его поговорки, прибаутки, сказки очень понятны каждому ребёнку, но они не способны расшевелить его сердце, возбудить его любовь и смягчить его дикие нравы. Нам нужны учебники понятные и развивающие нашу нравственность, располагающие наших детей к любви к ближнему, к природе, ко всему его окружающему». В параллель этому в уставе общества для распространения грамотности и первоначального образования, организованного помещиками средней России (в состав этого общества входила и гр-ня Уварова), об учебниках для начальных школ с явным намёком на Ушинского было сказано: «едва ли следует упоминать о совершенной неуместности в них всякого прибауточного и сказочного тона; с народом следует обращаться честно, искренно, с полным уважением».

12. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й, книга для учащих (Народная школа, 1869 г., № 1). Анонимный автор в первой же книжке нового педагогического журнала горячо рекомендовал читателям прежде всего книжки Ушинского. «Имя г. Ушинского известно нашим народным учителям. Оно знакомо им в особенности по «Родному слову» и пользуется уважением. «Родное слово», вышедшее ныне 5-м изданием, занимает в нашей педагогической литературе почётное место. Уменье дать книге народный характер и соблюсти в то же время педагогические условия составляет лучшую сторону учебника. Другой подобной книги, которая могла бы заменить «Родное слово» Ушинского, мы, сколько нам известно, не имеем. Поэтому нас немало удивляет, что во многих наших народных школах употребляют ещё и другие книги с гораздо меньшим и даже вовсе сомнительным достоинством».

13. «Книги для народной школы и для народа» (Голос, 1869 г., № 328). Анонимный автор фельетона, занявшего два подвала, посвятил свою статью характеристике целого ряда азбук и книг для детей на том основании, что уже образовалась довольно обширная литература для народных школ и для народа и что именно эта литература имеет огромное значение. «Букварь в 2 коп. есть книга чрезвычайно важная... То же можно сказать и о книге для первоначального чтения. Если они набивают головы крестьянских детей каким-нибудь вздором вместо дела, то какая страшная масса времени пропадает в сложности у детей!» В числе книг, подвергнутых рассмотрению, значится и книга «Родное слово» Ушинского. Внимание рецензента сосре-

доточено на явлении, ставшем уже столь привычным в учебной детской литературе,— на использовании для детского первоначального чтения материала народной словесности — загадок, небылиц, пословиц и пр. Рецензент решительно протестует против такого обыкновения. «Многие из названных руководств дают видное место загадкам на том основании, вероятно, что они считаются пригодными для умственного развития детей, но, очевидно, это не более как педантский вздор. Конечно, вдумываться в предмет, останавливать на нём всё своё внимание весьма полезно, но бóльшая часть загадок наших этого именно и не требует. Большинство загадок, повидимому, требует от отгадчика, чтобы он сумел пожертвовать одним или несколькими существенными признаками предмета и помириться на каком-нибудь случайном признаке. Конечно, это баловство не может содействовать умственному развитию отгадчика. Составители букварей не видят этого и с большим удовольствием пестрят страницы своих книжек нелепостями под названием загадок вроде — «чёрненький мужичок с боку на бок поворачивает» (блоха). Обращаясь специально к «Родному слову», рецензент пишет: «Упражнения в чтении представляют наблюдателю удивительное явление. Например: «посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая» и т. д. Совестно выписывать, как Жучка кликнула Машку, а Машка после кликнула мышку и т. д. К тому же составитель просит не перепечатывать этого замечательного произведения... Любопытно знать, за кого же эти господа принимают крестьянских детей? Вместо питательной пищи, потребной детскому организму, они угощают ребенка не конфетами даже, а сухой ложкой. Ушинский, зная очень хорошо, что нравоучительные рассказы, предлагаемые г. Паульсоном о том, как Володя подарил своей бабушке на именины единственное своё яблоко, или как Сеня и Гриша, играя зажигательными спичками, сожгли скотный двор, или как Вася умер оттого, что поел в лесу волчьих ягод,— зная, что такие рассказы читаются без особенного удовольствия, наполнил свою книжку ненужными порочными побасенками, присказками и прибаутками и даже находит нужным помещать такие присловья, как «сей песок по камню, авось взойдёт», или «люблю серка за обычай: хоть не везёт да ржёт». Подводя итог своему анализу новейших книг для народной школы, автор так выразил свою мысль: «составители букварей впадают в грубую, непростительную ошибку: подделываются под мужицкий язык. В букваре, в книжке для народного чтения не должен быть допускаем иной язык, кроме языка образованного общества. Автор, старающийся говорить с крестьянами каким-нибудь провинциальным наречием, делает то же, что делают невежественные няньки, которые в разговорах с детьми подделываются под детский лепет. Буквари и книжки для чтения не с надлежащим уважением относятся к великой своей задаче». Совершенно очевидно, что анонимный автор «Голоса», отождествив народный язык с провинциальным

наречием, стал на точку зрения реакционных педагогов, отвергающих значимость народного языка для образования молодых поколений и признающих необходимость образовывать народ сверху, подводя его понятия под язык и понятия «образованных» классов. Совершенно обратной является точка зрения Ушинского на значение народного языка.

14. *С. И. Миропольский*, Обучение русской грамоте («Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов», Н. X. Весселя, т. II, СПб., 1874 г.).

Коснувшись «Родного слова» как книги, предназначенной прежде всего для обучения грамоте, и не вдаваясь в разбор книги полностью, автор в самых общих чертах так охарактеризовал этот труд: «его должно признать не только в методическом отношении вполне самостоятельным, но и вполне русским, народным по обработке материала. «Родное слово» в самом тесном смысле *родное* нашей школе, нашей жизни, нашей народности. Конечно, это не значит, чтобы в нём не было промахов, ошибок, недостатков: «только тот не ошибается, кто ничего не делает». Говоря же вообще, мы должны признать, что «Родное слово» — лучшее из всего, что мы имеем по предмету обучения грамоте» (стр. 498).

15. *Л. И. Поливанов*, «Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 1. Приложение к 1-му и 2-му году «Родного слова» К. Д. Ушинского (Учебно-воспитательная библиотека, 1876 г., т. 1, стр. 82—98). Рецензия выдающегося педагога-словесника Москвы Л. Поливанова интересна в том отношении, что представляет собой первый опыт серьёзного, научного разбора книги Ушинского, а не обычную журнальную рецензию. К сожалению, растянутая и разбросанная по форме статья эта, занимающая около $1^1/_2$ печатных листов, не может быть полностью воспроизведена здесь. Следует отметить, однакоже, три основных положения, выдвинутых автором в разборе учебной книги Ушинского.

Автор впервые оценил огромное значение логических упражнений, составляющих основу книги Ушинского и сводящихся к классификации и обобщению знакомых детям предметов окружающего мира. В «Родном слове», пишет автор, «есть упражнения, которые незаменимы именно как такие, которые сами по себе, даже вопреки самым неумелым шагам начинающего учителя, должны принести громадную пользу. Укажем, например, на те упражнения, коими начинается каждый № 1-ой книжки «Родного слова»: ряды слов, которые должны быть учениками расположены по родам выражаемых ими понятий. Если учитель будет заставлять делать эти упражнения, то они не могут выйти бесполезны, ибо сами упражнения и самый материал, для них данный, повлекут за собою достижение вызвавшей их цели: эти ряды слов *не могут* быть прочитываемы без внимания и понимания, для чего и внесены в книгу для чтения, и имеющий сколько-нибудь здравого смысла учитель не может дурно повести такое

упражнение; упражнение задумано так здраво и просто, что выручит хоть какого хотите неумелого учителя» (стр. 87).

Автор очень высоко оценил выдвинутую Ушинским в «Родном слове» задачу постепенно вводить ребёнка «в живой народный язык». Правда, он, по словам Ушинского, «усваивается душой ребенка непосредственно, без помощи школы, но школа должна приучить пользоваться быстро и кстати этими даровыми богатствами». Выдвинутые автором «Родного слова» задачи рецензент поясняет следующим образом: «Указанные Ушинским цели именно и состоят в том, чтобы отдельное лицо приобщить тому богатству языка народа, которому оно принадлежит. Школа, умевшая в лучшие годы детства вращать ум и речь ребёнка в области образов и речений, собранных в книгу из *всенародной* сокровищницы, пустит в жизнь уже не того дикаря, область понятий и словарь которого без школы ограничились бы теми немногими понятиями и речениями, которые даёт ему семья и круг сверстников одной его деревни. Книга, состоящая хотя бы из одних продуктов простонародной речи (пословиц, песен, сказок), предлагает продукт даровитейших исключительных лиц того народа, которому принадлежит учившийся по ней... Большая иллюзия видеть в каждом крестьянине, в каждой деревне весь народ, и школа, которая сумела бы обогатить своих учеников сокровищами даже исключительно только крестьянского слова, была бы уже образовательницей их, рассадницей просвещения, ибо сумма народных понятий, составляющих язык народа, настолько же выше понятий и речений каждого отдельного лица из этого народа, насколько высокообразованное и талантливое лицо выше заурядного человека, обязанного своим «просвещением» обществу, среди которого он толкается в жизни» (стр. 91).

Высоко оценив логические упражнения «Родного слова» и употребление в нём народного языка, автор рецензии совершенно отрицательно высказался о, так называемых, деловых статьях «Родного слова» под заглавиями: «В школе», «Классная доска», «Грифельная доска», «Наш класс» и т. п. Это — «то наследие немецких учебных систем, от которого, к сожалению, не избавился Ушинский. Рабски следуя правилу педагогики переходить от известного к неизвестному, от ближайшего к отдалённому, автор считает более известным ту лавку, на которой сидит ученик, и тот стол, за которым он сидит... Мы считаем не только неинтересным, но положительно вредным такое обращение с предметом до тех пор, пока учащийся не почувствует необходимости познавать его и говорить о нём; всякое вынуждение слова, помимо возбуждения мыслительной способности самим предметом, есть противное природе и потому вредное насилие, бесплодная жертва извне принятой системе... Подобная ложь, вкравшаяся в руководство Ушинского, есть необходимое следствие той погони за логикой, за системой, которую он выдвигает в своих учебниках... Это коренное крупное заблуждение Ушинского и потому не советуем придавать серьёзного значения логическим статейкам его второго года «Родного

слова» (стр. 95). Едва ли правилен упрёк Ушинскому в «вынуждении» слова помимо возбуждения мыслительной способности самим предметом», но в основе этого упрёка лежало убеждение автора-словесника, что в язык русской прозы учащиеся должны быть введены литературно-художественными образцами. Упрёк, сформулированный Поливановым, положил начало тому течению в русской педагогике, которое единственно допустимой книгой для классного чтения считало литературно-художественную хрестоматию.

Что касается самого «Руководства» Ушинского, рецензент исключительно высоко оценил его педагогическую значимость и настойчиво рекомендовал всем родителям и учителям «внимательно прочесть руководство. К сожалению, это сделали далеко не все, давшие в руки своих детей книжки «Родного слова»... Считаем долгом сказать, что «Руководство» Ушинского не должно смешивать со множеством других подобных руководств, в числе которых специалист найдёт и много дельных. И если кто спросил бы нас, какое из них стоит усвоения и последования, мы указали бы на «Руководство» Ушинского. Недостатки в преподавании по «Родному слову» в большинстве случаев проистекают от незнакомства с руководством к нему. Растерявшийся в пёстром руководстве учитель идёт в класс, не обдумав урока, не поняв самый замысел каждого урока, и производит по «Родному слову», что бог на душу положит, чего и не снилось его глубоко продумавшему автору» (стр. 89).

16. *С. И. Миропольский*, «Родное слово», г. 1-й и 2-й (Семья и школа, 1877 г., № 11); «Родное слово», книга для учащих (Семья и школа, 1877 г., № 8). Характеристику «Родного слова», данную Миропольским, нужно признать одной из самых ярких, выражающих мнение передового русского учительства о книге великого русского педагога.

Имя Ушинского, пишет рецензент, хорошо известно нашей публике, нашей школе; о педагогах нечего и говорить. «Родное слово» Ушинского имело беспримерный доселе успех; оно разошлось и расходится ежегодно в сотнях тысяч экземпляров; оно проникло в семью, в школу, в самые отдалённые и глухие местности России; оно, бесспорно, сделало имя Ушинского *народным*, в истинном смысле этого слова. Целые поколения воспитались на этой книжке, и имя составителя её навсегда останется в истории русской народной школы.

Мы считаем успех «Родного слова» вполне заслуженным. Несмотря на довольно значительное время, протёкшее со времени его первого появления на свет, оно и теперь занимает по праву первое место между соперниками. «Родное слово» имело такое влияние на нашу педагогическую литературу, что сделало почти невозможным появление разного рода бездарностей: оно закрыло им ход; и действительно, с «Родным словом» значительно возвысился уровень нашей педагогической литературы относительно начального обучения родному языку. Здесь нет места для по-

дробного и обстоятельного разбора замечательного учебника Ушинского; мы отметим только его характерические черты.

«Родное слово» внесло *новый* лучший *метод* в обучение русской грамоте. Но один метод ещё не составил бы учебника: теперь в приёмах обучения грамоте по «Родному слову» можно было бы указать много недостатков; значение и сила его в чисто народной, талантливой *обработке материала* для чтения. Посмотрите, каким теплом веет от всего содержания «Родного слова»; сколько истинно детской живости, задушевного веселья, порою юмора, иногда сердечного чувства в картинных описаниях, сказках, мелких рассказах, стишках; при этом какая меткость, картинность, изобразительность языка; сколько разнообразных упражнений, вызывающих мысль дитяти на работу, изощряющих его суждение, наблюдательность, наконец, самую детскую речь!.. Вот что, по нашему убеждению, сделало «Родное слово» народною учебно-воспитательною детскою книгой. После немецкой мертвечины затхлого поучения в виде сентенций, нравственных рассказов, образцов добродетелей, вдруг послышалась в школе живая речь, раздался резвый, весёлый детский смех. Ушинский в педагогике своим «Родным словом» сделал то же, что когда-то Пушкин сделал в поэзии своим «Русланом» и «Братьями разбойниками». Когда в школе стали читать сказки, прибаутки, песенки, весёлые и замысловатые пословицы, загадки,— мудрые головы уныло и недоверчиво прислушивались к такому чтению и считали его «греховным», чуть не поруганием школы. В самом деле, можно ли было помириться им с таким нововведением, когда и в прописях, вместо нравственного поучения, стали писать о «репке», «коровушке», «зайчике», «петушке» и проч.? Ригористы морали ссылались на народ и его «добрые предания», на его любовь к «божественному» и отвращение от «мирского». Вопрос шёл о борьбе между старой и новой школой, между старой учёбой и новым воспитывающим обучением. Успех «Родного слова», громадный, неслыханный у нас, был торжеством «новой школы», нового ученья, нового метода и смертным приговором старой отжившей рутине, старобукварной учёбе. С «Родным словом» связан, таким образом, один из важных исторических моментов в развитии нашей народной школы. Как все талантливые начинатели, Ушинский вызвал за собою целую фалангу подражателей. Не обладая талантливостью своего руководителя, они не сумели не только стать выше его, но не могли даже и сравняться с ним; тем не менее, они все послужили торжеству *новой* идеи, *нового* взгляда на ученье, *нового* метода, *нового* духа в школе, *новой*, лучшей педагогической жизни. Таково, по нашему мнению, значение «Родного слова» и таковы причины его популярности».

II

17. *А*. Волки в овечьей шкуре (Московские ведомости, 1885 г., № 224). Статье под этим заголовком предпослан эпиграф из евангелия: «не входяй дверьми во двор овчий, не прелазяй

инуде, той тать есть и разбойник» (Иоанн, X, 1). Статья явилась отражением давно поднятой реакционными педагогами кампании против светской школы и новой методики её, ведшей начало от «Родного слова» Ушинского. Официальная организация церковно-приходских школ в самом начале 80-х годов была большим торжеством реакционеров; необходимо было, однакоже, вести дальше борьбу против светской школы. И вот в «Московских ведомостях» уже с начала 1885 г. появляется ряд статей, говорящих о новом походе против светской школы. В № 84 печатается анонимная статья о взглядах митрополита Филарета на начальное народное образование, причём подчёркивается, что основная мысль, проводившаяся Филаретом, была та, что «понятие природы не для крестьянских детей». В № 92 печатается статья А. Радонежского об «Азбуке Бурцева», написанная в защиту церковной школы и законченная словами: «в последнее время повсеместно слышится в обществе сознание, что воздух наших народных училищ, слишком спёртый и душный от изобилия реальности, нуждается в освежении посредством введения в обучение иного, духовного начала». В том же порядке появилась и рассматриваемая статья в № 224. Анонимный автор её (как оказалось впоследствии, это был член Учёного комитета при Министерстве народного просвещения А. Кочетов) начал статью с оповещения читателей о состоявшемся в Министерстве решении изъять из употребления в школе «Родное слово», год 1-й, и с уяснения необходимости вести дальнейшую последовательную борьбу с реальным направлением в школах.

«Недавно произнесённый официальный приговор о книге «Родное слово» Ушинского как «неудобной для употребления в училищах»,— событие большой важности, как громкое свидетельство о наступившем перевороте в деле начального обучения русской грамоте. До сих пор во всех почти народных школах учили «по Ушинскому», его методические и дидактические взгляды всюду признавались руководящими, и подражателей «Родного слова» явилось бесчисленное множество. Но если признано необходимым изъять из употребления книжку, по которой учились миллионы русских детей, значит, сама система обучения русскому языку, созданная Ушинским, признается неудовлетворительной; в таком случае необходимо было бы ради логической последовательности обратить внимание и на многочисленные копии с «Родного слова», так как малоталантливые подражатели Ушинского развили и довели доктрину своего первоучителя до геркулесовых столпов нелепости. Иначе запрещение и изъятие из школы одного только «Родного слова» будет похоже на отсечение лишь одной головы у многоголовой гидры». Очевидно, реализм статей Ушинского имел и какое-то нежелательное практическое приложение. Автор с грустью замечает, что «в «Родном слове» прикровенно говорится о свинье как бы incognito под именем хавроньюшки, как будто о самой грациознейшей твари, а копирователи его, оставляя в стороне обиняки,

развивают дальше эту тему и сопровождают статьи живописной загадкой: «идёт свинья из Питера, вся истыкана»... «Итак, заканчивает автор, благодаря богу, кажется, наступает конец дидактической свистопляски, реальная и либеральная педагогика с ухватами, рюмками, хавроньями мало-помалу теряет своё обаяние, не признаётся больше за последнее слово науки обучения и воспитания. Приговор о «Родном слове» — доброе начало хорошего конца и должен вызвать полное сочувствие в каждом радетеле о народном образовании в России. Устройство церковно-приходской школы, сознание необходимости духовно-нравственного начала обучения, взгляд на школу как на место воспитания в духе православной веры и любви к родине — всё это ясные признаки благодатного поворота к лучшему в святом деле начального народного просвещения. Пожелаем, чтобы этот поворот совершился скорее, круче и навсегда... Фарисеи-педагоги несут в школу свиней, телят, лапшу, ветчину, брагу, водку, хмель, превращают её в съестную лавку. Этих волков в овечьей шкуре надо гнать из школы — храма молитвы и назидания».

Написанная в таком боевом тоне статья говорила о том, что намерения реакционных педагогов были очень решительны, и новой педагогике объявлялась непримиримая борьба. Радужные надежды автора статьи были однакоже преждевременны. Приговор Учёного комитета о книге Ушинского, представленный на утверждение министра, был только началом борьбы. Книга Ушинского имела и защитников как в комитете, так и вне комитета: борьба только ещё начиналась. Ей предстояло развернуться в течение следующих 15 лет: борьба велась не только в недрах Министерства, но одновременно и в самой школе, которая упорно не желала отказываться от «Родного слова». Подробности этой борьбы ни разу не были опубликованы и хранились в делах Министерства. Они достаточно поучительны, поскольку ими вскрывается один из участков классовой борьбы на фронте просвещения в самом конце XIX в. Ввиду сложности материал, характеризующий эту борьбу, вынесен в *особый, 5-ый, раздел настоящего приложения.*

18. *В. Аврамов*, Значение Ушинского для народного учителя и народной школы (Памяти К. Д. Ушинского, СПб., 1896 г.). В 1895 г. передовая педагогическая общественность торжественно чествовала 15-летнюю годовщину со дня смерти К. Д. Ушинского. Доклады, зачитанные на собрании, посвящённом памяти Ушинского, составили особый сборник, вышедший в 1896 г. Почти все авторы так или иначе касались учебных книг Ушинского. Специально о «Родном слове» говорил в своём докладе учитель Аврамов. «Руководство к «Родному слову», говорил он, было как бы педагогическим откровением для народного учителя». Раскрыв те психологические и педагогические предпосылки, которые легли в основу учебников Ушинского, докладчик закончил своё выступление словами, что если бы Ушинский ничего не написал, кроме «Родного слова» и «Детского мира», то и тогда

имя его было бы священным для русской народной школы и увековеченным в истории русской педагогики» (стр. 192—193).

III

19. *Л. А. Александров*, Ушинский К. Д. как составитель «Детского мира» и «Родного слова» (Казань, 1901 г. Труды педагогич. общества при Казанском университете). Отмена постановления о запрещении «Родного слова» в начальной школе сделала возможным появление вновь статей и рецензий о книге Ушинского. Новым авторам приходится в значительной степени повторять то, что уже было сказано до них.

20. *М. Попруженко*, Ушинский и его учебные книги (Одесса, 1901 г.). Автор, в основном, пересказывает уже высказанные до него мысли о «Родном слове».

21. *М. М. Соколова*, Значение К. Д. Ушинского как автора книг «Родное слово» и «Детский мир» (Русская школа, 1901 г., № 2). Автор подчёркивает значение книг Ушинского как книг общеобразовательных, имеющих в виду «только человека, только человеческое, только то, что надо для всякого человека», и с этой точки зрения пересказывает основные положения, составившие теоретическую основу книг Ушинского.

22. *К. Д. Ушинский*, «Родное слово», г. 1-й, изд. 123-е (Русский начальный учитель, 1902 г., № 8—9). Анонимный автор рецензирует первое издание «Родного слова», вышедшее после пятнадцатилетнего запрещения этой книги. «С огромным удовольствием встречаем мы новое издание знаменитой книжки. Говорить об этой талантливейшей книжке, собственно говоря, нет надобности: она слишком известна, существует около 40 лет, разошлась в количестве нескольких миллионов. Где же секрет такой популярности? Это важно знать педагогу. Книжку «Родного слова» очень любят дети и помнят в зрелом возрасте: такое глубокое впечатление она производит. Автор отлично понимал природу детей и в то же время дал такой прекрасный материал, который особенно хорошо влияет на развитие языка, усвоение и понимание его форм. В этих двух отношениях, по нашему мнению, нет книги, равной книге Ушинского. В ней мало литературных отрывков, мало «деловых» статей и мало сведений практических; недостаточна она для старших отделений; но дать язык детям — значит, сделать половину дела. Одно время книга не нравилась тем, что в ней много «побасенок». Но ведь дети и всегда останутся детьми, и если искусственно их засушивать, то при достижении зрелости долго сдержанные порывы обыкновенно прорываются страшно бурно, и тогда регулировать их уж очень трудно. Крестьяне также нередко в первые годы распространения школ порицали книжку Ушинского за «побасенки». Но крестьяне умны, и жизнь убедила их, что книжка эта — хорошая книжка... Мы убеждены, что книжка увидит 200-е издание. Была ли ещё такая книжка?»

Характерно, однакоже, что для убеждения читателей в педагогической значимости «Родного слова» автор в конце своей рецензии ссылается на авторитет Государственного совета и Синода: «теперь и в Гос. совете ссылаются на авторитет Ушинского при обсуждении педагогических вопросов. Не раз читали мы и в «Церковных ведомостях», издаваемых при святейшем Синоде, ссылки на Ушинского и признание его истинной религиозности». Ссылка эта совершенно определённо говорит о том, что после того, как реакционным педагогам не удалось изъять книгу Ушинского из школы, единственным выходом для них оставалось присвоить Ушинского себе, но перенести центр тяжести в его педагогических идеях на его неизжитые религиозные взгляды и все педагогически ценное в его идеях использовать для религиозного воспитания.

23. *А. Ивашкин*. Наши книги для классного чтения (Для народного учителя, 1907 г., № 15). Автор устанавливает в современной ему педагогической литературе два резко очерченных течения: Баранов является представителем одного (ярко реакционного) направления, а Вахтеров, Тулупов и Шестаков и Горбунов-Посадов — другого, более нового и молодого. «Книги Ушинского мы предполагаем выделить: Ушинский стоит одиноко». В процессе анализа учебных книг перечисленных им авторов рецензент приходит к выводу, что во многих отношениях более безупречным остаётся в своих учебниках Ушинский: «здесь нет ни одного фальшивого звука, ни одного фальшивого аккорда». Это относится и к содержанию статей и к методу работы. Однакоже, замечает рецензент, «плодотворные идеи Ушинского стали постепенно затираться, и дошло до того, что «Родное слово» Ушинского было признано книгой вредной и не соответствующей достоинству нашей школы, а потому и было изъято из употребления».

24. *М. И. Демков*, «История русской педагогики», ч. III, М., 1909. В главе об Ушинском автор отводит отдельный параграф анализу «Родного слова».

IV

Первое время после Великой Октябрьской социалистической революции педагоги советской школы были заняты проблемой определения принципиально нового содержания и направления своей работы, а также борьбой с послевоенной разрухой. Поэтому классические книги дореволюционной школы и в их числе «Родное слово» Ушинского оставались пока вне поля их зрения. Но по мере того как принципиальные основы воспитания и образования в советской школе усваивались в массе педагогов, по мере того как развёртывалось нормальное строительство новой школы, внимание советских педагогов всё чаще обращалось к анализу методических основ дореволюционной русской школы, к изучению того наследства, какое оставлено класси-

ческими представителями дореволюционной русской педагогики. Таким образом началось изучение и учебников Ушинского. Разумеется, работа эта только ещё начата, но ей предстоит развернуться гораздо шире. Поэтому пока что могут быть указаны только немногие работы, посвящённые советскими педагогами анализу книги Ушинского «Родное слово».

25. *Е. Н. Медынский*, История педагогики, т. III, 1929 г.; История русской педагогики, 1936 и 1938 гг.; История педагогики, 1947 г. Во всех этих изданиях при изложении истории русской педагогики большой раздел посвящается изложению и анализу педагогической системы Ушинского, анализ же «Родного слова» даётся обычно в связи с изложением дидактических и методических взглядов Ушинского; в издании 1947 г. независимо от изложения дидактических взглядов Ушинского выделен специальный параграф, посвящённый характеристике его учебных книг.

26. *Д. Ф. Юров*, Дидактический анализ учебных книг Ушинского (Советская педагогика, 1938 г., № 3).

27. *В. Я. Струминский*, «Родное слово» как учебная книга начальной школы (Избранные сочинения К. Д. Ушинского, 1939 г., т. II).

28. *С. П. Редозубов*, Ушинский о методике классного чтения (Начальная школа, 1943 г., № 11—12).

29. *Ф. Н. Тимергазин*, Ушинский — автор учебников (Сб. Трудов научной педагогики и психологии Башгоспединститута им. Тимирязева, 1942 г., № 2).

30. *М. Ф. Робинсон*, «Родное слово» К. Д. Ушинского (Начальная школа, 1945 г., № 10—11).

31. *Е. Н. Петрова*, О некоторых принципах преподавания русского языка в системе К. Д. Ушинского (Советская педагогика, 1945 г., № 12).

32. *М. Н. Петерсон*, О «Родном слове» Ушинского (Учёные записки Моск. госпединститута им. В. И. Ленина, 1946 г., т. XXXIII).

33. *В. А. Малаховский*, Ушинский о воспитательном значении русского языка (Советская педагогика, 1946 г., № 3).

34. *А. Г. Пенцова*, «Детский мир» и «Родное слово» Ушинского (Учёные записки Саратовского госпединститута, 1947 г., вып. 9).

35. *А. Н. Граборов*, «Родное слово» Ушинского и его значение для специальной педагогики (Учёные записки Московского госпединститута им. В. И. Ленина, 1947 г., т. 49, вып. 3).

36. *Н. П. Каноныкин* и *Н. А. Щербакова*, Методика русского языка в начальной школе, Л., 1947 г., 3-е издание.

37. *С. П. Редозубов*, Методика русского языка в начальной школе, Учпедгиз, 1947 г. Методики Каноныкина и Редозубова написаны на основе тщательного учёта того, что сделано в области преподавания родного языка в начальной школе в учебниках К. Д. Ушинского, так что обе методики можно рассматривать как своего рода комментарии к «Родному слову» Ушинского

с точки зрения тех задач преподавания родного языка, которые стоят перед советским педагогом и советской школой.

38. *А. П. Бабушкина*, История русской детской литературы, (Учпедгиз, 1948 г.) Ушинскому и его учебникам в книге Бабушкиной посвящён специальный раздел, стр. 330—344. Автор детально проанализировал «Родное слово» Ушинского и дал ему высокую оценку как книге для чтения. «Энциклопедически широкая книга Ушинского была классической по своим методическим принципам... «Родное слово» было поистине национальной русской книгой, воспитывающей детей на родной литературе». В собственных своих рассказах Ушинский «проявил себя блестящим стилистом, его рассказы оказались шедевром русской детской литературы», в них «Ушинский мастерски сочетал деловое содержание с занимательностью изложения». Автор не избежал, однакоже, противоречий в своих оценках. Упрекая Ушинского на одной странице в том, что он произвольно меняет заглавия произведений классической литературы в зависимости от той или иной дидактической задачи, он на другой странице находит этот приём весьма удачным: «пословицы используются как заглавия к басням, стихам, сказкам, рассказам». Едва ли правильно, что «под непосредственным влиянием Ушинского складываются первые книги для чтения, составленные Толстым». В целом характеристика «Родного слова» дана в известном отвлечении от конкретных задач начальной школы: автор берёт «Родное слово» как просто *книгу для чтения* в ряду других книг, а не как учебник начальной школы. Это объясняется, разумеется, той специальной точкой зрения, с которой автор подходил к изучению книги Ушинского.

39. *В. Я. Струминский*, «Родное слово» Ушинского — классическая учебная книга начальной русской школы дореволюционного времени.

Совершенно бесспорным нужно признать то положение, что в России второй половины XIX в. «Родное слово» Ушинского стало общепризнанной классической учебной книгой начальной школы. Исчерпывающего объяснения эта высокая оценка, заслуженная «Родным словом», ещё не получила, хотя приводилось много частных объяснений того исключительного, массового признания, каким оно пользовалось на протяжении более полустолетия. Указывалось, например, на то, что в основу книги автор положил родной язык как ту всенародную сокровищницу знания и мышления, с освоения которой только и может начаться правильное развитие подрастающих поколений. С неменьшим основанием отмечалось, что книга исключительно богато насыщена доступным для ребёнка реальным содержанием, взятым из жизни окружающих ребёнка природы и общества. Немало было высказано похвал и лично по адресу автора: говорилось о том, что его книга гениально учитывает детскую психологию, что она проникнута большой теплотой и задушевностью, любовью к родине и народу.

Все эти и многие другие выдающиеся качества книги, конечно, были в ней налицо. Но совершенно очевидно, что не сами по себе они создали успех книги, а только потому, что книга в целом отвечала какой-то назревшей к середине XIX в. общественной потребности, в которой и заключалась решающая причина того, что книга получила общее признание и, несмотря на все усилия реакции, не могла быть изгнана из школы.

К работе над «Родным словом» Ушинский приступил в тот момент, когда в России созрели условия для организации новой, *светской* и *народной* школы на место прежней, схоластически-церковной, а частью бюрократически-ведомственной. Эти новые условия заключались в том, что на смену прежней, феодальной общественной формации вырастала в России новая, капиталистическая; что авторитет религии, а с нею и феодальной власти быстро падал и одновременно возвышался удельный вес народных масс, которые в наступивших новых условиях стихийно стремились к овладению светскими, реальными знаниями и в первую очередь грамотностью как основным источником их приобретения. Эти новые условия русской жизни Ушинский воспринял как большой и решающий шаг вперёд, как свидетельство того, что русский народ, «раз уже вышедший на поприще исторической жизни, развивается неудержимо». В новых условиях исторической жизни народу нужна была и новая книга. Такую книгу и пытался создать Ушинский своим «Родным словом». Книга эта в такой степени была насыщена реальным содержанием, взятым из окружающей ребёнка природы и жизни, в такой степени заставляла ребёнка мыслить об окружающем и выражать свои мысли на родном языке, что решительно расходилась с основными тенденциями старой церковной школы, несмотря на то, что в известной степени Ушинский отдал в своей книге дань и религиозной идеологии в воспитательных целях. Во всяком случае было ясно, что Ушинский пошёл с своей книгой навстречу общенародной потребности. В этом и заключалась основная причина, почему реакционеры-педагоги так яростно обрушились с своей критикой на «Родное слово» и почему, с другой стороны, книга эта оказалась так исключительно популярной в массах, несмотря на то, что первоначально она была предназначена не столько даже для школы, сколько для семьи. Раз и навсегда книга эта пробила брешь в системе старорусской феодальной и новейшей, ведомственно-бюрократической школы и пошла навстречу потребности в создании светской, подлинно народной русской школы.

Можно было бы заметить, что родной язык и реальное содержание в учебных книгах для начальных школ второй половины XIX в. вовсе не были такими уж редкими качествами, чтобы приписывать их одной только книге Ушинского. Это замечание совершенно правильно: только редкие учебные книги с 60-х годов XIX в. не становились на этот путь. Однакоже реакционные педагоги, подновляя таким, чисто внешним образом характер

своих книг, оставляли в неприкосновенности старую антинародную методику школьной работы. Автор же «Родного слова», идя навстречу потребностям русской жизни, не ограничился тем, что изменил содержание своей учебной книги, но положил в основу её и методически правильную теорию начального образования, отвечавшую этим потребностям. Положенная в основу «Родного слова» теория начального образования была той второй причиной, которая обусловила успех книги Ушинского на много лет вперёд. Теории, разделявшиеся авторами других учебных книг, оказывались или устарелыми и реакционными, или, наоборот, излишне смелыми и утопичными и потому неосуществимыми.

Одна из наиболее распространённых в XIX в. в России и совершенно устарелых теорий начального образования заключалась в ограничении последнего пределами простой грамотности как технического уменья читать, писать и считать. Теория эта имела очень старинную традицию, ведущую своё начало ещё с глубокой древности. Она преследовала задачу привить ребёнку технические навыки чтения и письма как своего рода профессиональное уменье. С точки зрения господствующих классов, выразителями которой в области просвещения являлось духовенство и рядом с ним бюрократическое Министерство просвещения, никакой другой цели и не может преследовать начальная школа в области собственно светского обучения. В противовес этой реакционной тенденции, Ушинский в качестве основной задачи времени мыслил обучение масс народа, создание для этих масс школ, введение обязательного обучения и, что самое главное, не просто обучение технической грамотности, а одновременное развитие душевных сил ребёнка, которое обеспечило бы подрастающим поколениям народа возможность дальнейшего их культурного роста. *Развивающее обучение* — вот та коренная педагогическая задача, которую выдвинул Ушинский перед начальной русской школой. Именно эта задача и отразилась ярко в каждой строке его «Родного слова», и именно она сделала эту книгу педагогически зрелой, максимально удовлетворявшей потребности школы.

Разрабатывая с точки зрения отмеченных задач курс начального обучения, Ушинский прежде всего организационно чётко разрешил на основе учёта условий русской жизни проблему разграничения *элементарного* и собственно *систематического* курсов в начальном обучении. Проблема эта давно уже разрабатывалась в Европе и в России применительно к конкретным условиям разных стран. Используя опыт Европы в реакционных целях, педагоги Министерства просвещения механически разрывали элементарный и систематический курсы начальной школы. В то время как передовые педагоги Запада представляли себе элементарный и систематический курсы начальной школы органически тесно связанными друг с другом, причём элементарный курс являлся подготовкой к курсу систематическому, русские

бюрократы пытались перенести в Россию эту практику таким образом, чтобы выделить элементарный курс и, сведя его к простой грамотности с исключением всяких развивающих занятий, предназначить в таком виде для народных масс. Известно, что ещё митрополит Филарет, полемизируя с передовыми педагогами из Министерства государственных имуществ, настаивавшими на светском образовании в начальных школах, изрёк крылатое слово — «понятие природы не для крестьянских детей». Что касается систематического курса, то, не предваряемый курсом элементарным, он предназначался для детей привилегированных классов. То и другое было антипедагогическим извращением.

В русской передовой педагогике уже до Ушинского имели место оригинальные опыты организации элементарных курсов, подготовляющих к систематическому начальному обучению. Опыты эти восходят ещё к XVIII в. Но наиболее яркое выражение они получили в теоретической и практической форме с начала XIX в. Характерна смелая попытка Гугеля, выразившаяся в организации на собственные средства подготовительной элементарной школы в Гатчинском институте. Замечательны теоретические и практические усилия В. Ф. Одоевского, направленные к разработке подготовительных элементарных курсов к начальному обучению, которым он дал наименование «Наука до науки». Об опыте Гугеля Ушинский был хорошо осведомлён, Одоевского же, видимо, знал только по его сказкам. Во всяком случае прогрессивная традиция организации элементарного обучения как предпосылки к начальному систематическому обучению требовала дальнейшей разработки.

Исходя из признания единства элементарного и систематического курсов в начальном обучении, Ушинский, естественно, выдвигал требование сочетать их в начальной школе так, чтобы элементарный курс предшествовал систематическому и подготовлял к нему. Как практически мыслил он такое сочетание двух курсов в начальном обучении? В условиях русской жизни середины XIX в. едва ли возможно было рассчитывать на продолжительность начального обучения для масс более, чем в 3—4 года. Из этого максимального срока начального обучения и исходил Ушинский в разработке своего курса. Элементарный курс должен был занять первые два года и систематический— следующие два. Задача элементарного курса состояла в том, чтобы помочь ребёнку, поступившему в школу, разобраться в тех представлениях, какие им накоплены до школы, проверить, исправить и привести в порядок эти представления и на этой работе развить умственные силы ребёнка, его наблюдательность, его способность речи и внимания, усвоить ему навыки первоначальной грамотности и, таким образом подготовить его к возможности успешно пройти систематический курс следующих двух лет. 1-й и 2-й годы «Родного слова» были разработаны Ушинским как курс элементарного обучения, который может быть пройден матерью дома или учителем в школе. Своеобразие этого курса заключалось

в том, что он не вводил учащихся непосредственно в область той или другой систематически изложенной науки, но ставил себе задачу только подготовить ребёнка к продуктивному изучению ряда наук. «Родное слово» представляло собой, с одной стороны, учебник элементарной грамотности и давало ряд постепенных упражнений, приучающих ребёнка к чтению, письму, устной речи, рисованию, черчению и другим навыкам, а с другой, элементарный учебник, с первых же дней упражнявший учащихся в наблюдении, анализе и обобщении материала, взятого из области естествознания, географии и истории. В сочетании этих двух родов занятий, одинаково развивающих ребёнка с разных сторон, и заключалось неподражаемое педагогическое мастерство автора учебника, которое может быть раскрыто только детальным анализом построения этой учебной книги, смело и уверенно разрешившей проблему начального обучения ребёнка в русской школе.

Понятно, что, выполняя так поставленную задачу, Ушинский разошёлся прежде всего с теми теоретиками начального образования, которые ограничивали последнее простой грамотностью и исключали из него элементы, развивающие ребёнка. Он разошёлся и с теми представителями мнимопередовой, официальной педагогики, которые, будучи неумеренными поклонниками европейской педагогики, стремились организовать в условиях России начальную школу как школу развёрнутого систематического обучения. Своеобразные условия русской жизни второй половины XIX в. складывались однакоже так, что даже сторонники идей Ушинского, вынужденные завоёвывать права для народной школы, склонны были забывать педагогическую идею элементарного обучения и создавать для начальной школы систематические учебники по разным предметам, только перегружавшие школьную программу и обременявшие учителя и ученика. Так, в то время как Ушинский в «Родном слове» ограничивался только элементарными грамматическими упражнениями, правильно развивавшими у детей навыки речи без употребления однакоже грамматических терминов, что было, бесспорно, полезным и педагогически правильным,— Н. Ф. Бунаков уже в 70-х годах приступил к изданию систематического учебника по грамматике, рассчитанного на 4 года, начиная с первого класса. Другие авторы разрабатывали систематические курсы для начальной школы по естествознанию, географии, истории. Это было совершенно закономерно, но там, где такие курсы вводились с первых классов, создавалась перегрузка начального курса и затемнялась идея элементарного обучения как необходимой предпосылки систематического курса.

Вторая половина XIX в. и начало XX в. в истории начальной русской школы вообще характеризуются огромным количеством и разнообразием учебных книг, издававшихся для начальной школы, что вызывалось как обилием типов начальной школы, так и всё повышавшимися требованиями к начальному

обучению. Однакоже в то время как другие книги более или менее быстро сходили со сцены и забывались, книга Ушинского занимала прочное место в школе. Она резко выделялась из огромного количества педагогической литературы простотой своего замысла, чётким педагогическим построением, своей близостью к ребёнку и его душевным силам. Это ясно говорило о том, что потребности начальных лет обучения лучше всего были угаданы именно Ушинским.

Исчерпывающего педагогического анализа книги Ушинского до настоящего времени в педагогической литературе ещё не дано. Рано или поздно такой анализ будет дан, и тогда он обогатит весьма значительно и нашу теоретическую мысль и наши практические успехи в деле начального обучения.

БОРЬБА В УЧЁНОМ КОМИТЕТЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗА И ПРОТИВ УПОТРЕБЛЕНИЯ «РОДНОГО СЛОВА» В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ *.

«Родное слово» К. Д. Ушинского было началом коренного переворота в работе начальной русской школы. Книга эта несла в начальную школу основы новой, рациональной методики, которые выразились — в применении звукового метода к обучению грамоте; в твёрдом и чётком плане развития умственных способностей ребенка, построенном на наглядном обучении и логических упражнениях; в систематическом развитии речи ребёнка и обогащении её произведениями народной словесности; в замечательной простоте и доступности всей системы обучения, благодаря которой последнее с первых же шагов делалось лёгким, интересным и доступным для детей. Восторженно принятое передовыми педагогами, «Родное слово» сразу же было введено ими в употребление в начальных школах. Однакоже оно встретило суровое осуждение у многочисленных сторонников старин-

* Материал настоящего очерка, свидетельствующий о длительной и упорной борьбе против книги Ушинского «Родное слово», извлечён из неопубликованных документов Министерства народного просвещения, хранящихся в Центральном Государственном Историческом архиве в Ленинграде за 1885 г. (опись 3, особый отдел, л. 35—54), 1889 г. (опись 171, д. 176670а, карт. 4195, л. 1—167) и 1899—1900 гг. (Учёный комитет, опись 3, Особый отдел, журналы, л. 114а—171).

В распоряжении Редакции первоначально имелся материал, предоставленный кабинету истории педагогики Д. О. Лордкипанидзе. Материал этот оказался однакоже неполным, так как в нем не был освещен начальный этап борьбы против книги Ушинского, относящийся к 1885 г. Ввиду этого из ЦГИАЛ был выписан материал в полном виде и систематически обработан для настоящего приложения, в котором сначала дается освобожденное от канцелярски растянутого повествования изложение

ного обучения, которые на первых порах, пока впечатление от новой учебной книги было ещё слишком живым и ярким, не могли предпринять сколько-нибудь решительных шагов для изъятия этой книги из начальных школ.

Настоящий поход против «Родного слова» начался уже в 80-х годах, одновременно с организацией церковно-приходских школ, само возникновение которых говорило о том, что реакция в деле просвещения уже ощущает под ногами твёрдую опору. В этих условиях явилась возможность более решительных и энергичных выступлений против «Родного слова» как книги, которая не должна быть допускаема в качестве учебного пособия в начальной школе. Поход против «Родного слова» начался в самом Министерстве просвещения, в его Учёном комитете, причём, в то время как поход этот встречал поддержку и одобрение высшей администрации, в самом комитете, наряду с противниками книги, были и её защитники. Борьба против книги Ушинского затянулась на 15 лет, причём в самом процессе этой борьбы можно отметить *три последовательных этапа*: в 1884/85 г. вопрос о книге Ушинского был поставлен, и книга запрещена к употреблению, в 1888/89 г. вопрос был пересмотрен, и запрещение осталось в силе; в 1899/1900 г. вопрос ещё раз поставлен, и книга допущена в школу. Этими тремя этапами и определяется ход борьбы за и против употребления книги в школе.

I.

Ближайшим поводом к постановке вопроса о книге Ушинского было то, что заведующий изданием сочинений Ушинского В. В. Григорьев в 1884 г. представил, согласно принятому порядку, на рассмотрение Учёного комитета при Министерстве народного просвещения 66-е издание «Родного слова», г. 1-й. Докладчик по этому вопросу, член комитета *А. Кочетов*, построил своё выступление достаточно искусно для того, чтобы показать, что сам Ушинский не предназначал своей книги для начальных школ и что в действительности книга эта является малосодержательной и для начальных школ непригодной, подлежащей решительному изъятию из школы. Против предложения Кочетова возражал другой член комитета *К. К. Сент-Илер*. Он указывал,

---

общего хода борьбы в Учёном комитете на протяжении 15 лет, а затем приводятся отдельно доклады, сделанные в разное время членами Учёного комитета, анализировавшими книгу Ушинского. Во время печатания настоящего тома был получен оттиск из «Трудов Института педагогических наук Грузинской ССР» (1948 г., IV) с статьёй Д. О. Лордкипанидзе «Новые архивные материалы о «Родном слове» К. Д Ушинского» (стр. 125—179). Автор опубликовал собранные им 10 лет назад неполные материалы, несмотря на то, что в «Советской педагогике» (1947 г., № 3) уже был опубликован составленный Л. И. По-

что исключение книги было бы весьма рискованным шагом. С.-Илер совершенно правильно рассчитывал, что исключение «Родного слова» не будет допущено самой школой, в которой книга эта распространилась уже в миллионах экземпляров. Постановление комитета гласило, что «книга К. Ушинского «Родное слово», г. 1-й, по несерьёзности и малосодержательности помещённых в ней статей действительно не может считаться пригодной для употребления в качестве классной книги для чтения в сельских народных школах, которых и сам покойный автор не имел в виду при её составлении. Принимая, однако, во внимание значительное распространение этого учебника в начальных училищах, особый отдел Учёного комитета признал небесполезным предварительно окончательного решения вопроса об исключении его из числа одобренных руководств, иметь отзывы по этому предмету директоров и инспекторов народных училищ и педагогических советов учительских семинарий».

Постановление комитета, представленное на усмотрение министра просвещения, было утверждено резолюцией И. Д. Делянова, гласившей: «по моему мнению, следует 1) теперь же исключить «Родное слово», г. 1-й, из числа одобренных руководств и 2) приступить к пересмотру других книг Ушинского, употребляемых в качестве классных. 14. II. 1885 г.».

Вдова К. Д. Ушинского, бывшая в Петербурге, ознакомившись с журналом комитета, ходатайствовала перед министром, чтобы было уважено мнение К. К. Сент-Илера и других членов относительно затребования мнения о «Родном слове» от директоров и инспекторов народных училищ. Затем письмом от 10 марта просила министра предложить рассмотреть этот учебник «одному из членов русского отделения Академии наук». На письме этом сделана надпись: «по докладу 3 апреля 1885 г. его высокопревосходительство изволил приказать настоящее письмо г-жи Ушинской, а также письмо её же от 7 марта 1885 г. оставить без последствий». В тот же день вновь докладывалось министру всё дело, и на выписке из постановления комитета сделана следующая надпись: «по докладу 3 апреля 1885 г. г. министр изволил приказать: «книгу Ушинского «Родное слово», г. 1-й, исключить из каталога книг, одобренных Министерством народного просвещения для употребления в народных училищах», о чём и было доведено до сведения комитета 25 апреля 1885 г. за № 6698 «для надлежащего распоряжения».

В июне того же года членом Учёного комитета *К. К. Сент-Илером* была представлена министру «Докладная записка об

лянской список документальных материалов об Ушинском в ЦГИАЛ (само это учреждение именуется автором под устаревшим наименованием АВЦКиБ). Автор совершенно прав однакоже, когда пишет, что «публикуемые материалы имеют не только исторический интерес, но отчасти и научнометодическую ценность».

исполнении предписания г. министра относительно запрещения 1-го года «Родного слова» Ушинского». Сент-Илер опротестовал самую форму исполнения предписания министра о запрещении 1-й части «Родного слова», находя, что вопрос об изъятии из школ книги Ушинского, разошедшейся уже в миллионах экземпляров и ежегодно печатаемой в 250—300 тысячах, книги, к которой приноровлены все методические указания и весь распорядок школьной жизни, является далеко не таким простым, чтобы его можно было разрешить простым предписанием. Записка эта была передана министром в августе 1885 г. на рассмотрение Учёного комитета. Комитет, однакоже, нашёл возможным приступить к рассмотрению записки Сент-Илера только через 3 $^1/_2$ года, в ноябре 1888 г. Тем временем книга Ушинского числилась запрещённой и изъятой из числа книг, допущенных для употребления в начальных школах. Так закончился первый этап похода.

(Заслушанные в комитете доклады о «Родном слове» А. Кочетова и Сент-Илера, а также докладная записка Сент-Илера министру полностью воспроизводятся *ниже*.)

II.

Вторично поставленный вопрос о «Родном слове» в связи с докладной запиской Сент-Илера начался обсуждением только в конце 1888 г. На заседании Особого отдела Учёного комитета выяснилось, что предписание министра об изъятии «Родного слова» год 1-й, не было слушано Особым отделом и им не было сделано никакого постановления о проведении оного в исполнение; равным образом записка К. К. Сент-Илера с приказанием министра рассмотреть содержавшиеся в ней заявления не была предъявлена Особому отделу до 7 ноября 1888 г. Между тем, оказалось, что по каталогу книг, одобренных для употребления в низших учебных заведениях, из числа сих книг исключены не только 1-й год «Родного слова» Ушинского, но и его книга для учащих, в которой предлагаются советы, как учить по его «Родному слову» всех трёх годов. Но вместе с тем в названном каталоге оставлен 2-й год «Родного слова», а также показаны многие учебники других авторов, кои составлены по «Родному слову» Ушинского. Ввиду этого Особый отдел Учёного комитета констатировал, что исключение книги для учащих по «Родному слову» Ушинского из числа одобренных книг сделано незаконно, так как о сем не было никакого приказания; что равным образом исключение 1-й части «Родного слова» из числа одобренных сделано неправильно, или, по крайней мере, преждевременно, так как исполнению приказания о сем министра должно было предшествовать исполнение позднейшего приказания его о рассмотрении докладной записки Сент-Илера. Ввиду изложенного Особый отдел Учёного комитета признал, что справедливость требует вновь рассмотреть 1-ю часть «Родного слова», поручив доклад о сем сделать А. Радонежскому.

На заседаниях Особого отдела были заслушаны доклады *А. Кочетова* (11. XI. 1888 г.), *А. Радонежского* (17. III. 1889 г.) и вторично *А. Кочетова* (24. III. 1889 г.). Доклады эти перепечатываются ниже полностью.

Постановление Особого отдела в части, касавшейся книг Ушинского, свелось к следующим предложениям:

1. Хотя содержащийся в книге Ушинского «Родное слово», год 1-й, материал для чтения и можно признать не довольно содержательным и по объёму своему недостаточным для первого учебного года народной школы, но помещённые в этой книге устные и письменные упражнения следует во всяком случае считать полезными для учеников, вследствие чего, по мнению Особого отдела Учёного комитета, было бы необходимо дать учителям возможность ознакомиться с этими упражнениями и пользоваться ими при классных занятиях. Ввиду сего Особый отдел Учёного комитета полагает справедливым ходатайствовать перед г. министром о допущении книги «Родное слово», г. 1-й, в учительские библиотеки народных училищ.

2. Книгу «Руководство к преподаванию по «Родному слову», исключённую по недосмотру из каталога, надлежит вновь внести в число книг, допущенных в учительские библиотеки тех же училищ.

На выписке из журнала комитета была положена министром просвещения И. Д. Деляновым следующая резолюция: «я никак не могу согласиться с предложениями, означенными в п. п. 1 и 2. 14. V. 1889 г.».

В 1896 г. в канцелярию по принятию прошений па высочайшее имя было подано заявление дочери Ушинского о снятии запрещения с составленной её отцом книги «Родное слово», г. 1-й. По докладу главноуправляющего этой канцелярией о просьбе Ушинской и об отзыве министра просвещения последовало высочайшее повеление: «Означенную просьбу Ушинской оставить без последствий». В своём заявлении Н. К. Ушинская, между прочим, указывала, что на протяжении 10 лет, пока книга «Родное слово», г. 1-й, находилась под запрещением, она вышла 38 изданиями в количестве 1 520 000 экз. «Я не могу, писала она, не считать слишком тяжёлым и оскорбительным для достоинства и чести памяти моего покойного отца то запрещение, которое тяготеет над одним из самых лучших и полезнейших его сочинений».

III.

Общественное признание книги Ушинского было, однакоже, сильнее всяких министерских запрещений. Книга Ушинского неизменно переиздавалась и находила сбыт. В 1899 г., с появлением у власти нового министра просвещения Н. П. Боголепова, сын Ушинского Константин Константинович представил заявление министру с просьбой о допущении 117-го издания «Родного слова», г. 1-й, в начальные училища. При этом он по-

яснял, что дополнил эту книгу «статьями для начального обучения церковно-славянскому языку в духе православной церкви»: в конце книги действительно была приложена церковно-славянская азбука и ряд молитв на церковно-славянском языке размером в 1 печ. л.

Согласно резолюции министра, вопрос о допущении книги Ушинского в начальные школы сделался вновь предметом обсуждения на заседаниях Особого отдела Учёного комитета. Были заслушаны доклады — *А. Филонова* (26. XI. 1899 г.), *К. К. Сент-Илера* (3. XII. 1899 г.), *Семеки*, инсп. нар. училищ СПб. окр. (17. XII. 1899 г.), *Федорова* (7. I. 1900 г.) и *А. Кочетова* (14. I. 1900 г.). Доклады эти перепечатываются ниже полностью.

Так как, за исключением Филонова и Кочетова, остальные докладчики высказались в пользу отмены решения об изъятии книги Ушинского из школ, то была большая вероятность, что большинство членов Особого отдела Учёного комитета выскажутся за такую отмену. Опасаясь этого решения, председатель Особого отдела, возможно, имевший на этот счёт особые инструкции, перед тем как вынести постановление Особого отдела, выразил и своё мнение по вопросу о книгах Ушинского, вернее, о возможности отмены состоявшегося о них решения. Он говорил, что «отмена этого решения, или что то же, допущение названных книг к употреблению в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения, вызвало бы и среди местных учебных начальств и среди учителей начальных училищ недоумение и склонность думать, что содержание этих учебных книг вовсе не пусто и не бессодержательно, а напротив, составляет достоинство книг, а потому и нужно весь этот материал прорабатывать как полезный. Между тем, если в 1885—1889 гг. признавалось, то и ныне никто не станет отрицать того, что указанный недостаток действительно есть недостаток и притом весьма важный. Посему и за неимением в виду каких-либо других обстоятельств или поводов, кроме прошения К. К. Ушинского, которыми можно было бы оправдать отмену означенного решения, я полагаю, что прошение Ушинского о допущении упомянутых книг к употреблению в начальных училищах должно бы быть отклонено с объяснением, что впредь до исправления книги «Родное слово», год 1-й, ни она, ни «Руководство» не могут быть допущены или одобрены. К сказанному добавлю, что при настоящем положении дела отмена означенного решения может породить и в педагогической литературе и в ежедневной печати разные превратные суждения по направлению в сторону Министерства народного просвещения, что вовсе нежелательно».

Словом, желательно было во что бы то ни стало поддержать авторитет учреждений, принявших решение об изъятии книги Ушинского. Вот почему председатель настойчиво разъяснял, что «если решение об исключении названных двух книг и последовало без должной осторожности, то отмена этого решения должна быть принята с должной осторожностью».

При вынесении окончательного решения мнения членов Особого отдела разделились. 13 членов его, а именно: С.-Илер, Случевский, Шемякин, Федоров, Радонежский, Семека, Соколов, Соллертинский, Майков, Ковалевский, Аверкиев, Селиванов и Виссендорф,— установили: «1) что вопрос об исключении из «Каталога книг для низших училищ» книги «Родное слово», год 1-й, возник случайно, помимо какого бы то ни было заявления лиц или учреждений учебного ведомства о непригодности этой книги в школах, где её употребляли уже в течение 20 лет (1864—1884), 2) что трудно и почти невозможно предположить, чтобы при столь широком распространении книги по всей империи (чему свидетельством 66-е её издание) и притом в течение такого продолжительного промежутка времени, как 20 лет, никто из лиц ведомства Министерства народного просвещения, близко стоящих к народной школе, не заметил в ней существенных недостатков, требовавших изъятия её из употребления, между тем, этого не случилось; напротив, при составлении учебных программ и объяснительных к ним записок в 70-х годах, следовательно, после почти десятилетнего опыта «Родное слово» Ушинского указывалось как одно из лучших руководств (см. Программы гор. по полож. 31 мая 1872 г. училищ); 3) что члены Особого отдела, близко стоящие к делу народного образования, Сент-Илер (бывший директор Учительского института) и Семека (инспектор нар. училищ Петербургской губ.) считают и ныне «Родное слово» одним из лучших методических руководств по начальному преподаванию русского языка, послужившим образцом для весьма многих подобных ему изданий (член Семека говорит: «Все упражнения, встречающиеся в «Родном слове», входят ныне в каждую азбуку. Эти упражнения повторяются на разные лады, развиваются и иногда видоизменяются. Но я не знаю ни одной азбуки, ни одного букваря, рассказы и сказки которого настолько нравились бы детям, настолько занимали и оживляли, как сказки, помещённые в «Родном слове». Причину этого я вижу в той теплоте и сердечности, которыми проникнуто содержание книги, в той родственности, которую ощущает русский ребёнок при чтении народных произведений. Поистине, эта книга — *родное* слово»); 4) что при рассмотрении книги в 1885, 1888/89 гг. Особый отдел, несмотря на значительную перемену в составе членов его, *ни разу, однако, не поставил решения о безусловной непригодности названной книги* для низших учебных заведений, а исключение её из каталога признал неправильным и во всяком случае преждевременным; 5) что, если признать справедливыми мнения противников книги «Родное слово», что она малосодержательна и малополезна для сельских школ, то нельзя *не согласиться и с мнением защитников* этой книги, что в методическом отношении она представляет собой одно из *лучших* руководств по начальному обучению родному языку, знакомство с которым весьма полезно для учителей, особенно малоопытных в деле преподавания и что народный характер книги представляет большое достоинство

для учащихся в начальных городских школах, особенно больших городов, где дети нередко не выезжают из города и совсем не знакомы с сельской жизнью и природой; и 6) что справедливость того мнения, что означенная книга Ушинского не устарела, несмотря на то, что издаётся почти без изменений в течение около 40 лет и что она удовлетворяет требования начальной школы, лучше всего доказывается тем фактом, что, несмотря на исключение книги из школ, подведомственных Министерству народного просвещения, она тем не менее продолжает распространяться в большом количестве экземпляров и после запрещённого для школьного употребления 66-го её издания, повторилась в течение 15 лет 50 раз и в настоящее время представлена на рассмотрение в 116-м её издании. На основании всех этих соображений и обстоятельств *было бы, по мнению вышеозначенных 13-ти членов, справедливым допустить ныне новое, дополненное 116-е издание книги «Родное слово», год 1-й, к классному употреблению во всех низших учебных заведениях*; председательствующий же т. с. Аннин и члены д. с. с. А. Г. Филонов и А. И. Кочетов остались при своём мнении и высказались *против допущения* названной книги в эти школы на основании высказанных ими выше соображений. Что же касается исключённой из «Каталога» книги «Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 1, то поскольку эта книга была исключена по недосмотру или ошибке, Особый отдел, за исключением г. председательствующего, полагал, что означенное 21-е издание её могло бы быть допущено в учительские библиотеки низших училищ».

Товарищ министра, на благоусмотрение которого было представлено постановление Особого отдела, «признал возможным допустить «Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 1, в *учительские библиотеки* низших училищ, что касается книги «Родное слово» для детей младшего возраста, ч. 1, то таковую не признано возможным допустить в качестве классной книги для начальных училищ как необходимое дополнение к вышеуказанному «Руководству», о чём и послано извещение заведующему изданием сочинений Ушинского 13 апреля 1900 г.

Таким образом, тов. министра, в основном, утвердил мнение меньшинства Особого отдела. Но уже в следующем, 1901, году «Родное слово», г. 1-й, было допущено в школы Министерства народного просвещения, о чём и было отмечено в педагогических журналах: в «Вестнике воспитания» в 1901 г., № 8, стр. 114, и в «Русской школе» в 1902 г., № 10—11, стр. 145.

ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ УЧЁНОГО КОМИТЕТА ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ О КНИГЕ К. Д. УШИНСКОГО «РОДНОЕ СЛОВО».

1885 г. (11 января).

А. И. Кочетов.

Рассмотрение «Родного слова» в настоящее время составляет весьма трудную задачу по следующим причинам: 1) руководство это одобрено Министерством и вышло уже 66-м изданием, чему не было примера в России; 2) изданы и одобрены Учёным комитетом книги для чтения, предназначенные для тех народных училищ, которых первою книгою служит первый год «Родного слова»; 3) сам автор этой книги давно умер, а наследники, может быть, не пожелают или не сочтут себя вправе сделать в ней какие-либо изменения, тем более, что книга и в настоящем виде покупается для народных училищ в громадном количестве. Тем не менее, я не могу не высказать по поводу её следующих личных соображений.

Покойный Ушинский вовсе не предназначал «Родное слово» для народных школ. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть его «Руководство к преподаванию по «Родному слову», часть 1». Из этой брошюры видно, что при составлении своей книги Ушинский имел в виду не столько школу (и никак не народную), сколько, главным образом, *городскую семью.* Вот, что пишет он, между прочим, в этой брошюре. Стр. 1: «Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей, я вынес из этого осмотра *полное убеждение, что первоначальное воспитание* и *ученье* детей, по крайней мере, до 8-летнего и даже до *10-летнего возраста*, более на месте в *семье*, чем в общественной школе». Стр. 2.: «Я желал бы, чтобы русская *женщина*, испытав глубокое наслаждение *самой* учить и развивать *своего* ребенка, не уступала этого наслаждения никому без крайней необходимости». Стр. 3: «Я в этой книге имел главною целью — помочь начинающим учить, и *в особенности облегчить для матери* и сделать для неё *приятным* труд первоначального обучения». На стр. 13 рекомендуется продолжать урок на первое время, час

поутру и полчаса после обеда, на следующий же год прибавить по получасу утром и после обеда.

«Если ребёнок,— сказано далее (стр. 15),— в продолжение трёх лет разумно занимается каждый день *от 2 до 3 часов*, то он может так быть *приготовлен к слушанию гимназического курса*, как теперь не бывает подготовлен почти ни один десятилетний мальчик, являющийся к экзамену». О подготовке детей в *средние* учебные заведения упоминается также на страницах 3 и 13. На стр. 62 Ушинский пишет: «Поговорки, прибаутки и скороговорки, *иногда лишённые смысла* (!), я поместил затем, чтобы выломать детский язык *на русский лад* и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка. *Особенно* я рассчитывал на детей так называемого *образованного класса*, того класса, который *испортил свой родной язык*, лишив его цвета, красот поэзии и жизни».

Из сказанного видно, какого рода детей имел в виду Ушинский при составлении своей книги: это — дети образованного класса, получающие первоначальное воспитание в семье.

Ушинский упоминает, правда, и о школе, но его школа значительно отличается от обыкновенных элементарных школ. Вот что он пишет о ней на стр. 16—18: «В наших первоначальных школах, *обучающих грамоте*, часто жалуются на то, что дети, поступая в школу в различное время года, делают невозможным систематическое занятие с *целым классом*. Конечно, если дети поступают в неопределённые сроки — сегодня приведут одного, через неделю другого, и так круглый год, то никакое систематическое обученье невозможно. Но для облегчения родителей следует в *такой школе* назначить приём не иначе, как *по третям года*, а самый *класс* разделить на *три группы*. Такое деление *класса* на группы, из которых одна сильнее другой, не только не вредно, но даже полезно, если наставник умеет, занимаясь с одною группою сам, дать другим полезное, самостоятельное упражнение..... Я не вижу никаких затруднений для каждого благоразумного человека, принимающегося за первоначальное обученье, учить разом три или четыре *немногочисленные* отдела *одного класса*, занимаясь лично с одним из этих отделов и давая другим самостоятельные упражнения. Если наставник привыкнет к такому совместному и одновременному обученью *нескольких классов в одном классе* и войдёт в свою настоящую роль — руководителя самостоятельным учением детей, то он будет в состоянии учить *одних и тех же* детей *два и три года сряду*. При составлении моего учебника, я именно имел в виду дать учащему возможность занять одновременно *несколько детей* или несколько *небольших классов*. С первых же уроков я представляю упражнения для самостоятельной деятельности детей».

Из этого объяснения состава школы можно заключить, что Ушинский имел в виду не ту школу, которая считается ныне нормальною начальною школою, а какую-то иную, где бы первый класс состоял из трёх отделений и учитель вёл бы этот класс в

продолжение 2—3 лет в этом же трёх-отделенном составе. Но для этого нужны классные учителя, которые мыслимы только в очень богатой начальной школе.

Каждый педагог имеет, без сомнения, право издавать руководства с определённою целью и для известного круга учеников, и никто не может обвинить покойного Ушинского за то, что, сознавая великое значение семейного воспитания в возрасте до 10 лет, он составил соответствующую, по его мнению, книгу для чтения как руководство матерям и воспитателям детей городского образованного сословия для первого года обучения. О народной школе он и не думал, так как в то время, когда было издано «Родное слово», русская народная школа почти ещё не существовала. Нет поэтому ничего удивительного в том, что книга эта оказывается совершенно непригодною для сельских народных училищ, и я вполне убеждён, что если бы Ушинский был жив и узнал о распространении его книги в народных училищах,— он изменил бы её всю от первой до последней страницы. Виноваты в настоящем случае те, кто, не подумав, для кого назначена эта книга, и не проверив, отвечает ли она условиям народной школы, ввели и вводят её в эту школу, руководствуясь единственно уважением к авторитету Ушинского и полагая, что если Ушинский издал книжку для первоначального обучения чтению и письму, то книжка эта, несомненно, *должна быть* пригодна и для народной школы. Плохую услугу оказали и оказывают эти лица и Ушинскому, и народной школе. Если раздавались прежде, да местами слышны и теперь протесты против «новой школы», то главную вину в этом должны, по моему мнению, принять на себя те, кто считал обязанностью признать первым учебником в этой «новой школе» книжку Ушинского, никогда и не помышлявшего о таком назначении этой книжки.

Когда вышло первое издание «Родного слова» (в 1864 г.), я был учителем сельской школы. Содержатель её прислал мне тотчас же экземпляр новой книги с просьбою уведомить, не найду ли я полезным ввести её как учебную книгу в свою школу.

Хорошо помню, что смысл моего ответа был тот, что труд Ушинского составляет серьёзный шаг в деле обучения, но употреблять его книгу в народной школе, в качестве книги для чтения, невозможно, так как поступающие в школу сельские мальчики уже переросли предлагаемый в ней для чтения материал. При моей поездке по двухклассным сельским училищам в 1868 г. я имел возможность также удостовериться в непригодности этой книги для народных училищ, о чём и представлял тогда в моём отчёте Министерству. То же заключение о ней я должен высказать и теперь, так как, за смертью Ушинского, в его книжке никаких изменений не сделано.

Первые 24 страницы книги содержат в себе обучение грамоте и не вызывают существенных замечаний. Далее идут статьи для упражнения в чтении, а в конце помещено 10 молитв. Подбор статей для чтения очень неудачен: прозаические — почти исклю-

чительно лишённые нравственного смысла сказки и побасенки, из стихотворных же много пустых, бессодержательных. В подтверждение приведу, например, начало этого отдела книги, выпуская при этом различные упражнения, загадки, поговорки, пословицы и скороговорки:

Петушок (стр. 26).

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Что ты громко поёшь,
Ване спать не даёшь?

Вместе тесно, а врозь скучно.

Говорит брат сестре: «не тронь моего волчка».

Отвечает сестра брату: «а ты не тронь моих кукол».

Дети расселись по разным углам; но скоро им обоим стало скучно. Отчего детям стало скучно?

Золотое яичко (стр. 27).

Жили себе дед да баба
И была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко, яичко не простое,
Золотое.
Дед бил, бил —
Не разбил,
Баба била, била,— не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула:
Яичко упало
И разбилось.
Дед и баба плачут,
Курочка кудахчет:
«Не плачь, дед, не плачь, баба,
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое, простое».

Стр. 28.

Тюшки-тетёшки,
Овсяные лепёшки,
Пшеничный пирожок,
На опарушке мешён,
Высокохонько взошёл.

Догадливый татарин.

Видел татарин во сне кисель, да ложки не было; лёг спать с ложкой — киселя не видал.

Зайчик (стр. 29).

Заинька по сеничкам
Гуляй, таки гуляй!
Серенький по новеньким
Гуляй, погуляй!
Некуда заиньке
Выскочити!
Некуда серому
Выпрыгнути!
Заинька, поскачешь,—
Выскочишь;
Серенький, попляшешь,—
Выпустят!

Репка (стр. 30).

«Посадил дед репку — выросла большая, пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед на помощь бабку. Бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут». Также безуспешно зовёт далее бабка внучку, внучка — Жучку, Жучка — Машку. Но вот кликнула Машка мышку и — «мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут — вытащили репку».

Лошадь и соха (стр. 32).

Говорит лошадь сохе: «надоело мне тебя таскать». Отвечает соха лошади: «а мне надоело тебя кормить».

Хоровод (стр. 33).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробышек маленький!
Ах, братцы, мало нас!
Голубчики, немножко!
В хороводе людей мало,
Веселиться не с кем стало.
Ах, братцы, мало нас!
Голубчики, немножко!
Максим, сударь, поди к нам,
Егорович, приступись!
Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!

Стр. 34.

Сбил, сколотил — вот колесо! Сел да поехал: ах, хорошо. Оглянулся назад — одни спицы лежат.

Теремок мышки.

«Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норушка: «терем-теремок! кто в тебе живёт?» Никто не отзывается. Вот мышка стала жить да поживать в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка: «терем-теремок! кто в тереме живёт?» — Я мышка-норушка, а ты кто? — «А я лягушка-квакушка». — Ступай ко мне жить.

Прыгнула лягушка в теремок и стали с мышкою вдвоем жить.

Прибежали затем: заяц, «на-горе-увёртыш», лисица, «везде поскокиш», волк, «из-за кустов-хватыш», и все поселились вместе в лошадиной голове. Приходит, наконец, медведь, «всех-вас-давиш», сел на лошадиную голову и раздавил всех».

Храбрая собака (стр. 36).

— Собака, что лаешь? — «Волков пугаю».— Собака, что хвост поджала? — «Волков боюсь».

Бурёнушка.

Уж как я ль свою коровушку люблю!
Уж как я ль-то ей крапивушки нажну!
Кушай вволюшку, коровушка моя,
Ешь ты досыта, бурёнушка моя!
Уж как я ль мою коровушку люблю!
Сытна пойла я коровушке налью;
Чтоб сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочек бурёнушка дала.

Других не суди, на себя погляди (стр. 38).

Пришла свинья к коню и говорит: «ноги -де кривы, и шерсть не гладка».

Кулик.

— Кулик! где живешь? — «На болоте».— Иди к нам в поле. — «Не пойду: там сухо».

Жил был журавль да овца,
Накосили они стожок сенца:
Не сказать ли сказку с конца?

Козлик.

Жил был у бабушки
Серенький козлик.
Вот как! Вот как!
Серенький козлик.

Бабушка козлика
Очень любила
Вот как! Вот как!
Очень любила.

Вздумалось козлику
В лес погуляти.
Вот как! Вот как!
В лес погуляти!

Напали на козлика
Серые волки.
Вот как! Вот как!
Серые волки!

Оставили бабушке
Рожки да ножки.
Вот как! Вот как!
Рожки да ножки.

Я привёл здесь первые 12 страниц целиком, чтобы показать, что предлагается в этой книге читать тем детям, которые одолели грамоту и первоначальные в ней упражнения и могут приступить к *сознательному* чтению. Совершенно такие же статьи содержатся и дальше в книге, до самого её конца. Для примера я возьму из средины лишь одну прозаическую статью и одно стихотворение. Заглавие первой «*Умей обождать*» (стр. 59). Вот её содержание:

«Жили-были себе брат и сестра, петушок да курочка. Курочка была благоразумная, а петушок легкомысленный. Наелся петушок, несмотря на предупреждение курочки, незрелой, зелёной смородины и захворал. Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник и прошло.

«Выздоровел петушок и пошёл в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью холодную воду пить. Курочка его останавливала, но он всё-таки напился, и тут же стала бить его лихорадка, насилу домой курочка его довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

«Выздоровел петушок к зиме, и вздумалось ему по тонкому ещё льду на коньках покататься, хоть курочка и предостерегала не делать этого. И вот лед проломился, и петушок — бултых в воду! Только петушка и видели».

Борзый конь (стр. 80).

Гоп-гоп! Ну, скачи в галоп!
Ты лети, конь, скоро, скоро,
Через реки, через горы!
Всё-таки в галоп — гоп-гоп!
Трух-трух! рысью, милый друг!
Ведь сдержать-то станет силы.
Рысью, рысью, конь мой милый!
Трух-трух! Не споткнись, мой друг!

Приведу конец книги, чтобы показать, что и здесь предлагается чтение, не подлежащее для сельской школы.

Котик (стр. 87).

У кота-воркота
Была мачеха лиха.
Она била его, приговаривала:
Не ходи по чужим, по дворам,
Не качай чужих детушек.
Приди, котик-кот, ночевать,
Приди Митиньку качать!
Я тебе-то, коту,
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
И кусок пирога.

Петух и собака (стр. 89).

Сказка о том, что у старика и старухи, очень бедных, жили петух и собака. И надумали они уйти от своих хозяев в лес. Когда пришла ночь, взлетел петух на сук, а собака залезла в дупло. Наутро приходит к ним лисица и зовёт петуха к себе в гости, а тот отвечает, что он не может идти без товарища: лиса подумала, что в дупле другой петух и подошла к дуплу; собака схватила её за морду и загрызла.

Гуси, где вы бывали? (Стр. 90.)

Гуси вы, гуси,
Красные лапки!
Где вы бывали,
Что вы слыхали?
Где вы видали
Ванюшину мать?
А Ванюшина мать
В поле гуляет,
Цветы собирает,
Венок завивает
Ванюше своему.

Трусливый Ваня (стр. 91).

Содержание этого рассказа такое: вернулся Ваня в сумерках домой, когда в избе никого не было, и слышит, что на печи кто-то пыхтит; это было тесто в квашне, а он подумал, что домовой, и бросился бежать. Впотьмах наступил Ваня на кочергу, а она его по лбу ударила, и он ещё более испугался. На беду распустилась у него верёвка у лаптя, и, выбегая из избы, он прихлопнул её дверью. Растянулся Ваня в сенях и вопит благим матом. Сбежались соседи, узнали в чем дело и стали над Ваней смеяться.

Небывальщинки (стр. 92).

Среди моря овин горит,
По чисту полю корабль бежит;
Мужики на улице заколы бьют,
Они заколы бьют, рыбу ловят,
По поднебесью медведь летит,
Длинным хвостиком помахивает.

Лиса и кувшин.

Рассказывается о том, что лиса нашла в поле кувшин с молоком, всунула в него голову и вылакала молоко; но назад голову из кувшина вытащить не может. Рассердилась лиса и побежала к реке кувшин топить. Кувшин-то утонуть — утонул, да и лису за собою потянул.

Стр. 93.

Пошёл козёл на базар,
Купил козёл курочку.
Курочка черна-пестра;
Уточка с носка плоска;
Тигонька* — гага-гого!
Свиночка — вики-вики!
Козынька — стуки-брыки!
Балинька** — бебе-бебе!
Коровушка — му-му, му-му!
Рыбочка — плыви, плыви!
Воробышек — лети, лети!
Лошадушка — беги, беги!
Ванюшеньку — вези, вези!

Приведённые мною выписки, кажется, достаточно обрисовывают общий характер книги. Помещённые в ней статьи, большею частью, слишком пусты и бессодержательны для того, чтобы

* Гусь
** Овечка.

быть предметом *классного* чтения в школе. Место этой книге — в семье или в начальной школе для детей до 6-ти-, до 7-милетнего возраста, у которых в перспективе много лет дальнейшего обучения. В народную же школу поступают дети более взрослые и, должен сказать по опыту, более серьёзные, чем городские дети их возраста.

Дать им для чтения в течение целого года почти исключительно сказки, побасенки да разные «тюшки-тетёшки», «вики-вики», «стуки-брыки» — значит *оскорбить* и их, и родителей их, которые, следует сказать, также серьёзнее смотрят на начальное учение, чем родители городских детей.

Нельзя не принять во внимание и того, что на прохождение полного курса народной школы полагается обыкновенно *три* года, причём ученье продолжается, большею частью, не более 7-ми месяцев в году. Следовательно, крестьянин учится в продолжение *всей своей жизни* только около *20-ти месяцев* и в этот короткий срок должен ознакомиться со всем тем, что ему необходимо и полезно знать как христианину и как человеку. Имеет ли поэтому право народная школа так непроизводительно тратить столь дорогое время на чтение пустых статеек «Родного слова», вроде вышеприведённых? Я, с своей стороны, могу дать на это лишь один ответ: «нет, не имеет права» и полагаю, что «Родное слово» попало в народную школу лишь по недоразумению или по излишнему усердию почитателей Ушинского.

На основании всего вышеизложенного я считаю обязанностью предложить Особому отделу Учёного комитета признать книгу Ушинского «Родное слово», год первый, слишком мало содержательною для народных училищ и уступающею в этом отношении некоторым из позже вышедших книг для первоначального классного чтения, а потому подлежащею *исключению* из числа книг, одобренных Министерством народного просвещения для употребления в означенных училищах в качестве учебника. Ввиду весьма значительного распространения рассматриваемой книги в народных школах было бы, может быть, полезно сообщить об этом попечителям учебных округов. Позволю себе предложить это последнее в том убеждении, что чем решительнее будет изъято из народных училищ «Родное слово (год первый)», тем скорее наша народная школа станет на надлежащий путь и тем реже придётся Особому отделу Учёного комитета иметь дело с плохими компиляциями народных учителей, составленными по образцу Ушинского и под обаянием огромных материальных выгод, которые доставляет его книжка.

К. К. Сент-Илер.

Хотя я нахожу, что недостатки этой книжки в докладе моего уважаемого сочлена А. И. Кочетова значительно преувеличены, но с главною мыслью этого доклада согласен: в 1-й части

«Родного слова» большинство статей по содержанию довольно пусты и недостаточно серьёзны для учеников народных школ. Однако против исключения этой книжки из каталога учебников, одобренных Министерством народного просвещения, позволю себе сделать следующие возражения:

1) «Родное слово» Ушинского одобрено в 1864 г. и с этого времени успело получить такое распространение, которое не досталось, вероятно, на долю ни одной книги в России. Не могу представить данных о первых шести годах, но с 1871 по 1885 год, т. е. в течение 14 лет, по собранным мною сведениям продано около двух миллионов шестисот шестидесяти тысяч экземпляров первой части «Родного слова» и около двух миллионов 2-й части, причём количество продаваемых экземпляров ежегодно увеличивается, например, 1-я часть с 140 тыс. (1871 г.) дошла до 260 тыс. (1884 г.) ежегодной продажи, а 2-я часть с 120 тыс. до 190 тыс. Эти громадные цифры доказывают, что пользование этой книгою сделалось для наших народных школ *необходимостью* и никакое запрещение не в состоянии *фактически* уничтожить это пользование. Мне кажется, что, исключив «Родное слово» из «Каталога», Министерство народного просвещения поставит себя в неловкое положение, так как постановление это не будет исполняться, особенно в земских и других школах, где выбор учеников зависит не от инспекторов народных училищ.

2) «Родное слово» не только одобрено Учёным комитетом в 1864 г. но *особенно рекомендовано* для первых двух отделений городских училищ в программе для этих учебных заведений, утверждённой г. министром народного просвещения в январе 1877 года. Кроме того, об этой книге упоминается во многих программах, составленных в дирекциях народных училищ и утверждённых попечителями учебных округов, например, программа Архангельской и Новгородской дирекции. Если запретить употребление 1-й части «Родного слова», то нужно изменить все эти постановления.

3) Исключение «Родного слова» из каталога одобренных книг вследствие недостатков, изложенных в докладе А. И. Кочетова, может возбудить протест заинтересованных лиц, так как очень многие другие буквари, одобренные Учёным комитетом, страдают теми же недостатками, как и «Родное слово», но лишены достоинств этой книжки. Недавно одобрена хрестоматия Баранова, на заглавном листе которой прямо сказано, что она назначена для школ, где обучение происходит по «Родному слову». Не придётся ли уничтожить и это одобрение?

4) Наконец, со стороны Учёного комитета было бы неудобно запретить употребление столь распространённой книги после двадцати лет одобрения, без оглашения мотивов такого решения. Если же напечатать мнение Учёного комитета, то следует составить очень обстоятельный разбор 1-й части «Родного слова», в котором упомянуты были бы не только одни недостатки, но и несомненные достоинства руководства Ушинского.

Я бы полагал более удобным до исключения 1-й части «Родного слова» Ушинского спросить мнение об этой книге близко стоящих к делу народного образования, т. е. директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий. В циркулярном предложении Министерства могли бы быть упомянуты замеченные недостатки книги и даже указаны (но только в виде вопросов) учебники, которыми возможно было заменить 1-ю часть «Родного слова».

К. К. Сент-Илер.

Докладная записка министру относительно запрещения 1-й части «Родного слова» Ушинского (июнь 1885 г.).

С 1872 г. напечатано около 3-х миллионов экземпляров «Родного слова» и ежегодно печатается от 250 до 300 тысяч. Если предположить, что годными к употреблению остались лишь экземпляры 2-х последних лет, то окажется, что в обращении находится почти полмиллиона экземпляров, т. е. ежегодно около 500 тысяч русских детей учится грамоте по этой книжке. Исключив половину этого количества для семейств и школ других ведомств, всё же окажется 250 тысяч экземпляров в народных училищах ведомства Министерства народного просвещения. Если предположить, что в каждой школе 25 детей учится по 1-й части «Родного слова», что не следует считать цифрою преувеличенной, то мы придём к заключению, что 10 000 учителей обучают грамоте по вышеупомянутому руководству и должны будут переменить учебник и начать преподавать по другой системе. Лица, близко стоящие к делу народного образования, знают, что перемена учебника, а особенно учебника первоначальной грамоты, дело очень немаловажное для учителей народных школ, которым очень трудно изменить раз усвоенные приёмы преподавания и свободно перейти к другому приёму, им дотоле малоизвестному. Поэтому, чтобы избежать разных недоумений или, по крайней мере, ослабить вред внезапного запрещения книги, по которой несколько миллионов русских детей выучились грамоте, Министерству народного просвещения следует принять известные меры, имеющие целью подготовить учителей к этой перемене и дать им полезные указания относительно новых требований Министерства. Такие предварительные меры необходимы точно так, как при перемене ружей в войсках следует сначала убедиться в том, что солдаты хорошо владеют новым оружием, и тогда отобрать ружья старой системы. Иначе может случиться, что в известное время войско окажется вовсе без оружия. Основываясь на вышесказанном, я считаю долгом представить следующие соображения:

1) Не благоугодно ли будет его высокопревосходительству назначить двух- или трёхлетний срок, в течение которого употребление «Родного слова» при классных занятиях не ставилось бы в вину учителям, для того чтобы дать им время узнать о новом распоряжении Министерства и подготовиться к другой системе преподавания.

2) По программе для городских училищ, утверждённой господином министром народного просвещения в январе 1877 года, 1-я часть «Родного слова» Ушинского считается обязательным учебником для 1-го отделения этих училищ. Для избежания всяких недоразумений следует тотчас же циркулярно объявить директору училищ, что это указание программы отменяется. При этом придётся совершенно изменить программу русского языка обоих первых отделений городских училищ, так как она составлена очень подробно и вся построена на методе обучения родному языку, который изложен Ушинским в I и II части «Родного слова», причём достоинства этого метода обстоятельно изложены в объяснительной записке, приложенной к программе. Поэтому в циркуляре придётся не только отменить прежнее предписание, но и составить новое, в котором метод преподавания Ушинского был бы заменён другим, более современным методом.

3) Многие директоры и инспекторы народных училищ, а также училищные советы составили программы и указания относительно преподавания в народных училищах своих районов; программы эти утверждены господами попечителями учебных округов по принадлежности и потому имеют для народных учителей обязательное значение. Почти во всех этих программах «Родное слово» рекомендуется как лучшее или, по крайней мере, как одно из очень полезных руководств для обучения грамоте. Необходимо немедленно объявить о запрещении «Родного слова» и потребовать, чтобы все программы, где это руководство рекомендуется чинами Министерства народного просвещения, были как можно скорее заменены новыми, чтобы избавить народных учителей от ответственности, которой они подвергаются, преподавая по учебнику, запрещённому Министерством. Точно так же следует предложить господам попечителям округов известить и подведомственные им учительские семинарии, чтобы они отныне не позволяли себе рекомендовать в курсах методики русского языка «Родное слово» как одно из лучших руководств для обучения грамоте, что почти везде делается Почти во всех руководствах педагогики и методики, одобренных Министерством народного просвещения для учительских семинарий, о «Родном слове» Ушинского говорится с похвалою. Следует известить учительские семинарии и институты, чтобы в курсах методики было разъяснено семинаристам, что эти похвальные отзывы ошибочны и не согласны с предписаниями Министерства. Сразу запретить все педагогические книги, где о «Родном слове» говорится как об очень полезном руководстве, я бы считал

несколько затруднительным, так как в каталоге не осталось бы ни одного курса педагогики и методики.

4) Голословное запрещение столь распространённого руководства без объяснения мотивов этой меры, было бы совершенно неуместно со стороны Министерства народного просвещения, имеющего, без сомнения, очень высокие причины не дозволять употребления книги, которую оно дозволяло и даже рекомендовало в течение двадцати лет. Чтобы все заинтересованные в этом лица, а таких лиц следует считать, как мы видели, десятками тысяч, вполне сознали законность меры, ныне принятой Министерством народного просвещения, следует напечатать мнение А. И. Кочетова о «Родном слове» Ушинского, которое послужило поводом к запрещению этой книги в «Журнале Министерства народного просвещения». При этом я, однако, должен заметить, что вышеозначенное мнение далеко не разрешит всех вопросов, которые могут возникнуть по случаю запрещения «Родного слова» как учебника в начальных училищах. В докладе своём А. И. Кочетов старается убедительно доказать, что статьи для чтения первой части «Родного слова» малосодержательны и имеют большей частью детский, шуточный характер и потому неуместны в нашей школе. Этот недостаток руководства Ушинского известен уже давно, но «Родное слово» нельзя рассматривать только как книгу для чтения: это есть систематическое руководство с известною последовательностью устных и письменных упражнений, которые должны, по мнению автора, постепенно научить ребёнка правильно говорить, читать и писать по-русски. Метод этот до сих пор считался очень удачным, успехи учеников при этих приёмах были заметнее, чем при употреблении другого учебника; вот за что хвалили и хвалят «Родное слово», несмотря на общепризнанную пустоту содержания статей 1-й части. А. И. Кочетов ничего почти не говорит о достоинствах и недостатках системы обучения Ушинского; он даже с похвалою отзывается об азбуке его, которою начинается первая часть «Родного слова», так что взгляд Министерства народного просвещения на «Родное слово» как учебник для народной школы напечатанием доклада А. И. Кочетова не будет достаточно выяснен. Из того, что 2-я часть «Родного слова» допущена к употреблению, можно вывести заключение, что способ преподавания, рекомендуемый Ушинским, считается возможным. Но как приняться за упражнения 2-й части, перескочивши все упражнения первой части? Вопрос этот может служить задачею и для опытного педагога, а предлагать его без должных указаний малоопытным народным учителям довольно рискованно. Очевидно, что Министерство народного просвещения должно высказаться с большею определённостью и обстоятельно изложить свой взгляд на приёмы обучения Ушинского. Если система преподавания родного языка Ушинского не одобряется, то следует немедленно исключить из каталога 2-ю часть «Родного слова» Ушинского, объяснив в «Журнале Министерства народного просвещения» причины этого

исключения. Если же Министерство считает возможным допустить метод преподавания вышеназванного автора, то 1-ю часть «Родного слова» следует, по крайней мере, поместить в число книг, допущенных в учительские библиотеки народных училищ, чтобы учителя могли воспользоваться упражнениями 1-й части, которые значительно облегчат дело преподавателя, когда ему приходится заниматься с тремя отделениями зараз. В таком случае строгие циркуляры об исключении «Родного слова» могли бы быть заменены указаниями, что рядом с «Родным словом» должна быть заведена другая книжка для чтения со статьями, более содержательными.

Считаю долгом при этом заметить, что в последнее время многие рекомендуют новую азбуку графа Толстого взамен «Родного слова» Ушинского. В азбуке графа Толстого материал для чтения, бесспорно, лучше, чем у Ушинского, но замена одной книжки другою вовсе не так легка, как с первого раза кажется. В «Родном слове» мы видим полную, строго обдуманную систему обучения, в которой учитель постоянно находит указания, что́ задать, что́ спросить, что́ заставить писать и т. д.; можно находить эту систему неуместною для русской народной школы, спорить о правильности, но следует всегда иметь в виду, что по книге Ушинского учителю было легко учить, чем объясняется её успех. Азбука Толстого представляет, напротив того, только один материал для чтения, даже без должной постепенности во всех частях, так что учитель совершенно предоставлен самому себе и поведёт дело прекрасно, если он опытен и хорошо обучен, но наделает больших ошибок, если у него вышеназванных качеств нет. Кроме того, азбука эта приспособлена к буквослагательному способу преподавания, к которому нам едва ли можно вернуться, а также она вовсе не имеет в виду обучения письму, так что рядом с нею должно быть введено руководство к обучению письму с прописями.

Из вышесказанного можно заключить, что после запрещения «Родного слова» учителя постараются заменить это руководство другим, но сходным с ним по методу обучения. Подобных подражаний «Родному слову» много, и почти все они одобрены Министерством народного просвещения. Таким образом, запретив «Родное слово», Министерство косвенно поощрит руководства вроде «Родная речь» Воженского, «Школьные ступени» Деркачева, «Первый шаг» Фролкова и т. п., в которых статьи нисколько не лучше, чем в «Родном слове», а метод преподавания гораздо хуже, так как он представляет лишь те же приёмы, как у Ушинского, с добавлением разных излишних вопросов и рассуждений. Поэтому вместе с исключением «Родного слова» должны быть непременно исключены и плохие подражания этой книге: следовательно, должно приступить к пересмотру всего каталога одобренных азбук и книг для чтения».

1888 г. (ноябрь) — 1889 г. (март).

А. И. Кочетов (11. XI. 1888 г.).

Возражение на докладную записку Сент-Илера.

1) Сент-Илер признаёт необходимым двухлетний или трёхлетний срок для того, чтобы учителя могли узнать о неодобрении Министерством «Родного слова» и приготовиться к другой системе преподавания. Предложение это в настоящее время потеряло значение, так как каталог, из которого исключён первый год «Родного слова», приложен к сентябрьской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» за 1887 год и разослан отдельными оттисками в прошлом учебном году, следовательно, распоряжение Министерства известно уже теперь, без сомнения, всем учителям. Предположение же господина Сент-Илера, будто учителю народной школы необходимы годы для приготовления себя к обучению по новой книге для чтения, я считаю преувеличенным. К тому же не может быть сомнения в том, что в тех школах, где учились по «Родному слову», книга эта будет ещё употребляться некоторое время, пока не истощится запас её в училищном или земском складе.

2) Что касается программы русского языка для городских училищ, то в ней, действительно, кроме общих дидактических указаний, применимых ко всякому учебнику, есть и частные, относящиеся к «Родному слову». Поэтому пересмотр и изменение этой программы представляется желательным и тем более, что и в прочих частях она не согласна со взглядами и указаниями Учёного комитета. Так, начальное обучение чтению рекомендуется соединять с «наглядными беседами о тех предметах, названия которых берутся для изучения того или другого звука» (стр. 21). Приём этот обыкновенно не одобрялся Особым отделом Учёного комитета, и сам распространитель его, Бунаков, давно не настаивает на его важности. Затем, руководством по русской грамматике предлагается «Учебник русского языка» Селитренникова (стр. 16 и 29), который был на рассмотрении Учёного комитета и не одобрен. Учебником для изучения церковно-славянской грамматики рекомендуется (стр. 32) «Грамматика славяно-церковного языка» Классовского, между тем грамматика эта признана Учёным комитетом только хорошею справочною книгой для учителей и законоучителей и одобрена лишь как «пособие». К этому считаю возможным присовокупить, что по отзывам некоторых попечителей учебных округов (в годовых отчётах) нынешние программы городских училищ вообще слишком трудны и невыполнимы. Таким образом, пересмотр этих программ представляется настоятельно необходимым не только по случаю исключения «Родного слова» из числа одобренных книг, но и по другим причинам.

3) То обстоятельство, что «Родное слово» включено во многие программы для народных школ, не имеет в настоящее время значения, так как Особым отделом Учёного комитета выработаны уже ныне нормальные программы для этих училищ, не приуроченные к каким-либо определённым учебникам. Притом все эти программы не имеют тесной связи с «Родным словом», и замена этого учебника другим ничего в них не нарушит. Попечитель Виленского учебного округа сообщал, например, при мне в департаменте, что, узнав об исключении «Родного слова», он немедленно сделал распоряжение, чтобы книга эта впредь не приобреталась народными училищами, была заменена другим учебником. Вероятно, такое же распоряжение сделали уже (по крайней мере, должны бы были сделать) и другие попечители.

4) Исключить «Родное слово» из числа книг, одобренных для народных школ, без объяснения мотивов к тому, было бы, я полагаю, Министерству не вполне удобно только по отношению к наследникам покойного Ушинского; но, как было упомянуто выше, вдове его были представлены эти мотивы. Печатать же какие-либо официальные объяснения по этому поводу в «Журнале Министерства народного просвещения», за состоявшейся и исполненной уже резолюцией господина министра представляется мне излишним; тем более, что требования, которые предъявляет ныне Министерство к книге для чтения, предназначенной к употреблению в народной школе, и которым не удовлетворяет «Родное слово» по своему содержанию, изложены в опубликованной в 1886 году конкурсной программе для составления такой книги на премию императора Петра Великого.

К этому считаю не лишним присовокупить, что отзывы о непригодности «Родного слова» для народных училищ появлялись уже в последнее время в печати, а потому исключение его из каталога не представится неожиданностью для учителей и публики. Так, в книге господина Рачинского «Заметки о сельских школах», разосланной Министерством ещё, кажется, в 1884 году в нескольких тысячах экземпляров в учительские семинарии и школы, о «Родном слове» сказано (стр. 56): «Книга эта писана для детей иного возраста и иного сословия, чем ученики наших сельских школ. Пользуется она в нашем официально-педагогическом мире авторитетом почти каноническим и поэтому добросовестно и безжалостно употребляется в наших министерских училищах. Но в большей половине прочих школ она служит просто книгою для чтения, ибо заключающиеся в ней упражнения чересчур ребячливы для наших сельских учеников. Но и в этом последнем качестве она в сельской школе крайне неудобна по своему содержанию». Ещё убедительнее должны быть в этом случае слова самого Ушинского, которые приведены в изданной в начале 1887 года книге «Русские педагогические деятели». В помещённой здесь биографии Ушинского на стр. 57-й рассказывается, что когда он узнал о распространении «Родного слова» в

народных школах, то писал в одном письме: «Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить «Антропологию», и потом только я сколько-нибудь применю «Родное слово» к потребностям сельской школы» (стр. 57). Преждевременная кончина помешала Ушинскому привести в исполнение это намерение, и «Родное слово» осталось в прежнем виде, «нисколько не применённым по убеждению самого автора к потребностям сельской школы». Затем, в московских церковных ведомостях за 1887 год напечатана речь, сказанная при открытии церковно-приходской школы в г. Богородске М. Ф. Грачёвым (описание торжества со всеми речами издано потом и отдельною брошюрою). В речи этой господин Грачёв в весьма сильных и резких выражениях отзывается о «Родном слове» и укоряет Министерство народного просвещения за допущение этой книги к употреблению в народных школах. Укажу ещё на помещённую в «Московских ведомостях» за 1885 год (№ 224, 15 августа) статью о «Братском слове» Пуцыковича, начинающуюся следующими словами: «Недавно произнесённый официальный приговор о книге «Родное слово» Ушинского как «неудобной для употребления в училищах» — событие большой важности, как громкое свидетельство о наступившем перевороте в деле начального обучения русской грамоте». И далее: «Итак теперь, благодарение богу, кажется, наступает конец дидактической свистопляске. Приговор о «Родном слове» — доброе начало хорошего конца и должен вызвать полное сочувствие в каждом радетеле о народном образовании России».

На основании всего сказанного, я признаю желательным лишь пересмотр программ городских училищ, остальные же предложения господина Сент-Илера считаю в настоящее время излишними. При пересмотре программ было бы, кажется, полезно иметь в виду мнения об этом окружных управлений.

А. Е. Радонежский (17. III. 1889 г.).

Мнение о книге Ушинского «Родное слово».

(Изложив историю вопроса, из которой видно, что исключение книги для учащих по «Родному слову» сделано незаконно, так как постановления об этом не было, исключение же «Родного слова», год 1-й, сделано неправильно и преждевременно, ввиду чего Особый отдел Учёного комитета должен был вновь рассмотреть 1-ю часть «Родного слова» и доклад по этому вопросу поручено сделать Радонежскому, последний предложил нижеследующий разбор «Родного слова»).

Непригодность 1-й части «Родного слова» А. И. Кочетов в своём докладе доказывал, во-1-х, тем, что эта книга самим автором предназначалась для городской семьи и для детей образован-

ного общества, но отнюдь не для школы, тем менее для школы народной; во-2-х, тем, что заключающийся в книжке материал для чтения слишком пуст и бессодержателен для деревенских детей школьного возраста. В докладе перечислены самые статьи, отличающиеся своею бессодержательностью.

С мнением о бессодержательности некоторых статей «Родного слова» нельзя не согласиться, но мнение, что 1-ю часть «Родного слова» сам автор не предназначал для школы вообще и народной в особенности, совершенно несправедливо. Что Ушинский предназначал 1-й год «Родного слова» для школы, а не для одних семейных занятий, об этом у него самого есть немало указаний. Так, на 1-й же странице своего «Руководства к преподаванию по «Родному слову» он говорит: «Издавая руководство для учащих по «Родному слову», я имел в виду не только школу, но и семью» («Руководство», ч. 1, стр. 1).

Начиная с этих первых строк до последних своего «Руководства для преподавания», Ушинский говорит о школе, классе, классной дисциплине, разделении учеников на группы и т. д. (стр. 17). «При составлении своего учебника,— читаем на стр. 18,—я имел в виду дать учащему возможность занять одновременно несколько детей или несколько небольших классов. С первых же уроков я представляю упражнения самостоятельной деятельности детей». С другой стороны, несомненно и то, что, предлагая свою книгу главнейше для школы, Ушинский имел в виду при составлении её и семью, так как странно было бы отделять стеною школу от семьи. Сближение школы с семьёю и придание школе семейственного характера Ушинский признавал главнейшим средством, обеспечивающим успех преподавания в начальной школе. «Школа для малолетних тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу» («Руководство», ч. 1, стр. 1 и 2), говорит он.

Таким образом, считаю доказанным, что 1-й год «Родного слова» предназначался для школы. Для какой же школы, одной ли городской или деревенской, предназначал автор свою книжку? Что автор предназначал свою книгу для народной школы, он об этом, правда, прямо не говорит, потому что, по смыслу всех его методических указаний, он имеет в виду первоначальное обучение отечественному языку и вообще русских преподавателей, и вообще в русской школе, какая бы она ни была, городская или деревенская. Но из самого содержания первого года «Родного слова», можно ясно видеть, что под общей русской школой он разумел, если не исключительно, то, главным образом, народную школу. Вот сему доказательства. Вся система первоначального преподавания русского языка в 1-й части «Родного слова» основана Ушинским на том положении, чтоб ученье начинать с наглядного, знакомого ребёнку. В числе предметов, о коих идёт речь в 1-й книжке «Родного слова» на первых страницах и на первых картинках, видим: ели, ивы, село, улей, сани,

гуси, вилы сито, пилы, цепы — всё это предметы сельского быта.

Далее: большие рисунки изображают крестьянскую избу (27 стр.), сарай (30 стр.), мужика с сохой (31 стр.), двор, где женщина кормит цыплят (41 стр.), мужик едет на дровнях (иллюстрация стихотворения Пушкина «Зима» —61 стр.), вид избы (65 стр.), плотники строят избу близ деревни (88 стр.) и т. д. Затем половину, если не три четверти книги 1-й части «Родного слова», занимают народные сказки, песни, пословицы, поговорки, загадки. Скорее изобилием, нежели недостатком народного элемента страдает 1-й год «Родного слова».

Но мне кажется, при обсуждении достоинств той или другой учебной книги, в особенности такой, как «Родное слово», едва ли большое значение должен иметь вопрос — предназначал ли или не предназначал автор свою книгу для народной, или городской школы, или домашнего обучения.

В последнее время очень распространён взгляд, что книга для народной школы должна исключительно говорить о простом народе, его быте и пр. Такой взгляд односторонен. Мне кажется, книга для чтения в школе всякая хороша, если она понятна известному возрасту, занимательна, учит правде, добру. Откуда взято содержание — из быта городского, сельского, жизни образованного общества или народной — вопрос второстепенный. Допустим, что Ушинский назначал своё «Родное слово» для детей образованного общества, но если книга понятна и полезна и для крестьянских детей, почему же по ней не учить в народной школе? Доказательство общепригодности известной статьи у всех на глазах. Чтение полковника Шведова о событии 17-го октября теперь вызывает одинаковый восторг и в безграмотном крестьянине, и в гимназисте, и в институтке, и в ученике народной школы. Такими-то общеполезными статьями должна наполняться книга для первоначального чтения, в какую бы школу она ни предназначалась. Но при обсуждении вопроса, исключить ли 1-ю часть «Родного слова» из каталога одобренных книг, следует принимать не одни идеальные требования, а и то обстоятельство, во-1-х, настолько вредна или полезна книжка сама по себе, во-2-х, насколько лучше другие книги, предназначенные для той же цели и находящиеся в каталоге одобренных книг.

«Родное слово» появилось в 1864 году. В двадцать слишком лет взгляды у нас на задачи начального обучения и средства достижения оных очень во многом изменились. Вместе с развитием педагогического сознания стали предъявляться другие требования к школе, вместе с сим явилось недовольство прежними учебниками, потребность в других. Заметим, впрочем, что разочарование увлечениями 60-х годов произошло в области не одной школы. При таком положении дел очень естественно, что книга Ушинского — дитя своего времени и обстоятельств, казавшаяся многим при своём появлении в свет венцом дидактического искусства, оказалась в некоторых отношениях не удовлетворяю-

щей новым, более зрелым, более разумным требованиям от книги для классного чтения и начальной народной школы. Требования эти официально выражены Учёным комитетом в объявлении о конкурсе. Но самый факт объявления конкурса для составления книги для чтения в сельской школе служит смягчающим обстоятельством при оценке книги Ушинского, так как в продолжение 24 лет после Ушинского явилось много книг, сходных по названию с «Родным словом», но между ними не оказалось ни одной, в достаточной степени удовлетворяющей новым требованиям.

«Родное слово» во всех своих трёх частях имеет очевидные недостатки, но обладает также и несомненными достоинствами. Рассмотрению моему подлежит, главным образом, первый год «Родного слова», но так как все три года, особенно первый и второй, тесно между собою связаны одной системой, то я, при обсуждении, коснусь кратко книги и в целом её составе, дабы выяснить план построения этого, во всяком случае строго обдуманного, методического руководства для первоначального обучения отечественному языку.

В своём «Руководстве для преподавания по «Родному слову», автор подробно объясняет свой метод обучения, проводимый со строгой системой, так что статейка в две строки, всякое слово заняли в книге известное место, вследствие лежащего в основе всего руководства плана. Один ряд статей назначен «для выработки устной речи», другой — для развития сообразительности, третий — для хорового пения, четвёртый — для пения, пятый — для поддержания весёлого расположения духа в детях, шестой — для возбуждения внимания и т. д.

Первый год «Родного слова» содержит в себе азбуку, прописи и первые упражнения в чтении, письме. По общему признанию и по отзыву доклада А. И. Кочетова, эта часть 1-го года «Родного слова» не вызывает замечаний. За азбукой следует первая книга для чтения, в которой заключается, во-1-х, подбор отдельных названий предметов в группах 36-ти номеров, расположенных в стройной системе, начиная от самых известных ребёнку учебных вещей, игрушек. Эти группы назначены, во-1-х, для чтения (механического), во-2-х, для развития сообразительности, устной речи и писания отдельных слов по родам. Это первый род упражнений, и для него предназначены двадцать номеров (групп). Начиная с группы № 21, ученики начинают упражняться в составлении кратких предложений. Письменные работы состоят в окончании неоконченных фраз. Второй год представляет собственно книгу для чтения как продолжение и повторение упражнений первого года; третий год — грамматику как завершение и увенчание всех предыдущих работ.

Такую систему нельзя не признать рациональною, в общих чертах отвечающею недавно проектированной Особым отделом Учёного комитета программе русского языка в начальной народной школе. Рассматривая с этой стороны «Родное слово», мы при-

ходим к следующему логическому выводу: или должно отрицать все три части «Родного слова», так как они представляют одно методическое целое, или все три принять: но одобрять одну часть из трёх было бы чрезвычайно неудобно. Так, все письменные упражнения в «Родном слове» расположены в строгой постепенности: на первом году ученики пишут буквы, слоги, слова, краткие предложения, во втором — распространённые предложения разных видов; на третьем году упражнения первых двух лет сводятся в одно целое, систематизируясь в краткий курс грамматики.

При этом не следует упускать из виду, что известностью и распространённостью книга Ушинского много обязана тем разъяснениям, которые составили содержание двух книг под названием «Руководство к преподаванию по «Родному слову» в двух частях. Первая часть, служащая приложением к первому и второму году «Родного слова», выдержала шестнадцать изданий и заключает в себе много указаний, советов, разъяснений, в совокупности могущих заменить полный курс методики начального обучения родному языку. Преподаватель в этом руководстве найдёт не только подробные указания, как преподавать по «Родному слову», но и разъяснение многих общих вопросов обучения и воспитания, разрешаемых на основании логики, психологии, антропологии, гигиены и т. д. В своём руководстве, по собственному выражению автора, он «изложил довольно подробно главнейшие дидактические правила первых лет обучения и дал маленький сборник необходимейших советов по этому делу» (Руководство, ч. 1, стр. 99). Таковы вопросы: о времени, с коего должно начинать ученье, о классной дисциплине, о значении отечественного языка, о наглядном обучении, о значении народной поэзии в первоначальном обучении, о классном пении, о значении внимания в детях и условиях его развития (стр. 53), о важности церковного начала и пр.

Против полезности «Руководства к преподаванию» вообще никто не возражал никогда, между тем эта книга также исключена из каталога одобренных книг. Не боясь утомить внимания, приведу несколько слов Ушинского, в которых высказывается взгляд его на основы начального обучения; тем более нахожу уместным это сделать, что не раз слышал упреки «Родного слова» в реализме. Вот что читаем мы на стр. 85 и 86-й «Руководства», ч. 1. «Церковь со своими торжественными обрядами, природа с своими годовыми переменами и семья с своими праздничными обычаями — вот три элемента, озаряющие в моей памяти каждый праздник детства. И как тускло и серо было бы это детство, если бы из него выбросить праздники (85 стр.). Первое знакомство с евангельскими событиями всего удобнее совместить с объяснением предстоящих праздников: здесь и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребёнка, — всё соединяется, чтобы оживить то или другое событие» (стр 86).

Книга, построенная на таких началах, едва ли должна подлежать безусловному осуждению. Далее, при обсуждении вопроса об оставлении или изъятии книги Ушинского нельзя упускать из виду того обстоятельства, что другие руководства для начального обучения отечественному языку, находящиеся в числе одобренных Учёным комитетом, не только не лучше, но большею частью хуже «Родного слова».

Известно, что появление книги Ушинского породило много подражателей. Подражатели (имя им легион) полною рукою черпали из «Родного слова». Предполагая впоследствии сделать особый доклад о книгах для чтения, составленных по «Родному слову», теперь коснусь только некоторых, более распространённых по школам, значащихся в числе одобренных.

Главнейшею причиною исключения 1-й части «Родного слова» послужило несколько бессодержательных статей. Что малосодержательные статьи в «Родном слове» есть, — несомненно. Но это не есть недосмотр автора: внося в книгу свою этого рода статьи, Ушинский имел в виду те или другие педагогические соображения. Так, на стр. 12-й «Руководства» он пишет: «поговорки и прибаутки, и скороговорки, иногда лишённые смысла, я поместил затем, чтобы выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка. Особенно я рассчитывал на детей, так называемого, образованного класса, того класса, который испортил свой родной язык, лишив его цвета, красок, поэзии и жизни». Следовательно, преподаватель по 1-й части «Родного слова», как это и делается, не будет читать с учениками этих статей как не предназначавшихся автором для чтения. К этому надо прибавить, что все эти бессодержательные побасенки, сказочки, стишки или целиком взяты из народной поэзии, или составлены самим Ушинским, и те и другие отличаются правильным, прекрасным русским языком, чем отчасти выкупаются недостатки содержания указанных статей. Между тем, в подражаниях Ушинскому уже без всяких педагогических соображений, или буквально перепечатаны из 1-й части «Родного слова» поименованные в докладе А. И. Кочетова статьи, или же видоизменены, или, наконец, составлены новые статьи, напоминающие складом и смыслом пустословные побасенки, скороговорки, прибаутки, которые признаются негодными в книге Ушинского. И весь этот, так сказать, хлам выдаётся за серьезные статьи для чтения, объяснения, изучения. Если бы я захотел, то исписал бы целые стопы выписками и примерами этих перепечаток, заимствований и подражаний. Ограничусь немногими.

Так, из числа указанных в докладе А. И. Кочетова статей в 1-й части «Родного слова», как бессодержательных, находим почти все в книге Деркачёва «Школьные ступени», 1-е изд., 1867 г., след. статьи: «Золотое яичко» (110 стр.), «Репка» (83), «Храбрая собака и кулик» (71), «Татарин» (73), «Трусливый Ваня» (97), «Ленивый» (72).

Вся книга «Школьные ступени» — сплошной набор бессмыслиц, прибауток, например: «Пошёл я на лыко гору драть», «увидал на утках озеро плавает» (стр. 111),— и представляет собою в высшей степени неудачную копию с 1-го года «Родного слова». Между тем, «Школьные ступени» значатся в каталоге одобренных книг.

Очень распространённая «Азбука» Бунакова представляет собой перепечатки 1-й части «Родного слова» только в значительно распространённом виде. В «Родном слове» на первых страницах чертежи, прописи, букварь и т. д.; у Бунакова то же с одной разницей, что букварь в «Родном слове» занимает 24 страницы, а «Азбука» Бунакова растянута на целых три книжки, но в этих книжках всё взято из 1-го года «Родного слова» или в перифразе, или буквально, но без системы и плана, как это сделано Ушинским. Например, в «Родном слове» есть два упражнения, назначенные, по плану автора, для выяснения детям понятия о целом и частях, под заглавием: части человеческого тела: рука, ноги, № 24. Части глаза, носа, рта. Все эти упражнения изложены в десяти строках (63 и 65 стр.). Бунаков принимается толковать о частях тела на тринадцати страницах и, конечно, без всякой нужды и повода. На стр. 1-й третьей книжки, в статье «Огород» говорится о частях человеческого тела, на стр. 4-й, в ст. «Перед грозой» два раза говорится о частях глаза; в ст. «Гуси» (5 стр.) — части руки, плеча; на стр. 7-й, в ст. «Сын и дочь» говорится о частях рта; здесь же — про рыло свиньи; на стр. 9-й, в ст. «Белка и волк» стоит загадка про ноги, руки, глаза и голову; на стр. 12— снова об ушах, носе, коже, языке. На стр. 13, в ст. «Два пастуха» читаем: части человеческого тела, части туловища, части головы. В «Родном слове» есть статейка: «Вместе тесно, а врозь скучно» (26 стр.), оканчивающаяся вопросом: отчего детям стало скучно. Бунаков назвал статью, заимствованную из «Родного слова», «Спор» (11 стр.), с одинаковым содержанием и тем же вопросом в конце: «Почему дети скучали» (12/2). В «Родном слове» идёт в известной степени ряд письменных упражнений, между прочим, стоят вопросы, дабы ученики писали ответы. Все эти вопросы буквально перепечатаны, но уже без всякой системы в «Азбуке» Бунакова и неизвестно для какой цели. На стр. 65-й 1-го года «Родного слова» стоят вопросы: «Плечо — часть руки, а рука? Пятка — часть ступни, а ступня?» На стр. 5-й 3-й книжки Бунакова: «Плечо — часть руки, а рука? Ступня — часть ноги, а кисть?» На 15 стр. вопросы эти ещё раз повторяются у Бунакова: «Спина — часть туловища, а туловище? Лицо — часть головы, а шея? Бедро — часть ноги, а кисть? Палец — часть кисти, а ступня? Нос — часть лица, а лицо? Затылок — часть головы, а глаза?» и т. д. Сравнивая «Азбуку» Бунакова со стороны бессодержательности с 1-м годом «Родного слова» Ушинского, мы находим у последнего чем-нибудь оправдываемую бессодержательность только некоторых статей,

книга же Бунакова бессодержательна от начала до конца из слепого подражания. В докладе А. И. Кочетова сказано: «Материал, данный для чтения в 1-й части «Родного слова», дети деревенские переросли». Так пусты и бессодержательны статьи. Сравнивая материал у Бунакова, находим множество фраз и статей, пустота содержания коих поразительна: «Кот лает. Так ли? Кто лает? Кролик летает. Так ли? Кто летает? Рак кусается. Так ли? Кто кусает?» (10/1 стр.). Таковы статьи — Плакса, Лука (10/1); Спор (12/1); Лиса и волк (21/2); Два мужика (13/3). У Бунакова те же прибаутки, скороговорки и т. п. На стр. 3/3: «Раз дрова, два дрова, три дрова». На стр. 7/3: «Свинья тупорыла, белорыла, полдвора рылом изрыла». На стр. 12: «Колпак гороха, да полколпака гороха» (три раза). На стр. 13: «Сшит колпак, да не по-колпаковски», «Шли три купца, три Прокопья купца, говорили три купца про Прокопья купца, про Прокофьевича». Патока с имбирём (16/2). «Патоку с имбирём варил дядя Симеон. Тетушка Арина кушала, хвалила, дядюшка Елизар все пальчики облизал, а Фомушка Фома объелся без ума». Эту же «патоку» с имбирём, а равно и другие педагогические сладости находим в изобилии в книге «Первый шаг» А. Фролкова (см. каталог, стр. 13). Рядом с патокой значится статья: «Федул, что губы надул? Кафтан прожог. Можно зашить, да иглы нет. А велика дыра? Один ворот остался». Здесь же на стр. 16 такие несообразности: после фразы «Иоанн креститель крестил И. Христа в Иордане», поставлены вопросы: «Где? во Иордане, в реке, в селе, в доме, в городе?».

Вся часть книги «Наше родное» А. Баранова под заглавием «Русский букварь» составлена по букварю Ушинского. В числе фраз для чтения встречаем хотя безвредные, но некрасивые и мало поучительные: «Палаша сорила. Маша солила солонину (5 стр.), мама ела тюрю; попросил тюри Вася. Поел тюри Вася и молвил: какая вкусная тюря» (стр. 16). «Нил насорил. Маша уносит сор» (7 стр.). «Свинья хрюкает, а корова мычит» (17 стр.). Письменные упражнения почти все буквально перепечатаны из «Родного слова», год 1-й. На 91 стр. «Родного слова» стоят для письменных упражнений № 35 вопросы: «Что с чем делают? Сукно меряют, а деньги считают. Песок сыплют, а воду? Сено косят, а волосы? Вино пьют, а хлеб?» На 81 стр. «Наше родное» стоят вопросы: «Что с чем делают? Песок сыплют, а воду льют. Сено косят, а рожь? Чай пьют, а хлеб?» На 20/2 стр. азбуки Бунакова: «Что с чем делают? Мясо едят, а квас? Траву косят, а волосы?» На стр. 85 «Родного слова» «Не металлы ли медь и олово? Не огородные ли растения бобы и горох? Не осенние ли месяцы август и сентябрь?» На стр. 81 «Наше родное»: «Не металлы ли золото и железо? Не овощи ли морковь и лук? Не месяцы ли сентябрь и октябрь?»

К этим букварям и книгам для чтения существуют особые методические указания в виде руководств для учителей, написанных в подражание «Руководству для преподавания» Ушинского.

Таковы на стр. 54, 55 и 56 каталога: «Руководство к нашему другу» барона Корфа, «Руководство к преподаванию по книге для чтения Баранова», «О преподавании по руководству «Русская речь» Вольпера», «Обучение родному языку по первой учебной книжке Паульсона» и другие. Дабы не увеличивать доклад, этих методических руководств не касаюсь, но если они — эти подражания — значатся в каталоге книг одобренных, то я полагал бы тем более заслуживающей быть туда включенной книге Ушинского. В этом отношении я вполне присоединяюсь к мнению господина Сент-Илера, что «вместе с исключением «Родного слова» должны быть непременно исключены и плохие подражания этой книге». Сам Ушинский на 51 стр. своего «Руководства к преподаванию по «Родному слову» говорит: «Написать первую книгу после азбуки — едва ли не самая трудная задача во всей дидактике. Взявшись за решение этой задачи, я никак не предполагал возможности решить её вполне удовлетворительно и думаю, что ещё не скоро появится такая книга в этом роде, которую можно будет назвать совершенною. Я воспользовался всем, чем мог, из немецких учебников, прислушиваясь к преподаванию в заграничных школах и пользуясь собственной практикой, работал долго над этой маленькой книжкой, но тем не менее сознаю её недостатки и прошу критиковать её не абсолютно, а сравнительно с другими книжками нашей педагогической литературы, назначенными для той же цели».

В заключение имею честь объяснить, что я не сторонник «Родного слова» Ушинского, но, принимая во внимание, что 1-я часть «Родного слова» имеет, при малосодержательности некоторых статей, несомненно педагогические и дидактические достоинства, именно,—в этой книжке содержатся: во-1-х, прекрасная азбука. А. И. Кочетов говорит, что первые двадцать страниц 1-й части «Родного слова», т. е. вся азбука с упражнениями, не вызывает замечаний. Во-2-х, первая после азбуки книжка для чтения, особенно вместе со 2-ю частью «Родного слова» (2-й год), изложенная с строго выдержанной системой письменных упражнений, и за исключением некоторых пустых статей, содержащая в себе достаточно материала для классного чтения и письменных упражнений в продолжение двух лет обучения в начальной школе. В-3-х, все три года «Родного слова», особенно 1-й и 2-й, органически связаны, одна книжка служит продолжением первой, а второй год находится в числе книг одобренных. В-4-х, в «Руководстве для преподавания по «Родному слову», ч. 1-я и 2-я, преподаватель найдёт множество разумных для себя общих методических и дидактических указаний,— то я полагал бы: 1) включить все три части «Родного слова» в каталог допущенных книг, 2) пересмотреть, не дожидаясь результатов конкурса, книги одного разряда с «Родным словом» Ушинского, находящиеся в каталоге одобренных книг, тем более что в числе таковых есть, кроме указанных в докладе К. К. Сент-Илера книг: Фролкова, Деркачёва, Волженского, даже «Наш друг» бар.

Корфа и «Руководство к нашему другу» (стр. 28 и 55 кат.) и несколько других книг, вызывающих несравненно более замечаний, чем 1-я часть «Родного слова» и «Руководство к преподаванию по «Родному слову» Ушинского, исключённые из каталога.

А. И. Кочетов (24 марта 1889 г.).

Разъяснение по докладу А. Радонежского.

В заседании 11 ноября 1888 года, при обсуждении докладной записки К. К. Сент-Илера по поводу исключения книги Ушинского «Родное слово», год 1-й, из числа одобренных книг, господин председательствовавший П. А. Аннин заявил, что Особый отдел Учёного комитета, постановляя в 1885 году неодобрительное решение об этой книге, был введён в заблуждение моим неправильным отзывом, будто Ушинский не предназначал её для школы, а только для семьи, тогда как на самом деле Ушинский в своём «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» постоянно упоминает о школе. Указано было также на то, что если была бы своевременно доложена записка К. К. Сент-Илера, то Особый отдел мог бы изменить своё первоначальное решение и ходатайствовать об оставлении книги Ушинского в каталоге, что, наконец, относительно распоряжения господина министра об исключении книги не состоялось никакого определения комитета, поэтому и исключать её из каталога я не имел права, не будучи уполномочен на то комитетом. Приняв во внимание эти обстоятельства, господин председательствовавший полагал, что Особый отдел может ныне, не стесняясь прежним своим заключением о непригодности книги Ушинского для народных школ, вторично рассмотреть её и постановить новое решение. С согласия Особого отдела Учёного комитета, составление нового доклада о книге Ушинского «Родное слово», год 1-й, возложено было на А. А. Радонежского.

Прежде отзыва на представленный ныне доклад господина Радонежского, я считаю обязанностью объяснить те причины, по которым мною не были ранее доложены записка К. К. Сент-Илера и приказание министра об исключении «Родного слова» из каталога.

По поводу моего доклада о книге Ушинского «Родное слово», год первый, в январе 1885 года К. К. Сент-Илер внёс в Особый отдел Учёного комитета особое мнение, в котором делал следующие возражения против предложенного мною исключения её из каталога: 1) книга эта получила уже большое распространение (в 1884 году, например, продано её до 260 тысяч экземпляров), что доказывает, что пользование ею сделалось для наших народных школ необходимостью; 2) «Родное слово» особенно рекомендовано программами для городских училищ, и об этой книге упоминается и во многих программах, составленных в

дирекциях училищ, поэтому, если запретить употребление 1-й части «Родного слова», то нужно изменить все эти постановления; 3) исключение из каталога «Родного слова», вследствие указанных в докладе недостатков, может возбудить протест заинтересованных лиц, так как многие другие, одобренные комитетом буквари страдают теми же недостатками, как и «Родное слово»; 4) со стороны Учёного комитета было бы неудобно запретить употребление столь распространённой книги без оглашения мотивов такого решения; если же напечатать мнение Учёного комитета, то следует составить очень обстоятельный разбор 1-й части «Родного слова», в котором были бы не только одни её недостатки, но и достоинства. Это «особое мнение» было заслушано Особым отделом Учёного комитета и помещено целиком в выписке, представленной господину министру, который, следовательно, имел его в виду при постановлении решения своего об исключении «Родного слова» из каталога одобренных книг.

В поданной затем «докладной записке», К. К. Сент-Илер, снова упоминая о распространении «Родного слова» в народных училищах, говорит, что Министерству народного просвещения следует принять известные меры, «чтобы избежать разных недоразумений или, по крайней мере, ослабить вред внезапного запрещения книги, по которой несколько миллионов русских детей выучились грамоте». В этих видах К. К. Сент-Илер представляет следующие соображения: 1) он предлагает назначить срок, в течение которого употребление «Родного слова» не ставилось бы в вину учителю; 2) изменить программу русского языка городских училищ, так как в ней рекомендуется эта книга; 3) заменить новыми те из составленных в дирекциях программ, в которых «Родное слово» принято учебником; 4) так как «голословное запрещение столь распространённого руководства без объяснения мотивов этой меры было бы совершенно неуместно со стороны Министерства народного просвещения», то следовало бы напечатать мой доклад в «Журнале Министерства народного просвещения», хотя он и не разрешит всех вопросов, которые могут возникнуть по случаю запрещения «Родного слова». Эти соображения были высказаны К. К. Сент-Илером и в его «особом мнении», и обсуждение предложенных им затем мер могло бы считаться неотложным, если бы было принято моё предложение о рассылке тогда же циркуляра попечителям относительно неупотребления «Родного слова», но господин министр изволил признать это излишним и приказал ограничиться исключением этой книги из каталога, и потому изменение программ и напечатание отзыва о книге Ушинского могло бы во всяком случае состояться только по издании каталога. Говоря о недоумениях, которые могут возникнуть и по напечатании моего отзыва о книге Ушинского, господин Сент-Илер указывает, что оставление в каталоге 2-й части «Родного слова» даёт повод заключать, что способ преподавания, рекомендуемый Ушинским, считается возможным, между тем, как же приняться за упражне-

ния 2-й части, перескочивши все упражнения 1-й части? Ввиду этого, господин Сент-Илер полагает, что Министерству следовало бы обстоятельно изложить свой взгляд на приёмы обучения Ушинского, и если система его не одобряется, то исключить из каталога и 2-ю часть «Родного слова», если же Министерство считает возможным допустить метод преподавания Ушинского, то 1-ю часть «Родного слова» следует, по крайней мере, поместить в число книг, допущенных в учительские библиотеки народных училищ, чтобы учителя могли воспользоваться упражнениями 1-й части. Принимая во внимание, что 2-я часть книги «Родное слово» была только что пред тем допущена к употреблению по резолюции господина министра, последовавшей на докладе Особого отдела Учёного комитета; а 1-ю часть таковою же резолюцией было приказано «исключить из каталога книг, одобренных Министерством народного просвещения для употребления в народных училищах» (т. е. вообще из каталога, а не перевести из одного его отдела в другой)—предложение господина Сент-Илера об исключении 2-й части или о включении снова в каталог 1-й части не могло иметь значения (если, конечно, не придавать этому предложению значения протеста против резолюции господина министра, чего, вероятно, господин Сент-Илер не имел в виду).

Что касается до непредставления будто бы Особому отделу предписания господина министра об исключении «Родного слова» из каталога и самовольного с моей стороны исключения этой книги, то я должен сказать, что решительно не понимаю этого обвинения. Департамент народного просвещения сообщил Особому отделу Учёного комитета от 25 апреля 1885 года за № 6698 о том, что «по докладу господину министру мнения Особого отдела 11 января того же года о книге Ушинского «Родное слово», год первый, его высокопревосходительство изволил приказать означенную книгу исключить из каталога книг, одобренных для употребления в народных училищах». На этой бумаге имеется надпись господина председателя Учёного комитета: «сообщить в ближайшем заседании Особого отдела Учёного комитета 6 мая 1885 г.». Я был в это время в командировке, из которой возвратился только в половине июня, но полагаю, что мой заместитель исполнил в своё время распоряжение господина председателя. То обстоятельство, что я не имел особого распоряжения комитета на исключение «Родного слова» из каталога, не имеет, повидимому, значения, так как я думаю и продолжаю думать, что приказания господина министра должны исполняться Учёным комитетом беспрекословно, не требуя ещё особых определений со стороны комитета. Поэтому и в надписи господина председателя сказано «сообщить Особому отделу», а не «доложить».

Перехожу к сущности доклада господина Радонежского то есть, его отзыву о «Родном слове». Господин Радонежский говорит, будто я утверждал, что «Родное слово» самим автором предназначалось для городской семьи и для детей образованного общества, но отнюдь не для школы, тем менее для школы

народной». Я этого не говорил и очень сожалею, что и в заседании 11 ноября господин председательствовавший точно таким же образом переиначил мои слова и вывел из этого заключение о неверности моего доклада. Вот мои подлинные слова: «при составлении своей книги Ушинский имел в виду не только школу (и никак не народную), сколько, главным образом, городскую семью». Между выражениями «не столько школу» и «отнюдь не для школы» — разница громадная. Далее в своём докладе я писал: «Место этой книге («Родное слово», год 1-й) — в семье или в начальной школе для детей 6-7 летнего возраста, у которых в перспективе много лет дальнейшего обучения». Верность моего взгляда на цель, которую преследовал Ушинский при составлении своей книги, я могу и теперь подтвердить его же словами, на которые, к сожалению, не обратил внимания господин Радонежский, возражая на мои доводы.

На стр. 2 и 3 «Руководства к преподаванию по «Родному слову» Ушинский пишет: «Я нередко любовался устройством малолетних школ заграницею, но всегда находил дурным, что они избавляют от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощён личным и тяжёлым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвятить обучению своих малюток немногие часы дня, какие для этого нужны... и если многие матери, несмотря на всё своё желание не расставаться рано со своими детьми и учить их самим, тем не менее поручают это дело школе или чужим лицам, то это объясняется практическою неподготовленностью матерей к делу первоначального обучения. Я в этой книге имел главной целью помочь начинающим учиться и, в особенности, облегчить для матери и сделать для неё приятным труд первоначального обучения».

«В моей педагогической практике мне приходилось экзаменовать множество детей, поступающих в младшие классы наших учебных заведений, и между ними весьма редко встречал я таких, которые были бы сколько-нибудь правильно подготовлены к серьёзному учению. А между тем, 10-летнее дитя, вступая в среднее учебное заведение, находит в первом же его классе весьма сложный курс с двумя или даже тремя иностранными языками. Ещё в то время задумал я облегчить труд первоначального приготовления для родителей и наставников, но только теперь, и то отчасти, мог выполнить своё желание».

Можно было бы привести ещё несколько выписок, но и сказанного достаточно для того, чтобы понять, для кого Ушинский назначал свою книгу. Поэтому весьма странным представляется утверждение господина Радонежского, будто Ушинский имел в виду «если не исключительно, то, главным образом, народную школу». По его мнению, это «ясно видно из самого содержания 1-го года «Родного слова», так как на первых же его страницах начала азбуки помещены слова, означающие предметы сельского быта, и затем почти $^3/_4$ книги занимают народные сказки и

песни, пословицы, поговорки, загадки. На это считаю нужным объяснить, что для первых уроков азбуки берут обыкновенно те слова, которые понятны детям и удобны в звуковом или графическом отношении, не обращая внимания на то, из какого они быта, и затем, почему же считать осу, иву, ель, уши, няню (первые слова у Ушинского) исключительною принадлежностью сельского быта. Что касается народных сказок, то они помещены во множестве потому, что Ушинский придаёт им слишком большое значение,— и это его больное место. На стр. 64 «Руководства» Ушинский пишет: «Я решительно ставлю народную сказку недосягаемо выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованною литературою. Как бы ни был хорошо подделан такой детский рассказ, это всё-таки подделка: детская гримаса на старческом лице. В народной сказке великое и исполненное поэзии дитя — народ—рассказывает детям свои детские грёзы и, по крайней мере, наполовину верит сам в эти грёзы. Вот почему я помещаю много сказок в 1-й и 2-й части «Родного слова». Если рядом с этими поэтическими рассказами я помещаю детские рассказы из образованной литературы, то только по необходимости и отчасти оттого, что должно же приучить дитя и к обыкновенному литературному языку». Поговорки, прибаутки и скороговорки помещены Ушинским затем, чтобы выломать детский язык на русский лад («Руководство», стр. 62), и к этому он прибавляет: «Особенно я рассчитывал на детей так называемого образованного класса, того класса, который испортил свой родной язык». На основании сказанного, я остаюсь при прежнем убеждении, что Ушинский не предназначал своей книги для народной школы и имел в виду только подготовительную школу и, главным образом, городскую семью. И господин Рачинский в своей книге «Заметки о сельских школах», говоря на стр. 56 о «Родном слове», пишет: «покойный автор, имея в виду детей городских сословий, всего более хлопочет о том, чтобы познакомить их с сельским бытом, с сельскою природою, с народным говором, которые ученикам наших сельских школ известны несравненно лучше, чем самому Ушинскому. К той же публике приноровлено и все остальное содержание книги».

В своём докладе я писал: «помещённые в книге статьи большею частью слишком пусты и бессодержательны для того, чтобы быть предметом классного чтения в школе» и в подтверждение этих слов привёл целиком первые 12 страниц и последние 12 страниц второго отдела книги и несколько страниц из его середины, чтобы показать значительный перевес числа пустых статей над более или менее содержательными (но это не было поименование бессодержательных статей, как утверждает господин Радонежский),—я предоставлял делать оценку Учёному комитету. Особый отдел согласился в то время с моими доводами о бессодержательности материала для чтения и признал книгу непригодною для народных школ. Господин Радонежский не возра-

жает против этого и вообще совсем не говорит в своём докладе о статьях для чтения в «Родном слове» и только в заключении упоминает о «малосодержательности» лишь «некоторых статей». Не встречая возражения, я остаюсь при прежнем мнении относительно большей части статей «Родного слова», и К. К. Сент-Илер в своем «особом мнении» также заявлял Особому отделу Учёного комитета, что «большинство статей» 1-й части «Родного слова» по содержанию довольно пусты и недостаточно серьёзны для учеников народных школ.

Господин Радонежский полагает, что «или должно отрицать все три части «Родного слова», так как они представляют одно методическое целое, или все три принять; но одобрять одну часть из трёх было бы, по его мнению, чрезвычайно неудобно. На это следует заметить, что 3-я часть «Родного слова» (грамматика) весьма слаба и почти нигде не употребляется, притом она никогда и не рассматривалась Учёным комитетом, так что говорить о ней и нет надобности. Затем, если ставить вопрос так категорично, как предлагает господин Радонежский (или всё, или ничего), и требовать возвращения 1-й части «Родного слова» в каталог потому, что в нём помещается 2-я часть этой книги, то я, в видах устранения всяких недоумений и соблазна, подал бы голос за исключение из каталога и 2-й части, «допущенной» комитетом к употреблению.

Я не считаю здесь уместным входить в рассмотрение той части доклада господина Радонежского, где он распространяется о книгах, по его мнению, составленных по Ушинскому, хотя во многом с ним не согласен. Замечу только, что для обвинения Бунакова в «перепечатке» книги Ушинского надо было представить более веские и основательные доводы. То обстоятельство, что в иных учебниках попадаются некоторые вопросы или упражнения, сходные с помещёнными у Ушинского, не может быть, по моему мнению, поставлено в вину составителям этих учебников, если самые вопросы и упражнения считаются уместными и полезными. Известно, что и сам Ушинский при составлении «Руководства» пользовался немецкими источниками; сам он говорит на стр. 34 «Руководства»: «многое мною заимствовано у немецких педагогов и в особенности у швейцарского педагога Шера».

Считаю нужным исправить фактическую неточность господина Радонежского. Он пишет в конце доклада, что в числе одобренных учебников значится «Наш друг» барона Корфа. Это неверно: книга эта допущена Особым отделом Учёного комитета лишь в библиотеки, так она помещена и в каталоге, изданном в 1887 г. (отдел 11, стр. 28).

Мне остаётся сказать о сделанных господином Радонежским замечаниях относительно непомещения в каталог «Руководства к преподаванию по «Родному слову», часть 1-я, и прибавления к книге Баранова пометки, что эта книга печаталась впоследствии без перемены, с иным заглавием.

Что касается невнесения в учительские библиотеки «Руководства», то я должен повиниться, что сделал это по недосмотру, отнеся эту 1-ю часть «Руководства» только к 1-й части «Родного слова», тогда как в конце её помещены 17 страниц, относящиеся непосредственно ко 2-му году «Родного слова», включённому в число допущенных учебников. Недосмотр этот следует исправить внесением «Руководства» в новое издание каталога, или помещением ныне же в «Журнале Министерства народного просвещения» в числе определений Учёного комитета. Относительно этого последнего способа я мог бы только заметить, что он обратит на себя больше внимания, и защитники Ушинского не замедлят вывести заключение, что Министерство изменило свой взгляд на 1-й год «Родного слова», так как «Руководство» относится, главным образом, к этому 1-му году. То же опасение должен я высказать и относительно предположения допустить 1-ю часть «Родного слова» в учительские библиотеки, ввиду якобы чрезвычайно полезных, помещённых в ней устных и письменных упражнений. Если теперь присутствие в каталоге 2-й части при отсутствии 1-й вводит в смущение и вызывает обвинение в непоследовательности, то ещё более недоразумений возникнет при включении детского учебника в учительские библиотеки. Станут указывать на несообразность такого распоряжения, и результатом будет то, что 1-й год «Родного слова» как внесённый в каталог сделается снова учебною книгой, тем более, что большинство школ затруднится иметь «Родное слово» только для упражнений, а собственно для чтения приобретать ещё другую книгу.

Относительно помещённой мною прибавки в каталоге при книге Баранова (особой заметки), имею честь объяснить следующее. Книга эта печаталась прежде под заглавием «Книга для чтения, применённая к тем народным школам, в которых начинают обучать родному языку по «Родному слову» К. Ушинского». Первые пять изданий этой книги были рассмотрены Особым отделом Учёного комитета и одобрены (о четырёх изданиях докладывал К. К. Сент-Илер, пятое же, поступившее в отсутствие Карла Карловича, было передано на моё рассмотрение). В начале 1887 года господин Баранов представил в Учёный комитет 12-е издание своей книги. В докладе о ней К. К. Сент-Илер объяснил, что это издание составляет простую перепечатку с 5-го и следующих, но в заголовке уже не помещается ссылка на «Родное слово», так как автор составил ныне свой начальный учебник, одобренный Особым отделом. Поэтому господин Сент-Илер полагал, что 12-е издание «Книги для чтения» господина Баранова следует одобрить как классную книгу для чтения во всех низших училищах ведомства Министерства народного просвещения. По выслушании этого доклада член Шемякин выразил желание ознакомиться с книгой Баранова и в следующем заседании представил о ней отзыв, противоречивший мнению господина Сент-Илера, предлагая допустить книгу «лишь в би-

блиотеки начальных училищ, где она может быть полезна не по содержанию, а лишь по хорошо выполненным картинкам». Ввиду такого противоречия и вследствие неприсутствия в том заседании по болезни К. К. Сент-Илера, господин председатель не признал возможным подвергнуть этот вопрос обсуждению и поручил мне доставить отзыв господина Шемякина господину Сент-Илеру, что я исполнил лично. При этом Карл Карлович заявил мне, что, по предписанию докторов, он должен немедленно уехать заграницу и не может поэтому ни быть в заседании, ни написать подробного отчёта на отзыв и желал бы отсрочки суждения о книге Баранова до возвращения своего из-за границы, чтобы представить комитету личные объяснения. Затем он возвратил мне отзыв господина Шемякина при письме, в котором высказывал, что 1) различие его мнения и мнения В. И. Шемякина о книге Баранова «происходит от различия во взглядах на классную книгу для чтения вообще», 2) «книга для чтения Баранова, несмотря на некоторые недостатки, принадлежит к числу вполне удовлетворительных пособий этого рода и исключать её из числа классных пособий было бы несправедливо»; 3) «то, что говорится об отзыве В. И. Шемякина о книге Баранова, может быть целиком применено и к книгам для чтения Водовозова, Ушинского, Бунакова и многим другим одобренным», поэтому во всяком случае несправедливо предъявлять такие требования лишь одной книге Баранова и 4) «внезапное изменение мнения комитета о 12-м издании книги даст повод посторонним лицам сомневаться в основательности рассмотрения книг Особым отделом Учёного комитета». Письмо это, а равно и словесное заявление господина Сент-Илера, доложены были мною господину председателю, который приказал отложить все дела до возвращения Карла Карловича из-за границы.

Между тем, в начале июля того же года господин Баранов прислал в Учёный комитет прошение, в котором объяснил, что представленное им 12-е издание «Книги для чтения» распродано, и он приступил к пересмотру книги и переработке некоторых её отделов, вследствие чего он ходатайствовал об оставлении книги без рассмотрения и о возвращении ему поданного им о том прошения. Просьба эта была доложена в заседании 7 июля, и Особый отдел, согласно предложению господина председательствовавшего П. А. Аннина, постановил: «удовлетворить ходатайство господина Баранова», на основании чего ему и было возвращено прошение о рассмотрении книг.

Хотя таким образом и не состоялось никакого определения Особого отдела Учёного комитета относительно нового издания книги Баранова, тем не менее из представленного господином Сент-Илером доклада выяснилось, что 12-е её издание составляет буквальную перепечатку с 5-го и последующих изданий, только под изменённым заглавием. Внося в каталог, в виде заметки, эти официальные, удостоверенные господином Сент-Илером данные, я поэтому ни в чем не погрешил против истины, между тем све-

дение об изменении заглавия книги имеет значение для лиц, пользующихся каталогом. Утверждать, — как это делает господин Радонежский,— будто через помещение сказанной заметки «всем последующим изданиям книги Баранова даётся одобрение, независимо от того, были ли эти издания одобрены комитетом или нет», по моему мнению, неосновательно. В заметке сказано: «последующие издания печатались без перемены с 5-го издания», следовательно, заявление это относится только к изданиям, вышедшим не позже 1887 года (год доклада господина Сент-Илера и выхода каталога). Иное дело, если бы я сказал: «последующие издания печатаются без перемены» — это было бы с моей стороны голословное, ни на чём не обоснованное утверждение, так как оно относилось бы и к дальнейшим изданиям, которых комитет не видел.

Переходя к заключению о 1-м годе «Родного слова», я считаю долгом заявить, что не могу признать доводы господина Радонежского убедительными и остаюсь при прежнем моём мнении о полной непригодности этой книги для народных школ вследствие пустоты и бессодержательности помещённых в ней статей для чтения. К. К. Сент-Илер, соглашаясь с этим мнением, указывает в своей докладной записке на достоинство системы обучения (метода) Ушинского, которая облегчает работу учителя, но при этом весьма основательно замечает, что «можно находить эту систему неуместною для русской народной школы и спорить о правильности её». В докладе же А. А. Радонежского упоминается лишь вскользь о порядке занятий по «Родному слову» и не приводится ни одного слова в доказательство полезности всех этих упражнений в народной школе. Таким образом, ничем не поколеблено и моё сомнение относительно целесообразности «метода» Ушинского в применении к нашим сельским школам. Вообще нельзя не пожалеть, что в пространном докладе господина Радонежского о «Родном слове» собственно рассмотрению «Родного слова» отведено весьма мало места и сказано о нём слишком поверхностно, бездоказательно, общими фразами. А между тем, обстоятельный отзыв об этой книге был бы тем более уместен в данном случае, что господин Радонежский осенью 1885 года (т. е. после моего доклада о «Родном слове» и последовавшей резолюции господина министра) лично заявлял мне о своей полной солидарности с мнением, высказанным в помещённой 15 августа в «Московских ведомостях» за 1885 год статье («Волки в овечьей шкуре»), где приговор Министерства о «Родном слове» приветствовался как «событие большой важности». «Приговор этот,— сказано далее,—должен вызвать полное сочувствие в каждом радетеле о народном образовании в России». А теперь тот же господин Радонежский настойчиво требует внесения вновь «Родного слова» в число одобренных учебников. Было бы чрезвычайно поучительно ознакомиться с теми мотивами, которые привели господина Радонежского в промежуток всего трех лет к такой резкой перемене

взглядов на книгу Ушинского, а между тем, настоящий доклад его не дает возможности и догадываться о причинах этой загадочной перемены.

1899 (26. XI, 3 и 17.XII) — 1900 г. (7 и 14.I).

А. Филонов (26. XI. 1899 г.).

Содержание «Родного слова» известно Особому отделу Учёного комитета. Настоящее издание этой книжки, по счёту 116-е, мало представляет разницы от издания, которое было рассмотрено комитетом в 1892 году. Оно представляет те же первоначальные упражнения в черчении (стр. 1—4), в письменной азбуке (стр. 5 и далее), в написании слов и фраз (6—15, 18—24), «Первая после азбуки книга для чтения» (стр. 26 и далее) говорит об учебных вещах и игрушках, кушаньях и напитках (стр. 28), платье, обуви и белье (стр. 29), орудиях и сбруе (с разными их подразделениями, стр. 31), зданиях, судах и зверях (с разными их подразделениями, со включением гадов и насекомых, стр. 34—43), грибах, травах, цветах (стр. 45), растениях, с разными подразделениями (стр. 47), о минеральном царстве (52 и д.), людях (53) и опять о животных, растениях и минералах (54), о частях дня и года (55), с их подразделениями (57), о денежных знаках (или монетах, стр. 58), частях дома, экипажа, колеса, растения, животного (61), о частях человеческого тела (63) с их подразделениями (части головы, лица, ступни и кисти, стр. 64), части глаза, носа и рта (стр. 68). Первая после азбуки книга говорит о христианских именах (стр. 69), родстве и свойстве (с перечислением разных видов того и другого, стр. 70), о людях по возрастам и занятиям (74), городах и реках (77), пяти чувствах (79), о церкви (что мы видим в церкви, стр. 84), праздниках (не прибавлено слово «христианских», стр. 86), вопросы затем задаются: что чем делают (стр. 88), кто что делает (стр. 90), что с чем делают (стр. 91), далее говорится о голосах и движениях животных (93).

Все означенное содержание (а оно главное в разбираемой книжке) перемежается сказочками, басенками, песенками, стихотвореньицами, пословицами, загадками, скороговорками, упражнениями разного рода и картинками.

На конце книжки предложена «Церковно-славянская грамота», в содержание которой введены: церковно-славянские буквы (стр. 97), сходные с русскими, не сходные (99) или же не существующие в русском (100), словосокращения (101), церковнославянское счисление до 100 (103), изречения из священного писания (четыре отдела, стр. 103—106), молитвы (14-ть молитв, стр. 106—111) и церковно-славянская азбука в порядке (112).

Из этого краткого перечня содержания первой части «Родного слова» видно, что главное направление издания преиму-

щественно р е а л ь н о е. Предметы духовные попрежнему оставляются в стороне и составляют что-то прибавочное, второстепенное. Огромное количество разного рода упражнений, главным образом, направлено на разъяснение предметов мира чувственного,— мира, который мы можем видеть, осязать телесными нашими чувствами. Какую страницу вы ни раскроете, вы увидите множество названий мира видимого, материального. Вот вам п е р в а я страница п е р в о й после азбуки книги для чтения (25 стр.). Тут вы читаете следующие слова «у ч е б н ы е в е щ и и и г р у ш к и». *Учебные вещи*: книга, доска, тетрадь, перо, грифель, карандаши, чернильница, линейка. *Игрушки*: мячик, волчок, кукла, кегли. Мячик, перо, линейка, кукла, книга, волчок, доска, кегли, грифель, карандаш, чернильница. Итого 23 слова. Названия некоторые повторяются, и наверху этого набора слов для названия учебных вещей и игрушек видим изображение Иисуса Христа, окружённого детьми и женщинами. Странно, что картина Христа есть, а никакой подписи под ней не находится, и во всей книге ни слова об этом изображении и в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» тоже ни слова.

Вот вам страница 43-я, № 11. «Рыбы, гады и насекомые. Рыбы: окуни, караси, щуки, сельди, плотички, стерляди, сомы, белуги, осетры. Гады: змеи, ящерицы, лягушки, жабы. Насекомые: мухи, комары, пчёлы, осы, тараканы, муравьи, жуки, блохи, бабочки, сверчки, саранча. Сельди. Окуни. Ерши. Змеи. Воробьи. Жуки. Жабы. Тараканы. Саранча. Караси. Комары. Шапки. Пчёлы. Листочки. Сомы. Кроты». Итого 41 (сорок одно) название. И всё того же чувственного мира..

Вот вам страница 61-я. Здесь читаем следующие слова: части дома, экипажа, колеса, растения, животного. Крыша. Колесо. Ствол. Ступица. Ветка. Клешня. Сани. Обод. Козлы. Крыльцо. Стена. Грива. Стебель. Фундамент. Туловище. Сук. Погреб. Хобот. Голова. Чердак. Итого 28 слов для названий разных предметов, и все видимое, одно вещественное предложено.

Вот вам 52—53 страницы. Здесь семилетнему* ребёнку предлагаются следующие названия металлов, камней, драгоценных и простых, земель. Металлы драгоценные: золото, серебро, платина**. Металлы простые: железо, сталь, медь, олово, свинец, ртуть. Камни драгоценные: алмаз, бриллиант, яхонт, рубин, изумруд. Камни простые: кремень, гранит, плитняк, шифер, песчаник. Земли ***: глина, известка, чернозём, супесок, суглинок, торф, мел, гипс. Алмаз. Глина. Железо. Нож.

* В руководстве к преподаванию по «Родному слову» прямо сказано, что «Родное слово» имеет в виду семилетних детей, стр. 60-я.

** Где ребенок увидит ныне платину?

*** Надо было ударение поставить над буквой «е».

Золото. Чернозём. Долото. Серебро. Торф. Песчаник. Кибитка. Платина. Плитняк. Суглинок. Сталь. Стол. Олово. Итого 48 слов (некоторые повторяются). И опять изображается одно вещественное, реальное.

И песенки, и басенки, и сказочки, и прибаутки, и пословицы подобраны преимущественно в этом одностороннем духе, например, сорока-белобока (стр. 42), загадка «Ботовило-мотовило по-немецки говорило; спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце» (стр. 42)*. Война грибов (стр. 46), любишь смородину — люби и оскомину (48). Антипка низок, на нём сто ризок (49), Колобок (50). «Тит, поди молотить».— «Брюхо болит».— «Тит, поди кисель есть».— «Где моя большая ложка» (стр. 64). На вилах грабли, на граблях шатун, в шатуне ревун, над ревуном сапун,над сапуном глядун, над глядуном роща, за рощей поле, за полем дремучий лес (стр. 68). «Федул, что губы надул?» — «Кафтан прожог.** — «Можно зашить».— «Да иглы нет». — «А велика дыра?» — «Один ворот остался» (стр. 69). «Семен, скажи моей лошади — тпру». — «А сам что-ж?» — «Губы замерзли» (стр. 69). Скороговорки: полчетверти четверика гороху без червоточины (стр. 74). «Уж как сладки гусиные лапки».— «А ты едал?» — «Нет, не едал, а мой дядя видал, как наш барин едал» (79) или: «Здорово, кума».— «На рынке была».— «Аль ты глуха?» —«Купила петуха».— «Прощай, кума».— «Полтину дала» (стр. 79). Или скороговорка: у нас на дворе-подворьи погода размокропогодилась (стр. 79). Или «*Прихотливый барин*»: «Раздень меня, уложи меня, закрой меня, перекрести меня, а усну я сам» (стр. 81) и т. д. и т. д.

И все многочисленные упражнения опять направлены по преимуществу на уразумение слов мира чувственного, и с этой целью придуман ряд работ и письменных и устных. Сначала даются названия предметов в известном порядке, потом эти названия перемешиваются, и ученик должен сам их распределить по разрядам (группам). Для образца указываем на стр. 49-й № 14. «Деревья плодовые, простые и кусты. Деревья плодовые: яблоня, груша, слива, вишня. Деревья простые: сосна, ель, дуб, клён, липа, берёза, осина, ольха, верба. Кусты: бузина, малина, смородина, крыжовник, орешник, тальник. Верба. Смородина. Опёнок. Бузина. Рожь. Щавель. Дуб. Берёза. Яблоня. Ольха. Мышка. Груша. Яблоко. Клён. Ель. Сосна. Голубь. Слива». После этих слов и фразы подобные же подбираются: «Деревья скоро садят, да не скоро с них плоды едят. Ель да берёза, чем не дрова. Хлеб да вода, чем не еда. У него на вербе груши растут. Где вода, там и верба, где верба, там и вода» (стр. 49).

---

* Когда я был председателем педагогического совета в Новгородской женской гимназии (1886 г.), то одна преподавательница не могла изъяснить этой загадки и просила у меня объяснения.

** Соблюдается правописание подлинника.

Семилетний ребёнок будет несколько дней сидеть на таком упражнении (прочитать, переписать, в порядок привести, фразы списать) и всё будет писать: верба, смородина, опёнок, бузина и пр. Здесь же он найдёт слово «голубь». Ученик должен это слово прочитать, ученик должен это слово переписать, ученик должен это слово отнести к известной группе, а так как нашему ученику семь лет, то учение подобное (переписывание всё слов, слов и слов) покажется особенно тяжело, весьма скучно, и никакие скороговорки, прибаутки, загадки на все эти «Титы» и «Федулы» не дадут другого направления его, т. е. ученика, мысли, потому что народ смотрит на загадки, скороговорки, прибаутки как на что-то несерьёзное, как на что-то пустое. Это «басни» по понятиям народа и более ничего, т. е. занятие, ради которого нечего отправлять детей в школу*.

В «Родном слове» есть картинки религиозного содержания, например, «Церковь» (стр. 7, № 3), Спаситель (15)— эта картина находится вблизи картин, представляющих ямщика с кнутом (стр. 13) и филина (стр. 14); Благословение детей Иисусом Христом (25) — но замечательно, что ни одна из этих религиозного содержания картин не дала автору «Родного слова» материала для устных или письменных задач детям...

Картины мира реального часто дают автору обильный материал для вопросов, например, по поводу картины «Внутренность избы» («Родное слово», стр. 27) в «Руководстве» придумано много материала для бесед с детьми. Приведём эту умную беседу. «Пусть дитя назовёт все предметы, нарисованные на этой картинке, а потом напишет их названия. Впоследствии... можно будет потребовать, чтобы дитя о каждом предмете что-нибудь сказало и потом написало, как, например, кафтан висит на стене, лопата стоит в углу возле печки, дрова лежат под печкой и т. д. Когда дети будут в состоянии связывать несколько предложений в стройную речь, тогда можно и в третий раз возвратиться к этой же картинке и потребовать, чтобы дети рассказали и описали всё, что в ней нарисовано» («Руководство», стр. 69). Мы спрашиваем,—отчего же не примыслил автор ни одного вопроса по поводу картин, изображающих священные предметы? Картинка «Внутренность избы» до трёх раз служит предметом внимания малюток. А лик Спасителя, благословляющего детей, не вызывает ни одного вопроса... Для чего же такие картинки печатаются в «Родном слове»?

В «Руководстве» (стр. 69, строки 6, 7, 8, 9-я) сказано, что в 1-й части «Родного слова» в конце её «помещены три картинки: одна — жертвоприношение Ноя и две из истории Иосифа (к сожалению, ни одной из указанных картинок не помещено

---

* Мы сами от разумного крестьянина слышали, что нынче учат в школах басням: тут он разумел учебные книги, составленные в духе «Родного слова».

в 1-й части «Родного слова» издания 116-го, которое ныне представлено для рассмотрения в Учёный комитет).

Переходим к разбору «Руководства» к преподаванию по «Родному слову».

Многое, что говорит автор о трудности первоначального преподавания, о важности наглядного обучения при этом преподавании, о способах правильного начального обучения языку, об устных беседах с детьми, их письменных работах — весьма ценно и давно принято педагогами к руководству. Не можем не сочувственно отнестись и к личным трудам автора при составлении такой маленькой книжки, как «Родное слово», трудам, о которых он так искренно говорит («Руководство», стр. 69).

Но в то же время мы должны сказать, что «Руководство», рассматриваемое нами, в издании 21-м (двадцать первом, 1899 г.) страдает следующими недостатками: 1) неполнотой, 2) противоречием с «Родным словом» того же автора и 3) своим *резким* тоном.

1. Неполнота «Руководства» видна из того, что автор далеко не весь материал, данный им в «Родном слове», объясняет. На стр. 57 автор говорит: «Что сказал я об упражнении, стоящем в «Родном слове» под № 1-м («Родное слово», стр. 25—26), то относится и к следующим номерам до 18-го» («Руководство», стр. 57). А материал, напечатанный в «Родном слове» от 2-го номера до 18-го, обнимает тридцать страниц, и здесь неопытный учитель обязан блуждать без компаса, без указателя, а между тем здесь мы видим множество названий, касающихся реального мира (мебель и посуда — стр. 26, кушанья и напитки — стр. 28, платье, обувь и белье — стр. 29, орудия и сбруя — 31, здания, суда и экипажи — 33, домашние животные и дикие звери — стр. 35 и пр. и пр.). Сверх того, здесь напечатаны стихотворения, рассказцы, сказки, хороводные песни, загадки и пр. Что тут станет делать учитель? Так, например, в № 2-м на стр. 28-й напечатана загадка: «В небо *дыра*, в *землю дыра*, посредине огонь да вода». «Звездочка, поставленная при слове «загадка», показывает («Руководство», стр. 72, под чертой), что учителю за указанием («руководством») следует обратиться к той статье «Руководства», которая объясняет, как толковать загадки». Находим эту статью в «Руководстве» (стр. 62—63) и видим, что на загадки надо смотреть как «на картинное описание природы». Мы спрашиваем, что же картинного представляет вышеприведённая нами загадка: «В небо *дыра*, в землю *дыра*, посредине огонь да вода». Или нужно было поставить вопросы для изъяснения этой загадки, или надо было эту загадку исключить (и некоторые другие, подобные ей).

Неполнота «Руководства» видна и в других местах его. На стр. 60 говорится, что в учебнике (т. е. «Родном слове») сначала идут упражнения на имена существительные, потом на глаголы, далее — на составление простых нераспространённых предложений. Но где эти имена существительные, где эти гла-

голы, какие предложения простые разумеет автор,— он не сказал о том ни слова. Эта неполнота разъяснения тем более поражает, что в 1-й части «Родного слова» не было и помина о грамматической терминологии. Ищи учитель по всему «Родному слову», о чём говорит «Руководство», хотя бы номера автор выставил тех упражнений, которые здесь разумеются, — и того нет.

Разъяснением 21-го номера материала «Родного слова» оканчиваются заметки «Руководства» (стр. 58) об изучении разных номеров указанной книги. Но в ней за 21-м номером (стр. 61 «Родного слова») напечатаны ещё №№ 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, всего 34 страницы, и здесь помещено (63—96) много материала и прозаического и стихотворного. А что с ним делать — сказано в двух-трёх строках «Руководства» (стр. 53).

Неполнота «Руководства» видна и в объяснении картинок. Картинок в «Родном слове» помещено много, но разъяснена только одна на стр. 68 «Руководства», именно внутренность избы. Что же делать с остальными? Здесь замечательно рассуждение автора о *картинках* (стр. 30). «Издание сколько-нибудь порядочных картин для наглядного обучения обходится дорого... Вот почему я только могу посоветовать наставнику русского языка, принимающемуся за дело первоначального обучения, достать *где-нибудь десяток* сносных картин, которые по содержанию своему могли бы вызвать детей на беседу: это могут быть ландшафты, изображения животных и растений, какие-нибудь сцены из народной жизни и т. п., пусть учитель создаст себе план бесед по этим картинам и ведёт эти беседы, не торопясь, но и не надоедая* детям излишними подробностями» («Руководство», стр. 30—31). Если такая важная статья занятий, как преподавание по картинкам, предоставляется воле учителя, то зачем печатать в «Родном слове» такое множество картинок?

Наконец, неполнота «Руководства» проявляется в том, что оно ничего не говорит о преподавании церковно-славянской грамоты. На конце 1-й части «Родного слова» напечатано в разбираемом издании (от 97-й стр. до 112-й) шестнадцать страниц церковно-славянского текста, но объяснений по этому материалу не дано никаких в «Руководстве».

2. Противоречие «Руководства» «Родному слову» ярко видно в отсутствии рассказов библейских и евангельских. На стр. 51 «Руководства» сказано: «если ребёнок умеет рассказать 20 или 30 событий из ветхого и нового завета», то он разумно занимается... Но мы уже говорили, что в «Родном слове» (изд. 116-е), нами разбираемом, нет ни одного рассказа — ни библейского, ни евангельского... Если этих трогательных и назидательных рассказов не внесено в «Родное слово», то к чему автор

---

* Язык тяжелый в данном месте и во многих других местах «Руководства», наполненного, сверх того, обилием варваризмов.

«Руководства» считает их необходимыми для детского возраста (стр. 6—10 «Руководства»). Это противоречие «Руководства» «Родному слову» невольно останавливает на себе внимание...

3. *Резкий тон* некоторых страниц «Руководства» не должен быть оставлен без внимания при оценке этой книжки. Автор, защищая свои способы обучения, преимущественно звуковой метод, сильно нападает на прежний способ обучения грамоте (ещё и теперь у нас существующий). Он называет «склады... *несносными*...» «бессмысленными» (стр. 8). Что может быть *бессмысленнее* (курсив наш) такого чтения: ер, о-ро: те, ер-т-рот (стр. 48). На стр. 51-й «Руководства» читаем: *Бессмысленные* бра, вра, дра*, *бессмысленно* составленные слова «счёты, хоры, арфа, фура» (стр. 51).

Отзыв о старом воспитании такой даётся: оно заставляло «ученика учиться *только* (курсив наш) угрозой наказания... В прежних схоластических училищах сотни людей *гибли* под железной ферулой, но десятки выходили, хотя с *извращёнными*, однако сильными характерами» (стр. 56). Ещё: «*Зубрилки*» (старого времени)... заучивали священную историю так, что если вы им скажете первое слово, то они пойдут *молоть* (курсив наш), если остановились опять, то, значит, позабыли следующее слово: подскажите его и, опять *мельница замолола* (курсив наш)». Далее ещё резче (на той же странице) о старой школе и вообще о человеке старого закала: «Понятия и даже идеи лежат в голове его такими *мёртвыми вереницами*, как лежат, по преданию, *оцепенелые* от стужи ласточки... *Едва ли есть* такая *человеческая голова*, в которой было бы совершенно светло, так, чтобы все живущие в ней представления, понятия и идеи видели бы и знали друг друга» (стр. 59).

В предыдущих выписках досталось старой школе и методу старому, а здесь уж достаётся всем людям.

О пословицах наших такой отзыв дан в «Руководстве»: «Почти *каждая коренная* (курсив наш) русская пословица есть *насмешка* над грамматическим правилом» (стр. 61 «Руководства»).

О языке образованного нашего общества в «Руководстве» говорится: «Вводя в «Родное слово» поговорки, прибаутки и скороговорки, особенно я рассчитывал (слова автора) на детей, так называемого, образованного класса, который *испортил* (курсив наш) свой родной язык, лишил его цвета, красок, поэзии и жизни» (стр. 62 «Руководства»).

О чтении романов: «Читательницы... *глотают* их один за другим десятками» (стр. 55).

---

* Эти так называемые «бессмысленные бра, вра, дра» есть в «Азбуке» гр. Л. Н. Толстого, признанной Академией Наук замечательным явлением литературы (Сборник Отделения русского языка, т. X, стр. XXXV) и одобренной Учёным комитетом Министерства народного просвещения.

О нашей морали: «Мораль наша *пугливая*... Моральные сентенции приносят детям больше *вреда*, чем пользы» (стр. 64 «Руководства»). Это сказано по поводу народных сказок.

Кроме резкого тона, следует ещё обратить внимание на некоторые идеи, отличающиеся или своей темнотой, или неправильностью. На стр. 66-й «Руководства» говорится о *духе* нашем и *душе* и такая выражена мысль: «Педагог не должен забывать, что *дух* наш питается идеями, а *душа* и все её способности — деятельностью» (стр. 66). Что тут поймёт сельский учитель, не слушавший психологии?..

На стр. 67-й «Руководства» делается укор нашим литераторам: «Ни один из наших замечательных поэтов не потрудился для педагогических целей», стр. 67. Автор «Руководства» не мог не знать прекрасной книжки кн. В. Ф. Одоевского «Сказки дедушки Иринея», написанной для детей и постоянно поныне перепечатываемой, ввиду её высокого педагогического достоинства. Есть прекрасные стихотворения для детей у А. Н. Майкова, Я. П. Полонского. Некоторые же замечательные наши таланты (А. Н. Плещеев, А. Коринфский) издавали стихотворения для детей, замеченные критикой.

Отметим ещё небрежность настоящего издания «Руководства».

На стр. 70-й сказано, что «страницы указаны по 62-му изданию «Родного слова», на стр. 58-й говорится, что страницы означены по 11-му изданию 1871 года, а в комитет в настоящее время представлено «Родное слово» в издании 116-м 1899 г. Для ясности дела просителю следовало бы представить в комитет 11-е издание и 62-е издание «Родного слова».

Мы признаем первую часть «Родного слова» и «Руководство» к нему *непригодными для начальных училищ* на основании вышеизложенного в докладе нашем.

К. К. Сент-Илер.

(Возражение на доклад А. Филонова о «Родном слове» Ушинского — 3. XII. 1899 г.).

Во-1-х, при разборе «Родного слова» А. Г. Филонов не воспользовался прежними протоколами Особого отдела Учёного комитета..... Все члены Особого отдела тогда согласны были в том, что статьи для чтения 1-й части «Родного слова» мало содержательны и что этих статей недостаточно, так что на первый год обучения материала для чтения нехватает. Кроме того, было признано, что в некоторых новейших книгах для чтения, например, в Азбуке Л. Н. Толстого, выбор статей лучше...... незачем было делать столько выписок из всем известной книжки Ушинского.

Во-2-х, при разборе «Родного слова» нельзя применять ту же мерку, как для нынешних азбук и книг для чтения. Ведь эта книга, изданная 40 лет тому назад и что особенно важно, бесспорно, первое педагогически составленное руководство к обучению русской грамоте. Понятно, что с тех пор многие авторы, воспользовавшись трудами Ушинского, составили более удобные и более применённые к данным условиям азбуки и книги для чтения, но следует ли из-за этого *запрещать* книгу, по которой выучились читать миллионы русских детей. Это было бы похоже на то, если профессор истории, основываясь на новых исследованиях, подверг бы критике «Историю государства Российского» Карамзина и запретил бы студентам ею пользоваться. Мне кажется, что Учёному комитету Министерства народного просвещения следует быть, по возможности, консервативным и в угоду новейшим составителям азбук не бросать камнями в стариков, которые были первыми пионерами этого дела. Ведь дело идёт не о том, чтобы *рекомендовать* «Родное слово» для народных училищ, а лишь *допустить* его наравне со многими, иногда очень плохими, подражаниями этому руководству. Следует иметь в виду, что министерский каталог одобренных книг обязателен не только для сельских народных училищ, а также и для частных школ низшего разряда, находящихся в городах и где часто учатся совсем маленькие дети. Для подобных школ 1-й год «Родного слова» гораздо более пригоден и запрещать им пользоваться этой книгой совсем несправедливо.

В-3-х, разбор «Руководства» Ушинского сделан, по моему мнению, А. Г. Филоновым недостаточно обстоятельно, и поэтому и произошло недоразумение относительно слишком реального направления 1-й части «Родного слова». Если бы автор отчёта более внимательно отнесся к содержанию «Руководства» и прочитал бы статью Ушинского «О нравственном элементе в русском воспитании» (Педагогические сочинения Ушинского, изд. 1875 г., стр. 217), то он убедился бы в том, что Ушинский очень высоко ставит религиозно-нравственный элемент при начальном обучении, но, по его мнению, *вначале* он должен выразиться в *устных* беседах и *рассказах*, а не в статьях азбуки и книги для чтения. Поэтому незачем было и искать в «Родном слове» того, чего, по мнению автора, там и не должно быть. Ушинский думает, что при обучении чтению необходимо приучать детей, по возможности, вникать в значение прочитанных слов: слова же, как известно, обозначают понятия, понятия образуются из представлений, которые нужно сравнивать между собой, находить общие и отличительные признаки их, отличать, на сколько возможно, родовые и видовые понятия и т. д.

Понятно, что для этой логической работы вначале годятся только слова, обозначающие предметы видимые, а отвлеченные понятия здесь неуместны, так как сравнивать их по признакам детям слишком трудно. Вот почему в 1-й части «Родного слова» так много слов вроде козёл, лошадь, корова, осина, яблоня,

грибы, тараканы, жуки, камни, металлы и прочие, которые так тщательно выписаны в разборе докладчика. Это служит и причиной малосодержательности многих статей «Родного слова». Ушинский говорит в начале обучения о серьёзных предметах — только устно, а читать нужно то, что никакого затруднения для детей не составляет. Может быть, он проводит свою мысль слишком педантично и мог бы найти материал для чтения нетрудный, но все же немного более содержательный, но от этого упрёка до полного отрицания достоинства книжки — очень далеко. А. Г. Филонов подробно выписывает все пустые и шуточные статейки из 1-й части «Родного слова», но не упоминает о том, что в этой книге чуть не на каждой странице можно найти слова, фразы, статейки и картинки, при объяснении которых учителю приходится затрагивать вопросы, заключающие в себе какое-нибудь полезное поучение, а также и возбуждающие религиозное чувство детей. В доказательство этого позволю себе также сделать несколько выписок: стр. 14 (изд. 90-е). У бога милости много. Люди живут в мире, да не в мире. Стр. 15: господь Иисус Христос часто говорил своим ученикам: мир вам. Стр. 24: картинка — Спаситель благословляет детей. Грамоте учиться вперёд пригодится. Стр. 26: Дети поссорились; отчего им стало скучно. Стр. 30: без лапотника не было бы и бархатника. Стр. 32: соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят. Тут же картинка: село с церковью. Тяп да ляп, не выйдет корабль. Стр. 46: плохи года, как во ржи лебеда, а нет хуже беды, как ни ржи, ни лебеды. Стр. 48: не печь кормит, а нивка. На той же странице статья: Ячмень и пшеница. Стр. 58: Ржа железо ест, а печаль сердце. Стихотворение: Всё моё, сказало злато. Всё моё, сказал булат. Всё куплю, сказало злато. Всё возьму, сказал булат. Стр. 54: Не мучь мухи, и ей больно. Тут же: Всякое дыхание да славит господа. Блажен человек, иже и скоты милует. 56 стр.: Лето собироха, а зима подбироха. Шесть дней работай, а седьмой — господу твоему. Тут же стихотворение «Утро». Румяной зарёй покрылся восток и т. д. На 58-й — поговорки о месяцах, дающие повод к описанию сельских работ, и два хороших стихотворения: «В мае» и «В октябре». Стр. 59: Денежка рубль бережёт. Чужая денежка карман прожжёт. 60 стр.: Время денег дороже. Болезнь входит пудами, а выходит золотниками. Стр. 61: Стихотворение Пушкина: «Русская зима». 63 стр.: Руки работают, а голова кормит. Стр. 64: Стихотворение «Птичка под моим окошком» и т. д. 65 стр.: С молитвой на устах, с работой в руках — никогда не сгинешь. Стр. 68: Держи язык на верёвочке. Стр. 69: Поучительное стихотворение «Урок». Стр. 70: Чти отца твоего и матерь твою, повелел господь. При солнышке тепло, при матери добро. Как бог для людей, так отец для детей. Стр. 71: Отче наш, иже еси на небесех. Стр. 74: Почитай старых, сам будешь стар. Та же стр. Стихотворение: «Золото, золото падает с неба» и т. д. Тут же: Старое старится, молодое растёт. Стр. 77: Матушка-Москва белокаменная, златоглавая,

хлебосольная. Стр. 79: У слепого глаза на пальцах. Платье на год, тело на время, душа на век. Стр. 80: Добро не умрёт, а зло пропадёт. Доброе дело два века живёт. Не будет и скуки, как заняты руки. Тут же: Что хорошо, и что дурно. Перечисление добродетелей и пороков. Стр. 84: Что мы видим в церкви? 85 стр.: Велико имя господне. Церковь дом божий. В церкви и для сироты дом. Стр. 86: Перечисление церковных праздников. Стр. 87: Воскресный день не наш, а господень. Тут же стихотворение: «Колокол к вечерне христиан зовёт» и т. д. Стр. 78: Статья «Четыре желания», где доказывается, что в природе богом всё хорошо устроено. Стр. 105: Картинка: Рождество христово. Стр. 109: Воскресение господа нашего Иисуса Христа. Стр. 111: Вознесение. Кроме того, в первых изданиях «Родного слова», год 1-й, были ещё две картинки на события из библейской истории, но, к сожалению, в последних изданиях их уничтожили.

Следовательно, никак нельзя утверждать, что, занимаясь по 1-й части «Родного слова», ученики узнают только одни пустячки да шуточки.

Основываясь на вышесказанном, я полагаю, что 1-я часть «Родного слова», «Руководство для учителей» К. Д. Ушинского могут быть без всякого вреда для школ помещены в каталог: «Родное слово» в число книг, *допущенных* для классного употребления в низших училищах, а «Руководство» — в число *одобренных* для учительских библиотек.

Семека, инспектор народных училищ Петербургской губ.

(17. XII. 1899 г.)

Мнение о книге Ушинского «Родное слово».

Первый отдел «Родного слова» состоит из упражнений для рисования по клеткам (на 4-х страницах), письменной азбуки с изображениями элементов букв и из печатной азбуки. Автор предлагает начинать обучение грамоте с письменных упражнений (постановка точек, проведение линий), от которых уже следует переходить к устным. Сперва изучаются все гласные звуки и даже полугласный (й), а затем вводятся согласные в следующем порядке: с, л, в, ш, н, г, т, м, п, д, ц, з, р, к, х, б, ж, ч, щ, ф. После изучения восьми гласных ученики упражняются в чтении и письме слогов из них (ая, ея и т. д.), но далее, при изучении согласных, читаются слова и коротенькие фразы (без упражнений на слогах). Отсюда видно, что порядок изучения звуков и вообще метод обучения грамоте по «Родному слову» далеко не образцовый. В течение нескольких уроков, во всё время изучения гласных, от учеников скрывается тайна чтения,

а в конце первоначальных упражнений их заставляют читать и писать те самые слоги, против которых столь справедливо восстаёт сам же автор (стр. 48 «Руководства»). В расположении звуков нет системы. На первых шагах ученику приходится иметь дело с мягкими гласными и, е, с двугласными я, ю и с полугласной й, что, само собой, не соответствует интересам звукового обучения, а далее, при прохождении согласных, изучаются то длительные, то мгновенные — без всякой последовательности и подготовки.

Выбор отдельных слов и фраз для чтения тоже не всегда удачен. С первых уроков ученику приходится читать такие слова, буквенный состав которых не соответствует звуковому, как, например, оса, волы и т. п. (стр. 6, 7 и т. д.). Хотя для обозначения несоответствия звуков буквам последние отмечены звёздочками, но такое осложнение нельзя признать удобным для первых уроков грамоты. Есть фразы, смысл которых тёмен для маленьких детей, например: «от радости хмелем кудри вьются, от горя секутся» (стр. 12, 22). «кафтаны зелёны, а щи не солёны» (стр. 14). В конце азбуки имена городов представляют механический подбор, имеющий значение только для письма, а не для чтения. В своё время «Азбука» Ушинского принесла много пользы и для семьи и для школы. Она, чуть ли не первая, указала на выгоды, проистекающие от соединения обучения чтению с письмом, дала образцы звуковых упражнений и вообще раскрыла преимущества звукового обучения пред буквослагательным. Я помню время, когда во всех почти известных мне начальных школах обучение велось по «Родному слову». Теперь обстоятельства изменились. Несмотря на то, что каждая учительская семинария и школа знакомит учеников с книгами Ушинского, ни в одной известной мне школе обучение грамоте не ведётся согласно его указаниям. Составлены и изданы новые буквари, обучать по которым легче и производительнее, чем по букварю Ушинского. Но отчего же, несмотря на перечисленные несомненные недостатки, несмотря на то, что азбука Ушинского издана много лет тому назад, «Родное слово» разошлось в миллионах экземпляров и ныне выпускается сто шестнадцатым изданием? Успех издания, мне кажется, следует объяснить достоинствами второго отдела азбуки, её первой книгой для чтения.

В первой после азбуки книге Ушинского, кроме русских сказок, песен и небольших стихотворений, предназначенных для чтения и заучивания, находятся особые упражнения, цель которых подробно разъяснена в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову». Поэтому, говоря об упражнениях, находящихся в книге для учеников, нам придётся изложить и большую часть указаний, помещённых в «Руководстве», в книге для учителей. Значительное место в ряду упражнений занимает «*название предметов по родам и видам*». Так как весь материал для чтения в азбуке занимает не менее шести страниц (с 19 по 24 стр.), то при переходе к книге нельзя ещё предложить ученику прямо

разбирать рассказы, имеющие какой-нибудь смысл, какое-нибудь содержание. Уловить содержание было бы трудно для начинающего. Поэтому следует остановиться на чтении отдельных слов. Вместо чтения бессодержательных слов, помещаемых в азбуках, вроде: счёты, хоры, арфа, фура и т. п.,— автор предлагает такие упражнения, которые соответствовали бы силам учащихся и вместе с тем заставили бы их вдумываться в содержание читаемого. На страницах 52—57 автор не только выясняет значение и цель предлагаемых им упражнений, но и даёт подробный план занятий. Упражнения начинаются с предметов, или находящихся под руками учеников (учебные вещи), или крайне близких ребёнку (игрушки). Чтению предшествует классная беседа учителя о тех и других, приводящая учеников к ответам на вопросы: для чего предмет назначен, из чего сделан и т. п. Затем, когда дети перечислят предметы, приступают к чтению названий их по книге. В конце упражнения названия предметов отпечатаны курсивом, вперемежку. Учитель требует, чтобы при каждом слове ученик определял, к какому роду относится предмет. Подобные занятия, кроме упражнений в правильном, ясном чтении, не требующем быстрого перехода от одного слова к другому, приучают ребёнка к внимательности с первых уроков чтения. Эти же группы отдельных слов предназначаются и для письменных упражнений.

В 1-й части «Родного слова» помещено 36 подобных упражнений, из них первые 17 проводятся так же, как вышеприведенное. Начиная с 18-го до 32-го включительно, названия однородных предметов не разделены, а наоборот, смешаны с той целью, чтобы дети после беседы с учителем сами могли подразделять их по видам. Предметы для упражнений выбираются сначала из мира, близкого ребенку (мебель, кушанья, платья, здания и т. д.), но далее значение их поднимается настолько, что в № 30 предлагается разбирать, что хорошо и что дурно (трудолюбие, леность, милосердие, упрямство, честность, благодарность). В № 31 дети должны перечислять то, что видели в церкви (алтарь, иконостас, царские двери), а в № 32 вспомнить главнейшие праздники (рождество христово, светлое воскресенье...). Последние четыре упражнения имеют своеобразный характер. В них по данному образцу ученики должны привести также ответы, которые выразятся названием не предмета (именем существительным), а действия (глаголом, как, например: что делает учитель, купец, охотник...). В этих упражнениях, а равно и в таких, в которых требуется закончить фразы (платье шьют, а чулки .... и т. п.), внимание ученика обращается уже на целое маленькое предложение, и кроме того, понятия, усвоенные детьми прежде, приводятся в новые комбинации.

В первой части «Родного слова» находится много русских пословиц, поговорок, прибауток и загадок. Автор так объясняет значение пословиц. При первоначальном обучении русскому языку пословицы имеют значение, во-первых, по форме, а

во-вторых, по содержанию. «По форме — это животрепещущее проявление родного слова, вылетевшее прямо из живого, глубокого источника — вечно юной, вечно развивающейся души народа». По содержанию пословицы важны для непосредственного ознакомления ребёнка с народной жизнью. Автор советует распоряжаться пословицами как с маленькой умственной задачей, вполне соответствующей силам детей. Поговорки и прибаутки помещены в книге с тем, чтобы «выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка. Загадки должны доставить уму ребёнка полезное упражнение. Интересная загадка прочно заляжет в памяти, закрепив и все объяснения, привязанные к предмету, картинно описанному в загадке».

В «Родном слове» помещено немало рассказов и сказок. Сказки все народные, некоторые из них сокращены, другие изменены по форме изложения. Автор придаёт большое значение народным сказкам как материалу для первоначального чтения. «В народной сказке великое и исполненное поэзии дитя — народ, говорит Ушинский, рассказывает детям свои детские грёзы и, по крайней мере, наполовину сам верит в эти грёзы» (стр. 64 «Руководства»). Народная сказка представляет превосходное упражнение в первоначальном чтении, потому что в ней беспрестанно повторяются одни и те же слова и выражения. Ребёнок прочитывает сказку без особого труда, хотя ещё читает плохо, и через то приучается к плавному чтению и упражняется в отчётливом произношении. В книге встречаются ещё маленькие рассказы, некоторые из них — создание народа, другие — довольно искусное подражание. Назначение этих произведений то, чтобы дитя, прочитав рассказец в 2-3 строки, могло сразу уловить его содержание передать изустно или письменно. В «Руководстве» на стр. 65 и 66 указаны приёмы обращения со сказками. Учитель или сам может прочесть сказку, или заставить читать учеников. Но какие бы приёмы ни избирались для усвоения сказки, автор требует, чтобы содержание её передавалось и восстановлялось целым классом. Восстановленная таким образом сказка ляжет в памяти детей со всеми подробностями.

В разбираемой книге Ушинского немало стихотворений (более 20-ти). Большая часть их — переделка народных песен или отрывки из произведений Пушкина, Майкова, Беранже, некоторые переделаны с немецкого. Стихи предназначаются для чтения и изучения в классе. Как обращаться с ними, указано на стр. 68 «Руководства».

В первой после азбуки книге 30 картинок: из них только одна — благословение детей Иисусом Христом — религиозного содержания, все прочие или относятся к тексту рассказов и упражнений или же служат изображением животных, растений и т. п. Религиозной картиной начинается книга для чтения, так же как и азбука заканчивается изображением Спасителя. Казалось бы, что отсутствие картин религиозного содержания является противо-

речием автора с самим собой, так как на стр. 10 и 15 «Руководства» он требует, чтобы в число предметов первоначального обучения входило усвоение рассказов из ветхого и нового завета. Но противоречие это только кажущееся. Оно вполне разъясняется при ближайшем ознакомлении с содержанием «Руководства». На стр. 81-й последнего читаем: «В первом отделе помещены две картины (религиозного содержания) для изустного рассказа..., но это потому, что я предполагаю, что в это время будет идти чтение и второго отдела — «Времён года», где помещены картинки из евангельской истории». Не могу удержаться, чтобы дословно не привести ещё и следующего извлечения из «Руководства», тем более, что оно должно служить дополнением к только что сказанному: «Во второй части, говорит автор (стр. 85), я изложил целый детский год, в котором праздники занимают, конечно, самое видное место. Пусть каждый припомнит своё детство, и он увидит, что праздник... действительно событие в годовой детской жизни... Церковь со своими торжественными обрядами, природа со своими годовыми переменами и семья со своими праздничными обычаями — вот три элемента, озаряющие в моей памяти каждый праздник моего детства». И далее (стр. 86): «я присоединил картинки тех евангельских событий, которые вспоминаются в тот или другой праздник, назначая эти картинки... для изустных рассказов. Первое знакомство с евангельскими событиями всего удобнее совместить с объяснением предстоящих праздников: здесь и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребёнка — всё соединяется, чтобы оживить то или другое событие».

Все вышеупомянутые упражнения — сортировка предметов, разбор загадок, пословиц и т. п.— входят ныне в каждую азбуку. Эти упражнения повторяются в новых букварях на разные лады, развиваются, а иногда и видоизменяются. Но я не знаю ни одной азбуки, ни одного букваря, рассказы и сказки которого настолько нравились бы детям, настолько бы их занимали и оживляли, как сказки, помещённые в «Родном слове». Причину этого я вижу в той теплоте и сердечности, которой проникнуто содержание книги, в той родственности, которую ощущает русский ребёнок при чтении народных произведений. Поистине, эта книга — родное слово.

Содержание «Руководства» настолько полно, что самому автору приходится оправдывать объём своих разъяснений. «Чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, говорит он на стр. 69 «Руководства», тем более потребуется педагогических знаний. Я вижу в педагогике не науку, а искусство, но убеждён, что в теории этого искусства есть очень *много* такого, что совершенно необходимо узнать людям, берущимся за практику воспитания и учения» (стр. 70). Поэтому в «Руководстве», кроме подробных разъяснений содержания азбуки, книг для чтения и каждого вида упражнений, находятся ещё следующие статьи: о времени начала учения, о пред-

метах и организации начального обучения, о классной дисциплине, о первых уроках в школе, о значении обучения родному языку, о наглядном обучении, о классных рассказах, о первоначальном обучении счёту и о начальном рисовании. Психологические заметки, дидактические указания, советы и образцы Ушинского, помещённые в поименованных статьях, настолько содержательны и ценны, что ознакомиться с ними крайне полезно каждому учителю народной школы.

Член Учёного совета Федоров (7. I. 1900 г.).

Мнение о «Книге для учащих» по «Родному слову» Ушинского.

«Руководство» к преподаванию по «Родному слову» по содержанию своему распадается на две части: одни статьи его заключают в себе общие правила первоначального обучения в семье и школе; другие — подробную методику преподавания отечественного языка по «Родному слову».

«Родное слово», год первый, содержит в себе азбуку и первую после азбуки книгу для чтения.

Не считая себя компетентным в решении вопросов методики первоначального обучения отечественному языку, я остановлюсь только на статьях руководства к преподаванию по «Родному слову», заключающих в себе общие правила первоначального обучения в семье и школе, и на предлагаемом «Родным словом» материале для чтения и упражнения со стороны его содержания.

Статьи о первоначальном обучении помещены в начале и в конце книги «Руководства к преподаванию по «Родному слову». Все они содержат много полезных советов для педагогов, особенно в начале их педагогической деятельности. Так, статья «О времени начала учения» (5—9 стр.) указывает, с какого приблизительно возраста следует начинать обучение детей. Статьи о предметах первоначального учения и организации его (9—19 стр.) говорят о том, что первоначальное обучение должно открываться несколькими предметами (указывается, какими именно — стр. 10), о распределении времени занятий, продолжительности их, распределении занятий между детьми одного класса, различными по возрасту и развитию, и т. п. Такого же дидактического характера статьи о классной дисциплине (стр. 19—22), о наглядном обучении (стр. 25), о классных рассказах вообще и библейских в особенности (90—95 стр.) и другие. Ушинский отводит почётное место на первой странице обучению библейским рассказам (стр. 6, 9, 10, 15, 24, 91—92).

В «Родном слове» помещено много статей для чтения религиозно-нравственного и поучительного содержания (изречений, рассказов, поговорок). Таковы, например, рассказы: Два петушка (против хвастовства, стр. 42), Умей обождать (59), Петух и кот (против любопытства, стр. 65), Мена (против корыстолю-

бия, стр. 71), Трусливый Ваня (против суеверия, стр. 91). См. также стр. 26—40 и другие. Поговорки: грамоте учиться вперёд пригодится (24 стр.). Слову вера, хлебу мера, деньгам счёт (60 стр.). Руки работают, а голова кормит. Не затем руки даны, чтобы даром болтались (63 стр.). С молитвой на устах, с работой в руках нигде не сгинешь (65 стр.). При солнышке тепло, при матери добро (70 стр.). Добро не умрёт, а зло пропадёт. Доброе дело два века живёт. Не будет скуки, как заняты руки (80 стр.). Сей добро, посыпай добро, жни добро, оделяй добром (92 стр.) — и многие другие. Статьи и изречения религиозного содержания: Что мы видим в церкви (84 стр.). Праздники (86 стр.). Изречения: Велико имя господне. Церковь дом божий. В церкви и для сироты дом (85 стр.). Воскресный день не наш, а господень. Чти отца и матерь твою, повелел господь (70 стр.). Всякое дыхание да хвалит господа (54 стр.). Шесть дней делай, а седьмой господу богу твоему (56 стр.)— и другие. К достоинствам материала для чтения и упражнений в «Родном слове» следует отнести и то, что все статьи чисто русские по содержанию и языку (сказки, поговорки, загадки и др.).

В заключение считаю долгом обратить внимание на справедливую, по моему мнению, просьбу автора, сознающего недостатки своего труда, критиковать её не абсолютно, а сравнительно с другими книжками нашей педагогической литературы, назначенными для той же цели (стр. 51 «Руководства»).

Следует, однако, заметить, что рассматриваемое 21-е издание «Руководства» к преподаванию по «Родному слову» 1899 г. не вполне согласовано с 116-м изданием «Родного слова». Так, например, ссылки на страницы «Родного слова» этого издания указывают не надлежащие страницы его.

А. И. Кочетов (14. I. 1900 г.).

Заключительное высказывание по поводу докладов о книге «Родное слово».

Сын покойного Ушинского, коллежский советник Ушинский вошёл в Министерство народного просвещения с ходатайством об одобрении к употреблению в начальных народных училищах 116-го издания, составленного его отцом учебника «Родное слово», год первый, который в 1885 году, в 66-м издании, был исключён из каталога книг для низших училищ по бессодержательности. Можно было ожидать, что, распродав в 1885 г. пятьдесят изданий книги «Родное слово», год первый, наследники Ушинского обратятся с новым ходатайством о её рассмотрении по тщательном устранении из неё тех недостатков, которые послужили поводом к её неодобрению. К этому обязывало их и то обстоятельство, что всеподданнейшее прошение вдовы Ушинского об одобрении книги её мужа в том виде, как она была тогда

напечатана, было отклонено. Между тем и ныне представленное издание перепечатано дословно с издания 66-го (изменены лишь некоторые рисунки). Правда, в конце книги, вместо прежде помещавшихся на 4-х последних страницах молитв, ныне напечатан на 12-ти страницах материал для церковно-славянского чтения, но это не может иметь значения при обсуждении вопроса о допущении книги, так как отсутствие церковно-славянского текста не было поводом к её неодобрению. Всё же остальное и в позднейших изданиях остаётся без всякой перемены, а потому не представляется ни малейшего основания к изменению в чём-либо состоявшегося об этой книге решения: она в настоящем виде должна быть и ныне признана непригодной для употребления в начальных народных училищах.

О непригодности «Родного слова» для этой цели высказывался и сам автор, как это видно из его биографии, помещённой в книге «Русские педагогические деятели» (М., 1887 г., изд. Тихомировой). На стр. 56—57 биографии К. Д. Ушинского В. Острогорский сообщает, что Ушинский, узнав в 1870 году, о распространении названной книги в народных училищах, писал в одном письме: «Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту, но кажется ей и суждено остаться мечтой. Прежде мне необходимо кончить «Антропологию» и потом только *я сколько-нибудь* применю «Родное слово» к потребностям *сельской школы*. И всего досаднее, что в голове это давно готово, так что три-четыре месяца прежнего здоровья и я бы, кажется, всё окончил». Но исполнить это Ушинский, к сожалению, не успел, так как в том же году скончался, оставив, таким образом, «Родное слово», по его собственному убеждению, «нисколько не применённым к потребностям сельской школы».

Такое же мнение об этой книге высказывает и почтенный деятель по народному образованию С. А. Рачинский в своих «Заметках о сельских школах» (Сельская школа, изд. 3-е, СПб., 1898 г.). Он находит (стр. 64), что «заключающиеся в ней упражнения чересчур ребячливы для наших сельских учеников», а в качестве книги для чтения «она в сельской школе *крайне неудобна* — по своему содержанию».

Всё это подтверждает правильность решения Министерства о непригодности «Родного слова» для народных училищ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Н. А. Сундуков*

Переплет, титул и заставки
худ. *Я. Д. Егорова*

Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*

Технический редактор *В. П. Гарнек*

Текст сочинений К. Д. Ушинского сверен *К. С. Мокринской.*

А07405. Подписано к печати 21/VI 1949 г. Уч.-изд. л. 20,48. Печ. л. 28.
Тираж 25 000 экз. Формат 82×108/32. Цена 15 р. Заказ. № 257.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.